ФРЭНСИС ДРЕЙК

Виктор Губарев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга отечественного историка, писателя-мариниста знакомит читателя с биографией самого знаменитого английского корсара и флотоводца, первого английского кругосветного мореплавателя. Современник и любимчик королевы Елизаветы I Тюдор, ее «железный пират» и деловой партнер, возведенный за свои ратные подвиги в рыцари, Дрейк смог подняться с нижних ступеней иерархии британского общества до ранга адмирала, сыграл выдающуюся роль в спасении отечества от нашествия испанской Непобедимой армады в 1588 году, стал национальным героем Англии. Биография написана на основе большого количества зарубежных источников, что дает возможность не только представить яркий, противоречивый образ главного героя повествования, но и окунуться в повседневную жизнь елизаветинских моряков, бросивших вызов крупнейшей империи того времени — всемирной империи испанских Габсбургов, в которой «никогда не заходило солнце».

Знак информационной продукции 16+

- Виктор Кимович Губарев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - НАЧАЛО МОРСКОЙ КАРЬЕРЫ
  - УЧАСТИЕ В ЭКСПЕДИЦИИ ХОКИНСА
  - ОХОТА ЗА РАБАМИ
  - ВИЗИТ В КАРИБСКОЕ МОРЕ
  - СРАЖЕНИЕ В ГАВАНИ САН-ХУАН-ДЕ-УЛУА
  - СЕКРЕТНЫЙ ПЛАН ДРЕЙКА
  - НАПАДЕНИЕ НА НОМБРЕ-ДЕ-ДЬОС
  - КОРСАРСКИЕ ОПЕРАЦИИ У БЕРЕГОВ НОВОЙ ГРАНАДЫ
  - ВТОРОЙ ПОХОД В НОВУЮ ГРАНАДУ
  - ЧЕРЕЗ ПАНАМСКИЙ ПЕРЕШЕЕК И ОБРАТНО
  - ВСТРЕЧА С ФРАНЦУЗАМИ
  - ЗАХВАТ КАРАВАНА С СОКРОВИЩАМИ
  - НОВЫЙ ПЛАН ДРЕЙКА
  - У БЕРЕГОВ МАРОККО И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ
  - ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ И ПЛАВАНИЕ В ВОДАХ ПАТАГОНИИ
  - ОСУЖДЕНИЕ ТОМАСА ДАУТИ
  - КАЗНЬ ДАУТИ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

- ВЫХОД В ТИХИЙ ОКЕАН
- СТОЛКНОВЕНИЕ С ТУЗЕМЦАМИ И НАБЕГ НА ВАЛЬПАРАИСО
- ГРАБЕЖИ У БЕРЕГОВ ЧИЛИ И ПЕРУ
- ЗАХВАТ ГАЛЕОНА С СОКРОВИЩАМИ
- ОПЕРАЦИИ В ВОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ
- ОТКРЫТИЕ НОВОГО АЛЬБИОНА
- ПОСЕЩЕНИЕ «ОСТРОВА ВОРОВ» И ТЕРНАТЕ
- КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
- ВИЗИТ НА ЯВУ
- ТРИУМФ НА РОДИНЕ
- НАБЕГ НА БАЙОНУ И ВИГО
- ЗАХОД НА КАНАРЫ
- УДАР ПО САНТЬЯГУ
- ЗАХВАТ И ГРАБЕЖ САНТО-ДОМИНГО
- ШТУРМ КАРТАХЕНЫ
- ПУТЬ ДОМОЙ. ВЗЯТИЕ САН-АУГУСТИНА
- ВИЗИТ НА ОСТРОВ РОАНОК. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
- НАБЕГ НА КАДИС
- ОПЕРАЦИИ У БЕРЕГОВ ПОРТУГАЛИИ
- СНАРЯЖЕНИЕ НЕПОБЕДИМОЙ АРМАДЫ
- СРАЖЕНИЕ У ПЛИМУТА. ЗАХВАТ ГАЛЕОНА «РОСАРИО»
- БОИ У ПОРТЛЕНДА И ОСТРОВА УАЙТ
- АТАКА БРАНДЕРОВ НА РЕЙДЕ КАЛЕ
- СРАЖЕНИЕ У ГРАВЕЛИНА
- «ДУНУЛ ГОСПОДЬ, И ОНИ РАССЕЯЛИСЬ»
- НАБЕГ НА ГАВАНИ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА
- ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ ДРЕЙКА
- ФИАСКО НА КАНАРАХ И ПОД СТЕНАМИ САН-ХУАНА
- СМЕРТЬ ДРЕЙКА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРЭНСИСА ДРЕЙКА
- СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ, МОРСКИХ И ИНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ
- ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2

Виктор Кимович Губарев
Фрэнсис Дрейк

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтобы познакомиться с бытом этих моряков, надо читать их биографии; стоит только указать, например, на биографию Дрейка, одного из знаменитейших тогдашних моряков: в обыкновенное время он заслужил бы имя смелого, но жестокого, кровожадного и бесчестного пирата…

Т. Н. Грановский. Лекции по истории позднего средневековья

Российский читатель наверняка знает, что самым знаменитым английским корсаром, первым английским кругосветным мореплавателем и героем сражений против испанской Непобедимой армады был Фрэнсис Дрейк (около 1540–1596). Однако в России до сих пор не было издано подробной биографии «железного пирата» королевы Елизаветы, именем которого назван самый широкий пролив на Земле, отделяющий Южную Америку от Антарктиды. В то время как в странах Западной Европы и Америки о Дрейке за четыре с лишним столетия написана не одна сотня книг, российские любители историко-приключенческой литературы, порывшись в библиотеках, найдут о нем лишь две небольшие книжки: брошюру В. Мюллера «Пират королевы Елизаветы», изданную в Ленинграде в далеком 1925 году (переиздана в 1993-м), и научно-популярную работу К. В. Малаховского «Кругосветный бег „Золотой лани“», увидевшую свет в московском издательстве «Наука» в 1980 году. Все остальное — это преимущественно отдельные главы в книгах по истории Великих географических открытий и морского разбоя, а также очерки в газетах, журналах и на сайтах в Интернете.

Прежде чем взяться за написание данной биографии, автор несколько лет посвятил изучению документальных свидетельств, научных трудов и публицистических работ о Дрейке, написанных в разное время на английском, испанском, французском и других европейских языках. В итоге был собран обширный материал, позволивший проследить витиеватый, наполненный приключениями и ратными подвигами жизненный путь

прославленного елизаветинского «рыцаря удачи» на протяжении почти всей второй половины XVI века.

По мнению Э. Райана, в Англии серьезное изучение жизни и деятельности сэра Фрэнсиса Дрейка «началось в конце XIX века, когда историки попытались поднять культурный уровень офицеров Королевского флота». В ту пору они предприняли попытку «раскрыть наиболее просвещенной читающей публике основные принципы морской стратегии… Фактически это была попытка написать некую нравоучительную историю с обязательной моралью».

Типичным историком-панегиристом Викторианской эпохи был Дж. Бэрроу, написавший сочинение под названием «Жизнь, экспедиции и подвиги сэра Фрэнсиса Дрейка». Он начал его словами:

«Среди многочисленных примечательных действующих лиц, порожденных царствованием королевы Елизаветы, имя сэра Фрэнсиса Дрейка всегда будет занимать почетное место. Выходец из простой семьи, появившийся в этом мире на заре своей юности в роли обычного моряка, он смог — благодаря трудолюбию, настойчивости, упорству в преодолении трудностей и решительной отваге — постепенно подняться до высочайшего ранга в королевском флоте и удостоиться чести быть посвященным в рыцари самой государыней — чести, которой в ту блистательную эпоху удостаивали лишь за особые заслуги».

Как любой другой национальный герой, Дрейк привлекал к себе повышенное внимание публики не только при жизни, но и после смерти. Для многих англичан он остается кумиром и сегодня. О нем продолжают писать книги, брошюры, научные статьи, а также пьесы, поэмы, стихи и баллады; его образ запечатлевают на картинах, гравюрах, открытках, почтовых марках и монетах; режиссеры время от времени снимают о нем историко-публицистические и художественные фильмы. В Плимуте, откуда сей «пенитель морей» [1] уходил в свои заморские экспедиции и куда возвращался после долгих скитаний, в его честь в феврале 1884 года был установлен памятник работы Джозефа Боэма, а в 1943 году, в разгар Второй мировой войны, открыт Мемориальный парк Дрейка. В 1853 году в немецком городе Оффенбурге установили памятник в честь Дрейка, доставившего в Европу в 1586 году новый продукт питания — картофель (в действительности первыми картофель привезли из Америки испанцы).

В Испании, как и во многих странах Латинской Америки, отношение к Фрэнсису Дрейку — Франсиско Драке — несколько иное. Признавая, что он был великим мореплавателем и

адмиралом, испанские и латиноамериканские авторы при этом добавляют, что он был и «великим пиратом», безжалостно грабившим торговые суда и прибрежные города.

Автор предлагаемого сочинения, не будучи ни англичанином, ни испанцем, постарался уйти от долго навязывавшихся читателю мифологических образов Дрейка (как положительных, так и отрицательных) и изобразить его таким, каким являют его нам исторические источники — дневники, письма, отчеты и воспоминания современников.

В заключение — несколько пояснений относительно дат. Поскольку в Англии до 1752 года действовал юлианский календарь, все даты в книге даны нами по этому календарю (старый стиль). В Испании и других католических странах с октября 1582 года был введен григорианский календарь (новый стиль). Поэтому там, где цитируются испанские документы, написанные после реформы календаря, даты даны по новому стилю. Разница между датами юлианского и григорианского календарей составляла в описываемую эпоху десять дней — ровно на столько дней даты юлианского календаря «отставали» от дат нового стиля.

Донецк, 30 июня 2012 г.

НАЧАЛО МОРСКОЙ КАРЬЕРЫ

«Железный пират» королевы Елизаветы, первый английский кругосветный мореплаватель, Фрэнсис Дрейк родился на ферме Кроундейл, расположенной в живописной долине реки Тейви примерно в миле к юго-западу от местечка Тейвисток, что в графстве Девон. По одним данным, это произошло в 1537 году, по другим — в 1539, 1541, 1543 или 1545 году. Ферма когда-то принадлежала Тейвистокскому аббатству, но в 1539 году, после секуляризации монастырских владений, перешла в собственность к лендлорду сэру Джону Расселу (будущему графу Бэдфорду), одному из приближенных короля Генриха VIII Тюдора. 8 октября того же года сэр Джон передал ее в аренду йомену Джону Дрейку, который жил здесь со своей женой Маргарет — сестрой Уильяма Хокинса из Плимута — и сыновьями Джоном, Эдмундом и Робертом (документы упоминают также еще одного сына по имени Джон — возможно, это был ребенок от предыдущего брака Джона Дрейка-старшего). Джон Дрейк-младший со временем унаследовал ферму родителей, а Эдмунд сначала то ли стриг овец, то ли работал на валяльной мельнице, после чего «переквалифицировался» в священника. О его жене, матери Фрэнсиса, мало что известно. Предполагают, что ее звали Анна Милуэй (впрочем, некоторые авторы зовут ее Мэри Милуэй). Эдмунд женился на ней в конце 30-х годов XVI века.

Дж. Бэрроу, один из ранних биографов Дрейка, полагал, что он мог родиться в 1539 году или около того. Для доказательства своей гипотезы Бэрроу ссылался на миниатюру, написанную Николасом Хиллиардом в 1581 году и принадлежавшую графу Дерби: на ней указан возраст Дрейка — 42 года, из чего следует, что он должен был родиться в 1539 году. Однако на другом портрете, написанном в 1594 году (по-видимому, фламандским художником Маркусом Геерартсом-младшим) и хранящемся в поместье Бакленд-Эбби, его возраст определен в 53 года; в таком случае, вероятной датой рождения Дрейка следовало бы считать 1541 год.

В апреле 1586 года, находясь в захваченной им Картахене (в Новой Гранаде), Дрейк сказал местному судье дону Диего Идальго Монтемайору, что ему 46 лет. Таким образом, вероятной датой его рождения следовало бы считать 1540 год.

Испанский историк Антонио де Эррера-и-Тордесильяс в 1606 году писал, что на момент смерти (7 февраля 1596 года по григорианскому календарю) Дрейку было 52 года. Если это утверждение справедливо, тогда «железный пират» должен был

родиться в 1543-м или в начале 1544 года. На вероятность этого указывает также надпись на портрете Дрейка, который, по всей видимости, был написан во время посещения им Голландии в 1586 году: из надписи следует, что ему в то время было 43 года.

Этот список предположений относительно даты рождения Фрэнсиса Дрейка можно было бы продолжить, но на основании вышеприведенных точек зрения приходится констатировать очевидный факт: за несколько столетий биографы великого мореплавателя так и не смогли точно установить, в каком году он родился.

По свидетельству Уильяма Кэмдена, лично знавшего Дрейка, свое имя он получил в честь крестного отца — сэра Фрэнсиса Рассела, второго графа Бэдфорда, бывшего старшим сыном сэра Джона Рассела. Но Фрэнсис Рассел родился в 1527 году. Могли подросток стать крестным отцом Дрейка? Вопрос риторический.

По данным Г. Келси, в 1548 году отец Дрейка был втянут в скандальную историю, о причинах которой можно только догадываться. В результате он и двое других священников были обвинены в разбойных нападениях.

Из сохранившихся документов явствует, что 16 апреля указанного года священники Эдмунд Дрейк и Уильям Мастер пришли к Роджеру Лэнджифорду, преуспевающему землевладельцу в Ле-Кросс-Лейн (близ Питертейви, за Тейвистоком). Сначала Эдмунд оскорбил Роджера, а затем вместе с Мастером они побили беднягу палками и шпагами — «так, что ему стало страшно за свою жизнь». Уходя, обидчики забрали у жертвы кошелек с 21 шиллингом и 7 пенсами.

Через девять дней Эдмунд Дрейк и некий Джон Хокинг объявились в Тейвистоке, где остановили ехавшего на лошади джентльмена Джона Харта. Угрожая всаднику палками, шпагами и ножами, они заставили его отдать им лошадь, стоившую три фунта стерлингов. Вскоре после этого Дрейк, Хокинг и Мастер бежали из графства. Где они скрывались в течение нескольких лет — неизвестно.

Популярная легенда о детстве Фрэнсиса Дрейка сообщает: когда в Девоншире в 1549 году вспыхнуло крестьянское восстание, возглавляемое дворянами-католиками и католическими священниками, отец Дрейка — «ревностный сторонник Реформации» — вынужден был собрать свой нехитрый скарб в повозку и бежать вместе с семьей на юг, в Плимут. Там жил родной брат его жены — преуспевающий судовладелец и негоциант Уильям Хокинс, у которого было два сына — Уильям и Джон. Когда волна восстания докатилась до Плимута и перепуганный мэр города открыл перед бунтовщиками городские

ворота, Эдмунд Дрейк вместе с другими протестантами переправился на небольшой островок Сент-Николас (теперь этот остров, лежащий посреди Плимутской бухты, носит имя Дрейка). Несколько дней семья пряталась в хижине рыбаков, а затем перебралась на корабль «Инглиш гэли», принадлежавший некоему Ричарду Дрейку — возможно, брату или родственнику Эдмунда. На его борту беглецы отплыли на восток, в графство Кент, и вскоре остановились в Чатеме.

Весьма вероятно, что после скандального бегства отца юный Фрэнсис поселился в Плимуте, в доме Хокинсов. В те времена подобная практика считалась обычным явлением. Об этом упоминает Эдмунд Хоус в книге, выпущенной в 1615 году. Дрейк мог провести в доме Хокинсов несколько лет. Возможно, вместе с Фрэнсисом находились и его младшие братья — Джон и Джозеф. С юных лет Дрейк начал осваивать профессию моряка: плавал на каботажных судах юнгой, затем матросом, а около 1558 года стал казначеем на одном из кораблей Хокинса. Во время подобных рейсов моряки нередко пробавлялись также морским разбоем — присвоить себе груз какого-нибудь иностранного купца не считалось зазорным.

Согласно иной версии, после того как Эдмунд Дрейк перебрался в графство Кент, ему удалось получить должность писаря на складах с шерстью, предназначавшейся на экспорт. По утверждению племянника и тезки Фрэнсиса Дрейка, семья поселилась в корпусе старого корабля, стоявшего на приколе в Джиллингэм-Рич на реке Медуэй (ниже нынешней Чатемской верфи). Жена Эдмунда рожала регулярно и исключительно мальчиков, так что вскоре у Фрэнсиса было уже 11 братьев (в анналах сохранились имена лишь четверых — Джон, Джозеф, Эдвард и Томас). Используя цитаты из Библии, отец научил их читать и писать. Правда, Фрэнсису эти занятия всегда казались скучными. Сохранившиеся образцы его корявого почерка говорят о том, что писать он не любил. В то же время, обладая от природы превосходной памятью, Фрэнсис легко схватывал полезную информацию буквально на лету. Многие люди, близко знавшие его, позже отзывались о нем как о превосходном ораторе.

Поскольку семья Дрейков едва сводила концы с концами, отец, по данным Кэмдена, устроил старшего сына юнгой на небольшое торговое судно, ходившее в порты Нидерландов и Франции. Владелец судна, не имевший детей, относился к Фрэнсису как к родному сыну.

В январе 1561 года друзья помогли Эдмунду получить место викария в приходе Апчёрч, что в районе Медуэйских маршей. Произошли изменения и в судьбе молодого Фрэнсиса. В том же

году умер владелец судна, на котором он осваивал азы морского ремесла, и ветхая посудина перешла по завещанию в его собственность. Увы, состояние парусника было столь плачевным, что спустя некоторое время Дрейк предпочел продать его за бесценок и устроиться баталёром, или третьим офицером, на один из кораблей своего троюродного брата Джона Хокинса. По данным Джона Стоу, этот корабль совершал торговые рейсы в Бискайский залив — очевидно, в Ла-Рошель и в Страну Басков. С ним солидарен Дж. Бидвелл, утверждавший, что в 1563 году Дрейк устроился третьим помощником на торговое судно «Авон», принадлежавшее братьям Уильяму и Джону Хокинсам, и отправился на нем в баскский порт Сан-Себастьян.

Более достоверными сведениями мы располагаем относительно участия Дрейка в работорговой экспедиции Джона Ловелла, снаряженной по инициативе и на средства братьев Хокинсов. Однако точно не известно, какую должность он занимал в этом походе «за рабами и золотом»: имя его не значится ни среди капитанов, ни среди владельцев кораблей.

Ловелл, очевидно, был родственником Хокинсов и Дрейков. Он шел на новом судне «Своллоу», имевшем водоизмещение 180 тонн; его *суперкарго* — агентом инвесторов, ответственным за груз, — был Томас Хэмптон. Шкипером барка «Пол» (около 140 тонн) был Джеймс Хэмптон. Третьим судном, называвшимся «Соломон» (около 130 тонн), командовал Джеймс Ронс (или Ренс). Шкипером пинаса «Паско» (40 тонн) значился Роберт Болтон. Они подняли паруса 9 ноября 1566 года, взяв курс на Канарские острова. Достигнув упомянутого архипелага, Ловелл зашел на Тенерифе, где деловыми партнерами, осведомителями и друзьями Хокинсов были выходец из богатой генуэзской семьи Педро де Понте и викарий Педро Солер. Но в отличие от своего патрона, умевшего ладить с католиками, Ловелл везде демонстрировал свои протестантские убеждения. Возмущенные еретическими речами «лютеранских собак», испанцы были рады, когда Ловелл и его люди покинули Канары.

По данным португальских источников, в районе Зеленого мыса англичане захватили португальский невольничий корабль, на борту которого обнаружили негров, слоновую кость, воск и другие товары. Затем они отправились к островам Зеленого Мыса и в феврале 1567 года подошли к острову Сантьягу. На рейде порта Рибейра-Гранде (он же Сантьягу; ныне — Сидаде-Велья) корсары овладели еще одним богатым судном, перевозившим сахар и рабов. Здесь ими также был взят на абордаж корабль, направлявшийся в Бразилию. Наконец, у острова Маю люди Ловелла захватили еще два судна. Эти разбойничьи действия

англичан могли быть ответом на захват португальской эскадрой осенью 1565 года судна «Мэри форчун», принадлежавшего представителям Британского адмиралтейства Джорджу и Уильяму Уинтерам; судно было потоплено «близ реки Сестос», при этом судовладельцы потеряли груз стоимостью 7 тысяч 600 фунтов стерлингов, а 21 член экипажа был заключен в казематы крепости Сан-Жоржи-да-Мина.

Перед тем как совершить трансатлантический переход, Ловелл отправил «Своллоу» с захваченными товарами в Англию. Затем его флотилия, используя попутные пассатные ветры и течения, направилась к Малым Антильским островам. Так Фрэнсис Дрейк впервые попал в Вест-Индию — регион, где его имя вскоре будет внушать страх всем испанцам.

На острове Маргарита англичане пополнили запасы воды, дров и провианта, после чего взяли курс на небольшой, но процветающий городок Борбурата (близ современного Пуэрто-Кабельо в Венесуэле). Возле него они повстречали корабли французского корсара Жана Бонтана. Последний тоже пробавлялся работорговлей и морским разбоем. Заключив между собой *консортный договор* — соглашение о совместных действиях, — Ловелл и Бонтан стали на якорь в гавани Борбураты и отправили гонцов в расположенный западнее порт Санта-Ана-де-Коро (современный Коро), чтобы найти там губернатора провинции Новая Андалусия дона Диего Понсе де Леона. Борбуратским чиновникам корсары сообщили, что хотели бы продать в пользу королевской казны сотню рабов, а местным плантаторам — еще двести. Однако дон Диего ответил разбойникам решительным отказом. Тогда джентльмены удачи решили изменить тактику. Они взяли в заложники двух чиновников и нескольких влиятельных колонистов и, угрожая им расправой, потребовали разрешения на свободную торговлю. У двух заложников, купцов из Новой Гранады, «случайно» оказалось при себе полторы тысячи песо. Взяв у них деньги, Ловелл и Бонтан отдали им 26 невольников, после чего все заложники были освобождены.

Когда представители местной колониальной администрации узнали об этой подозрительной сделке, они приказали конфисковать упомянутых рабов, а на новогранадских купцов наложили штраф. В официальном отчете о происшедших событиях сообщалось: «Колонисты испытывают великую нужду и ни денежных штрафов, ни наказаний недостаточно для того, чтобы отвратить их от тайных покупок того, в чем они нуждаются. Фактически они совершают свои покупки так, чтобы об этом никто ничего не узнал, ибо они покупают ночью, покрывая друг

друга, и нет никакой возможности помешать им в этом…»

Покинув своих английских коллег, французские корсары поспешили к побережью Новой Гранады, в городок Рио-де-ла-Ача (современный Риоача в Колумбии), славившийся своими жемчужными промыслами. Демонстрация силы не произвела на местного губернатора — королевского казначея дона Мигеля де Кастельяноса — никакого впечатления, так что Бонтану не удалось сбыть здесь свой груз «черной кости». Уходя, он «выболтал секрет попугаю» — иными словами, сообщил испанцам о том, что поблизости находится «другая армада, английская».

18 мая 1567 года на рейде Рио-де-ла-Ачи появились корабли Ловелла. Капитан отправил на берег своего агента с заданием получить разрешение на торговлю у дона Мигеля, который — и это было известно Ловеллу — ранее уже имел опыт нелегальных сделок с Джоном Хокинсом. Увы, на сей раз губернатор отверг предложение англичан о приобретении у них рабов, сославшись на строжайший запрет короля. Спустя несколько недель брат дона Мигеля, Бальтасар де Кастельянос, писал, что Ловелл провел в порту Рио-де-ла-Ачи шесть дней и, не сумев выпросить лицензию на торговлю, снялся с якоря. Перед уходом, однако, он оставил «девяносто или девяносто двух рабов на другой стороне реки, за городом», так что «никто не смог помешать ему сделать это».

В донесении дона Мигеля, адресованном Филиппу II, изложена иная версия происшедшего. По его словам, Ловелл угрожал высадить десант и уничтожить город со всеми его жителями. Кастельянос ответил англичанину, что хотел бы увидеть, как это у него получится. Ловелл тут же подвел свои корабли ближе к берегу и выслал шлюпки с вооруженными людьми. Защитники Рио-де-ла-Ачи — всего 63 человека — начали стрелять по корсарам из аркебуз, не позволив им высадиться. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, англичане вынуждены были ретироваться к своим судам. Через несколько дней, глубокой ночью, они высадили на берег «девяносто шесть рабов, которые оказались слабыми и немощными, едва живыми», после чего уплыли. Дон Мигель просил короля разрешить ему отдать упомянутых рабов жителям города, заслужившим подобную награду своим мужественным поведением.

Испанский чиновник, безусловно, лукавил. Спектакль с «нападением» англичан на Рио-де-ла-Ачу и «потерей» ими большого количества негров-рабов мог быть разыгран обеими сторонами по предварительной договоренности и имел целью скрыть факт нарушения монополии севильской Торговой палаты (в ту эпоху только представители этой палаты имели право вести

торговлю с Испанской Америкой). По мнению Дж. Уильямсона, Ловелл высадил негров на берег, намереваясь продать их испанцам, но Кастельянос обманул работорговца, не заплатив за невольников оговоренную обеими сторонами сумму.

Зайдя по пути в Англию на остров Эспаньолу (Гаити), чтобы достать там свежий провиант и шкуры, экспедиция Ловелла вернулась в Плимут в начале сентября. Принесла ли она доход пайщикам предприятия? Трудно сказать. Сам Хокинс оценил ее как неудачную. Причину он усмотрел в «простоватости» своих «заместителей, которые не знали, как делаются подобные дела».

УЧАСТИЕ В ЭКСПЕДИЦИИ ХОКИНСА ПОСЕЩЕНИЕ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ

Пока Дрейк набирался опыта в экспедиции Ловелла, в Англии объявились два португальских еврея — торговец Антониу Луиш и замешанный в пиратских делишках пилот [2] Андре Гомем, известный также как Гаспар Калдейра. Они связались через некоего Гонзало Жоржи с вице-адмиралом Уильямом Уинтером и рассказали ему о том, что знают местонахождение богатого золотоносного района в Африке, не захваченного пока португальцами. За определенное вознаграждение друзья-авантюристы готовы были показать англичанам это место, расположенное всего в 20 лигах от побережья. По их мнению, эксплуатация рудника должна была приносить не менее 300 тысяч фунтов стерлингов годового дохода.

Рассказ евреев стал известен государственному секретарю Англии сэру Уильяму Сесилу (будущему лорду Берли) и самой королеве. Информации поверили, и в июле 1567 года правительство поручило Джону Хокинсу снарядить флотилию для похода в Западную Африку. Там, недалеко от крепости Сан-Жоржи-да-Мина, планировалось возвести форт и разместить в нем гарнизон из пятидесяти солдат. Последние должны были защищать золотоискателей от возможных нападений со стороны португальцев. Судя по разрозненным косвенным данным, инвесторами предприятия могли выступать графы Лейстер и Пемброк, королева Елизавета, верховный лорд-адмирал Эдвард Клинтон, толстосумы из Сити сэр Уильям Джеррард, сэр Лайонел Дакет и Роланд Хейворд, братья Джон и Уильям Хокинсы, а также представители адмиралтейства Уильям Уинтер и Бенджамин Гонсон (последний был казначеем королевского флота и тестем Джона Хокинса, женившегося на Кэтрин Гонсон в 1558 году).

Испанский посол при английском дворе дон Диего Гусман де Сильва, располагавший широкой шпионской сетью, пронюхал о готовящейся экспедиции и поднял шум. Королева и Сесил успокоили его, заверив, что корабли собираются идти в Африку и Ост-Индию, а не в Америку. Де Сильва, кажется, поверил им и тут же послал в Лиссабон секретную депешу, предупреждая португальский двор о намерениях англичан вторгнуться в зону португальских интересов. Впрочем, вскоре до посла дошли слухи, что в упомянутом проекте тайно участвует купец с Канарских островов Педро де Понте и что — по просьбе Хокинса — он договорился с губернаторами Вест-Индии о том, как им обойти

монополию Торговой палаты и приобрести у английских контрабандистов африканских невольников. От шпионов де Сильвы не укрылся и тот факт, что два королевских корабля, «Джизес оф Любек» и «Миньон», были переведены из Чатема к Тауэру, чтобы взять на борт вооружение и порох из королевского арсенала, а также большой запас бобов, которыми обычно кормили африканских невольников.

Посол снова отправился на прием к Елизавете. Королева выслушала испанца с подчеркнутым вниманием и заверила его, что оружие передано на корабли для защиты от возможных нападений со стороны французских пиратов и португальцев. Сесил согласно кивал и божился, что экспедиция собирается идти в Гвинею, дабы компенсировать потери Джорджа и Уильяма Уинтеров, корабль которых, как сообщалось выше, был захвачен и потоплен португальцами в 1565 году. В конце концов, получив по своим каналам дополнительную информацию о намерении англичан совершить рейс в Западную Африку, испанский посол вздохнул с облегчением. Тем более что сам Хокинс, неоднократно навещая его, всякий раз демонстрировал ему свои «верноподданнические чувства» к королю Испании.

А тем временем подготовка к плаванию шла полным ходом. В гавани Плимута снаряжались сразу четыре корабля, принадлежавшие братьям Хокинсам: «Уильям энд Джон», «Своллоу», «Эйнджел» и «Джудит».

Как уже сообщалось ранее, Фрэнсис Дрейк вернулся из Вест-Индии в сентябре 1567 года. Узнав об этом, Джон Хокинс связался с ним и пригласил присоединиться к новому заморскому предприятию. Дрейк охотно принял это предложение.

Находясь в Плимуте, будущий «бич испанских морей» познакомился с Мэри Ньюмэн — скромной девушкой из Сент-Будо, дочерью моряка Гарри Ньюмэна. Мэри настолько понравилась Фрэнсису, что он пообещал жениться на ней сразу же после возвращения из плавания.

Пока на корабли грузили снаряжение и провиант, у входа в Плимутскую гавань появилась испанская эскадра в составе семи судов; ею командовал фламандский адмирал Альфонс де Бургунь, барон де Вахен *(de Wachen)*. Согласно официальной версии, он был отправлен герцогиней Пармской, наместницей Испанских Нидерландов, встретить Филиппа II, который собрался посетить Фландрию. Елизавета распорядилась оказывать испанцам любезный прием везде, куда бы они ни пришли. Но в Плимуте, куда испанцев занесла непогода, любезного приема не получилось. В соответствии с морским обычаем при входе в дружественный иностранный порт де Вахен должен был убрать

марсели и спустить национальные флаги. Вместо этого он двинулся под испанскими флагами на один из внутренних рейдов — в гавань Кэттуотер, где стояли суда из флотилии Хокинса. Согласно воспоминаниям Ричарда Хокинса, его отец не на шутку встревожился и, когда испанцы оказались на расстоянии орудийного выстрела, велел канонирам плимутского замка и королевских кораблей открыть по непрошеным гостям огонь. Стрельба велась до тех пор, пока де Вахен не спустил флаги и не изменил курс, став на якорь к северу от острова Сент-Николас.

Отвечая на гневные протесты испанского адмирала, Хокинс заметил, что тот нарушил «международные правила вежливости» и тем самым задел честь его суверенной госпожи. Разгорелся дипломатический скандал. Чтобы замять его, Сесил отправил Хокинсу письмо с порицанием его действий и требованием объяснить причину стрельбы по испанским кораблям. Копия этого письма была передана испанскому послу де Сильве: испанский двор должен был знать, что английское правительство непричастно к инциденту. В то же время в Плимут прибыл еще один посланник с личным письмом королевы, в котором она похвалила Хокинса, но добавила: «…Вы должны понять, что ваш суверен не может нести ответственность за подобные действия, как и за те, которые могут случиться в будущем».

Сентябрь принес еще одну сенсацию. Сбежали португальские евреи Луиш и Гомем, которые должны были стать лоцманами экспедиции. Де Сильва предположил, что обоих авантюристов выманил во Францию португальский посол. Более правдоподобно выглядит версия, что исчезновение друзей-авантюристов было инициировано самим Хокинсом, никогда не веривший их сказкам о таинственном золотом руднике. Примечательно, что, едва бегство евреев обнаружилось, он тут же написал об этом королеве. В письме, датированном 16 сентября, отмечалось, что теперь предполагавшаяся экспедиция за золотом не может состояться («я думаю, что Бог свел всё к лучшему»), но он, Хокинс, готов осуществить иной замысел и («с Божьей помощью») вернуться домой с прибылью в 40 тысяч марок, не обидев при этом друзей и союзников ее величества. Сославшись на опасность роспуска уже набранных экипажей (парни «могли взбунтоваться»), Хокинс предложил Елизавете добыть в Гвинее негров-рабов и обменять их в американских колониях Испании «на золото, жемчуг и изумруды».

Елизавета нуждалась в деньгах и поэтому охотно поддержала план работорговца; при этом — через Сесила — она велела ему не афишировать ее участие в указанном деле. В письме государственному секретарю от 28 сентября Хокинс отметил, что

был предупрежден о недопустимости нанесения ущерба испанцам и фламандцам, добавив, однако, что он «всегда довольствовался именем частного лица и всегда ненавидел глупость». Копию этого письма удалось обнаружить в испанских архивах, из чего напрашивается вывод, что оно изначально предназначалось для испанских глаз и должно было служить лишним доказательством частного характера предприятия Хокинса, к которому правительство Елизаветы якобы не имело никакого отношения.

Утром 2 октября 1567 года шесть судов флотилии Хокинса покинули Плимут, имея на борту более четырехсот моряков и солдат. Флагман экспедиции, 700-тонный «Джизес оф Любек», был вооружен 22 батарейными орудиями и 42 легкими пушками, экипаж насчитывал 180 человек. Джон Хокинс был «генералом флотилии» и капитаном флагмана; его шкипером значился Роберт Баррет (кузен Дрейка), солдатами командовал капитан Эдвард Дадли. «Миньон», имевший водоизмещение от 300 до 350 тонн, находился под командованием капитана Джона Хэмптона. Шкипером был Джон Гаррет, которого Уолтер Рэли считал «самым опытным моряком Англии». На судне «Уильям энд Джон» (150 тонн) капитаном шел Томас Болтон, а шкипером — Джеймс Ренс. Неясно, кто командовал «Своллоу» (100 тонн), «Эйнджелом» (33 тонны) и 50-тонным барком «Джудит». Многие авторы называют капитаном барка Фрэнсиса Дрейка, но это утверждение не соответствует действительности — Дрейк получил его под свое командование лишь в ходе плавания, а из Англии отплыл на борту «Джизес оф Любека».

Генерал флотилии утвердил правила, которыми команды его судов руководствовались и в предшествующих экспедициях. Они гласили: «Молитесь Богу ежедневно, любите друг друга, берегите ваш провиант, будьте осторожны с огнем и сохраняйте товарищеские отношения».

О том, что на судах Хокинса регулярно проводились протестантские богослужения, позже рассказал испанцам угодивший к ним в плен один из моряков:

«На флагманском корабле названного Джона Хокинса… каждое утро и каждый вечер шкипер брал книгу на английском языке, подобную тем, которыми пользуются священники в Англии, и направлялся к грот-мачте, возле которой все моряки, солдаты [и капитан] вставали на палубе на колени, и все присутствовали при богослужении под угрозой быть закованными в цепи на двадцать четыре часа. И пока все стояли на коленях, названный шкипер… повторял вслух Господню молитву и вероучение, слово в слово, а потом молился так, как… это принято в Англии. Также [свидетель] сказал, что точно так же

названный шкипер читал послание Святого Павла и Евангелие… и что так было заведено на всех судах упомянутой флотилии Джона Хокинса и на других судах».

Интересно отметить, что в экспедиции участвовали также шестеро музыкантов, которые должны были услаждать слух генерала и его офицеров с помощью скрипок, труб, альта и органа.

С самого начала большинство моряков были уверены, что идут в Гвинею на поиски золотоносного района. Только на третий день генерал флотилии собрал своих капитанов на совет и рассказал им о подлинной цели экспедиции. Подобная секретность была обычной практикой при организации рискованных заморских авантюр.

Начало плавания принесло первые сюрпризы. Через четыре дня после выхода в море, в 40 лигах к северу от мыса Финистерре, на флотилию обрушился шторм, который не утихал в течение четырех дней и разметал корабли в разные стороны. Волны разбили несколько шлюпок и один пинас. Громоздкий и неповоротливый «Джизес оф Любек» дал течь, и его измученная команда, сутками не отходившая от помп, начала роптать. Обратившись к своим людям, Хокинс «пожелал им молиться всемогущему Господу, чтобы он явил нам свою милость». Молитва помогла: 11 октября погода улучшилась, и вскоре флагман с «Эйнджелом», подгоняемые попутным ветром, устремились к Канарским островам. Спустя короткое время к ним присоединилась и «Джудит».

23 октября три английских корабля стали на рейде порта Санта-Крус-де-Тенерифе. «Джизес оф Любек» произвел салют из двенадцати орудий, после чего Хокинс отправил письмо испанскому губернатору. В нем он сообщил о своем желании оставаться на Тенерифе до тех пор, пока к нему не присоединятся потерявшиеся суда экспедиции.

Вскоре на борт флагмана прибыл Хосепе Прието — бальи острова, в обязанности которого входила проверка всех кораблей, бросавших якорь в гавани Санта-Круса. Следом за ним в гости к Хокинсу пожаловали офицеры с двух испанских кораблей, собиравшихся отплыть в Вест-Индию. Они обменялись с ним новостями и были приглашены на обед. Кроме того, генерал послал подарки и приглашения многим знатным особам острова. Некоторые из них воспользовались возможностью посетить английский флагман и пообедать с его командиром и офицерами. Во время трапезы они предложили Хокинсу ввести корабли в гавань и сойти на берег. Но, несмотря на явно выраженную доброжелательность гостей, генерал ответил им вежливым

отказом. «Ее величество королева запретила мне делать это», — пояснил он.

Чутье подсказывало ему, что в порту и на берегу англичан могла ожидать засада.

Между тем испанцы продолжали наведываться на английский флагман. При этом их очень удивил тот факт, что Хокинс позволил своей команде есть мясо в пятницу. На это генерал весело ответил, что у него «имеется разрешение самого римского папы», и пригласил гостей разделить трапезу вместе с ним.

Время от времени небольшие группы английских моряков все же отваживались высаживаться на берег; некоторые из них закупали в городе вино и свежие фрукты, другие наполняли бочки питьевой водой. Однажды группа молодых слуг и юнг во главе с булочником Уильямом Беннетом отплыла на шлюпке к безлюдному участку побережья, чтобы набрать из ручья воды. Обнаружив возле ручья жилище монаха-отшельника, озорники опрокинули стоявший рядом крест. Несколько испанцев, возмущенные этим кощунством «лютеранских собак», бросились преследовать их. Чтобы спасти подростков от расправы, с кораблей на помощь им выслали несколько баркасов. Хокинс, узнав о случившемся, приказал схватить Беннета и — в качестве наказания — подвесить его на грот-мачте; он провисел там два часа.

Затем произошел еще более серьезный инцидент, в котором были замешаны капитан пехотинцев Эдвард Дадли и доверенный слуга генерала Джордж Фицуильям. Поссорившись с последним, Дадли предложил ему сойти на берег и разрешить конфликт по-мужски — с помощью дуэли. Узнав об этом, Хокинс тут же запретил поединок, предложив обоим либо помириться, либо подождать с дуэлью до тех пор, пока они не покинут испанскую гавань. Запрет привел Дадли в ярость, он наговорил генералу колкостей и получил в ответ удар кулаком. Не сдержавшись, Дадли выхватил кинжал, Хокинс обнажил свою рапиру. Послышался звон клинков, и капитан был ранен в руку. Отступая, он рассек генералу бровь над правым глазом, после чего был схвачен и обезоружен вахтенными. Хокинс велел заковать бунтовщика в цепи.

Когда страсти поостыли, генерал спросил у Дадли, что тот думает о случившемся. Капитан упал перед Хокинсом на колени, признал, что нарушил субординацию, и добавил: если бы такой проступок совершил его подчиненный, он велел бы того повесить. Генерал ответил, что искренне хотел бы простить его, но преступление было совершено на борту королевского судна в присутствии врага и, следовательно, направлено против

государыни; поэтому бунтовщик должен быть наказан. Принесли заряженные аркебузы, и всей команде стало ясно, что капитан будет расстрелян. Дадли повалился на палубу, обливаясь слезами.

Друзья Хокинса, еще недавно собиравшиеся растерзать мятежного капитана, теперь сжалились над несчастным и принялись умолять генерала сохранить ему жизнь. Но Хокинс был непреклонен. Он спросил Дадли, не хочет ли тот прочитать прощальную молитву. Капитан снова встал на колени и молил о прощении. В конце концов, воспользовавшись своим правом казнить или миловать, Хокинс согласился пощадить Дадли в обмен на клятву, что впредь капитан будет вести себя благоразумно.

По данным Н. Хэзлвуда, примерно в это же время Хокинса навестили викарий острова Педро Солер, его товарищ Матео де Торрес и житель Санта-Круса Диего де Пайва. Генерал долго беседовал с Солером, демонстрируя ему свою дружбу и предлагая всевозможные услуги. На следующий день викарий снова поднялся на борт «Джизес оф Любека» и опять долгое время общался с командующим английской флотилией. Позже, отвечая на вопросы следователей инквизиции, Солер заявил, что целью его поездки на английский флагман было «заглаживание конфликта» между Хокинсом и каким-то солдатом (речь, безусловно, шла о конфликте Хокинса с Дадли).

На четвертую ночь после прибытия англичан в гавань Санта-Круса испанские корабли и малые суда вдруг сменили позицию, отойдя в сторону и оставив чистое пространство между флотилией Хокинса и береговой крепостью. Генерал заподозрил неладное и в полночь отвел свои корабли дальше в море — туда, где их не могла достать испанская артиллерия. Утром губернатор Тенерифе прислал Хокинсу письмо, в котором заверял, что тот неправильно понял действия испанцев, однако генерал не поверил ему. Спустя два дня английские корабли снялись с якоря и дерзко проследовали мимо входа в гавань. При этом они произвели в сторону Санта-Круса полдюжины выстрелов из орудий. Одно из ядер угодило в открытую дверь жилого дома, другое пролетело мимо церкви, а третье упало рядом с часовней. Испанские пушкари открыли ответный огонь, но их ядра не достигли цели.

30 октября флотилия Хокинса появилась у южного побережья острова, где находились владения его делового партнера Педро де Понте. Вскоре к берегам Тенерифе подошел английский пинас. Как оказалось, он был послан Томасом Хэмптоном. Последний укрылся с кораблями «Миньон», «Своллоу» и «Уильям энд Джон»

в порту Сан-Себастьян на соседнем острове Гомера. Хокинс немедленно отправил в Сан-Себастьян барк «Джудит», а 2 ноября и сам пожаловал туда с «Джизес оф Любеком» и «Эйнджелом». Экипажи приветствовали друг друга радостными криками и артиллерийским салютом. Губернатор острова дон Алонсо де Эспиноса и рехидор дон Мартин Манрике де Лара прибыли на борт флагмана с официальным визитом и пообещали Хокинсу снабдить его провизией и всем, в чем он нуждался.

В Сан-Себастьяне англичане закупили мясо, вино и апельсины. Впрочем, не обошлось и без инцидентов. Согласно испанским источникам, английские моряки вели себя развязно, сожгли образы святых в местной церкви, а в рыбацкой деревне Плайя-де-Сантьяго подожгли дверь в жилище монаха-отшельника и повалили на землю стоявший поблизости крест. За это, по словам Джона Перина, пажа Хокинса, генерал сделал выговор шкиперу и квартирмейстеру «Джизес оф Любека».

Вечером, перед отплытием, на борту флагмана состоялся прощальный банкет, на котором присутствовали граф Гомерский и высшие чины местной администрации. Хокинс раздал гостям подарки, а утром, простившись с ними, велел ставить паруса.

ОХОТА ЗА РАБАМИ

Покинув Канары, корабли англичан взяли курс на мыс Бланко (современный мыс Нуадибу в Западной Сахаре). Согласно свидетельствам участников экспедиции, генерал обнаружил возле упомянутого мыса три покинутые португальские каравеллы; все они были частично подтоплены, а одна сильно пострадала от огня. Обыскав их, англичане нашли в трюмах рыбу и соль. Хокинс решил отремонтировать лучшую из каравелл и забрать ее себе. В то же время генерал отправил на берег несколько разведывательных групп, велев им поискать в окрестных лесах экипажи и владельцев каравелл.

Неожиданно на горизонте были замечены еще два парусника. «Джудит» и «Эйнджел» тут же пустились за ними в погоню. На следующий день участники погони вернулись, приведя с собой один из парусников. Им оказалась каравелла, прибывшая из португальского порта Виана-ду-Каштелу. Шкипер приза был доставлен на борт флагмана, где с помощью переводчика Антониу Годдарда, называвшего себя также Антониу Техерой, сообщил Хокинсу, что двадцатью днями ранее три покинутые каравеллы были захвачены французскими корсарами. Многие португальские моряки были повешены, остальные бежали на берег.

Хокинс сказал шкиперу, что, поскольку, согласно морскому обычаю, покинутые в море суда являются законными призами того, кто их обнаружил, все три каравеллы теперь принадлежат ему. Впрочем, с собой он собирался забрать лишь лучшую из них, а две другие сжечь. Шкипер попросил Хокинса не спешить, пообещав ему найти на берегу сбежавших владельцев судов.

Через два дня он вернулся к англичанам вместе с пожилым моряком, который, вероятно, был шкипером одного из судов.

— Мне нужен один из этих кораблей, — сказал ему Хокинс, — чтобы перевозить черных рабов, ибо я собираюсь идти в Гвинею. В соответствии с морским законом все эти суда теперь мои. Два из них я мог бы продать тебе.

— Я знаю, что эти корабли принадлежат вам по закону, — ответил португалец, — но у меня нет денег, чтобы купить их у вас. Мне будет очень жаль, если вы их сожжете.

Генерал согласился уступить португальцу суда за 40 дукатов при условии, что тот выплатит указанную символическую сумму в течение двух лет. На том и порешили.

Присоединив отремонтированную трофейную каравеллу к своей флотилии (судно назвали «Грейс оф Год», то есть

«Благодать Божья»), Джон Хокинс приказал капитанам идти дальше на юг, в сторону Зеленого Мыса. 18 ноября корабли достигли устья реки Сенегал. Здесь генерал решил начать охоту за туземцами, поскольку в Вест-Индии рабы из Сенегала ценились особенно высоко. В качестве объекта нападения избрали деревню, лежавшую в шести милях от побережья. Ночью, за два часа до рассвета, на пляж высадились от ста до ста пятидесяти солдат и матросов, которыми командовали Хокинс и Дадли. Но когда англичане ворвались в деревню, оказалось, что туземцев кто-то предупредил и они успели покинуть ее.

Обыскав окрестности, матросы смогли обнаружить лишь девятерых женщин и детей. Позже поймали еще двух стариков. Разочарованные скудостью захваченной добычи, налетчики подожгли покинутые дома. Неожиданно в лесу забили барабаны и на работорговцев со всех сторон посыпались отравленные стрелы. По свидетельству Роберта Баррета, 25 человек было убито или ранено. Среди раненых оказались сам Хокинс, шкипер «Джудит» и капитан Дадли.

Отступив к берегу моря, англичане отпустили четверых стариков и старух, а остальных африканцев спешно переправили на борт трофейной португальской каравеллы.

Раны, полученные участниками экспедиции, оказались гораздо опаснее, чем предполагалось вначале. Через два дня больше десяти человек заболели, и корабельные врачи ничем не могли им помочь. Через неделю восемь моряков и солдат, включая шкипера барка «Джудит», умерли в страшных мучениях. Только Хокинсу и Дадли посчастливилось выжить: по данным Джоба Хортопа, пушкаря с «Джизес оф Любека», один из негров очистил их раны от яда с помощью чеснока. Некоторые биографы Дрейка предполагают, что именно в это время генерал мог назначить своего кузена капитаном «Джудит».

Кто-то из африканцев рассказал Хокинсу о французах, торговавших с туземцами в соседних деревнях. Генерал предположил, что это могли быть те самые корсары, которые ограбили португальские каравеллы у мыса Бланко, и отправился со всей флотилией на их поиски. На следующее утро в районе Зеленого Мыса англичане заметили шесть французских судов. Французы предприняли попытку бежать, но корабли Хокинса легко настигли их и принудили лечь в дрейф. На борту пяти судов, снабженных каперскими грамотами и принадлежавших бретонцам и нормандцам, находились изделия из железа, предназначавшиеся для обмена с африканцами. Шестое судно оказалось каравеллой португальской постройки, и Хокинс предположил, что оно занималось пиратским промыслом (на нем

размешался отряд французских солдат, а в трюме англичане нашли запас сухарей и португальскую одежду). Капитан каравеллы под пытками признался в различных разбойных действиях, после чего его команда была расформирована: матросов и солдат распределили по другим кораблям флотилии. Хокинс объявил, что присваивает приз себе, и приказал обеспечить его новой командой в составе шестнадцати человек.

Утром следующего дня один из французских капитанов, именуемый в английских источниках Бландом (возможно, его французское имя было План или Блондель), пожелал добровольно присоединиться к Хокинсу и участвовать в его дальнейших акциях на основе *консортного соглашения.* Таким образом, численность экспедиции выросла до девяти кораблей.

В районе мыса Рошу (на границе Сенегала и Гвинеи-Бисау) англичане повстречали португальский барк, пришедший с островов Зеленого Мыса. Обменявшись с его шкипером приветствиями и кое-какими товарами, Хокинс узнал от него, что южнее, в устьях рек Сан-Домингу и Риу-Гранди (современная Риу-Жеба), португальские работорговцы грузят на борт своих каравелл африканских невольников. Генерал почуял запах добычи и взял курс на устье реки Сан-Домингу. Поскольку большие корабли не могли войти в реку, он отправил туда барки «Эйнджел» и «Джудит», а также два пинаса под общим командованием Роберта Баррета. В этом рейде барком «Джудит» командовал Фрэнсис Дрейк.

24 ноября суда вошли в указанную реку. Там, согласно одному из английских источников, они подверглись обстрелу со стороны португальских каравелл. Переждав залп, англичане бросились в атаку. Португальцы числом до сотни, покинув свои суда, бежали на берег. Баррет, Дрейк и Дадли, имея под своим командованием 240 человек, бросились следом за ними. Неожиданно в бой на стороне португальцев вступили более шести тысяч туземцев. Потеряв четырех человек убитыми, имея много раненых, англичане вынуждены были отступить. Когда об этом узнал Хокинс, он пришел в ярость. По его мнению, Баррету не следовало высаживаться на берег: он должен был подняться вверх по реке, найти португальскую факторию и захватить все суда, которые базировались там. Вслед за этим генерал решил отправить на помощь своим людям судно «Уильям энд Джон», но из-за глубокой осадки оно не смогло преодолеть песчаный бар в устье реки. Тогда Хокинс послал Баррету приказ вернуться назад, прихватив с собой две или три покинутые португальцами каравеллы.

Португальские источники описывают столкновение на реке

Сан-Домингу более подробно, более красочно и, главное, более правдиво. По их данным, английские пираты в ночь на 29 ноября ввели в эстуарий реки три судна и три лодки и дошли до порта Кашеу — главной базы португальских работорговцев в регионе. Здесь их заметил Франсишку Пиреш, который, подняв тревогу, бросился бежать от них на своем судне. Следом за ним последовали и другие торговые суда, но два вооруженных корабля остались на своих позициях. Утром англичане атаковали их. Завязался отчаянный бой, завершившийся победой пиратов. Преследуя бегущих португальцев, налетчики захватили пять кораблей, потом разграбили и сожгли город Кашеу, опустошили окрестные поля и убили многих жителей. Ущерб, нанесенный городу, португальцы оценили в 30 тысяч дукатов. Два захваченных корабля англичане увели с собой в низовья реки, где один из призов — «Сан-Николау» — был полностью разграблен, а его команда в панике бежала в окрестные джунгли. Также были ограблены три меньших судна, принадлежавших Антониу Кардозу, Алвару Гонсалвишу и Фернану Гонсалвишу Баррашу; на их борту обнаружили груз слоновых бивней, воска и много африканцев.

Шкипер Франсишку Пиреш, сумевший сначала убежать от пиратов, в конце концов был найден ими выше по реке. Англичане захватили и ограбили его судно, после чего стали выпытывать у пленных португальцев, где они укрыли своих рабов. В конце концов шестерых пленных заставили в качестве выкупа привести к Хокинсу партию рабов. По свидетельству Уильяма Коллинза, на захваченных судах англичане собрали в кучу все образы святых и кресты и «бросали их в море или в огонь, говоря, что они были просто идолами и папистским барахлом».

Джоб Хортоп в своих воспоминаниях, написанных много лет спустя, главную роль в сражении с португальцами отвел Дрейку и Дадли.

«На следующее утро, — сообщает он, — мастер Фрэнсис Дрейк со своей каравеллой, „Своллоу“ и „Уильям энд Джоном“ вошел в реку вместе с капитаном Дадли и его солдатами. Они высадились, имея лишь сотню солдат, и сразились с семью тысячами негров, сожгли город и вернулись к нашему генералу, потеряв лишь одного человека».

От устья реки Сан-Домингу флотилия Хокинса двинулась дальше на юго-восток, миновала острова Бижагош и 14 декабря достигла островов Лос, лежащих у побережья современной Гвинеи. Здесь к англичанам прибыл некий африканец, заявивший, что ради своего спасения хотел бы добровольно отдать себя в рабство. Когда его спросили, почему он принял такое решение,

африканец ответил, что боится мести «короля Самбула», с одной из жен которого вступил в интимную связь.

За несколько дней до Рождества Хокинс снова выслал свои барки и пинасы в различные бухты и устья рек на гвинейском побережье, а сам во главе ста двадцати моряков и солдат отправился на поиски «короля Самбула». Все эти вылазки преследовали лишь одну цель — найти «живой товар». Однако, как назло, поиски рабов закончились безрезультатно. 23 декабря флотилия собралась на рейде селения Тагрин (или Таггарин) в устье «реки Сьерра-Леоне». К этому времени, по разным оценкам, у Хокинса имелось от пятидесяти до ста пятидесяти невольников. Идти с ними через Атлантику в Вест-Индию не имело смысла, и генерал стал уже подумывать над тем, не обменять ли их в Сан-Жоржи-да-Мине на золото — по крайней мере, это покрыло бы расходы на снаряжение экспедиции.

Пока корабли стояли в Тагрине, на них распространилась эпидемия — люди стали умирать от малярии и других болезней. Джентльмен-авантюрист Томас Фаулер, находившийся на борту флагмана, вспоминал: «Когда стояли на упомянутой реке, заболело большое количество англичан и около сотни из них умерло».

Желая достать свежую воду и провиант, генерал отправил свои пинасы вверх по реке Калуза (в декабре 1564 года он уже бывал в здешних краях и знал, что примерно в 20 милях от побережья должна находиться португальская фактория). Экспедиция закончилась неудачей: один из пинасов был атакован гиппопотамом и поврежден, двое моряков погибли. Хокинс, однако, не терял надежды и снова выслал малые суда на разведку в устья ближайших рек.

Наконец удача улыбнулась англичанам. В Тагрине к борту «Джизес оф Любека» подошла туземная пирога, в которой прибыли посланники Шера и Игомы — «королей» Сьерра-Леоне и Каштруша, владения которых находились на реке Сесс (или Сестуш). Эти «короли» искали союзников для борьбы с соседними «королями», Засиной и Зетекамеем, укрывшимися в хорошо укрепленном «городе Конко» на реке Сьерра-Леоне. Англичанам было обещано, что все пленные, захваченные в сражении, станут их рабами. Предложение было заманчивым, и после некоторых раздумий Хокинс согласился ввязаться в предложенную авантюру.

15 января отряд из девяноста англичан под командованием Роберта Баррета отправился вверх по реке. Предстояло взять город, в котором проживало от восьми до десяти тысяч жителей, из них способных носить оружие было не меньше шести тысяч

человек.

Город находился на острове, его окружали земляной вал и высокий палисад, перед стенами были вырыты «волчьи ямы». На штурм укреплений ушло два дня. Отряд Баррета, поддерживаемый огнем корабельной артиллерии, атаковал город со стороны реки; туземные войска штурмовали земляные валы и палисад с остальных трех сторон. Первая атака была отбита, англичане потеряли шесть человек убитыми и от двадцати до сорока — ранеными. Как заметил корабельный музыкант Грегори Саймон, «люди вернулись назад, убежав от врага».

Хокинсу пришлось взять руководство операцией на себя. Чтобы усилить туземные войска, 40 солдат были отправлены в лагерь союзников. На другой день большой отряд англичан высадился с малых судов на берег и бросился к городу. Палисад был пробит ядрами и подожжен с помощью «зажигательных снарядов», после чего штурмовая группа ворвалась через образовавшийся пролом в город. С другой стороны в него прорвались войска чернокожих союзников. Начался погром. «Короли» Засина и Зетекамей бежали, но семь тысяч африканцев были загнаны на заболоченный берег и там, не имея лодок, утонули в тине.

Согласно одним данным, англичане потеряли в ходе сражения четыре человека; еще четыре или пять человек умерли от ран на следующий день. По свидетельству Томаса Беннета, потери англичан составили 60 человек.

Когда бой затих, Хокинс подсчитал, что ему досталось около двухсот пятидесяти пленных африканцев. В то же время воины «королей» Сьерра-Леоне и Каштруша взяли в плен 600 человек. Генерал надеялся, что союзники сдержат свое обещание и отдадут всех пленных ему, но просчитался. «Их величества» пожадничали и уступили ему, по разным данным, от семидесяти до ста пятидесяти человек.

Теперь на кораблях экспедиции находилось от четырехсот до шестисот невольников (согласно официальному отчету — 470). Оставаться у африканских берегов не было смысла. 3 февраля 1568 года флотилия Хокинса подняла паруса и направилась через Атлантический океан на запад, в Вест-Индию.

ВИЗИТ В КАРИБСКОЕ МОРЕ

Трансатлантический переход занял 52 дня. В ходе этого плавания от болезней и полученных в сражениях ран умерла часть моряков и солдат. Среди умерших значился и капитан пехотинцев Эдвард Дадли.

27 марта 1568 года корабли подошли к живописному, утопавшему в зелени тропических лесов острову Доминика. К берегу отправили шлюпки. Поскольку имелась опасность нападения со стороны индейцев-карибов, моряков охраняли вооруженные до зубов солдаты. Отыскав ручей, впадавший в море, матросы наполнили бочки водой, и еще до заката солнца шлюпки вернулись к кораблям. На следующий день люди снова высадились на берег, занявшись заготовкой дров, наполнением бочек водой и сбором плодов.

Затем вдоль подветренной стороны Малых Антильских островов участники экспедиции двинулись в южном направлении. Вскоре на горизонте появились три острова — Маргарита, Коче и Кубагуа, славившиеся своими жемчужными промыслами. Два последних острова не имели постоянного населения; лишь на восточном берегу Маргариты, в глубине извилистой бухты, находилась небольшая, в полсотни душ, испанская колония Асунсьон, охраняемая фортом и худосочным гарнизоном.

Тремя годами ранее Хокинс останавливался на Маргарите и наладил взаимовыгодный обмен с местными жителями. Колонисты, недовольные монополией севильской Торговой палаты, охотно купили у него не только изделия европейских мануфактур, но и африканских невольников, труд которых использовался на добыче жемчуга. Дрейк тоже имел возможность посетить Маргариту в составе экспедиции капитана Ловелла. Однако англичане не знали, как поведут себя испанцы на этот раз.

Флотилия Хокинса вползла в гавань Асунсьона на закате дня, произведя салют из корабельных пушек. В ответ — тишина. Пушки форта молчали, на берегу было безлюдно. Англичане предположили, что испанцы, напуганные частыми набегами французских корсаров, приняли их за очередную банду «ловцов удачи» и в страхе бежали вглубь острова.

Хокинс написал губернатору Маргариты любезное письмо, в котором объяснил цель своего визита:

«Ваша честь, я подошел к Вашему острову лишь для того, чтобы дать возможность моим людям пополнить запасы провианта, который Вы продадите мне за мои деньги или товары,

предполагая пробыть здесь не более 5–6 дней. Заверяю Вас и всех прочих, что в указанный период с моей стороны и со стороны моих людей никому не будет причинен даже малейший ущерб, о чем Ее Величество королева Англии, моя госпожа, при моем отплытии из Англии велела мне всячески заботиться, а заодно служить с моим флотом Его Величеству королю Испании, моему бывшему господину, ежели в тех местах, куда я попаду, в том возникнет необходимость».

Когда шлюпочная команда, которая везла с собой послание Хокинса, высадилась в районе верфи, к ней приблизилась группа всадников. Англичане сообщили испанцам, кто они такие и чего хотят. Тогда один из всадников взял письмо для губернатора и пообещал вернуться с первыми лучами солнца.

На рассвете ответ губернатора был передан шлюпочной команде, которая доставила его на борт флагмана. Губернатор пригласил Хокинса пожаловать в «город» в девять часов утра, позволив ему приобрести все, в чем он нуждался. Генерал надел свое лучшее платье и отправился на берег в сопровождении вооруженного отряда солдат.

Администрация колонии и большинство колонистов встретили заморских гостей на центральной площади Асунсьона. Хокинс и губернатор пожали друг другу руки и с помощью Антониу Годдарда, игравшего роль переводчика, обменялись любезностями. После осмотра поселения и руин нескольких домов, сожженных шестью месяцами ранее французами, генерал флотилии и его офицеры были приглашены на обед.

Во время трапезы Хокинс попросил у губернатора разрешения закупить на острове говядину и баранину. Такое разрешение было дано, и в течение восьми дней на площади поселения шла бойкая торговля. С кораблей на берег доставили тюки с сукном и полотном, а также инструменты, гвозди и иные металлические изделия, в которых колонисты испытывали нужду. Все это меняли на провизию — вяленое мясо, рыбу, маис, овощи и фрукты. Кроме того, моряки охотились в окрестностях Асунсьона на птиц и запасались яйцами.

«В миле от острова, — сообщает Хортоп, — в море находится скала, на которой гнездится множество птиц, похожих на казарок. Ночью мы отправились в наших лодках и убили многих из них дубинками; и привезли их вместе с множеством яиц к нам на борт… Мы питались ими, найдя очень вкусными».

На девятый день корабли покинули Маргариту и с попутным ветром пошли вдоль венесуэльского побережья на запад, к Борбурате. Эта гавань служила «морскими воротами» для города Валенсия, находившегося в глубине провинции, примерно в 50

милях от побережья. Англичане подошли к Борбурате 4 апреля и стали на якорь в укромной бухточке между рифами и песчаными отмелями. Хокинс бывал здесь в 1565 году и установил деловые связи с губернатором Алонсо Бернальдесом. Однако визит в Борбурату капитана Ловелла, о чем рассказывалось выше, оказался менее успешным. Хокинс, по всей видимости, знал, что Бернальдес попал в опалу — его обвинили в незаконных сделках с корсарами-лютеранами и отозвали в Испанию. Поэтому англичане терялись в догадках, какой прием их ожидает в Борбурате на сей раз.

Губернатором провинции Новая Андалусия по-прежнему был дон Диего Понсе де Леон, резиденция которого находилась в Коро. Как ранее на Маргарите, Хокинс решил действовать дипломатично. Он отправил дону Диего письмо, в котором с величайшим сожалением сообщал: ему, мол, известно, что король запретил своим губернаторам в Америке выдавать лицензии на торговлю с иностранцами, но в силу сложившихся обстоятельств он все же хочет продать колонистам кое-что из товаров и 60 негров-рабов, чтобы было чем выплатить жалованье своим солдатам. В заключение генерал предложил губернатору встретиться тет-а-тет и побеседовать о делах, посулив ему от этой встречи немалую выгоду.

Дон Диего как раз инспектировал восточные районы провинции, поэтому гонец с письмом Хокинса отправился не в Коро, а в недавно основанный город Сантьяго-де-Леон-де-Каракас (современный Каракас). Путь ему предстоял неблизкий, и, пока он был занят поисками губернатора, англичане получили возможность спокойно заниматься своими делами в Борбурате.

Видя, что жители городка не проявляют враждебности, Хокинс 17 апреля подвел корабли ближе к берегу и под покровом ночи начал продавать английские товары и африканских невольников всем желающим. Городские власти смотрели на эти «шалости» сквозь пальцы, так что вскоре сделки стали совершаться не только по ночам, но и в дневное время. Моряки, не участвовавшие в торговле, занимались кренгованием судов, очищали и смолили борта, ремонтировали рангоут и такелаж, а также пополняли запасы воды и провианта, тогда как солдаты обеспечивали круглосуточную охрану гавани и лагеря на берегу.

Поскольку в Борбурате запасов мяса оказалось мало (перед приходом англичан городок был основательно разорен французскими корсарами под командованием Никола Балье), Хокинс решил достать провиант в Валенсии. В указанном городе, по его сведениям, находилась резиденция епископа, и генерал решил втянуть последнего в коммерческие сделки. Он написал

епископу письмо, в котором попросил продать ему сотню быков и навестить англичан в Борбурате.

Ответ епископа был любезным. Он не возражал против присутствия иностранцев в гавани и их торговли с местными жителями. В то же время епископ выразил сожаление, что не сможет приехать на встречу с командующим флотилией — как в силу преклонного возраста и многочисленных недугов, так и из боязни скомпрометировать себя в глазах паствы.

Хокинс счел письмо епископа хорошим знаком и отправил ему в подарок двух рабов и 12 серебряных ложек.

В конце апреля королевский счетовод провинции Венесуэла Диего Руис де Вальехо привез наконец ответ губернатора. Последний с сожалением сообщал, что не может разрешить англичанам вести торговлю во владениях короля Филиппа. В то же время он не угрожал и не требовал немедленно покинуть венесуэльские воды. Хокинс сделал вывод, что никто не будет препятствовать ему в его бизнесе.

Некоторые купцы из Валенсии хотели прибыть в Борбурату и торговать с англичанами, но, испугавшись карательных санкций со стороны колониальной администрации, не рискнули это сделать. Когда об этом стало известно Хокинсу, он решил отправить в Валенсию 60 солдат во главе с Робертом Барретом. Отряд, ведомый проводником, вышел из Борбураты засветло, к полудню пересек прибрежную равнину и во второй половине дня достиг покрытых лесом холмов. Ни индейцы, ни испанцы не препятствовали его продвижению. Хортоп, участвовавший в походе, вспоминал:

«Когда мы поднимались на холм, двигаясь в сторону Пласенсии (Валенсии. — *В. Г.),* мы нашли ужасного ядовитого змея с двумя головами. Его тело было таким же большим, как человеческая рука, и длиною в ярд. Наш мастер Роберт Баррет рассек его пополам своей шпагой; и она стала такой черной, словно ее выкрасили в чернилах.

Здесь водится много тигров (ягуаров. — *В. Г.)* — ужасных и свирепых бестий, которые с помощью хитрости пожирают и уничтожают много людей».

Приближение вооруженного отряда, безусловно, не осталось не замеченным жителями Валенсии. Неудивительно, что, прибыв в город, англичане нашли его покинутым: убежали все, включая епископа, городских чиновников и купцов. Отыскав дом епископа, Баррет застал в нем лишь одного больного священника. В доме имелись кладовка и подвал, наполненные съестными припасами и бочонками с вином. Подкрепившись, солдаты двинулись в обратный путь и через несколько дней вернулись в Борбурату.

Пока часть моряков занималась очисткой и переоснащением больших судов, Хокинс решил отправить малые суда «Уильям энд Джон», «Грейс оф Год» и «Своллоу» на остров Кюрасао за шкурами и вяленым мясом; одновременно Дрейк с «Джудит» и «Эйнджелом» должен был посетить Коро и Рио-де-ла-Ачу. Хокинс поручил своему «дорогому кузену» вступить в переговоры с местными властями и договориться с ними о торговле.

Дрейк прибыл на рейд Рио-де-ла-Ачи 4 июня и для начала попросил у Мигеля де Кастельяноса разрешение взять пресную воду. Однако дон Мигель, усилив гарнизон форта сотней ополченцев — испанцев, индейцев и негров — и перекрыв подходы к городку баррикадами, прислал Дрейку отрицательный ответ. Английский пинас, направившийся к берегу, был встречен огнем из трех пушек. В ответ корсары тоже пальнули пару раз в сторону дома казначея. Одно из ядер влетело в окно и разбило стол; дон Мигель, к счастью, не пострадал, но, говорят, от неожиданности свалился с кресла на пол.

У англичан один человек был ранен выстрелом из аркебузы. Чтобы не подвергать суда неоправданному риску, Дрейк отвел их подальше от берега.

В течение нескольких дней «Джудит» и «Эйнджел» блокировали вход в гавань. В это время в море была замечена каравелла, направлявшаяся в Рио-де-ла-Ачу с провиантом и депешами от губернатора Санто-Доминго — административного центра острова Эспаньола. Дрейк тут же прыгнул в пинас и отправился на ее перехват. Испанские аркебузиры, находившиеся на берегу, попытались выстрелами отсечь англичан от каравеллы, однако сделать это им не удалось — судно было взято на абордаж. Забрав почту и провиант, Дрейк отпустил пленных моряков на берег с посланием для дона Мигеля: «Если не захотите с нами торговать, то мы, выбившие вам окно, уничтожим все дотла».

Вечером 9 июня, когда в Рио-де-ла-Ачу пришли корабли Хокинса, последний попытался действовать более дипломатично и убедить несговорчивого Кастельяноса разрешить ему продать местным плантаторам шесть десятков негров. Увы, озлобленный пиратскими действиями Дрейка, казначей не пожелал вступить в сделку с генералом флотилии и даже запретил ему набрать в бочки пресную воду. «Если вы попытаетесь высадиться, — с вызовом добавил он, — то встретите с нашей стороны должный отпор».

Англичане приняли вызов. На следующий день в двух милях к востоку от города на сушу высадился отряд в составе двухсот солдат. Приблизившись к городку, они наткнулись на бруствер,

над которым развевался флаг Кастилии. На переговоры с казначеем был отправлен испанский пилот, присоединившийся к экспедиции в Борбурате. Но Кастельянос вновь отверг предложение решить вопрос полюбовно. Тогда Хокинс, желая свести свои потери к минимуму, решил уничтожить бруствер с помощью корабельной артиллерии. После нескольких залпов укрепление было частично разрушено и десантный отряд бросился в атаку. Испанский гарнизон встретил его залпом из аркебуз, но потом дрогнул и спешно отступил к окружавшему селение палисаду. Вместе с пехотинцами дали деру и два десятка всадников во главе с казначеем.

Когда стало ясно, что битва проиграна, все население Рио-де-ла-Ачи в панике бежало в окрестные леса. Преследуя противника, английские солдаты захватили в плен одного испанца, которого генерал флотилии отпустил через три дня. В ходе описанной операции, по данным Хокинса, погибли двое англичан, несколько человек получили ранения. Кастельянос в своем отчете королю утверждал, что его солдаты уложили 30 корсаров.

Овладев Рио-де-ла-Ачей, заморские гости выставили охрану и дождались прибытия парламентера. Посланник казначея передал Хокинсу письмо, в котором дон Мигель по-прежнему отказывался дать англичанам разрешение на торговлю. Генерал не сдавался. Через борбуратского пилота он передал Кастельяносу очередную просьбу о выдаче ему лицензии на право сбыта рабов и товаров из Европы. На этот раз свою просьбу он подкрепил угрозой сжечь поселение в случае отрицательного ответа.

Дон Мигель ответил, что даже если Хокинс «сожжет все Индии», он все равно не добьется своего.

Пока генерал переписывался с казначеем, его солдаты и матросы ограбили покинутые жилые дома и церковь, нашли шесть бочек вина, перепились и — возможно, по собственной инициативе — подожгли несколько домов. К тому времени, когда Хокинс приказал пожарной команде загасить огонь, сгорела почти треть селения.

Вскоре из леса прибыла еще одна группа парламентеров. Последние передали генералу очередное письмо от дона Мигеля, в котором он сообщал: если англичане сожгут весь город, у короля Испании найдутся средства, чтобы на его месте построить новый, еще лучший. Послание содержало также скрытую угрозу: если англичане не уйдут, они горько пожалеют об этом, ибо план их уничтожения уже составлен.

Хокинс решил воздействовать на несговорчивого казначея с помощью зажиточных жителей городка, оказавшихся среди парламентеров. Он зачитал письмо дона Мигеля вслух и открыто

обсудил с ними его содержание, затем заверил испанцев, что не стремится к конфронтации и что торговля принесет прибыль обеим сторонам. Более того, он пообещал возместить ущерб тем колонистам, чьи дома и собственность пострадали во время пожара, а также заверил, что заплатит священникам компенсацию за погром, который его люди учинили в церкви.

Утром следующего дня на берег были выгружены две полевые пушки, призванные прикрыть подступы к Рио-де-ла-Аче со стороны суши. После полудня отряд разведчиков обыскал три дома, стоявшие по другую сторону палисада, и нашел небольшой склад оружия и личное знамя казначея.

Несколько дней прошли в бездействии. А 15 июня в английский лагерь прибыли какой-то мулат и чернокожий раб Педро, принадлежавший самому Кастельяносу. В обмен на обещание свободы африканец сообщил Хокинсу, что может показать, где дон Мигель укрыл королевскую казну, снаряжение и часть сбежавших жителей городка.

Вечером, когда стемнело, Педро повел в лес отряд англичан, насчитывавший около ста двадцати аркебузиров. Пройдя шесть миль, они вышли на поляну, на которой увидели несколько палаток. Испанский лагерь был взят практически без сопротивления; в плен попали в основном старики, женщины и дети, а также несколько домашних рабов. В одной из палаток налетчики обнаружили окованные железом сундуки, содержавшие кожаные сумки с жемчугом, ящики с золотым песком и самородками, серебряные и золотые монеты и немного изумрудов. В Рио-де-ла-Ачу к генералу было тут же отправлено сообщение с просьбой прислать подкрепление и две повозки.

На рассвете Кастельянос с небольшим отрядом солдат и индейцев предпринял попытку отбить захваченную неприятелем казну, но англичане были начеку и легко отразили нападение. Затем прибыл Хокинс с повозками, сотней солдат и пилотом из Борбураты.

Когда сокровища погрузили на повозки, генерал отправил к Кастельяносу парламентеров. Он велел им в присутствии жителей Рио-де-ла-Ачи передать казначею, что все богатства будут погружены на корабли и оставлены там в качестве залога, но, как только дон Мигель даст свое согласие на торговлю, будут немедленно возвращены законным владельцам. Хокинс пообещал, что заплатит испанской таможне семь с половиной процентов пошлины с цены за каждого проданного раба. Если же казначей откажется выдать лицензию на торговлю, все убытки от визита англичан лягут тяжким бременем на жителей Рио-де-ла-Ачи.

Кастельянос понял, что проиграл. Жители поселения,

услышав о том, что предлагает английский генерал, сочли его условия вполне приемлемыми и потребовали, чтобы дон Мигель принял их. С тяжелым сердцем казначей согласился встретиться с Хокинсом в полдень этого же дня.

Переговоры шли в течение часа и завершились заключением взаимоприемлемого соглашения. Англичане получили разрешение на торговлю, после чего Хокинс велел своим людям освободить пленников и вернуть имущество тем жителям, которые пострадали от грабежей.

На следующий день королевская казна была возвращена Кастельяносу. Затем англичане передали испанцам 60 африканских невольников, получив взамен четыре тысячи золотых песо, взятых из упомянутой казны (возможно, это была плата за рабов, оставленных ранее капитаном Ловеллом). Кроме того, дон Мигель обменялся с работорговцем подарками и купил для себя за тысячу песо еще два десятка рабов. Подарок Хокинса включал в себя бархатный плащ, украшенный жемчугом и золотыми пуговицами, и отороченное мехом платье из тафты. В ответ казначей отправил ему широкий пояс, украшенный жемчугом, который он, скорее всего, изъял из сокровищницы короля Филиппа.

На другой день Кастельянос покинул Рио-де-ла-Ачу и больше не появлялся там до отплытия англичан. Когда он уехал, с борта «Джизес оф Любека» и «Миньона» на берег доставили большую партию рабов. Торговля велась в течение двух недель; колонисты купили от полутора сотен до двухсот африканцев и много тюков сукна и полотна. За все они расплатились звонкой монетой и жемчугом.

К началу июля Хокинс пришел к выводу, что экспедиция не только полностью себя окупила, но и принесла прибыль. Две трети товаров было продано. Теперь можно ставить паруса и идти дальше.

Перед уходом генерал не только возместил ущерб пострадавшим, но и отдал испанцам двух перебежчиков — негра и мулата. Оба были повешены, а Педро еще и четвертован.

Ночью, снявшись с якоря, флотилия проследовала дальше на запад, к небольшому селению Санта-Марта, куда прибыла в конце следующего дня. Губернатору было отправлено письмо с просьбой разрешить колонистам сбыть оставшихся на борту негров-рабов и закупить провизию. Хокинс рассчитывал получить ответ утром, но уже через пару часов от губернатора пришло ответное послание, в котором тот предлагал встретиться на следующий день в десять часов.

Утром Хокинс в сопровождении вооруженного эскорта

отправился на берег, где у него состоялся разговор с местным губернатором и его помощниками. Испанцы согласились вступить с англичанами в торговую сделку после небольшого «потешного» сражения — эта инсценировка понадобилась для того, чтобы не уронить «честь» испанского оружия и замылить глаза правительству в Мадриде. Вскоре десант из ста пятидесяти солдат высадился на берег и бросился в атаку. Одновременно корабли открыли по селению огонь из пушек, но так, чтобы не повредить дома и церковь. Разрушенным оказалось лишь нежилое строение на окраине — его руины должны были засвидетельствовать факт пиратского налета.

На центральной площади Санта-Марты англичан встретил испанский парламентер с белым флагом. Он сказал, что губернатор и «лучшие мужи» находятся в дальнем конце селения и желают переговорить с Хокинсом об условиях капитуляции. Переговоры, как и ожидалось, завершились успешно: губернатор выдал генералу лицензию на право торговли, и в течение двух недель работорговцы и жители Санта-Марты наслаждались обоюдовыгодными сделками, обменом подарками и банкетами. Хокинсу удалось сбыть еще 110 невольников (половину из них приобрел губернатор) и часть товаров из Европы на сумму в 12–13 тысяч дукатов. Однако распродать весь «живой товар» все же не удалось — в трюмах осталось примерно полсотни африканцев.

26 июля участники экспедиции отправились из Санта-Марты к Картахене — «морским воротам» Новой Гранады и появились в виду города спустя шесть дней. Корабли свернули марсели и произвели салют из пушек. Городские батареи ответили любезностью на любезность. Тем не менее губернатор дон Мартин де лас Алас тут же призвал всех горожан к оружию. По свидетельству монаха Педро Симона, дону Мартину удалось собрать два отряда ополченцев: первый состоял из четырехсот индейцев, второй — из двухсот испанцев. Из состава последнего выделили небольшую группу аркебузиров, которую возглавил сын губернатора Грегорио де лас Алас, и эскадрон в составе шестидесяти всадников во главе с Педро де Барросом. Общее военное руководство осуществлял маэстре-де-кампо Педро де Мендоса. В авангарде он разместил упомянутый батальон индейцев; кавалерия заняла позицию в арьергарде. Кроме того, на пляже была установлена пушка и разбросано множество шипов, смазанных смертельным ядом. Еще одну пушку установили в форте Ла-Калета. Возможно, какая-то часть защитников укрылась в форте Бокерон, находившемся у входа во внутреннюю гавань.

Хокинс, однако, не собирался штурмовать Картахену. Он ввел свою флотилию в обширную внешнюю гавань через пролив Бока-

Гранде, стал на якорь и отправил к губернатору Антониу Годдарда (по испанским данным — Жуана Кардозу) с письмом, в котором просил разрешения войти в город «лишь с целью торговли». Мартин де лас Алас ответил ему категорическим отказом, подчеркнув, что «единственными пунктами соглашения могут быть лишь ядра, выпущенные из пушек». После этого дон Мартин подарил парламентеру золотую цепь — в уплату за его службу — и приставил к нему эскорт из двадцати всадников, чтобы проводить его на берег моря. После ухода Годдарда аркебузиры произвели в сторону флотилии Хокинса несколько выстрелов, желая показать решимость защитников города драться не на жизнь, а на смерть. Тогда, согласно свидетельству Хортопа, «Миньон» обстрелял город и крепость из пушек. Испанская артиллерия открыла ответный огонь по кораблям корсаров, вынудив их отойти на безопасное расстояние.

Высадившись на живописном, утопавшем в зелени садов острове Тьерра-Бомба, люди Хокинса провели там целую неделю. В пещере, находившейся рядом с усадьбой Херонимо Родригеса, они нашли склад мускатного вина, оливкового масла маиса и иных продуктов. Вино, масло и маис англичане забрали себе, оставив испанцам партию шерстяных и льняных тканей стоимостью 300 дукатов.

Поскольку приближался сезон ураганов, Хокинс решил, что пора возвращаться домой. Корабли покинули Картахенскую бухту, взяв курс на северо-запад.

По данным Н. Хэзлвуда, в это время генерал отпустил на все четыре стороны французских пиратов, задержанных им в районе Зеленого Мыса, а также избавился от тихоходного португальского барка, взятого на реке Сан-Домингу, — его расснастили и пустили ко дну.

22 августа в районе кубинского мыса Сан-Антонио разыгрался жесточайший шторм, не утихавший в течение восьми дней. Флотилию понесло на север, к берегам Флориды. Когда ураган стих, выяснилось, что «Уильям энд Джон» пропал, а «Джизес оф Любек» протекает как решето. Необходимо было срочно найти удобное место, где можно починить флагман и другие потрепанные бурей суда. Не обнаружив таковое на флоридских берегах, Хокинс повернул на юго-запад, к побережью Юкатана.

11 сентября в заливе Кампече, в районе безлюдных островов Триангулос, англичане заметили два испанских парусника. Дрейк с «Джудит» и «Эйнджелом» отправился на их перехват и в конце концов задержал судно Франсиско Мальдонадо, шедшее из юкатанского порта Кампече. На призе нашли груз вина. Дрейк

отбуксировал приз к борту «Джизес оф Любека», после чего отвел капитана Мальдонадо и его пилота, Бартоломе Гонсалеса, в каюту генерала флотилии. Пленные сообщили Хокинсу, что их судно направлялось в Сан-Хуан-де-Улуа — мексиканскую гавань, где имелась хорошая якорная стоянка, прикрытая с севера одноименным островом. В Сан-Хуане можно было пополнить запасы провизии и отремонтировать пострадавшие в шторм суда, однако, согласно информации Мальдонадо, туда вскоре должен был прибыть из Испании «серебряный флот». Несмотря на риск встретиться с испанскими военными кораблями, Хокинс решил взять курс на упомянутую гавань.

Пока английская флотилия продвигалась в юго-западном направлении, ей удалось захватить еще два небольших судна. На их борту обнаружили мед, воск и сотню пассажиров, включая двух монахов и богатого дворянина дона Агустино де Вилья-Нуэва. Эти пленники могли помочь Хокинсу найти общий язык не только с властями Новой Испании (Мексики), но, возможно, и с командующим «серебряным флотом».

СРАЖЕНИЕ В ГАВАНИ САН-ХУАН-ДЕ-УЛУА

Вечером 15 сентября корабли Хокинса подошли к гавани Сан-Хуан-де-Улуа — «морским воротам» Веракруса.

Город Веракрус, основанный завоевателем Мексики Эрнаном Кортесом, в то время находился примерно в 15 милях к северу от этой гавани. Сама гавань прикрыта от преобладающих здесь северных ветров невысоким каменистым островом, расположенным в полумиле от материковой земли. На его обращенной к материку стороне испанцы с помощью негров-рабов соорудили церквушку, здание таможни, несколько деревянных домов для гарнизона (он насчитывал полсотни солдат), складские помещения и набережную, к которой направлялись суда, желавшие стать на якорь в относительно безопасном месте.

Когда Хокинс появился в гавани, там стояли на якоре «двенадцать кораблей, которые, как говорят, имели на борту на 200 000 ф. ст. золота и серебра». Кроме того, в городе ожидали прибытия «серебряного флота» (официально — «флот Новой Испании») — ежегодной флотилии, доставлявшей из метрополии переселенцев и изделия европейских мануфактур, а потом увозившей на родину американские товары и сокровища.

Испанцы ошибочно приняли корабли англичан за суда этого флота. Хокинс прибег к уловке, отправив вперед три испанских судна, захваченных в заливе Кампече. Данное обстоятельство и ввело испанцев в заблуждение. Можно представить их испуг, когда, прибыв утром 16 сентября на борт флагманского галеона Хокинса, они обнаружили свою ошибку! Вся годовая выручка Мексики оказалась под контролем англичан. Однако генерал флотилии поспешил успокоить королевского казначея Франсиско де Бустаманте и заместителя городского головы Мартина де Маркану, заявив, что не собирается захватывать корабли с сокровищами, а лишь намерен отремонтировать свои суда и пополнить запасы продовольствия.

Отсалютовав испанскому гарнизону, находившемуся на острове и все еще не подозревавшему о том, что за гости пожаловали в гавань, английская флотилия стала на якорь недалеко от каменной набережной и подняла флаги с красным крестом Святого Георгия. Когда испанцы поняли свою ошибку, их охватила паника. Не слушая приказов своего молодого командира Антонио Дельгадильо, они бросились к лодкам и пинасам, чтобы перебраться на материк. В итоге с комендантом гарнизона осталось лишь восемь солдат. Поскольку ни о каком сопротивлении англичанам не могло быть и речи, Дельгадильо

отправил на переговоры с ними двух своих людей. Последние вернулись назад с переводчиком Антониу Годдардом, который, успокоив коменданта, рассказал ему о мирном характере визита флотилии Хокинса.

Тем временем, вернув испанцам захваченные в заливе Кампече суда и отпустив с миром почти всех пленных (кроме Бустаманте, Вилья-Нуэва и одного или двух других заложников), Хокинс послал сообщение властям в Мехико с просьбой разрешить ему переоснастить свои корабли и купить в Веракрусе необходимое снаряжение и провиант. Он также добавил, что, будучи подданным английской королевы, «любящей сестры короля Филиппа», надеется на покровительство вице-короля в случае прибытия из метрополии флота Новой Испании.

Утром 17 сентября у входа в гавань Сан-Хуан-де-Улуа неожиданно появился галеон «Сан-Педро» — флагманский корабль генерал-капитана дона Франсиско де Лухана, сопровождавший полдюжины тяжело нагруженных торговых судов. На его борту находился новый вице-король Мексики дон Мартин Энрикес де Альманса. Затем на горизонте показался вице-адмиральский галеон «Санта-Клара», командир которого, дон Хуан де Убилья, вел за собой еще пять торговых судов. Хокинс оказался в весьма опасном положении. Он знал, что благодаря реформе дона Педро Менендеса де Авилеса испанские «серебряные флоты» всегда должны сопровождаться хорошо вооруженными *капитаной* (флагманским кораблем) и *альмирантой* (вице-адмиральским кораблем). Кроме того, на бискайских верфях были построены галеоны для постоянной сторожевой армады, которая должна была патрулировать атлантические коммуникации. В тот год Менендес де Авилес впервые выслал их на морские пути Атлантики, и Хокинсу это тоже было известно.

Комендант Дельгадильо, заметив на горизонте корабли «серебряного флота», тут же послал к ним Кристобаля Санчеса с предупреждением об опасности. Англичане тоже увидели паруса указанного флота, и Хокинс предпринял ряд мер по укреплению своих позиций в гавани. Он вызвал Дельгадильо на борт «Джизес оф Любека» и заявил ему, что возьмет батарею на острове Сан-Хуан-де-Улуа под свой контроль. Затем попросил коменданта отправиться навстречу испанским кораблям и передать генерал-капитану «серебряного флота» письмо, в котором сообщал, на каких условиях он позволит ему войти в порт.

Позиция англичан, безусловно, была более выгодной, так как под их контролем оставались остров и якорная стоянка, на которую они могли не пустить испанские суда; в таком случае

первый же шквал с севера выбросил бы их на скалистый берег.

Флот Новой Испании лег в дрейф в трех лигах мористее, после чего в порт был направлен пинас с белым флагом перемирия. Если верить Хортопу, переговоры начались бурно. Хокинс потребовал, чтобы вице-король разрешил снабдить англичан необходимыми припасами и обеспечил ему возможность свободно выйти из гавани через один из проходов, тогда как сами испанцы могли войти туда через другой проход. На это дон Мартин Энрикес высокомерно ответил, «что он — вице-король и имеет тысячу людей, поэтому он непременно войдет».

«Если он вице-король, — дерзко ответил Хокинс, — то я представляю здесь мою королеву и, значит, такой же вице-король, как и он. И если у него имеется тысяча людей, то мой порох и ядра найдут себе прекрасное применение».

Стороны долго спорили по вопросу о том, кто будет владеть островом Сан-Хуан-де-Улуа. Хокинс настаивал на своем приоритете, и переговоры затянулись на несколько дней, пока то ли страх перед шквалом, то ли дипломатические способности Хокинса не заставили дона Мартина уступить.

Согласно достигнутому соглашению англичанам разрешалось отремонтировать свои суда и закупить в городе провиант. В качестве гарантии их безопасности испанцы позволили им владеть островом и держать на трех береговых батареях 11 пушек. Ни один испанец не мог сойти на берег с оружием в руках. В понедельник 20 сентября указанный договор был ратифицирован и стороны обменялись заложниками — десять англичан против десяти испанцев. После этого Хокинс счел возможным освободить казначея Бустаманте.

Вечером испанцы снялись с якоря и стали на ночь на внешней стороне порта. Во вторник утром, воспользовавшись приливом и попутным ветром, они под звуки труб вошли в гавань, и оба флота салютовали друг другу. Сначала испанские суда попытались стать возле английских, но Хокинсу подобное положение дел не понравилось, и весь вторник и среду испанские и английские моряки трудились над тем, чтобы развести оба флота на разные стоянки. Наконец суда разошлись, развернувшись носом к берегу острова, причем с бушпритов можно было легко соскочить на причал, не прибегая к помощи шлюпок. Ближе всех к испанцам стоял «Миньон», рядом с ним — «Джизес оф Любек»; расстояние между флотами не превышало 20 ярдов.

Еще находясь на внешней стороне гавани, дон Мартин отправил тайный приказ городскому голове Веракруса дону

Луису Сегри прислать к нему 120 солдат, а в понедельник вечером распорядился скрытно посадить их на суда флота. Это наращивание сил, согласно официальной испанской «Реляции», продолжалось также в среду и четверг в соответствии с разработанным планом нападения на корсаров. Между «Миньоном» и двумя испанскими галеонами — *капитаной* и *альмирантой* — был поставлен на якорь большой расснащенный хульк «Сан-Сальвадор» (водоизмещение — от 500 до 900 тонн, шкипер — Диего Фелипе), и в течение вечера среды он был привязан канатом к главной якорной цепи «Джизес оф Любека» и наполнен людьми.

Необычное передвижение испанских отрядов и установка на кораблях дополнительных пушек не прошли незамеченными для Хокинса, и в четверг 23 сентября, приведя свою флотилию в полную боевую готовность, он через Баррета передал вице-королю протест. В ответ испанцы заверили его, что дополнительная артиллерия будет немедленно снята. Поскольку это не было выполнено, Хокинс послал повторный протест. Между тем находившиеся на берегу испанцы изображали из себя друзей англичан и усиленно угощали их спиртным. Ожидая ответ на свой второй протест, Хокинс решил спуститься в каюту пообедать.

За его столом в качестве гостя сидел знатный заложник — дон Агустин де Вилья-Нуэва, захваченный, как сообщалось выше, на одном из судов в заливе Кампече. Из его рукава неожиданно показалась рукоятка кинжала. К счастью, один из стюардов, Джон Чемберлен, вовремя заметил это и, навалившись на дона Агустина, обезоружил его. Хокинс вскочил на ноги.

— Схватите его, — приказал он, — и отведите в каюту слуг! Пусть двое охранников стерегут мерзавца.

Вооружившись арбалетом, генерал быстро поднялся на палубу и вскоре перебрался на борт «Миньона». Вахтенные сообщили ему, что на хульке испанцы ведут себя крайне подозрительно. Хокинс бросил взгляд на бак хулька и увидел там вице-адмирала Убилью: тот был вооружен и облачен в доспехи. Используя свой скромный запас испанских слов, Хокинс с презрением крикнул, что он — не джентльмен и ведет себя как мошенник. Это был вызов, и гордый испанец принял его. Генерал тут же выстрелил в противника из арбалета, а один из английских аркебузиров подстрелил какого-то солдата, появившегося на палубе хулька.

Перемирие закончилось. Убилья взмахнул белой салфеткой, подавая условный сигнал людям, прятавшимся на борту *капитаны* «Сан-Педро». Тотчас послышались звуки трубы, громкий топот ног и бряцание оружия. На острове испанцы с

кинжалами в руках бросились на своих английских собутыльников, тогда как солдаты из Веракруса стали перепрыгивать на причал с бушпритов судов, разя направо и налево застигнутую врасплох охрану батареи. Люди на хульке ухватились за канат, который они привязали к «Миньону», и начали тянуть его.

Однако англичане, остававшиеся на борту судов, держали ухо востро. Едва была поднята тревога, как испанские корабли подверглись артиллерийскому обстрелу со стороны флотилии Хокинса. *Альмиранта* «Санта-Клара» взорвалась от попадания ядра в ее крюйт-камеру.

Тем временем хульк сошелся нос к носу с английским вице-адмиральским судном, и испанские солдаты бросились на абордаж. «На это, — пишет Хортоп, — наш генерал громким и свирепым голосом крикнул нам: „Бог и Святой Георгий! Вперед на этих негодяев-предателей, очистите от них Миньон! Я верую в Господа, так что день будет за нами!“

Тогда моряки и солдаты перепрыгнули с „Джизес оф Любека“ на „Миньон“ и вышибли испанцев».

Надо заметить, что при первом же подозрении об измене Хокинс велел капитану «Миньона» Хэмптону быть начеку. Поэтому еще до того, как атака на его корабль была возобновлена, Хэмптон покинул прибрежную стоянку, отбуксировав судно на чистую воду кормой вперед, а потом обрушил шквал огня на горящую испанскую *альмиранту*.

Почти все англичане, находившиеся на берегу, были убиты в самом начале сражения. Среди трех уцелевших, как говорили, находился и Фрэнсис Дрейк: он спасся, прорвавшись через дерущуюся толпу на борт своего судна. Об этом, в частности, пишет испанский хронист Эррера, но Хортоп, который находился среди уцелевших, о Дрейке не упоминает.

Как только «Миньон» отступил, вражеский хульк повернулся в сторону «Джизес оф Любека»; в это время еще два испанских судна атаковали английский флагман, пытаясь взять его на абордаж. С трудом отбив натиск неприятеля, англичане перерезали главный швартов и укрыли флагманский корабль за «Миньоном».

Когда огонь пушек англичан стих, вражеская *альмиранта* была объята пламенем, а *капитана* и еще один корабль тонули. Вице-король, находившийся на *капитане*, оказался в смертельной опасности. В это время Франсиско де Лухан велел повернуть пушки береговых батарей в сторону английских кораблей и открыть по ним сокрушительный огонь.

Хокинс, однако, не пал духом. Попросив у своего пажа

Сэмюэла кубок пива, он призвал пушкарей «стать к орудиям бодро, как приличествует мужчинам».

Едва командир отставил серебряный кубок в сторону, вражеское ядро сбило его.

— Не бойтесь! — воскликнул Хокинс. — Ибо Господь, спасший меня от ядра, спасет нас всех от этих предателей и негодяев!

Между тем «Эйнджел» был потоплен огнем береговых батарей, а изувеченный ядрами «Своллоу» взят на абордаж. Французский капитан Бланд попытался вывести из гавани судно «Грейс оф Год», но связанные цепью ядра сбили на нем грот-мачту. Француз велел своим людям поджечь изувеченный корабль и пустить его по ветру в сторону испанской флотилии, после чего вместе с командой перебрался на пинасе на борт английского флагмана.

Рангоут и корпус «Джизес оф Любека» тоже были разбиты, а фок-мачта свалилась на борт, задавив 12 человек. Когда Хокинс вернулся с вице-адмиральского корабля на свой флагман и увидел, в каком плачевном состоянии тот находится, он понял, что вывести эту развалину в море уже не удастся. Флагман пришлось прятать за «Миньоном» всю вторую половину дня. В это время к нему приблизился барк «Джудит», которым, как мы знаем, командовал Дрейк. До наступления темноты матросы перетаскивали с «Джизес оф Любека» на «Миньон» и «Джудит» провиант, оружие, порох, инструменты и деньги, вырученные в ходе экспедиции. Когда трюмы барка были заполнены, Хокинс велел Дрейку отвести «Джудит» к выходу из гавани и ожидать его там.

Неожиданно англичане увидели, как испанцы направили в их сторону два брандера — суда, начиненные порохом и другими горючими материалами. Это был весьма грозный и распространенный в ту эпоху маневр. Не ожидая приказов, экипаж «Миньона» стал в панике рубить швартовы и ставить паруса. Хокинс попытался остановить паникеров, но его никто не слушал. Когда «Миньон» стал отходить от флагмана, генерал в последний момент успел перепрыгнуть на его борт. Раненые моряки и солдаты из команды «Джизес оф Любека», не имевшие возможности эвакуироваться, были предоставлены своей судьбе.

«Миньон» направился к стоявшему в отдалении судну Дрейка. Что касается брандеров, то они прошли мимо английского флагмана, не причинив ему никакого вреда. Увы, вернуться назад Хокинс уже не мог: этому препятствовали как ветер, так и поднявшееся на море волнение.

Остаток дня «Миньон» и «Джудит» дрейфовали на расстоянии

полета стрелы от испанского флота, а ночью, не зажигая сигнальных огней, барк Дрейка ушел в неизвестном направлении.

Ветер довольно быстро сменился на порывистые шквалы, налетавшие с севера, и это вынудило Хокинса два дня укрываться в подветренной стороне островка Сакрифисьос. Когда погода наладилась, он направился в сторону Пануко (современный Тампико). Испанцы, опасаясь новых шквалов, не стали преследовать его.

Дрейк, не имея, очевидно, никакого согласованного с Хокинсом плана действий, решил добираться до Англии самостоятельно. За это его потом не раз упрекали, обвиняя в дезертирстве. Почему он так поступил, теперь уже невозможно установить.

А тем временем, захватив «Джизес оф Любек», испанцы обнаружили на его борту всех своих заложников; проявив великодушие, англичане не казнили их за нарушение вице-королем условий соглашения и не забрали с собой в качестве живого прикрытия. Кроме заложников на английском флагмане было найдено 45 африканских невольников, несколько тюков добротного сукна и серебряный сервиз из адмиральской каюты.

СЕКРЕТНЫЙ ПЛАН ДРЕЙКА

Вечером 20 января 1569 года «Джудит» показалась у входа в гавань Плимута. Судно было в хорошем состоянии, и на его борту насчитывалось 65 человек.

Когда Дрейк высадился, ему некогда было отдыхать. Уильям Хокинс, выслушав рассказ капитана об инциденте в Сан-Хуан-де-Улуа, немедленно написал Сесилу и членам Королевского совета, испрашивая у них репрессальную грамоту для возмещения своих убытков и убытков брата. Эти письма взялся доставить в Лондон Дрейк.

Пять дней спустя, 25 января, в Маунтс-Бей прибыл потрепанный штормами «Миньон». Уильям Хокинс немедленно отправил на помощь брату небольшой барк с провиантом, двумя якорями, канатами и иным снаряжением, и спустя короткое время судно было приведено в Плимут. Сокровища, доставленные на нем из Вест-Индии, описали, после чего под надежной охраной отправили в столицу. С ними туда выехал и сам Джон Хокинс.

Чем занимался Дрейк после возвращения на родину, не совсем ясно. Эррера полагал, что он был заключен в тюрьму на три месяца как дезертир. С другой стороны, один из английских источников уверяет, что Дрейк поступил на службу в королевский флот.

В тот год заметное событие произошло в личной жизни Дрейка. Записи в церковных регистрах свидетельствуют, что 4 июля 1569 года в церкви Сент-Будо он обвенчался с Мэри Ньюмэн. К сожалению, никакой подробной информации о его семейных делах не сохранилось.

Желая компенсировать свои потери и отомстить испанцам за их вероломство в Сан-Хуан-де-Улуа, Дрейк предпринял две экспедиции в Вест-Индию. Первая осуществлялась на судах «Драгон» и «Суон» в 1569–1570 годах, а другая — на барке «Суон» в 1571 году. Английское правительство тайно поддерживало его, а на протесты Испании отвечало, что Дрейк действует на свой страх и риск как частное лицо.

Вполне вероятно, что экспедиция 1569–1570 годов носила разведывательный характер и осуществлялась при поддержке адмирала Уинтера. Сведения о ней скрыты завесой секретности. Больше информации имеется об экспедиции 1571 года. Один из кратких отчетов о ней содержится в документе, озаглавленном «Сводные данные о бедах и разбоях, учиненных Фр[энсисом] Дрейком, англичанином, при содействии и помощи других англичан». В нем сообщается: «В год 1570 (точнее, в начале 1571

года. — *В. Г.)* он отправился в Индии на барке в 40 тонн, с коим туда же пошли английский купец из Экзетера по имени Ричард Деннис и другие; и близ побережья у Номбре-де-Дьос они ограбили различные барки на реке Чагрес, которые перевозили товары на 40 000 дукатов в бархате и тафте, не считая иных товаров, а также золота и серебра на других барках, и с тем он пришел в Плимут, где все это было распределено среди его партнеров».

В январе 1571 года испанский посол доносил королю Филиппу: «Три судна и тридцатитонный шлюп покинули Плимут, чтобы идти в Индии, и другие шлюп и фрегат тоже готовы уйти. Все предпринятые усилия и обещания, данные судьей Адмиралтейства, не способны помешать им выйти в море».

Команда «Суона» насчитывала около тридцати человек. Прибыв к берегам Панамского перешейка примерно в то же время, когда испанский «серебряный флот» стал на якорь в порту Номбре-де-Дьос, Дрейк узнал, что поблизости уже оперирует французский капитан Никола Дезиль на судне «Эсперанс». Очевидно, англичане какое-то время действовали с французами в консорте. Вместе они проникли на реку Чагрес, устье которой находилось в 18 лигах к западу от Номбре-де-Дьоса, и собирались подняться по ней к селению Вента-де-Крусес — промежуточной станции на важном торговом пути, связывавшем тихоокеанское побережье Панамского перешейка с атлантическим. Зимой эта река была полноводной и судоходной. Дезиль имел на борту симаррона — беглого негра-раба — по имени Педро Мандинга, которому дорога через перешеек была хорошо знакома. Но, когда Мандинга по неизвестной причине сбежал, французы отказались от намерения напасть на Вента-де-Крусес и покинули Дрейка.

Согласно испанским источникам, 21 февраля вооруженный пинас английских корсаров напал на реке Чагрес на испанский фрегат Диего Поло. При этом лица налетчиков были раскрашены в красный и черный цвета. Под звуки труб они бросились на абордаж, размахивая обнаженными шпагами. Команда и пассажиры фрегата, располагавшие лишь двумя шпагами, отбивались в течение двух часов, но были осыпаны градом стрел и обстреляны из мушкетов. Некая донья Хуана, находившаяся на борту фрегата, видела, как стрела угодила в висок ее мужу, спустя час он скончался. Еще один испанец был ранен стрелой в руку, а невольник сеньора Асеведо был сражен мушкетной пулей.

В это время на пинасе подняли белый флаг перемирия, приглашая испанцев на переговоры, но его либо не увидели на фрегате, либо проигнорировали. В отчаянии испанская команда перерезала якорный канат, судно стало сносить к берегу, и

команда пинаса переключила свое внимание на другое судно, экипаж которого бежал на берег.

Между тем корабль сеньора Поло сел на мель, и все, кто был на нем, включая донью Хуану, переправились вброд на близлежащий остров.

Позже корсары вернулись и ограбили покинутый корабль. Они разбили на нем рангоут и шлюпку, а потом пустили по течению к устью реки Чагрес. На его борту грабители оставили сообщение, написанное по-английски: они выразили удивление, что их флаг перемирия был проигнорирован; кроме того, они клялись, что никому не хотели причинить зла и готовы были обращаться с пленными вполне учтиво; они готовы были также сохранить фрегат, на борту которого не было найдено никаких особых ценностей. Но что сталось, то сталось. В конце своего послания англичане заявили, что их не страшат испанские военные корабли, находящиеся поблизости; если их команды отважатся напасть, то «с Божьей помощью, это будет стоить им жизней еще до того, как они смогут разбить нас».

Послание было подписано от имени «англичан, которые готовы вести себя по-хорошему, если не будет причин для иного; а если такая причина появится, то мы будем скорее дьяволами, нежели людьми».

Оригинал английского письма не сохранился, но даже после перевода его на испанский язык в нем явственно слышна ирония, столь характерная для большинства последующих речей Фрэнсиса Дрейка.

Если согласиться, что нападение на фрегат сеньора Поло было осуществлено людьми с «Суона», и если допустить, что нападение на корабль сеньора Мело совершено той же группой, тогда люди Дрейка должны были оперировать в водах Панамского перешейка и на реке Чагрес на двух судах. Возможно, что одно из судов тандема было галиотом французских корсаров.

Испанский генерал дон Диего Флорес де Вальдес находился в это время в Номбре-де-Дьосе с двумя большими галеонами и двумя десятками судов «флота Тьерра-Фирме». Там он обильно пил и ел за счет местных чиновников и купцов, тогда как пираты-протестанты безнаказанно мародерствовали у него под боком. Лишь спустя две недели после нападения на фрегат Поло дон Диего соизволил наконец сняться с якоря. Письмо королю Филиппу II из Панамы подытоживает его «достижения» предельно лаконично:

«Генерал Диего Флорес де Вальдес отплыл на поиски корсаров с *капитаной, альмирантой* и каравеллой, хорошо обеспеченной артиллерией. Ожидалось, что его плавание будет

эффективным. Он нашел корсаров. Он их распознал и вернулся, не приблизившись к ним. Он не стал рисковать своими [большими] кораблями, поскольку корсары держались близко к берегу».

В своем рапорте дон Диего объяснил постигшую его неудачу тем, что налетчики имели легкие гребные суда, которые смогли уйти от него по мелководью. По всей видимости, генерал-капитан не встретился ни с «Суоном», ни с «Эсперансом», зато обнаружил три ограбленных ими испанских фрегата, которые были ими покинуты.

Спустя некоторое время Диего Флорес пересмотрел свою тактику. В письме от 16 марта 1571 года он писал, что снарядил три фрегата, снабженных веслами и парусами, — «суда, от которых они не смогут уберечь себя так, как они убереглись от галеонов». Его план заключался в том, чтобы сопроводить 14 или 15 речных барок, нагруженных одеждой и до сих пор укрывавшихся в Номбре-де-Дьосе, на реку Чагрес, а затем преследовать пиратов, которые кинутся на эту приманку. Но еще до завершения своего письма он узнал, что английский корабль вместе с весельным пинасом стал на якорь близ «острова Кативас». Пинас, очевидно, участвовал в нападении на фрегат сеньора Поло, а корабль, скорее всего, был «Суоном».

Так и не справившись с возложенной на него задачей, Флорес передал командование сторожевыми кораблями адмиралу Херонимо де Нарваэсу. Последний, увы, оказался таким же неудачником, как и его предшественник, — к большому разочарованию бюргеров Номбре-де-Дьоса, израсходовавших «на поиски этого корсара» четыре тысячи песо.

Бессилие испанцев увеличило смелость Дрейка, который после ухода французских «коллег» все же отважился совершить набег на селение Вента-де-Крусес.

В испанском списке корсарских рейдов, датированном 1575 годом, отмечалось, что «в году 71-м упомянутый Франсиско Драк похитил товары стоимостью более 50 000 дукатов у Лопе Руиса де Секо и Бальтасара Диаса». Когда пинас англичан спускался вниз по течению к устью реки Чагрес, то захватил и потопил три барки, чтобы они не смогли поднять тревогу в Номбре-де-Дьосе.

По данным Дж. Камминса, к началу мая объем захваченной добычи стал причинять Дрейку определенные неудобства. Золото и серебро не создавали ему особых проблем, так как их можно было использовать в качестве балласта. Но одежду и товары общей стоимостью около 150 тысяч песо плюс большое количество рабов, взятых на дюжине каботажных судов, невозможно было разместить на небольших парусниках.

Пришлось использовать две призовые барки в качестве транспортов.

Спустя несколько дней пинас Дрейка атаковал в районе Кативы фрегат, возвращавшийся из Картахены. Собственник судна, некий сеньор Сальватьерра, был убит, пострадали и другие люди, а находившийся среди пассажиров монах был раздет и осмеян «развязными лютеранами». Часть королевских депеш налетчики разорвали и выбросили в море, а команду и пассажиров фрегата высадили на берег необитаемого острова.

Заметим, что в своей дальнейшей карьере Дрейк никогда не прибегал к подобным варварским эксцессам и обращался с пленными вполне учтиво.

Через день или два после описанного нападения он двинулся на запад и между устьем реки Чагрес и бухтой Пуэрто-Бельо обнаружил флотилию из восемнадцати барок, из которых четыре были взяты на абордаж и ограблены. Корсары забрали их грузы, включая нескольких негров, удержали при себе одно судно и покинули в открытом море три других, после чего вернулись к Кативе. Помимо «Суона» и пинаса Дрейк имел при себе несколько призов.

На этом сведения о его операциях в панамских водах обрываются. В Англию Дрейк вернулся в октябре 1571 года. Где же он пропадал с мая по октябрь? Вероятно, какое-то время Дрейк оставался у берегов Панамского перешейка, а затем отправился искать места, где можно было сбыть захваченных рабов, ткани и одежду. Кроме того, он мог потратить часть времени на поиски укромной бухты, в которой хотел устроить тайное убежище.

Такая гавань была найдена им к востоку от Номбре-де-Дьоса, в заливе Дарьен. Расположенная близко к путям следования кораблей с сокровищами, она была идеальным пиратским гнездом. Капитан назвал это место Фазаний порт. Очевидно, это была знаменитая Секретная гавань (Пуэрто-Эскондидо), лежащая в четырех лигах к юго-западу от залива Каледония. Один из очевидцев описывал ее как «прекрасную округлую бухту, укрытую от всех ветров гавань, лежащую между двумя высокими мысами, с проходом шириной не более полукабельтова, а внутри имеющую восемь или десять кабельтовых в любом направлении, с глубиной примерно десять или двенадцать саженей, полную хорошей рыбы; грунт также весьма хорош».

Из этого секретного убежища он наверняка совершил несколько вылазок против испанского судоходства. К концу июля капитан мог пройти вдоль побережья на восток, к берегам Венесуэлы. Согласно испанским данным, в конце того же месяца три неизвестных судна с английскими командами вошли в

Борбурату, которую Дрейк неплохо знал по своим прежним экспедициям — с Ловеллом и Хокинсом, — и пытались завязать торговлю с местными жителями. В июле какой-то английский корабль примерно с пятьюдесятью людьми на борту вошел в гавань Коро, чтобы взять там воду, но высадившихся на берег моряков прогнал объединенный отряд индейцев и испанцев.

Как бы там ни было, экспедиция Дрейка оказалась весьма успешной. Добыча, захваченная им, оценивалась примерно в 66 тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, он получил опыт сотрудничества с французами. Испанская береговая оборона оказалась совершенно беспомощной против небольших парусногребных судов корсаров. От пленных и беглых негров-симарронов Дрейк узнал, каким образом испанцы доставляют сокровища из Перу в Панаму, а оттуда — в Номбре-де-Дьос. Наконец, англичане тщательно разведали побережье Панамского перешейка и Новой Гранады, обнаружив и оборудовав удобную базу для последующих операций в карибском регионе.

НАПАДЕНИЕ НА НОМБРЕ-ДЕ-ДЬОС

Задумав перехватить на Панамском перешейке испанский караван с богатейшим грузом перуанского золота и серебра, Дрейк нанял отчаянных молодцов и 24 мая, на Троицын день, 1572 года покинул Плимут на двух небольших судах — «Паско» (около 75 тонн) и «Суон» (25 тонн). Последним командовал его родной брат Джон. На борту «Паско» находилось 47 вольнонаемных людей, на «Суоне» — 26. Таким образом, в общей сложности в экспедиции участвовали 73 человека, из которых самому старшему было 50 лет, а всем прочим — под тридцать. Среди участников находились также еще один брат Дрейка — Джозеф, близкий друг капитана Джон Оксенхэм, которого в XIX веке прославит в своей романтической трагедии классик английской приключенческой литературы Ч. Кингсли, и капеллан Филипп Николс, написавший подробный отчет о ходе экспедиции (его отредактировал и издал в 1628 году племянник и тезка Дрейка — сэр Фрэнсис Дрейк).

Инвесторами предприятия могли быть сэр Уильям Уинтер и братья Хокинсы. На борт судов взяли достаточный запас продовольствия, боевое снаряжение, пушки, ядра, инструменты, воск, жир, лекарства и прочие необходимые припасы, а также три разобранных на части пинаса, которые собирались использовать для действий на мелководье.

К тому времени из различных английских и французских портов в Вест-Индию ушло уже немало других корсарских судов. В частности, сэр Эдвард Хорси, губернатор острова Уайт, отправил туда судно под командованием капитана Джеймса Ренса (Ронса), который, очевидно, служил шкипером на «Уильяме энд Джоне» в последней экспедиции Хокинса. Еще одно судно вышло из Плимута под командованием Джона Гаррета — вероятно, того самого, который был шкипером на «Миньоне».

Ветер благоприятствовал флотилии Дрейка. 3 июня англичане увидели скалистый остров Порту-Санту в архипелаге Мадейра, затем, не останавливаясь, миновали Канарские острова и, поймав северо-восточный пассат, пошли через Атлантику к Малым Антильским островам. 28 июня впередсмотрящий, сидевший в «вороньем гнезде», издал радостный крик: «Земля!»

На горизонте показались контуры острова Гваделупа, увенчанного высоким вулканом. На рассвете следующего дня в проливе между Гваделупой и Доминикой корсары заметили два рыбацких каноэ, которые отошли от небольшого скалистого островка, лежащего в трех лигах к югу от Доминики. Дрейк

решил стать здесь на якорь, чтобы дать командам возможность отдохнуть после утомительного трансатлантического перехода.

Шлюпки доставили людей к устью небольшой речушки, стекавшей с поросшей тропическим лесом близлежащей горы. На берегу были обнаружены несколько убогих хижин, построенных из веток и сучьев и крытых пальмовыми листьями. Матросы предположили, что это временное жилье, которое использовалось заходившими на остров рыбаками-карибами.

Участники экспедиции провели на острове три дня. За это время они успели не только восстановить силы, но и запастись питьевой водой, фруктами и дровами.

1 июля, в три часа пополудни, суда снялись с якоря и с попутным ветром пошли на запад. Через пять дней они находились уже у берегов Южной Америки, в десяти лигах от Санта-Марты. Чтобы не выдать своего присутствия и не всполошить испанцев, англичане не стали приближаться к гавани, а взяли курс на Дарьенский перешеек. Два дня дрейфовали в полосе штиля; затем паруса наполнились ветром, и через шесть дней суда благополучно подошли к входу в Фазаний порт.

Убежденный в том, что в пределах 35 лиг от его тайной базы нет ни одного испанского поселения, Дрейк отправился на берег с несколькими товарищами, не позаботившись прихватить с собой оружие. Неожиданно в том месте, где должна была находиться его база, он увидел столб дыма. Вернувшись к судну, Дрейк пересел в шлюпку и с усиленным вооруженным отрядом снова отправился к своему старому убежищу. На берегу англичане не обнаружили никаких признаков пребывания людей, кроме большого подожженного дерева. Стояла гнетущая тишина; все тропинки и просеки, которые они сделали во время прошлого визита в Фазаний порт, заросли густым кустарником и подлеском.

Вдруг на одном из деревьев матросы увидели металлическую табличку, на которой было нацарапано следующее послание:

> «Капитан Дрейк! Если фортуна приведет вас в этот порт, немедленно уходите! Ибо испанцы, коих вы удерживали здесь, при себе, в прошлом году, обнаружили это место и забрали всё, что вы здесь оставили.
>
> Я ухожу отсюда сегодня, 7 июля 1572 года.
>
> *Ваш преданный друг Джон Гаррет».*

Таким образом, капитан Гаррет посетил Фазаний порт незадолго до прихода Дрейка. В его команде наверняка

находились матросы, участвовавшие в предыдущей экспедиции Дрейка; они-то и могли рассказать своему новому командиру об этом тайном убежище.

Несмотря на предупреждение Гаррета, Дрейк решил не покидать Фазаний порт, пока не соберет свои пинасы. Суда ошвартовали у берега, после чего отдельные части пинасов перенесли на сушу и плотники занялись их сборкой. Одновременно из стволов поваленных деревьев начали строить небольшой пятиугольный форт. Одна его сторона была обращена к морю и оставалась открытой для причаливания шлюпок и пинасов; с четырех других сторон укрепление окружал непроходимый лес. Ворота сделали лишь с одной стороны, ближе к морю, а вокруг стен расчистили скат шириной 50 футов. Это сделали для того, чтобы никто не мог подкрасться к форту незамеченным.

На следующий день, 13 июля, когда работы по сборке пинасов и строительству форта еще не были завершены, у входа в гавань появились три подозрительных судна, причем два из них были испанской постройки. Матросы схватились за оружие, но вскоре выяснилось, что никакой опасности нет. Один из кораблей флотилии был барком сэра Эдварда Хорси, которым командовал упоминавшийся выше капитан Джеймс Ренс; два его спутника оказались призами — каравеллой с почтой (авизо), направлявшейся в Номбре-де-Дьос, и небольшим парусно-гребным шлюпом, захваченным у африканского мыса Бланко.

Появление соотечественников Дрейк воспринял без особого энтузиазма: ему были не нужны ни новые напарники, ни конкуренты. Однако он решил извлечь пользу из создавшейся ситуации. Дрейк признался, что планирует напасть на Номбре-де-Дьос и захватить казначейство. Ренс тут же попросил взять его в долю, и между двумя капитанами было подписано консортное соглашение.

За неделю три пинаса («Миньон», «Эйон» и «Лайон») были снаряжены и укомплектованы всем необходимым, и 20 июля объединенная флотилия выскользнула из Фазаньего порта. Продвигаясь на северо-запад вдоль побережья Дарьена, она через три дня достигла острова, известного под названием Пинос (Сосновый остров). Здесь они собирались укрыть свои суда, использовав для набега на Номбре-де-Дьос только пинасы.

Неожиданно внимание корсаров привлекли два фрегата, стоявшие на якоре у берега. Команды их, состоявшие из негров, были заняты погрузкой на борт строевого леса.

Негров захватили и допросили. Информация, которую они сообщили, была не очень утешительной. В горах и лесах по обе

стороны от дороги, связывавшей Панаму с Номбре-де-Дьос, активизировались симарроны, которых англичане на свой манер называли *марунами.* Их первые сообщества возникли здесь еще на заре испанской колонизации, когда беглые африканские невольники, женившись на местных индианках, образовали два сильных племени во главе с выборными вождями и разделили всю территорию вдоль «Королевской дороги» на подконтрольные им участки. Смелые и воинственные, они внушали страх и преследовались испанцами, как дикие звери. В тот год некий испанский дворянин с отрядом карателей напал на одно из их убежищ и полностью уничтожил его. В ответ маруны нанесли удар по Номбре-де-Дьосу. Это случилось за шесть недель до прибытия туда Дрейка. Негры рассказали, что испанцы отправили к губернатору Панамы гонцов с просьбой прислать подкрепления. Это означало, что англичанам следует поторопиться и закончить дело до того, как из Панамы пришлют солдат.

Дрейк отпустил негров на свободу, позволив им присоединиться к марунам; тем самым он заложил основы будущей имперской политики англичан в данном регионе, основанной на поддержании дружеских отношений с марунами и индейцами, не желавшими мириться с испанцами. В то же время капитан застраховал себя от возможности их появления в Номбре-де-Дьосе раньше, чем туда явится его собственный отряд. Оставив три судна и призовую каравеллу под присмотром Ренса, Дрейк взял с собой в набег четыре пинаса (три своих и шлюп Ренса). В них разместились 53 члена команды самого Дрейка и 20 моряков из команды его партнера. В ящики сложили оружие: мушкеты, пистолеты, мечи, пики, луки и бердыши, а также щиты. Кроме того, для подачи сигналов и создания шумовых эффектов моряки прихватили с собой два барабана и две трубы.

На пятый день пути, 28 июля, они достигли острова, лежащего в 25 лигах от Пиноса. Здесь ранним утром Дрейк высадил своих людей на берег и раздал им оружие. Все утро матросы занимались строевыми учениями, а в полдень взялись за весла, чтобы до захода солнца достигнуть устья Рио-Франсиско — небольшой речки, впадающей в море в пяти лигах к востоку от бухты Номбре-де-Дьос. Они держались близко к берегу, чтобы их не заметили со сторожевого поста, находившегося возле бухты, и в шести милях от него стали на якорь. Как только стемнело, двинулись дальше, стараясь не производить лишнего шума. Достигнув входа в бухту, пинасы остановились под прикрытием высокого берега, чтобы дождаться рассвета. Ночи, казалось, не будет конца. Молодые, необстрелянные спутники Дрейка начали нервничать. За мысом лежал неизвестный им город, который в их

представлении был «таким же большим, как Плимут», к тому же полон непобедимой испанской пехоты. Люди начали перешептываться, обсуждая полученные от негров новости. Капитан стал опасаться, что его деморализованные товарищи могут не дождаться рассвета и выйдут из повиновения. Неожиданно горизонт осветила поднимавшаяся яркая луна. Вожак решил использовать это обстоятельство и за час до рассвета объявил:

— Эй, парни, солнце встает! Светает. Пора!

Люди навалились на весла. Наверное, они не двинулись бы с места, если бы знали, что их обнаружили. Именно в этот момент в бухту вошло небольшое испанское судно из Севильи, принадлежавшее Диего Франсиско; оно везло Канарское вино и другие товары. Заметив подозрительные пинасы, команда судна тут же направила к берегу шлюпку. Дрейк бросился ей наперерез, вынудив отвернуть в сторону. Затем англичане высадились на берег, где прямо на пляже наткнулись на вооруженную шестью бронзовыми пушками батарею. Часовой, увидев незнакомцев, со всех ног бросился наутек.

— Тревога! — завопил он. — Тревога! К оружию! Пираты в городе!

Город, недавно переживший шок от нападения марунов, немедленно проснулся. Пока англичане сбрасывали с лафетов захваченные пушки, послышались удары церковного колокола и грохот барабанов; из домов на улицы стали выбегать кричащие от страха жители.

Выведя из строя береговую батарею, Дрейк велел двенадцати матросам остаться охранять пинасы, а с остальными устремился на холм, возвышавшийся на восточной окраине. Там, по его данным, полученным еще в ходе предыдущей экспедиции, испанцы собирались установить пушки, ядра которых могли достичь любой точки в городе. Убедившись, однако, что никаких пушек на холме нет, Дрейк быстро спустился вниз и решил идти к рыночной площади. Его отряд был разделен на две части; 16 человек под командованием его брата Джона и Оксенхэма получили приказ обогнуть здание королевского казначейства и войти на площадь с востока, тогда как другая группа из сорока человек во главе с ним самим должна была пройти туда по главной улице. Стреляя из мушкетов, под грохот барабанов и завывание труб, они промаршировали по городу, стремясь посеять смятение среди жителей. При этом, согласно информации португальца Лопеша Ваша, был убит лишь один житель: услышав шум на улице, бедолага выглянул в окно и получил пулю в лоб.

Ударная группа Дрейка первой достигла площади. Там, на юго-восточной стороне, было обнаружено небольшое скопление солдат и ополченцев, которые возводили возле губернаторского дома баррикаду; она должна была помешать англичанам пройти к Панамским воротам и обеспечить прикрытие для эвакуации жителей и защитников города.

Едва корсары вступили на площадь, испанцы дали по ним залп из аркебуз, но большая часть пуль упала в песок с недолетом. Сражен был лишь барабанщик Дрейка. Остальные участники штурма произвели ответный залп из мушкетов, после чего пустили в ход стрелы и копья. В этот момент, стреляя из мушкетов и пистолетов, с криками «Святой Георгий!» с восточной стороны на площадь ворвался отряд Джона Дрейка. Не подозревая, как слабы силы новоприбывших, испанцы побросали оружие и ринулись из города через Панамские ворота. В итоге рыночная площадь осталась под полным контролем англичан.

Дрейк принудил двух или трех пленных показать ему дом губернатора, где, как он знал, разгружали приходивший из Панамы караван мулов. «Прибыв в дом губернатора, — писал Филипп Николс, — мы увидели, что большая дверь, возле которой обычно осуществлялась разгрузка мулов, была открыта; свеча горела на верхней ступеньке, и прекрасный испанский жеребец был оседлан — то ли для самого губернатора, то ли для кого-то из его домочадцев, чтобы следовать за ним. В свете этой свечи мы увидели большую груду серебра в подвальном помещении; куча серебряных слитков, имевшая, по нашим прикидкам, семьдесят футов в длину, десять футов в ширину и двенадцать футов в высоту, была свалена у стены, причем каждый слиток весил от тридцати пяти до сорока фунтов».

Всего в подвале могло находиться около 360 тонн серебра, приготовленного к погрузке на галеоны «серебряного флота». Но Дрейк не разрешил своим изумленным товарищам взять хотя бы один слиток. Ему нужны были золото, драгоценные камни и жемчуг, которые, судя по всему, хранились в здании королевского казначейства на берегу бухты. Капитан приказал своим людям следовать за ним и держать оружие наготове, поскольку в городе все еще оставалось много испанцев.

Между тем Дрейку сообщили, что его суда могут быть атакованы и захвачены неприятелем. Молодой негр по имени Диего, сдавшийся морякам, охранявшим пинасы, рассказал им об отправке из Панамы в Номбре-де-Дьос ста пятидесяти солдат, подтвердив тем самым уже имевшуюся у корсаров информацию. Для проверки этого сообщения Дрейк отправил на берег своего брата и Оксенхэма. Последние застали охранников пинасов в

состоянии, близком к панике. Не имея ни малейшего представления о том, как развивались события в городе, они с удивлением наблюдали за бегавшими туда-сюда толпами горожан. Группа вооруженных испанских ополченцев приблизилась к ним, вопрошая:

— Кто вы? Что за люди?

— Англичане, — последовал ответ.

Испанцы, ахнув, тут же разрядили в охранников свои мушкеты и пистолеты и бросились врассыпную.

Неожиданно блеснула молния, грянул гром, хляби небесные разверзлись и на землю хлынул тропический ливень. Чтобы уберечь от воды фитили мушкетов, порох и тетиву луков, англичане вынуждены были укрыться под навесом у западного крыла здания казначейства. Здесь некоторые матросы опять начали ворчать, предлагая поскорее уйти из города. Дрейк, слышавший эти малодушные речи, не выдержал и в сердцах воскликнул:

— Парни, я привел вас к вратам Казначейства Земли! Если вы сделаете то, что задумали, потом никого не вините в этом — только себя!

К счастью, через полчаса ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Дрейк велел своему брату и Оксенхэму взять часть людей и попытаться взломать двери казначейства, а сам с остальными моряками намерился вернуться на рыночную площадь, чтобы не пустить туда испанцев. Однако едва вожак сделал несколько шагов, как ноги его подкосились и он рухнул на землю.

Оказалось, что еще во время первой стычки с испанцами Дрейк был ранен в ногу, но, опасаясь, что его люди могут отказаться идти дальше, скрывал от них этот факт, пока не лишился сил от большой потери крови. Матросы бросились к нему и быстро перевязали раненую ногу шарфом, стараясь остановить кровотечение. Придя в себя, капитан прошептал, что может идти дальше, но ему никто не поверил. Жизнь капитана в создавшейся ситуации была для его спутников дороже всех сокровищ Индий. Впрочем, не только это заставило их умолять его вернуться к пинасам. Многие участники налета были ранены и нуждались в срочной медицинской помощи.

Погрузившись на пинасы, корсары спешно отчалили. При этом они не поленились прихватить с собой упомянутый выше корабль с грузом Канарского вина. Испанцы, прибежавшие на берег, успели установить на батарее лишь одну пушку и послать вслед англичанам несколько ядер, но они не достигли цели.

На рассвете 29 июля, выйдя за пределы бухты Номбре-де-

Дьос, налетчики повернули на запад и обосновались на живописном островке Бастиментос, находящемся примерно в лиге от города; здесь имелись сады, огороды и птичьи дворы, снабжавшие испанцев провизией.

Мы пересказали английский отчет о случившемся, сомневаться в правдивости которого нет оснований. В упомянутом выше сочинении Лопеша Ваша утверждалось, что англичане были вытеснены из города силой и что у испанцев погиб лишь один человек. Эта версия, очевидно, исходила от проштрафившегося испанского губернатора, не сумевшего одолеть налетчиков и позорно бежавшего из города. В то же время в официальной жалобе короля Филиппа правительству Елизаветы указывалось, что во время английского нападения на Номбре-де-Дьос погибли 18 испанцев.

Корсары провели на острове Бастиментос два дня, не испытывая никаких неудобств. Затем под флагом перемирия к ним пожаловал посланник губернатора — молодой учтивый офицер, недавно прибывший с подкреплениями из Панамы. Парламентер, безусловно, был шпионом и прибыл с заданием разузнать о реальных силах англичан. Сам он объяснил свой визит лишь желанием убедиться, что предводитель англичан был «тем самым» капитаном Дрейком, который в течение последних двух лет неоднократно появлялся в окрестных водах и оставил о себе добрую память гуманным обращением с пленными. Если это так, добавил парламентер, то губернатор готов снабдить его всем необходимым.

Беседуя с Дрейком, испанец признался, что сначала жители города очень испугались, приняв налетчиков за французов. Однако, рассмотрев выпущенные в них стрелы, с облегчением поняли, что имеют дело с подданными британской короны — людьми благородными, которые никогда не подвергали пленных жестоким пыткам. Отпустив в адрес пришельцев еще несколько дежурных комплиментов, офицер спросил, не были ли стрелы, ранившие его людей, отравлены, и если да, то как можно излечить такие раны.

На это Дрейк ответил достаточно резко:

— Сеньор, не в моем обычае пользоваться отравленными стрелами. Полученные раны вы можете лечить с помощью обычных хирургических методов. Что касается предложения губернатора снабдить нас провизией, то мы имеем на острове достаточно необходимых продуктов, за исключением того специфического продукта этой страны, который мог бы удовлетворить меня и мою команду.

Подумав, он добавил:

— Советую вашему губернатору держать глаза открытыми! Ибо, прежде чем уйти, если, конечно, Господь сохранит мне жизнь, я намерен собрать часть урожая, который вы собираете с этих земель и отправляете в Испанию, чтобы потом досаждать всему миру.

Офицер отпарировал с едва уловимой иронией:

— Могу ли я позволить себе узнать, почему вы не взяли триста шестьдесят тонн серебра, приготовленного для погрузки на флот, и еще более ценное золото, которое хранится в железных ящиках королевского казначейского дома?

— Я был ранен, — ответил Дрейк, — и мои люди против моего желания отнесли меня на борт.

— В таком случае ваши люди так же благоразумны при отступлении, как и храбры в нападении, — вежливо заметил испанец. — Номбре-де-Дьос не желает мстить вам, сеньор капитан, высылая фрегаты или иные суда, имеющиеся у него. Но он позаботится о себе гораздо лучше, чем прежде, и приготовится к защите.

Хотя Дрейк не сомневался, что имеет дело с лазутчиком, он не уступил испанцу в любезности. Офицера пригласили отобедать и в конце концов отпустили с подарками, осыпав комплиментами по поводу его храбрости и благородства. Растроганный испанец признался, что ему никогда еще не оказывали подобной чести.

Как только посланник губернатора уехал, Дрейк опять расспросил негра Диего о том, каким образом испанцы перевозили золото и серебро из Панамы на побережье Карибского моря и как легче всего можно его захватить. Диего не только снабдил Дрейка ценной разведывательной информацией, но и сообщил предводителю корсаров, что его имя было в чести среди марунов. Связавшись с ними, он смог бы получить от них всю необходимую помощь.

По данным Диего, сокровища, доставлявшиеся морем из Перу в Панаму, везли потом на мулах в селение Вента-де-Крусес. Оно находилось примерно в шести лигах от города. Там золото и серебро перегружали на небольшие суда, которые шли вниз по реке Чагрес к Карибскому морю, а затем доставляли свой груз в гавань Номбре-де-Дьос. Осуществить данную операцию можно лишь в сезон дождей, то есть с апреля по декабрь, когда река Чагрес была полноводной. В сухой сезон, с января по март, сокровища либо хранились на складах в Панаме, либо транспортировались на карибское побережье по суше.

Для проверки полученной информации Дрейк отправил на реку Чагрес два пинаса; одним из них командовал его брат, вторым — Эллис Хиксом. За три дня, гребя против течения,

разведчики преодолели 18 лиг и добрались до Вента-де-Крусес, где внимательно изучили окрестности селения и установили дружеские связи с марунами. Обратный их путь к морю занял всего лишь сутки.

КОРСАРСКИЕ ОПЕРАЦИИ У БЕРЕГОВ НОВОЙ ГРАНАДЫ

1 августа Дрейк вернулся с тремя пинасами к судам, оставленным у острова Пинос. Там он, сгущая краски, в весьма мрачных тонах рассказал капитану Ренсу о неудаче в Номбре-де-Дьосе и новых трудностях, которые ожидают их при выполнении плана по перехвату каравана с сокровищами. Ренсу подобные перспективы не понравились. Учитывая, что их нахождение у берегов Панамского перешейка стало известно испанцам, партнер Дрейка засомневался в успехе задуманной акции и в конце концов заявил, что уходит домой. Дрейк, мечтавший поскорее разорвать консортство с Ренсом, не стал его удерживать. Когда 7 августа на Пинос прибыли с реки Чагрес пинасы разведчиков, Джеймс Ренс откланялся.

Простояв на якоре еще дней пять или шесть, Дрейк решил на время покинуть панамские воды. Он понимал, что испанцы, встревоженные его нападением на Номбре-де-Дьос, повысят бдительность и неизбежно усилят охрану побережья. Новым районом крейсерства были избраны воды Новой Гранады.

Из-за частых штилей добираться до Картахены пришлось почти неделю. Два судна и три пинаса Дрейка вяло ползли вдоль берегов Южной Америки на северо-восток, огибая небольшие островки и стараясь не привлекать к себе внимания туземцев. Наконец вечером 13 августа они стали на якорь недалеко от входа в Картахенскую гавань, у острова Сан-Бернардо. Во главе трех пинасов Дрейк тут же отправился на разведку. Обходя остров вокруг, англичане обнаружили испанский фрегат. На его борту был найден лишь один старый матрос.

— Где остальная часть команды? — спросили его.

— Они отправились на берег увиваться за своими любовницами, — ответил старик.

Дрейк понимающе кивнул и начал расспрашивать испанца о положении дел в порту и в городе. Пленник охотно делился новостями. По его словам, «за два часа до того, как стемнело, мимо них прошел под парусом и на веслах пинас, причем настолько быстро, что даже они не смогли бы так грести». С борта пинаса спросили: «Не появлялись ли здесь недавно какие-либо англичане или французы?» — «Нет, никого не было!» — ответили с фрегата. «Будьте бдительны!» — посоветовали новоприбывшие.

Затем, примерно через час, послышались орудийные выстрелы, и вахтенный, поднявшись на верхушку мачты, увидел,

как все суда, находившиеся во внутренней гавани Картахены, ушли под защиту пушек крепости.

Из рассказа старика Дрейк понял, что его прибытие в район Картахены не осталось незамеченным.

Пленный также признался, что возле близлежащего мыса стоит на якоре большой торговый корабль из Севильи. Он выгрузил свои товары на берег и на следующее утро собирался отплыть в Санто-Доминго. Англичане решили завладеть этим судном.

Когда пинасы приблизились к его борту, вахтенный окликнул их:

— Эй, откуда вы пришли?

— Из Номбре-де-Дьоса!

Услышав это, матросы на севильском корабле разразились потоком брани. «Мы не стали обращать внимание на их слова, — пишет капеллан Николс, — и каждый пинас, согласно приказу нашего капитана, немедленно пристал к его борту: один — к штирборту возле носа, другой — к штирборту возле квартердека, а капитан — к средней части бакборта; хотя взобраться на него было трудновато, ибо он имел 240 тонн. Едва поднявшись на палубу, мы задраили решетчатые люки и кубрик, чтобы не дать испанцам возможности досаждать нам. Когда они поняли, что мы овладели их кораблем, они остались в трюме со своим оружием, не считая двух или трех юнг, которые были найдены возле битенгов. Затем, осветив наши пинасы и убедившись, что им ничто не угрожает, мы быстро перерезали якорные канаты и с помощью наших трех пинасов отбуксировали его за остров, в пролив, находящийся прямо перед городом, где не было угрозы со стороны их больших пушек».

В Картахене подняли тревогу, послышались выстрелы из орудий и звон колоколов. Солдаты и ополченцы, кто в пешем строю, кто на лошадях, вышли из города и, приблизившись к кромке близлежащего леса, стали наугад стрелять по зарослям из мушкетов. Они всерьез полагали, что пираты готовятся атаковать городские укрепления со стороны суши.

На следующее утро англичане захватили еще два фрегата. На них обнаружили двух королевских писарей — одного из Картахены, другого из Верагуа, а также семерых моряков и двух негров-рабов. Пленные испанцы побывали в Номбре-де-Дьосе и теперь везли письма с известиями о «страшном пирате Дрейке» и предупреждением о возможности его появления в Картахене.

Собрав все свои суда, пинасы и призы, Дрейк отошел к острову Сан-Бернардо, где дал матросам возможность отдохнуть и порыбачить. В то же время, понимая, что для обслуживания

большой флотилии людей у него недостаточно, капитан решил сжечь один из кораблей, а еще одно судно использовать для хранения запаса провизии. Трудность выполнения задуманного плана заключалась в том, что ни команда «Паско», ни команда «Суона» ни за что не согласилась бы уничтожить свой корабль. Пришлось придумать хитрую уловку, о которой должны были знать только два человека — сам Дрейк и плотник «Суона» Том Мун.

Пригласив Муна к себе в каюту, капитан под большим секретом открыл ему свой замысел. Плотник должен ночью, в середине второй вахты, незаметно спуститься в трюм «Суона» и с помощью бурава просверлить в днище, возле киля, три дырки — так, чтобы вода постепенно проникала внутрь корабля и не вызвала раньше времени тревогу.

Услышав, о чем его просит начальник экспедиции, плотник не поверил своим ушам.

— Сэр, зачем же мне топить ваш собственный корабль — еще достаточно новый и прочный? — прошептал он. — Почему это должен сделать я, совершивший на нем вместе с вами два столь успешных и прибыльных вояжа? Да если ваш брат, шкипер «Суона», и остальные члены команды узнают об этом, они убьют меня!

Дрейку пришлось объяснить Муну причины, толкавшие его на этот необычный шаг. Внимательно выслушав капитана, плотник согласился с его аргументами.

На рассвете следующего дня, 15 августа, Дрейк взял один из пинасов, собравшись на рыбалку. Приблизившись к борту «Суона», он позвал своего брата и предложил ему отправиться порыбачить вместе. Джон не стал возражать. Но когда он, сбрасывая остатки сна, спустился в пинас и тот отвалил от борта, Фрэнсис вдруг спросил брата:

— Джек, почему твой барк так глубоко сидит в воде?

Теперь уже и шкипер «Суона» заметил, что с судном творится что-то неладное. Вызвав на палубу баталёра, он попросил его разузнать, нет ли в трюме воды. Баталёр тут же нырнул в люк, из которого через минуту выскочил наверх мокрый по пояс.

— Корабль полон воды! — закричал он.

Матросам не надо было объяснять, что им делать: часть из них немедленно стала к помпе, другие полезли в трюм искать щель, через которую вода просачивалась внутрь судна. Джон надеялся, что им удастся остановить течь, и отказался от помощи, которую предложил ему Фрэнсис.

— У нас достаточно людей на борту, — сказал он. — Так что отправляйся на рыбалку, чтобы нам было чем пообедать.

Команда «Суона» самоотверженно трудилась до трех часов дня, но все попытки откачать воду и найти течь не дали желаемого результата. Тогда Дрейк сделал брату неожиданное предложение: он согласен пересесть со своими людьми на один из пинасов, а «Паско» отдать Джону и его матросам. Это предложение слегка удивило команду «Суона», однако, трезво все взвесив, они приняли его. К вечеру Джон Дрейк и его люди перебрались со своими вещами на борт «Паско».

Утром 16 августа корсары собрались на совещание, в ходе которого решили укрыть корабль в заливе Дарьей. После этого Дрейк с двумя пинасами должен был отправиться на реку Магдалена, а его брат на третьем пинасе вернуться к устью реки Чагрес, чтобы связаться с марунами.

Через пять дней экспедиция достигла места назначения. В тайной гавани, расположенной в районе Дарьенского перешейка и названной Дрейком Портом Изобилия, англичане провели две недели. Все это время вожак не давал им лениться. Помимо обычных работ, связанных с поддержанием судна и пинасов в чистоте и порядке, моряки расчистили место для лагеря, построили дома для проживания и один дом — для проведения собраний. Большую помощь англичанам оказал негр Диего, научивший их быстро возводить различные строения по туземным технологиям.

Понимая, что люди должны не только работать, но и отдыхать, Дрейк разделил команды на две части: пока одна часть работала на судах и на берегу, а также пополняла запасы провизии с помощью охоты и рыбной ловли, другая часть развлекалась стрельбой по мишеням из луков, игрой в мяч и кегли, метанием диска. «Здесь наши кузнецы, — сообщает Николс, — построили кузницу, в которой работали, имея привезенные из Англии наковальню, железо, уголь и все необходимое, что оказалось для нас весьма кстати».

5 сентября Дрейк оставил «Паско» и пинас на попечении брата, а сам, как и планировал, отправился с двумя пинасами к реке Магдалена. Спустя три дня, миновав вход в Картахенскую бухту, он в двух лигах от устья упомянутой реки увидел на берегу огромное количество скота.

— Высаживаемся! — приказал Дрейк своим матросам.

Несколько индейцев-пастухов, увидев незнакомцев, спросили их по-испански:

— Что вы хотите получить?

Капитан ответил им, что нуждается в свежем мясе, за которое готов заплатить европейскими товарами. Индейцы с готовностью отдали англичанам столько коров, сколько они просили.

В тот же день пинасы отплыли и в три часа пополудни достигли устья Магдалены. Эта крупнейшая река Новой Гранады была открыта испанским конкистадором Родриго де Бастидасом 1 апреля 1501 года и названа в честь Марии Магдалены. В основное русло реки можно было попасть через два прохода — западный и восточный. Корсары вошли в реку через западный проход, называвшийся Бока-Чика — Малое Устье.

Преодолевая сильное течение, пинасы с трудом продвигались вверх по Магдалене. К вечеру удалось пройти всего две лиги. С наступлением ночи суда привязали к стоявшему на берегу большому дереву. В это время разразилась гроза, сопровождавшаяся тропическим ливнем. Дрейк, перекрывая раскаты грома, прокричал своим спутникам, чтобы они не тревожились: в этих местах ливни редко длились больше сорока пяти минут.

Как только гроза прекратилась, англичане столкнулись с новым испытанием: их атаковали тысячи москитов. Укусы этих насекомых были столь болезненными, что моряки так и не смогли заснуть до самого утра. «Лучшим средством, которое мы позже нашли против них, оказался лимонный сок», — записал в дневнике капеллан Николс.

9 сентября, едва рассвело, пинасы снова двинулись вверх по реке, преодолевая сильное течение. После обеда выяснилось, что они смогли пройти не больше пяти лиг.

Вскоре было замечено каноэ, в котором находились два рыбака-индейца. Чтобы не выдать себя, корсары не стали их окликать; индейцы тоже не проявили желания общаться с ними, приняв незнакомцев за испанцев.

Прошел еще час, и англичане увидели на берегу полдесятка домов. Испанец, присматривавший за ними, тут же разжег костер, пытаясь с помощью дыма привлечь к себе внимание путешественников. Он не сомневался, что в пинасах находятся его соотечественники. Но когда корсары выбрались на берег, испанец понял свою ошибку и незамедлительно взял ноги в руки.

В покинутых домах налетчики нашли большой запас продовольствия: сухари, маис, копченое мясо, сыр, сахар, засахаренные фрукты и прочие деликатесы. Все это предназначалось для погрузки на галеоны «серебряного флота» и отправки в Испанию, а в итоге было погружено на пинасы Дрейка.

На следующий день англичане пустились в обратный путь. Несмотря на встречный ветер, течение быстро несло их суденышки к устью Магдалены. 11 сентября они благополучно достигли Карибского моря и, повернув на запад, двинулись вдоль побережья материка. В районе Картахены корсары заметили три

судна: корабль, фрегат и барк. Первые два приближались к Картахенской бухте, в то время как барк уходил на север. Предположив, что на борту барка могут находиться золото и серебро, предназначавшиеся для доставки в Испанию, Дрейк приказал преследовать его. Однако, взяв этот приз, англичане нашли в его трюмах лишь сахар и шкуры. Барк отпустили. Затем, пользуясь устойчивым ветром с востока, который благоприятствовал им, пинасы легли на прежний курс.

Во второй половине дня на полпути между Картахеной и селением Толу им повстречались еще пять или шесть небольших каботажных судов. Захватив их, англичане нашли на борту живых свиней, овец, кур и груз маиса. Пленные были допрошены, после чего им отдали одно из трофейных судов и отпустили; два других легких фрегата, нагруженных провизией, Дрейк забрал с собой.

Через три дня пинасы и их призы прибыли в Порт Изобилия.

ВТОРОЙ ПОХОД В НОВУЮ ГРАНАДУ ГИБЕЛЬ ДЖОНА ДРЕЙКА

Пока Фрэнсис Дрейк безнаказанно трепал нервы испанцам у берегов Новой Гранады и на реке Магдалена, его брат Джон, сопровождаемый негром Диего, отправился на пинасе вдоль побережья Панамского перешейка; он искал марунов, на помощь которых англичане возлагали большие надежды. Поездка оказалась успешной. На реке, названной Рио-Диего, Джон встретился с отрядом марунов, предводитель которых пообещал оказывать корсарам поддержку во всех их антииспанских акциях. Для укрепления взаимного доверия стороны обменялись заложниками: двое матросов остались в отряде марунов, а двое негров присоединились к англичанам.

Вернувшись в Порт Изобилия и застав там старшего брата, Джон рассказал ему об успехе своей миссии. На военном совете было решено снарядить два пинаса и идти к устью Рио-Диего. Тем временем «Паско» и остальные суда должны перебазироваться в укромную бухту, обнаруженную Джоном недалеко от Рио-Диего. В тех местах, изобиловавших рыбой и дичью, отсутствовали испанские поселения; в то же время наличие у побережья множества небольших островов, окруженных рифами и мелями, могло обеспечить корсарам надежное прикрытие со стороны моря.

На другой день, 14 сентября, пинасы прибыли к устью Рио-Диего, где их уже поджидала группа марунов. Остальные чернокожие воины стояли лагерем в лесу в миле от морского побережья. «Затем, — пишет Николс, — после того как мы оказали им надлежащий прием и получили в ответ искренние заверения в том, что они желают нам счастья и добра, мы взяли еще двух из них на наш пинас, оставив двух наших людей с остальными из их компании; они должны были идти по суше к другой реке, называвшейся Рио-Гуана, с намерением встретиться там еще с одним отрядом симарронов, который находился в то время в горах».

16 сентября пинасы вернулись в бухту, где были укрыты суда. Здесь выяснилось, что за время их отсутствия шторм изрядно потрепал «Паско» и трофейные суда. Наспех подремонтировав свой флагман, Дрейк спустя два дня послал один из пинасов разведать окрестные воды. 19 сентября, проявляя максимум осторожности, англичане провели «Паско» через лабиринт рифов и мелей к небольшому песчаному островку, который находился

всего в четырех кабельтовых от материка. Островок утопал в зелени пальм и густого кустарника и идеально подходил для создания нового тайного убежища.

На четвертый день, осматривая побережье материка, дозорные заметили каких-то людей. Оказалось, что это вернулись двое их матросов и отряд марунов, пополнившийся еще дюжиной воинов — тех, что пришли с гор. Чернокожих союзников доставили на борт «Паско», где всем им был оказан радушный прием.

В беседе с Дрейком предводитель марунов сказал:

— Я знаю, что вы хотите получить много золота. Мы могли бы удовлетворить это ваше желание, но в настоящее время оно неосуществимо. Реки, в которых мы затопили огромное количество захваченных у испанцев золотых слитков, теперь столь полноводны, что мы не сможем достать их для вас.

— А как насчет того золота, которое испанцы доставляют сюда через перешеек из Панамы? — спросил Дрейк.

— Испанцы в эти дождливые месяцы не имеют привычки перевозить свои сокровища по суше, — ответил вождь.

Информация, полученная от предводителя марунов, несколько разочаровала Дрейка. Сезон дождей заканчивался через пять месяцев. За это время команды, оставшиеся не удел, могли полностью деморализоваться. Нужно было придумать, чем занять матросов.

Для начала капитан решил возвести на островке форт и установить на нем снятую с кораблей артиллерию. Пинасы были отправлены к материку за строевым лесом. Тем временем маруны «нарубили пальмовых веток и сучьев и с невероятной быстротой соорудили два больших дома для всей… компании». Укрепление треугольной формы, возводившееся на берегу, получило название Форт-Диего.

Проведя на острове пару недель, Дрейк предложил своему брату снова разделиться на два отряда. Сам он с тремя пинасами собрался предпринять новую вылазку в район Картахены. Джон со своими людьми должен был остаться на острове и с помощью марунов завершить строительство форта.

7 октября пинасы вышли в море. Вечером они стали на якорь у острова, который Дрейк окрестил Шпорой Коршуна. На нем гнездилось множество птиц, охота на которых не только развеяла скуку, но и позволила участникам похода разнообразить свое меню.

На другой день, когда солнце стояло в зените, пинасы вышли в море и через четыре часа подошли к большому острову, в водах которого было обнаружено много рыбы, а в прибрежной полосе —

множество моллюсков. Пополнив запасы провизии и переночевав на берегу, корсары утром 9 октября вывели свои пинасы в открытое море.

Продвигаясь на северо-восток вдоль побережья Новой Гранады, они через четыре дня достигли архипелага Сан-Бернардо. Заметив два испанских фрегата, англичане начали преследовать их; испанцы, не желая сдаваться, предпочли выбросить свои суда на берег. Никаких ценностей на их борту джентльмены удачи не обнаружили.

Укрывшись на одном из близлежащих островков, корсары два дня занимались рыбной ловлей и кренгованием пинасов. 16 октября Дрейк велел идти к селению Толу, расположенному на материке. В его окрестностях англичане нашли фруктовый сад. Несколько индейцев, слонявшихся поблизости, добровольно отдали им свои луки и стрелы, после чего снабдили незнакомцев продуктами и ценной информацией.

От Толу пинасы повернули в сторону Картахены. Проникнув через мелководный пролив Бока-Чика во внешнюю гавань обширной Картахенской бухты, корсары стали на якорь у живописного Острова Садов. Люди хотели высадиться на берег, чтобы отдохнуть и полакомиться свежими фруктами, но капитан не разрешил им покинуть пинасы.

— Это опасно, — сказал он. — Замечая незнакомые суда, испанцы всегда высылают солдат.

Дрейк оказался прав. Спустя три часа, проплывая мимо крайней оконечности острова, англичане попали под мушкетный огонь; один из матросов был ранен.

В тот же вечер пинасы вышли из гавани в открытое море на поиски добычи. На следующий день в двух лигах от входа в Картахенскую бухту был замечен испанский барк. Несколько матросов, находившихся на его борту, сдались в плен без сопротивления. Николс писал: «Мы захватили барк и нашли, что капитан с женой и лучшими пассажирами оставили его и бежали в сторону берега на шлюпке; по этой причине мы взяли его на абордаж без сопротивления, хотя они были хорошо обеспечены шпагами, щитами и пистолетами, не считая четырех железных пушек. Барк имел 50 тонн водоизмещения, десять матросов, пять или шесть негров, большой запас мыла и свежего мяса, и направлялся из Санто-Доминго в Картахену. Капитан его покинул, забыв шелковый флаг со своим гербом — видимо, из-за спешки».

18 октября корсары высадили всех пленных на берег, оставив при себе лишь трехлетнего негритенка. Со своим призом они снова вернулись в пролив, ведущий в Картахенскую бухту. В

полдень на покрытом лесом мысе появились всадники с белым флагом. Они сопровождали писаря, которого губернатор дон Франсиско Баамонде де Луго прислал на переговоры с Дрейком. Поднявшись на борт, писарь сообщил, что администрация города благодарит англичан за уважительное отношение к пленным и спрашивает, не нуждаются ли они в свежих продуктах. Побеседовав с парламентером еще некоторое время. Дрейк понял, что испанцы просто морочат ему голову, пытаясь выиграть время и собрать силы для нападения. Когда писарь уехал, корсары стали готовиться к отплытию.

На рассвете следующего дня пинасы и трофейный барк отошли от побережья на три лиги и стали на якорь возле одного из островов. 20 октября впередсмотрящий заметил два легких фрегата, вышедших из Картахенской бухты. Один имел водоизмещение 58 тонн, другой — лишь 12, и их команды насчитывали в общей сложности не более тринадцати человек. Англичане взяли их примерно в лиге от Бока-Чики. Оказалось, что оба судна направлялись в Санто-Доминго, но в их трюмах ничего не нашли, кроме балласта. Призы были отбуксированы ближе к берегу, где стали на якорь недалеко от восточного бастиона городской крепости. Пленные моряки умоляли отпустить их на берег. Дрейк отдал им шлюпку с большего фрегата и позволил уйти.

Утром 21 октября на западном мысе опять появилась группа испанцев под белым флагом. Капитан взял один из пинасов и отправился на переговоры. Однако когда англичане находились в одном кабельтове от берега, испанцы вдруг развернулись и в испуге бросились в лесные заросли. Едва киль пинаса коснулся песчаного дна, Дрейк спрыгнул в волны прибоя и вышел на берег. Продемонстрировав испанцам, что он не боится их, капитан все же не стал искушать судьбу, махнул в сторону зарослей рукой и опять вернулся на борт пинаса.

Спустя короткое время испанцы отважились выйти из леса. На переговоры они отправили молодого человека, который вплавь добрался до пинаса и передал корсарам послание от губернатора Картахены. Последний спрашивал, с какой целью иностранцы появились у побережья.

— Передайте губернатору, что я хочу торговать с вашими людьми, — сказал Дрейк парламентеру. — У меня имеются олово, жесть, одежда и иные товары, в которых вы нуждаетесь.

Молодой человек доставил это сообщение на берег, но вскоре вернулся к англичанам с новым посланием.

— Король запретил обмениваться с иностранцами какими-либо товарами, кроме пороха и пуль, — заявил он.

— Я прибыл сюда из моей страны, чтобы обменять свои товары на золото и серебро, — сказал Дрейк, — и не намерен возвращаться, пока не исполню свое намерение. Сдается мне, что у вас не будет времени для сна, если вы откажетесь честно торговать со мной.

После такого заверения капитан подарил парламентеру красивую рубашку и позволил ему уйти. Молодой человек обмотал рубашку вокруг головы, чтобы не замочить ее, и, спустившись за борт, быстро поплыл к берегу.

Больше в тот день к англичанам никто не пришел. Пинас вернулся к захваченным кораблям, и на ночь капитан приказал вахтенным не отходить от заряженных пушек.

22 октября, едва забрезжила заря, вахтенные увидели два испанских корабля, направлявшихся к их стоянке. Все люди были подняты по тревоге и заняли свои места в пинасах. Было ясно, что дон Франсиско Баамонде де Луго выслал эти фрегаты, чтобы уничтожить корсаров и вернуть захваченные суда. Неожиданно ветер стих и паруса испанских кораблей обвисли, как тряпки. Пинасы же англичан могли идти на веслах. Дрейк разделил своих людей на два ударных отряда: один пинас он отправил под командованием Джона Оксенхэма в сторону вооруженных фрегатов, а сам с другим пинасом поспешил к оставленным на якоре трофейным судам, чтобы не дать испанским солдатам, пересевшим в каноэ, овладеть ими.

Испанцы все же опередили Дрейка и первыми оказались на борту призов. Но увести их под прикрытие крепостной артиллерии они не успели. Устрашенные воинственными кличами англичан, приближавшихся к ним на пинасе, испанцы побросали свое оружие — аркебузы, пики, рапиры — и в панике стали прыгать в воду. Пока они плыли к берегу, корсары поднялись на борт трофейных парусников и стали совещаться, что делать с ними дальше. Выслушав мнения своих матросов, смысл которых сводился к невозможности обеспечить призы достаточным количеством людей, Дрейк решил не возвращать их испанцам. В итоге один из призов был затоплен, а второй сожжен.

После этого пинас капитана отправился к отряду Оксенхэма. Последний маневрировал вблизи двух военных фрегатов, не пытаясь их атаковать. Неожиданно подул сильный ветер с моря, принудивший пинасы англичан сместиться к входу в Картахенскую бухту; таким образом, они очутились между испанскими фрегатами и побережьем.

— Заходим в бухту! — отдал приказ Дрейк.

Испанцы, увидев, что неприятель сам себя загнал в ловушку, на всех парусах бросились догонять англичан. Шторм между тем

разыгрался не на шутку. Заняв позицию с наветренной стороны от вражеских фрегатов, корсары оказались в более выгодном положении. Поскольку ветер и волны помешали испанцам приблизиться к пинасам противника, они развернули свои фрегаты и ушли под защиту крепостных орудий во внутреннюю гавань Картахены.

Буря, сопровождавшаяся тропическим ливнем, не стихала в течение четырех дней. На пятый день, 27 октября, в бухту вошел еще один испанский фрегат. Заметив приближавшиеся пинасы с вооруженными людьми, испанцы тут же повернули к берегу и выбросили свое судно на пляж. При этом они предусмотрительно отцепили руль и забрали все паруса, без которых корсары не могли увести судно с собой.

Комендант крепости Бокерон, охранявшей вход во внутреннюю гавань, внимательно следил за событиями во внешней гавани и немедленно выслал для охраны фрегата роту солдат — как пеших, так и конных. Когда пинасы приблизились к пляжу, на который выбросился испанский парусник, из близлежащих зарослей по ним открыли огонь из мушкетов. В ответ англичане выпалили в сторону испанцев из своих вертлюжных пушек, развернулись и отошли на безопасное расстояние.

Поскольку внутри Картахенской бухты надеяться на добычу не имело смысла, Дрейк приказал выйти через пролив Бока-Чика в открытое море и, убрав мачты, укрыться за грядой скал Лас-Серенас, лежавших в двух милях от побережья. Там можно было подстерегать суда, шедшие в Картахену и обратно. Однако из-за сильного волнения, угрожавшего выбросить пинасы на скалы, от этой затеи пришлось отказаться. Англичане снова вошли во внешнюю гавань, в которой провели еще шесть дней.

2 ноября испанцы предприняли новую попытку захватить вражеские пинасы. Они выслали вперед баркас и большое каноэ, в которых находились вооруженные мушкетами солдаты гарнизона и индейцы с луками и стрелами. Как только корсары двинулись им навстречу, солдаты и индейцы выстрелили в них из мушкетов и луков, после чего отступили к берегу и скрылись в лесных зарослях. Одновременно два испанских пинаса и буксируемый ими фрегат вышли из внутренней гавани и пошли на сближение с англичанами.

Дрейку пришлось обороняться. Он велел сцепить оба своих пинаса носами и окружить их боннетами — защитными конструкциями, которые должны были помешать неприятелю вести прицельный ружейный огонь и взять английские суда на абордаж. Маневрируя с помощью весел, корсары в течение двух

или трех часов отстреливались от испанских солдат, держась от них на расстоянии полета мушкетной пули. В результате сражения в команде Дрейка был ранен лишь один человек. О потерях испанцев корсары не знали, но видели, что борта испанских судов прошиты ядрами в нескольких местах, а на одном из пинасов взорвался порох.

— Подойдем к ним поближе, — сказал Дрейк своим людям. — Может, удастся взять их.

Однако испанцы, догадавшись о намерениях корсаров и не имея возможности из-за противного ветра получить помощь со стороны буксируемого фрегата, немедленно ретировались.

Понимая, что испанские купцы теперь нескоро отважатся выходить из Картахены в море, а также учитывая, что устойчивые западные ветры в данный момент не позволят пинасам вернуться к Панамскому перешейку, Дрейк решил перенести морские операции к устью Магдалены. Там он рассчитывал не только подкараулить испанские торговые суда, но и пополнить запасы провизии.

3 ноября пинасы англичан двинулись вдоль побережья Новой Гранады на северо-восток и через два дня вышли в заданный район. Увы, здесь их ожидало горькое разочарование. Берег был пустынен. Индейцы по приказу испанских чиновников покинули свою деревню, забрали с собой продукты питания и угнали во внутренние районы провинции весь скот.

Неожиданно впередсмотрящий издал радостный крик:

— Слева по борту — парус!

Англичане увидели испанское судно, направлявшееся к устью Магдалены.

— Вот кто обеспечит нас провизией! — решил Дрейк и велел начать преследование.

Погоня, продолжавшаяся несколько часов, оказалась результативной; не ввязываясь в бой, испанец сдался. Корсары быстро осмотрели его трюмы и едва не взвыли от отчаяния — на борту приза не оказалось ни провизии, ни товаров, ни денег. Шкипер предъявил Дрейку вексель, который собирался обменять на продовольствие где-то на берегах Магдалены.

Отпустив испанцев на все четыре стороны, англичане продолжили свой путь в восточном направлении. Прошла еще неделя. Пинасы подошли к гавани Санта-Марты. Вооружившись подзорной трубой, капитан внимательно осмотрел рейд:

— Что за напасть! Ни одного испанского судна!

Погода начала капризничать, приближался шторм. Дрейк приказал войти в гавань и стать на якорь вдали от города — у высокого западного мыса. Однако испанцы, зорко следившие за

непрошеными гостями, укрылись с мушкетами на горе и стали оттуда обстреливать их. Пришлось уводить пинасы подальше от берега. Когда они очутились на траверзе города, артиллерия крепости открыла по ним огонь из кулеврин и несколько ядер упали рядом с бортом. Проклиная все на свете, корсары вынуждены были ретироваться из гавани в открытое море.

О том, что делать дальше, мнения участников экспедиции разделились. Одни предлагали высадиться на берег к востоку от города и попытаться силой захватить у испанцев провизию; другие хотели поискать ее в более спокойном месте. Дрейк заявил, что лучше всего пойти в Рио-де-ла-Ачу или на остров Кюрасао, где из-за малочисленности местных жителей им не могли оказать серьезного сопротивления.

— Сэр, мы готовы следовать за вами хоть вокруг света, — ответили капитану со второго пинаса. — Но мы не понимаем, как можно продержаться в открытом море без еды в такой шторм? У нас остался лишь один окорок и тридцать фунтов сухарей на восемнадцать человек.

— О, да вы лучше обеспечены, чем я! — ответил Дрейк. — У меня остался окорок и сорок фунтов сухарей на двадцать четыре человека. Не сомневаюсь, что вы согласитесь последовать за мной, положась на всемогущего Господа, который никогда не оставляет тех, кто верует в него!

С этими словами капитан велел поднять на своем пинасе фок и ложиться курсом на Кюрасао. Экипаж второго пинаса неохотно подчинился и двинулся следом за вожаком. Не прошли они и трех лиг, как на горизонте было замечено испанское судно. Приблизившись к нему, англичане определили, что оно имеет водоизмещение около 90 тонн и вооружено несколькими пушками. Испанцы попытались уйти от погони, открыв артиллерийский огонь. Из-за высоких волн корсары не могли подойти к борту преследуемого судна и маневрировали на некотором удалении от него. К счастью для них, ветер вскоре стал терять свою силу, дождь, ливший как из ведра, прекратился, а волнение постепенно улеглось. Поблагодарив силы небесные за то, что их молитвы были услышаны, англичане произвели залп по неприятельскому судну, стремительно атаковали его и взяли на абордаж.

На борту приза, к всеобщей радости, нашли большой запас сухой провизии. «Бог явил нам свою великую милость», — записал Николс.

Эллис Хиксом, командовавший вторым пинасом, 13 ноября был отправлен в сторону материка на разведку. Он обнаружил в десяти или двенадцати лигах к востоку от Санта-Марты

небольшую бухточку с хорошим песчаным дном. Узнав об этом, Дрейк отвел свой приз в это укромное место. Пленным испанцам он пообещал вернуть свободу и всю их одежду, если они согласятся доставить на борт питьевую воду, дрова и свежие продукты. Индейцы, обитавшие в соседней деревеньке, которой управлял какой-то испанец, помогли снабдить англичан всем, в чем они нуждались. В благодарность за это Дрейк отдал им кое-что из захваченного имущества.

Ночью скончался квартирмейстер Чарлз Глаб. Похоронив его по морскому обычаю, корсары освободили пленных испанцев и снялись с якоря.

Утром 15 ноября, воспользовавшись благоприятной погодой, Дрейк отправил свой меньший пинас «Миньон» в Форт-Диего, чтобы сообщить остававшимся там членам экспедиции о необходимости завершить подготовку к походу через перешеек. По пути команде «Миньона» было позволено зайти на остров Сан-Бернардо и забрать часть трофейных бутылок с вином, которые капитан предусмотрительно велел зарыть в песок.

Спустя неделю Дрейк и сам пожаловал на Сан-Бернардо. Здесь его люди смогли отыскать лишь 12 бутылок вина; остальной запас был обнаружен испанцами и вывезен в Картахену.

Продолжив свой путь к Панамскому перешейку, Дрейк 27 ноября прибыл наконец в Форт-Диего. Здесь капитана ожидала трагическая новость: погиб его брат Джон. Вместе с ним простился с жизнью и юноша, которого звали Ричард Аллен. Это случилось во время абордажа испанского фрегата буквально через два дня после того, как пинасы Дрейка ушли к берегам Новой Гранады.

«Как нам удалось выяснить в ходе расспросов команды, — сообщает Филипп Николс, — дело было так. Они увидели тот фрегат в море, когда доставляли в форт доски для строительства батареи, и команда стала докучать ему (Джону Дрейку. — *В. Г.)* просьбами догнать и напасть на сей фрегат, который, как они полагали, мог стать их хорошей добычей. Однако он ответил им, что у них недостаточно оружия для нападения; они не знают, насколько фрегат силен, и к тому же они нагрузили свои лодки досками, чтобы завершить то, что приказал его брат. Но когда эти слова их не убедили и они продолжали настаивать на своем, он сказал: „Если вы этого хотите — рискнем! Никто никогда не станет утверждать, что я плелся в хвосте, и вы никогда не сообщите моему брату, что ваше путешествие оказалось убыточным из-за моего малодушия!“

Вслед за этим каждый изловчился сделать то, что было

возможно в то время, и, выбросив доски за борт, взяли то нехитрое оружие, которым они располагали, а именно: сломанную на конце рапиру, один гарпун и ржавое ружье. Джон Дрейк взял рапиру и сделал латную рукавицу из своей подушки, Ричард Аллен взял гарпун, и оба стали на носу пинаса, называвшегося „Лайон“. Роберт взял ружье; и с тем пошли на абордаж. Но они нашли фрегат уже подготовившимся к ближнему бою, полным пик и мушкетов, которые выстрелили прямо в них и смертельно ранили тех, кто находился на баке: Джону Дрейку — в живот, а Ричарду Аллену — в голову. Однако, несмотря на полученные раны, они с веслами в руках покинули пинас, очистили фрегат и со всей возможной быстротой овладели их кораблем, где спустя час этот молодой человек, подававший большие надежды, окончил свои дни, к великой скорби всей команды».

Печальные известия, конечно, огорчили Фрэнсиса Дрейка. Он потерял не только близкого ему человека, но и верного боевого товарища, на помощь которого мог рассчитывать в трудную минуту. Впрочем, все участники этой рискованной экспедиции прекрасно знали, на что шли. Никто из них, начиная с юнги и заканчивая капитаном, не был застрахован от встречи с Костлявой Дамой.

ЧЕРЕЗ ПАНАМСКИЙ ПЕРЕШЕЕК И ОБРАТНО

Затаившись в своем убежище, Дрейк ожидал вестей от марунов, которые должны были сообщить ему о прибытии в Номбре-де-Дьос «серебряного флота» и о подготовке в Панаме каравана мулов для переброски сокровищ с тихоокеанского побережья Америки на атлантическое. Пока эти известия не пришли, корсары ограничивались короткими вылазками на материк, чтобы поохотиться на диких кабанов, фазанов и иных представителей фауны.

До Рождества ситуация в английском лагере оставалась благополучной, болезни обходили людей стороной. Но 3 января 1573 года почти половину команды свалила с ног эпидемия так называемой «морской горячки». Много матросов умерло в течение двух-трех дней. Возникло подозрение, что причиной болезни могла стать солоноватая вода, которую матросы набрали в устье соседней реки, поленившись подняться вверх по течению. Среди жертв эпидемии оказался еще один брат капитана — Джозеф, умерший у него на руках.

Чтобы определить, что за болезнь поразила его команду, Дрейк попросил хирурга вскрыть тело Джозефа. Вскрытие показало, что у умершего увеличена печень, сердце — будто сваренное, а кишки — светлые. Капеллан Николс записал: «Это был первый и последний эксперимент, который наш капитан осуществил в области анатомии во время экспедиции».

Хирург, вскрывший бездыханное тело Джозефа, странным образом скончался спустя четыре дня.

30 января, получив от марунов информацию о том, что испанские галеоны пришли в Номбре-де-Дьос, Дрейк отправил на разведку судно «Лайон». Крейсируя у побережья Панамского перешейка, «Лайон» перехватил испанский фрегат, направлявшийся в Номбре-де-Дьос из Толу с маисом, курами и тыквами. Пленные, среди которых находились одна женщина и 12 мужчин, включая городского писаря, подтвердили сообщение марунов. Поскольку последние жаждали перерезать всем испанцам глотки, англичанам пришлось приставить к пленникам усиленную охрану. Когда «Лайон» вернулся в Форт-Диего, Дрейк понял, что настала пора осуществить задуманную им операцию по перехвату каравана с сокровищами. Попросив марунов не посягать на жизнь пленных испанцев, находившихся под его защитой, и посовещавшись со своими людьми, он велел начать подготовку к походу через перешеек.

Отбытие было назначено на 3 февраля. Это был вторник

первой недели Великого поста. Учитывая, что к тому времени от эпидемии умерли 28 человек, часть людей все еще страдала от болезни, а часть была оставлена под командованием Эллиса Хиксома охранять базу, корабли и пленных, Дрейк смог взять с собой лишь 18 матросов и два десятка марунов во главе с их предводителем Педро. Уходя, он велел Хиксому ни в коем случае не доверять никаким сообщениям, которые могли быть переданы ему в устной форме.

— Верьте только тем известиям, которые будут написаны мной собственноручно, — подчеркнул он.

Помощь, которую оказывали англичанам маруны, оказалась поистине неоценимой. Негры были не только прекрасными разведчиками и проводниками, но и выносливыми носильщиками — они несли на своих плечах всю провизию и часть боевого снаряжения. Кроме того, они собирали съедобные плоды и ягоды, а также охотились в лесах, снабжая отряд свежим мясом. По свидетельству очевидца, маруны имели в своем распоряжении стрелы трех видов: самые большие предназначались для охоты на крупных животных — буйволов и диких кабанов; другие были рассчитаны на животных средних размеров, а самые легкие — для охоты на птиц.

«Каждый день мы начинали движение на рассвете, — сообщает Николс. — Мы шли до десяти часов, затем отдыхали (часто возле какой-нибудь речки) до полудня, потом шли до четырех часов, а затем на берегу какой-нибудь реки останавливались на отдых в тех домах, которые находили уже заранее приготовленными ими (то есть марунами. — *В. Г.)* для нас… или же они ежедневно очень быстро строили их для нас».

На третий день пути, 6 февраля, отряд прибыл в поселок марунов, расположенный на возвышенном берегу живописной реки. Селение, насчитывавшее полсотни домов, было окружено рвом шириной восемь футов и обнесено стеной высотой до десяти футов. Через него с востока на запад тянулась длинная и широкая улица, пересекавшаяся двумя менее длинными и менее широкими улицами. Вокруг поселка постоянно дежурили часовые, зорко следившие за тем, чтобы испанцы не совершили на него неожиданное нападение. Местные жители показались англичанам людьми культурными, опрятными и чистоплотными. Они часто купались в реке и переодевались в чистую одежду. Негритянки носили платья, сшитые по испанской моде.

Переночевав и подкрепившись в гостеприимном поселке, Дрейк и его спутники в полдень были готовы продолжить путь к Панаме. Вперед выслали четырех разведчиков, которые лучше всех ориентировались в лесу. Двигаясь впереди на расстоянии

мили от основного отряда, разведчики постоянно обламывали ветки деревьев и кустарника, указывая остальным направление. Следом за разведчиками шел авангард из двенадцати марунов. За ним следовали англичане, а замыкал походную колонну арьергард, также насчитывавший 12 марунов.

11 февраля в десять часов утра отряд поднялся на вершину горы, на которой стояло огромное дерево. Ветви его были срезаны таким образом, что по оставшимся сучкам можно было легко взобраться на самый верх. Там, наверху, находилась смотровая площадка, способная вместить десяток людей. Педро, взяв Дрейка за руку, пригласил его следовать за ним. Он дал понять, что с верхушки дерева тот сможет увидеть сразу два океана — Великое Южное море, как тогда называли Тихий океан, и Атлантику.

Когда капитан вслед за предводителем марунов поднялся на смотровую площадку и посмотрел на юг, в глазах его застыл неописуемый восторг. Он стал первым из англичан, кому посчастливилось увидеть Тихий океан! Участник похода писал, что Дрейк «попросил всемогущего Господа явить свою милость, чтобы продлить ему жизнь и позволить однажды проплыть по этому морю на английском корабле».

Вслед за капитаном остальные англичане тоже взобрались на дерево, и Дрейк, обратившись к Джону Оксенхэму, повторил то, о чем недавно просил Бога.

— Сэр, — с жаром воскликнул Оксенхэм, — если вы не вышвырнете меня из своей команды, я, с Божьей помощью, хотел бы последовать за вами!

После этого все спустились вниз и снова двинулись через лес в сторону тихоокеанского побережья. 13 февраля отряд вышел на широкую равнину, заросшую высокой сочной травой. За ней тянулась череда холмов. Поднимаясь на них, англичане в течение дня несколько раз видели высокие здания и колокольни Панамы. 14 февраля они увидели синюю гладь моря и корабли, стоявшие на рейде. До города оставался день пути, но тут маруны сообщили Дрейку, что их могут обнаружить охотники и птицеловы, которые в погожие дни любят отправляться из Панамы на охоту. Чтобы не дать себя обнаружить, отряд свернул с дороги к роще, находившейся в одной лиге от города.

Один из марунов, ранее служивший какому-то испанскому сеньору в Панаме и хорошо знавший город, на закате дня был отправлен туда разузнать, когда сокровища из Королевского казначейства погрузят на мулов и когда караван мулов тронется в путь.

Англичанам было известно, что из Панамы караван обычно выходил ночью под охраной солдат и двигался через саванну в

сторону селения Вента-де-Крусес, расположенного примерно в шести лигах от города. От Вента-де-Крусес до Номбре-де-Дьос испанцы передвигались только в дневное время, поскольку густые леса обеспечивали им даже в самые жаркие дни необходимую прохладу.

Разведчик-марун успешно выполнил данное ему поручение. Вернувшись в рощу, он рассказал, что встретил в городе своих старых друзей, которые поделились с ним последними новостями. Согласно их информации, караван готов двинуться в сторону Номбре-де-Дьос уже этой ночью, причем вести его взялся сам казначей Лимы. Вместе с казначеем в дорогу собралось все его семейство, включая красавицу-дочь. Под его непосредственным надзором находились 14 мулов, из которых восемь были нагружены золотом, один — драгоценными камнями, а прочие — домашней утварью. Кроме того, испанцы собрали два каравана, в каждом из которых насчитывалось по 50 мулов; их нагрузили продовольствием и небольшим количеством серебра.

Получив эти известия, Дрейк решил переместить свой отряд поближе к Вента-де-Крусес и устроить засаду в двух лигах от селения. Спустя короткое время двое марунов, высланные вперед, наткнулись на спящего испанского солдата и, связав его, привели к Дрейку. Пленник подтвердил все то, о чем рассказал англичанам вернувшийся из Панамы разведчик, а заодно снабдил их дополнительной информацией. Взамен солдат скромно попросил Дрейка не отдавать его на растерзание марунам, готовым убить любого испанца, и в случае успеха предприятия подарить ему немного золота «на прожиток».

Настала пора браться за «настоящую» работу. Капитан разделил свои силы на две группы захвата: первая, которая насчитывала восемь англичан и 15 марунов и которую возглавил он сам, залегла в густой траве с одной стороны дороги (примерно в пятидесяти шагах от нее); вторая, возглавляемая Оксенхэмом и командиром марунов Педро, затаилась примерно на такой же дистанции по другую сторону дороги. При этом обе группы расположились таким образом, чтобы первая могла атаковать голову каравана, а вторая — его тыл. Подобная тактика давала гарантию того, что в случае стрельбы нападающим не грозила опасность попасть под пули и стрелы своих товарищей. Кроме того, чтобы лучше ориентироваться в темноте, англичане и маруны надели белые рубашки.

Примерно через час тишину тропической ночи нарушил мелодичный звон колокольчиков, болтавшихся на шеях мулов. Этот звон доносился как со стороны Панамы, так и со стороны

Вента-де-Крусес, что свидетельствовало о приближении с противоположных сторон сразу двух караванов. Первым к месту засады приблизился караван из Вента-де-Крусес. Допрошенный ранее испанский солдат сообщил Дрейку, что указанный караван никогда не перевозил ценных товаров, поэтому нападать на него не было смысла. Но тут случилось непредвиденное. Один из матросов, Роберт Пайк, перед началом операции выпил для храбрости бутылку неразбавленного бренди, и алкоголь, ударивший ему в голову, подвигнул его на необдуманные действия. Услышав топот копыт, Пайк вдруг встал в полный рост, собираясь выяснить, кто это едет. Марун, находившийся рядом с ним, тут же бросился на него, свалил с ног и прикрыл сверху своим телом. Однако испанский офицер, гарцевавший на лошади впереди каравана, все же успел заметить мелькнувшую у обочины дороги фигуру в белой рубашке. Заподозрив неладное, он галопом помчался навстречу панамскому каравану.

Дрейк слышал, как кавалерист перешел с рыси в галоп, и предположил, что испанцы могли заметить кого-то из его людей. Однако он еще не знал, насколько фатальными окажутся последствия пьяной выходки Роберта Пайка.

Отыскав казначея из Лимы, кавалерист поделился с ним своими подозрениями. Он рассказал ему, что, по информации из Номбре-де-Дьос, у карибского побережья Панамского перешейка уже долгое время вертится «английский пират Франсиско Дракес»; если в его планы входит нападение на караван с сокровищами, то следует держать ухо востро: незнакомец в белом, фигуру которого он успел рассмотреть, мог быть кем-то из шайки пиратов, следовательно, сокровища короля и товары купцов находятся под угрозой.

Казначей не стал преуменьшать степень опасности, приказал немедленно свернуть с дороги мулов, перевозивших ценный груз, и пропустить вперед второй караван, нагруженный продовольствием. Таким образом, рассудил он, если пираты действительно устроили засаду и готовят нападение, риск потерять королевские сокровища будет сведен к минимуму.

Расчеты испанцев оказались верными. Отряд англичан и марунов стремительно атаковал появившийся на дороге панамский караван и без труда захватил его. Однако, вскрыв мешки и тюки с товарами, налетчики не обнаружили в них ни золота, ни драгоценностей — лишь немного серебра. Один из пленных погонщиков мулов рассказал Дрейку, каким образом испанцы узнали о засаде, после чего посоветовал ему поскорее уносить ноги.

— Из Панамы сюда вот-вот подойдет огромное войско, —

добавил он.

Известие о приближении вражеских солдат расстроило капитана гораздо меньше, чем открывшаяся правда о том, что виновником срыва всей операции стал один из его матросов. Впрочем, Дрейк никогда не впадал в отчаяние и не горевал долго о случившемся. Необходимо было срочно решить, что делать дальше. Он обратился за советом к Педро. Предводитель марунов предложил два альтернативных варианта действий:

— Можно отойти тем же тайным путем, по которому мы пришли сюда, вглубь леса на четыре лиги, а можно пройти вперед по главной дороге на Вента-де-Крусес, что в двух лигах отсюда, и проложить себе путь клинками сквозь толпу врагов.

Учитывая, что его люди очень устали от долгого блуждания по лесам, да и рана на ноге все еще давала о себе знать, Дрейк выбрал второй вариант. Он казался более предпочтительным еще и потому, что теперь у англичан имелась возможность проделать хотя бы часть пути на захваченных мулах.

Когда люди основательно подкрепились тем, что нашли в мешках с провизией, капитан спросил у вождя марунов:

— Педро, будете ли вы и дальше помогать нам?

Чернокожий вождь посмотрел Дрейку прямо в глаза, потом протянул ему руку и ответил:

— Я скорее умру, чем оставлю вас на растерзание врагам.

Объединенный отряд англичан и марунов тут же выступил в сторону Вента-де-Крусес. Примерно в миле от селения Дрейк приказал своим людям спешиться. Передав мулов пленным погонщикам, он отпустил их на свободу с условием, что они вернутся в Панаму.

— Если вы вздумаете последовать за нами, вас всех убьют, — добавил он.

Дорога на Вента-де-Крусес, достигавшая в ширину десятидвенадцати футов, шла через густой лес. Маруны двинулись в авангарде, готовые в любой момент предупредить своих союзников-англичан об опасности. Довольно скоро, не преодолев и половины пути, они обнаружили отряд испанских солдат, усиленный вооруженными монахами из соседнего монастыря. Дрейк велел своим людям приготовиться к бою, но не стрелять до тех пор, пока испанцы первыми не произведут залп.

Заметив неприятеля, испанский капитан крикнул:

— Эй, там!

— Эй! — отозвался Дрейк.

— Что за люди? — спросил испанец.

— Англичане!

— Именем короля Испании, моего господина, приказываю

вам сдаться. Даю слово благородного воина, что, если вы сделаете так, вам будет оказан достойный прием!

— Честь королевы Англии, моей госпожи, обязывает меня пройти по этой дороге, — ответил Дрейк и выстрелил в сторону испанцев из пистолета.

Сразу же последовал ответный залп. Пули и картечь зацепили капитана и нескольких матросов, но смертельную рану получил лишь Джон Харрис. Не успел дым над испанцами рассеяться, как Дрейк с помощью свистка подал условный сигнал своим людям и они ответили неприятелю градом пуль и стрел. Заметив, что испанцы дрогнули и начали отступать к небольшому укреплению на окраине Вента-де-Крусес, англичане бросились вперед. В это же время маруны, прятавшиеся в зарослях, выскочили на дорогу и с громкими воинственными криками накинулись на испанских солдат и монахов. Бой принял еще более ожесточенный характер; несколько англичан получили ранения, а один из марунов был пронзен пикой. Испанцы потеряли убитыми пять человек, включая одного монаха. В конце концов победа досталась корсарам и их союзникам. Преследуя обратившихся в бегство испанцев, они ворвались в Вента-де-Крусес — селение, в котором оказалось около полусотни домов, включая несколько красивых зданий, монастырь и склады для хранения товаров. Последние доставлялись сюда из Номбре-де-Дьос по реке Чагрес, а затем транспортировались на мулах в Панаму.

В покинутом селении люди Дрейка обнаружили трех знатных дам с детьми, недавно прибывших с карибского побережья. По их словам, в Номбре-де-Дьос они не могли оставаться из-за нездорового климата. Шансы выжить там имели только акклиматизировавшиеся испанцы, которые родились и прожили в Панаме не менее пяти-шести лет.

Поскольку дамы очень боялись марунов, Дрейк вынужден был приставить к ним вооруженную охрану. Но даже эти меры безопасности не могли успокоить их до тех пор, пока капитан не согласился лично присматривать за ними.

Выставив дозоры на входе в Вента-де-Крусес, захватчики провели в селении примерно полтора часа. За это время они тщательно обыскали все жилые дома и склады, присвоив себе всё, что им приглянулось и что легко было унести с собой.

Незадолго до ухода Дрейка часовые заметили отряд всадников, приближавшийся к поселку со стороны Панамы. В отряде насчитывалось не более дюжины солдат. Поскольку на улицах селения было тихо, испанцы, наверное, решили, что англичане покинули его. Но, увидев вооруженных стражников, в испуге развернули своих лошадей и галопом бросились назад в

Панаму.

Опустошив поселок, корсары и маруны двинулись наконец в обратный путь к побережью Карибского моря. Дрейк спешил. Его беспокоила судьба судов и больных людей, оставленных им в укреплении Форт-Диего. Поэтому, когда Педро предлагал ему отклониться от курса и посетить то или иное селение симарронов, Дрейк отвечал вежливым отказом.

Через несколько дней люди стали страдать от голода. Маруны уверяли Дрейка, что, если бы он согласился устроить привал хотя бы на сутки, они смогли бы поохотиться в окрестных лесах и обеспечить отряд достаточным количеством провианта.

— Нет-нет, друзья мои, мы должны спешить, — упрямо стоял на своем капитан.

Лишь субботним вечером 22 февраля, когда они достигли небольшого укрепленного поселка, построенного марунами на берегу Черепашьей реки, в трех лигах от корсарской базы, Дрейк согласился сделать передышку. Здесь англичане утолили голод и сменили изодранную обувь на новую. Один из марунов был послан в Форт-Диего. Поскольку Эллис Хиксом, командовавший фортом, никому не поверил бы на слово, Дрейк передал гонцу свою золотую зубочистку, на которой кончиком ножа нацарапал: «От меня, Фрэнсис Дрейк».

Примчавшись на берег моря, марун громко окликнул находившихся на борту судна матросов. Те спустились в шлюпку и через короткое время доставили гонца к Хиксону. Как и ожидалось, шкипер не стал его слушать, пока не увидел золотую зубочистку Дрейка с нацарапанной на ней фразой. Только тогда Хиксом согласился выслушать гонца. С его слов он понял, что Дрейк нуждается в провизии и просит прислать ее на пинасе к устью Черепашьей реки.

Когда участники похода смогли наконец добраться до побережья, их радости не было границ. «Наш капитан, — писал Николс, — вместе со всей командой от всей души поблагодарили Господа за то, что Он позволил нам снова увидеть наш пинас и наших товарищей».

ВСТРЕЧА С ФРАНЦУЗАМИ

Несмотря на то, что под Панамой их постигла неудача, Дрейк не отказался от намерения овладеть испанскими сокровищами. Рано или поздно драгоценный караван должен пересечь Панамский перешеек и доставить свой груз в Номбре-де-Дьос. Следовательно, у англичан оставалась возможность предпринять еще одну попытку захватить вожделенный трофей.

Чтобы отвлечь своих людей от грустных мыслей и уберечь от расслабляющего воздействия вынужденного безделья, капитан решил привлечь их к какому-нибудь делу. На общем собрании участникам экспедиции было предложено высказать свое мнение о том, чем им следует заняться в ближайшее время. Часть матросов хотела поохотиться за торговыми судами — их было легко захватить, и на них можно было найти достаточный запас продовольствия. Другие предлагали отправиться на поиски фрегатов, доставлявших сокровища в Номбре-де-Дьос, где их затем грузили на галеоны «серебряного флота». Но этот вариант представлялся более рискованным, так как драгоценные грузы обычно хорошо охранялись.

Спросили также мнение марунов. Негры рассказали англичанам о некоем сеньоре Песоро, проживавшем недалеко от Верагуа. По их словам, этот сеньор жил в большом каменном доме, имел множество рабов и занимался добычей золота. Сокровищ у него было видимо-невидимо. А хранил он их в огромных сундуках; каждый сундук имел четыре фута длины, три фута ширины и два фута высоты. Поскольку сеньор Песоро был человеком злым и жестоким не только по отношению к своим рабам, но и ко всем людям вообще, он нажил себе немало врагов; поэтому, покидая свой дом-крепость, он всегда брал с собой пять-шесть телохранителей.

Маруны обещали Дрейку провести его отряд к дому сеньора Песоро по тайным лесным тропинкам и помочь захватить дом с сокровищами либо с помощью подкопа, либо перебравшись через стены.

Выслушав все предложения, капитан остановил свой выбор на первых двух. Силы экспедиции должны были быть разделены на два отряда и отплыть на пинасах в разных направлениях. Но прежде чем уйти, англичане затопили свой третий пинас, «Лайон», для обслуживания которого у них не хватало людей.

Джон Оксенхэм взял под свое командование пинас «Бэр» и пошел искать провизию на восток, в район Толу. Дрейк на «Миньоне» решил охотиться за испанскими судами,

направлявшимися в Номбре-де-Дьос из Верагуа и Никарагуа. Перед отплытием он одарил марунов подарками и простился с теми из них, кто пожелал вернуться к своим семьям. Те негры, которые пожелали остаться, были включены в состав обеих команд.

Итак, Дрейк взял курс на запад. Спустя короткое время он повстречал испанский фрегат, который сдался без боя. На его борту нашли немного золота и генуэзского пилота. Последний сообщил, что восемь дней назад заходил в Верагуа, где видел стоявший на якоре фрегат с грузом золота на миллион песо. Пилот заверил Дрейка, что хорошо знает все подходы к гавани Верагуа, а также сам город, лежавший в пяти лигах от побережья. Он предложил англичанам свои услуги в качестве лоцмана, и его предложение было принято.

Дрейк намеревался войти в порт Верагуа под покровом ночи. Однако, когда его пинас приблизился к входу в гавань, темноту прорезали огненные вспышки и послышались два пушечных выстрела. С другой стороны гавани также ответили двумя выстрелами. Генуэзский пилот предположил, что испанцы все же заметили появление незнакомого судна и подали сигнал гарнизону. Ни о каком внезапном нападении теперь не могло быть и речи.

В полном соответствии с духом того времени корсары списали свою неудачу на волю Господа, который пока не проявил желания помочь им. К тому же ветер сменился с восточного на западный, благоприятствуя их возвращению на базу. «Миньон» лег на обратный курс.

Во вторник 19 марта Дрейк встретился с пинасом Оксенхэма. Вояж «Бэра» оказался успешным. Он взял на абордаж фрегат, на котором были найдены «большой запас маиса, двадцать восемь жирных свиней и две сотни кур». Поскольку трофейное судно оказалось новым, добротным и маневренным, Дрейк велел разгрузить его и переоснастить в боевой корабль.

23 марта англичане отправились к Номбре-де-Дьос. Через несколько дней им повстречался неизвестный корабль. Незнакомец не проявлял враждебных намерений и, приблизившись с подветренной стороны, салютовал выстрелом из пушки. Оказалось, что корабль принадлежал французам и находился под командованием капитана-гугенота Гийома Тетю. Он прибыл в Карибское море из Гавра с корсарскими целями, имел на борту 70 моряков и большой запас вина и сидра, но испытывал острый недостаток в питьевой воде. Дрейк снабдил его водой и пригласил на свою тайную базу.

Когда корабли стали на якорь, Тетю вручил своему

английскому коллеге по ремеслу презент — ящик с пистолетами и великолепную турецкую саблю, принадлежавшую некогда королю Франции. В ответ Дрейк подарил французскому капитану золотую цепь.

Во время застолья Тетю рассказал англичанам о массовой резне гугенотов, устроенной католиками в Париже в ночь накануне Дня святого Варфоломея (24 августа 1572 года), а также о трагической гибели адмирала Франции Гаспара де Колиньи. Будучи протестантами, английские моряки еще больше укрепились в своих антипапистских настроениях. Затем предводитель французских корсаров пожелал присоединиться к отряду Дрейка и участвовать в его операциях против испанцев.

Дрейк не сразу ответил на это предложение согласием, решив предварительно посоветоваться со своими людьми. У французов был более крупный корабль — грузоподъемностью около 80 тонн, тогда как фрегат англичан имел водоизмещение около 20 тонн, а пинасы — примерно по 10 тонн каждая. На 70 членов команды Тетю приходилось всего три десятка англичан, не считая капитана. При таком раскладе французские корсары могли претендовать на львиную долю добычи. Англичане, первыми задумавшие нападение на караван с сокровищами, ни за что не согласились бы объединиться с французами на основе неравного распределения будущей добычи. Чтобы сохранить паритет, Дрейк поставил капитану Тетю жесткое условие: во-первых, с обеих сторон в намечавшейся акции примут участие по 20 человек; во-вторых, вся добыча будет поделена поровну.

Тетю и его товарищи охотно согласились с этими предложениями.

ЗАХВАТ КАРАВАНА С СОКРОВИЩАМИ

Заключив консортное соглашение с французами, Дрейк отправил гонца к марунам. Последние должны были выступить союзниками и проводниками корсаров.

Пять или шесть дней ушло на отдых и снаряжение объединенного ударного отряда. В окончательном варианте в него вошли 20 французов, 15 англичан и пять марунов. Закончив все приготовления, корсары погрузились на трофейный испанский фрегат и два пинаса и взяли курс на устье реки Рио-Франсиско. Маруны знали, как пройти от нее по лесным тропам к дороге, связывавшей Панаму с карибским побережьем.

Учитывая, что фрегат не мог двигаться по мелководью, Дрейку пришлось оставить его недалеко от Рио-Франсиско под присмотром нескольких английских и французских матросов; старшим над ними он назначил Роберта Добла. При этом капитан строго-настрого запретил им крейсировать у побережья в поисках добычи, подчеркнув, что главная их задача — дождаться возвращения основного отряда.

31 марта пинасы вошли в устье Рио-Франсиско. Высадившись на берег, люди Дрейка и Тетю двинулись через лес следом за своими чернокожими проводниками. До места назначения предстояло пройти не меньше семи лиг. Французы, не очень доверявшие марунам, опасались какого-нибудь подвоха с их стороны.

— Если они убегут, то как мы сможем найти обратную дорогу к нашим пинасам? — тихо спросил Тетю у своего английского коллеги.

— У меня нет причин не доверять им, — ответил Дрейк. — Весь мой прежний опыт свидетельствует, что маруны — надежные союзники.

К ночи отряд смог преодолеть не более одной английской мили. В полной тишине устроили привал и долго не могли уснуть, прислушиваясь к звукам, доносившимся со стороны моря и суши. По словам одного из участников похода, они слышали движение каравана мулов, а также отдаленный стук топоров и молотков; это испанские плотники, пользуясь ночной прохладой, проводили ремонтные работы в порту Номбре-де-Дьос.

Утром 1 апреля звон колокольчиков, болтавшихся на шеях мулов, стал слышен более отчетливо. Педро, предводитель марунов, заверил корсаров: скоро они получат столько золота и серебра, что не смогут унести весь этот груз с собой.

Он оказался прав. По дороге из Панамы двигались сразу три

группы мулов: в первой насчитывалось 50 животных, а в двух других — по 70. При этом каждый мул нес на себе 300 фунтов серебра; всего же караван транспортировал около 30 тонн золота и серебра. В отчете членов кабильдо Номбре-де-Дьоса, адресованном королю Филиппу, этот груз был оценен в 150 тысяч песо.

— Всем приготовиться, — скомандовал Дрейк.

Англичане, французы и маруны залегли у дороги таким образом, чтобы одновременно атаковать голову и хвост каравана. Операция прошла в точном соответствии с планом. Когда первый и последний мул остановились и легли, все прочие последовали их примеру.

Охрана каравана, насчитывавшая примерно 45 солдат, открыла по нападающим огонь из мушкетов и пистолетов. Налетчики отвечали градом пуль и стрел. В завязавшейся схватке капитан Тетю получил смертоносный заряд свинца в живот, один из марунов был убит наповал. Тем не менее испанцы предпочли спасаться бегством, и победа в конечном счете досталась корсарам и их чернокожим союзникам.

Добыча была столь огромной, что забрать ее всю не представлялось никакой возможности. Англичане и французы прихватили с собой только драгоценности и часть золотых слитков и колец, а примерно 15 тонн серебра пришлось укрыть в разных местах: в больших норах, вырытых земляными крабами, под стволами упавших деревьев, валявшихся возле дороги, а также в соседней реке, на небольшой глубине, зарыв слитки в песок и гравий. На все это ушло около двух часов.

Неожиданно со стороны Номбре-де-Дьос послышался топот копыт. Приближался отряд, высланный к месту боя алькальдом города Диего Кальдероном. Дрейк приказал всей группе спешно уходить в лес. Поскольку капитан Тетю не мог двигаться самостоятельно, пришлось оставить его в зарослях с двумя матросами. Кроме того, отстал от отряда и заблудился еще один французский матрос, Жак Лоран, напившийся до положения риз. Позже стало известно, что он был схвачен испанцами и под пытками признался, где корсары спрятали большую часть сокровищ. В итоге испанцам удалось обнаружить ценностей на 100 тысяч песо (из них 6300 песо принадлежали короне).

Два дня отряд Дрейка продирался сквозь лесную чащу к устью реки Рио-Франсиско, где его должны были ожидать оставленные там пинасы. Каково же было изумление капитана и его спутников, когда вместо своих пинасов они увидели в море семь испанских шлюпов! Возникло подозрение, что испанцы либо захватили, либо потопили корсарские суда. На самом деле

шторм, налетевший на побережье днем ранее, не позволил английским пинасам вовремя подойти к месту встречи с ударной группой; а испанцы, патрулировавшие прибрежные воды, вынуждены были из-за сильного ветра укрыться на ночь в гавани Номбре-де-Дьос. Когда Дрейк появился возле устья Рио-Франсиско, шторм прекратился и испанские шлюпы снова вышли на поиски корсарских судов. К счастью для участников набега, их пинасы еще не успели прибыть в указанный район.

Предположив, что его суда могут находиться где-то недалеко, восточнее устья Рио-Франсиско, Дрейк внушил своим товарищам, что еще не все потеряно, и предложил им построить плот.

— Мы спустимся по реке к морю, — сказал он. — Я буду первым. Кто желает стать вторым?

Сопровождать капитана согласились Джон Смит и двое французов.

После того как плот был сооружен и снабжен парусом и веслом, Дрейк пообещал тем, кто остался на берегу:

— Если Богу будет угодно, моя нога снова ступит на борт нашего фрегата. И я хотел бы, чтобы с Божьей помощью все вы, так или иначе, тоже вернулись на борт судна вопреки всем испанцам Вест-Индии!

Спустившись к морю, четверо участников рискованного перехода изо всех сил старались удержать свой плот на плаву. Волны постоянно заливали его, так что корсарам большую часть времени приходилось находиться то по пояс, то по грудь в соленой воде. Под воздействием соли и жаркого тропического солнца кожа на их телах покраснела и потрескалась. Наконец через шесть часов, преодолев около трех лиг, они увидели вдали свои пинасы.

Ветер между тем усилился, а солнце быстро клонилось к закату. Моряки, находившиеся на пинасах, не заметили плот и направились к берегу, собираясь укрыться на ночь за ближайшим мысом. Дрейк тоже повернул свой плот к берегу. Выбравшись на пляж, он и его спутники со всех ног бросились к тому месту, куда причалили пинасы.

Увидев Дрейка и трех других участников набега на караван, команды пинасов не на шутку встревожились. Они решили, что большая часть их товарищей погибла или попала в плен, а за уцелевшими гонятся испанцы. Когда капитан наконец забрался на борт одного из пинасов, его осторожно спросили:

— Сэр, как там остальная команда?

— В порядке, — сухо ответил Дрейк.

Потом, видя недоверчивые лица матросов, рассмеялся, вынул из-за пазухи золотое кольцо и воскликнул:

— Слава богу, наш вояж закончен!

Обратившись к французам, капитан сообщил им о серьезном ранении Гийома Тетю, о месте, где тот был оставлен, и о захваченных сокровищах.

На следующее утро пинасы вернулись к трофейному испанскому фрегату, оставленному под командованием Роберта Добла, а затем все суда пошли в Форт-Диего. Там, в соответствии с ранее заключенным соглашением, Дрейк разделил сокровища между англичанами и французами поровну. Забрав причитавшуюся им долю добычи, французские корсары тут же покинули своих английских коллег.

Спустя две недели англичане перетащили с борта «Паско» на испанский фрегат все свои вещи, инструменты и боевое снаряжение, отдали «Паско» испанским пленникам и позволили им уйти. Вскоре, покинув Форт-Диего, Дрейк отправился вдоль побережья Панамского перешейка, снова встретился с марунами и договорился с ними о новой вылазке в район Номбре-де-Дьос. Он хотел найти оставленного в лесу капитана Тетю и забрать спрятанные сокровища.

В поход к месту нападения на караван отправились 12 корсаров и 16 марунов. Командовали ими Оксенхэм и Томас Шервелл.

Когда участники похода вернулись к устью Рио-Франсиско, они привели с собой уцелевшего французского моряка — одного из двух, оставшихся в лесу с капитаном Тетю. Поднявшись на борт пинаса, француз упал на колени и возблагодарил Бога за то, что «однажды капитан Дрейк был рожден», а также за то, что в тот самый момент, когда он утратил всякую надежду на спасение, английский капитан «стал его избавителем».

— Что стало с вашим капитаном и другим парнем? — спросили у спасенного француза обступившие его моряки.

Тот ответил, что через полчаса после ухода отряда их обнаружили испанцы. Тетю был схвачен, а рассказчик и второй матрос бросились наутек.

— Мне пришлось оставить свой мешок с добычей, включая шкатулку с драгоценными камнями, — печально добавил он. — Мой товарищ, однако, поднял его и взвалил себе на плечи. Вскоре он отстал. Боюсь, что алчность погубила его.

Слушатели согласно закивали головами.

— Да, если человек выбирает кошелек, а не жизнь, считай, его песенка спета, — проворчал один из корсаров.

На вопрос, могли ли испанцы найти спрятанное у дороги серебро, француз ответил, что не исключает такой возможности.

— Это надо проверить, — сказал Дрейк.

Небольшая группа англичан и отряд марунов, возглавляемые Оксенхэмом и Педро, вновь отправились к месту нападения на караван. Прибыв туда, они нашли множество ям и траншей, свидетельствовавших, что сокровища тщательно искали. Тем не менее, когда через три дня Оксенхэм и его люди вернулись к устью Рио-Франсиско, на их лицах сияли радостные ухмылки. С собой они принесли 13 слитков серебра, несколько золотых колец и немного драгоценностей.

Дальнейшее пребывание у панамских берегов становилось бессмысленным. Настала пора подумать о том, как доставить захваченную добычу на родину. Дрейк предложил еще раз наведаться на реку Магдалену: там можно было подстеречь какой-нибудь добротный испанский корабль и достать необходимое количество провианта. Команда единодушно поддержала своего капитана.

В открытом море англичане вновь встретили французское судно, на котором находились товарищи пропавшего капитана Тетю (позже стало известно, что испанцы обезглавили французского капитана, а его голову выставили на всеобщее обозрение в Номбре-де-Дьосе). Французские моряки согласились сопровождать фрегат Дрейка до острова Сан-Бернардо, после чего отвернули в сторону и ушли своей дорогой.

Очутившись у входа в Картахенскую бухту, корсары заметили в ней испанский «серебряный флот», который как раз снимался с якоря. Подняв на мачтах флаг с крестом Святого Георгия и разноцветные шелковые вымпелы, Дрейк гордо прошел на виду у испанцев в сторону устья Магдалены. Там, в двух лигах от устья, англичан застала ночь и они легли в дрейф. Примерно в два часа пополуночи течение реки вынесло в море легкий испанский фрегат водоизмещением около 25 тонн. Корсары тут же начали стрелять по нему из пушек, мушкетов, луков и арбалетов; с фрегата ответили несколькими орудийными выстрелами. Пока испанцы перезаряжали свою артиллерию, англичане приблизились к их судну вплотную и взяли его на абордаж. Овладев призом, Дрейк и его люди обнаружили на его борту большой запас провизии: маис, мед, кур и свиней, а также немного денег.

На рассвете капитан велел высадить всех пленных испанцев на берег и возвращаться на старую базу к Панамскому перешейку. Прибыв туда через пять дней, англичане поставили свои фрегаты на якорь и выгрузили часть маиса на берег. Затем в течение недели они занимались кренгованием судов и починкой такелажа. Пинасы были расснащены и преданы огню.

За день или два до отплытия Дрейк пригласил на борт

фрегатов Педро и трех его ближайших помощников, чтобы сделать им подарки. Для их жен капитан выбрал несколько отрезов шелка и полотна, но неожиданно на глаза вождю марунов попалась сабля, подаренная Дрейку капитаном Тетю. Вождь сразу же загорелся желанием получить ее вместо всех прочих предложенных ему вещей. Дрейк изменился в лице. Ему не хотелось расставаться с подарком французского капитана, но, не желая обидеть Педро, он все же отдал саблю ему.

Распрощавшись с марунами, англичане подняли паруса и взяли курс на западную оконечность Кубы — мыс Сан-Антонио. Обогнув его, они пошли в сторону Гаваны и через несколько дней перехватили в море небольшой испанский барк. На его борту обнаружили несколько сотен шкур и помпу для откачки воды. Шкуры корсаров не заинтересовали, но помпа в виду намечавшегося трансатлантического перехода показалась им весьма полезной вещью. Конфисковав ее, Дрейк позволил испанцам плыть дальше.

Вернувшись к мысу Сан-Антонио, англичане высадились на песчаный берег и сначала пополнили запасы провизии за счет найденных днем черепашьих яиц, а затем за счет пойманных ночью двухсот пятидесяти черепах. Часть черепах они съели на том же берегу, а часть, засолив и высушив, взяли с собой в дорогу.

От берегов Кубы Дрейк направился в сторону Флориды, а оттуда начал переход через Атлантику. Довольно быстро, всего через 23 дня, он достиг островов Силли, откуда рукой было подать до Плимута.

9 августа 1573 года, когда в церкви Святого Андрея проходила воскресная служба, участники экспедиции благополучно прибыли в Плимутскую гавань. Из семидесяти четырех человек на родину вернулось сорок. Известие о возвращении Дрейка молниеносно облетело весь город; прихожане толпой выбежали из церкви и бросились на пристань встречать своих героев. Священник запер двери храма на замок и поспешил за ними.

В следующем столетии английский поэт и драматург Уильям Давенант (1606–1668) посвятил панамской экспедиции Дрейка драму, озаглавленную «История сэра Фрэнсиса Дрейка, выраженная с помощью инструментальной и вокальной музыки, а также зрительного искусства». Спектакль, насыщенный музыкой, танцами и песнями моряков и симарронов, был встречен публикой на ура.

НОВЫЙ ПЛАН ДРЕЙКА

Нет сомнений, что Дрейк и его люди вернулись из плавания богатыми людьми. После раздела добычи он, по некоторым оценкам, получил не менее 20 тысяч фунтов стерлингов — и как командир экспедиции, и как собственник одного из кораблей. Но поскольку новые политические реалии — наметившееся сближение Англии с Испанией — явно диссонировали с антииспанскими действиями Дрейка, ему пришлось почти на два года уйти в тень.

Весной 1575 года, имея рекомендательное письмо от Джона Хокинса, капитан Дрейк поступил на службу к графу Эссексу. Последнему королева поручила подавить восстание в Ирландии, организованное вождями местных кланов против британских колонизаторов. Сохранился «Отчет о жалованье, выплаченном тем, кто находился под командованием графа Эссекса с 30 апреля по 16 октября 1575 года», в котором содержится список кораблей и капитанов, участвовавших в ирландской экспедиции. Первым в списке значится корабль «Фалкон» под командованием Фрэнсиса Дрейка; далее — фрегат «Рэндир» и вспомогательное судно «Корк» под командованием капитана Джеймса Сидея; затем — судно «Лимнер» капитана Джона Поттера; и, наконец, флибот «Форчунейт» под командованием шкипера Джорджа Аллена. По мнению Дж. Корбетта, Дрейк мог быть владельцем двух или даже трех судов, указанных выше.

В июле того же года под командованием Дрейка находились три фрегата, которые обеспечивали переброску отряда Джона Норриса на остров Ратлин, расположенный у северного побережья Ольстера; на этом острове укрылась часть ирландских «мятежников» вместе с женщинами, детьми и стариками. Ирландцев защищал небольшой шотландский гарнизон, засевший в замке Брюс-Касл. Первая атака на замок была отбита, но когда англичане доставили на берег две пушки, шотландский гарнизон согласился капитулировать. Однако едва защитники замка и гражданские лица обоих полов вышли из ворот крепости, солдаты Норриса набросились на них и устроили кровавую бойню. По английским данным, было вырезано около двухсот человек. Затем каратели в течение нескольких дней рыскали по пещерам, фотам и ущельям острова, убивая прятавшихся там стариков, женщин и даже детей. Участвовал ли Дрейк в этом варварском избиении — неизвестно. Но, зная, как в дальнейшем он поступал с пленными — всегда с подчеркнутой учтивостью, — его биографы ставят под сомнение возможность участия капитана в столь жестокой акции.

Скорее всего, Дрейк оперировал на море, где английские фрегаты захватили и сожгли 11 шотландских галер.

Во время ирландской кампании Дрейк подружился с Томасом Даути — бывшим доверенным слугой графа Эссекса, человеком «смелым, набожным и весьма образованным». Вместе они вернулись в Англию осенью 1575 года. В это время англоиспанские отношения вновь стали напряженными, и «партия войны» при дворе Елизаветы, возглавляемая новым государственным секретарем Фрэнсисом Уолсингемом, готова была начать активные антииспанские действия. Дрейк привез с собой в Лондон письма графа Эссекса, рекомендовавшие его Уолсингему как способного человека, который, учитывая его прошлый опыт, мог быть использован «для службы против испанцев».

Полагая, что война с Испанией рано или поздно начнется, Уолсингем предложил королеве отправить приватирскую экспедицию против заморских владений короля Филиппа. Командиром экспедиции был утвержден Фрэнсис Дрейк. Согласно отредактированным записям одного из участников этого вояжа, капеллана Фрэнсиса Флетчера, Дрейк позже рассказал своим людям, как «на самом деле» задумывался сей проект: «Лорд Эссекс написал обо мне государственному секретарю Уолсингему как о человеке, который лучше, чем кто бы то ни было, может сражаться с испанцами, учитывая мой опыт и практику. Уолсингем пришел побеседовать со мной и сказал, что ее величество, оскорбленная испанским королем, желает ему отомстить. И он показал мне план действий, прося под ним подписаться, но я отказался это сделать, потому что Бог может отозвать ее величество к себе, а ее наследник вдруг заключит союз с королем испанским, и тогда моя же подпись будет меня уличать. Вскоре королева потребовала меня к себе и сказала примерно так: „Дрейк, мне бы хотелось отомстить королю испанскому за нанесенные им обиды“. Потом добавила, что я единственный человек, который может это сделать, и она хочет выслушать мой совет. Я ответил ее величеству, что в самой Испании мало что можно сделать и что лучшим местом для досаждения испанцу являются Индии».

Сохранился частично обгоревший список инвесторов задуманного предприятия. Среди пайщиков значились госсекретарь Уолсингем и граф Лейстер (размеры их паев неизвестны), новый фаворит королевы сэр Кристофер Хэттон (по некоторым данным, его пай не превышал 50 фунтов стерлингов), Джон Хокинс (внес 500 фунтов стерлингов), братья Уильям и Джордж Уинтеры (внесли, соответственно, 750 и 500 фунтов

стерлингов) и сам Дрейк (внес 1000 фунтов стерлингов). Имеются косвенные данные, что среди крупных пайщиков находились Томас Даути и, возможно, сама королева, которая приказала Дрейку никому не рассказывать об этом. О характере предстоящей экспедиции знал лишь ограниченный круг лиц; даже от канцлера, лорда Берли, скрыли ее подлинную цель. Елизавета подозревала, что он симпатизирует «партии мира» и втайне поддерживает шотландскую королеву-католичку Марию Стюарт.

Морякам и солдатам, вербовавшимся в экспедицию, дали понять, что корабли пойдут в Средиземное море, в египетский порт Александрию. Это стало известно испанскому агенту Антонио де Гарасу, однако тот, будучи опытным купцом и разведчиком, не поверил указанной информации. Тем не менее даже ему не удалось выведать, куда же в действительности отправляется Дрейк. 20 сентября 1577 года сеньор де Гарас писал королю Филиппу: «Пират Дрейк собирается идти в Шотландию… чтобы за большую сумму денег возвести на престол принца Шотландского… Они предложили капитану Бингему, знакомому его высочеству, и другим важным персонам сесть на суда, якобы предназначенные для плавания в Индии, под командованием этого моряка Дрейка, что стало для них большой неожиданностью».

Тем временем на Темзе были снаряжены два судна. Это были 16-пушечный корабль «Элизабет» (грузоподъемность до 80 тонн) и пинас «Бенедикт» (грузоподъемность, по разным данным, от 15 до 40 тонн), вооруженный несколькими полукулевринами. Еще три судна снаряжались в Плимуте: 18-пушечный галеон «Пеликан»(от 100 до 150 тонн), 10-пушечный барк «Мэриголд» (30 тонн) и 5-пушечный флибот «Суон» (50 тонн), предназначавшийся для транспортировки провизии.

Пока шла подготовка к экспедиции, граф Лейстер уведомил королеву о раскрытии католического заговора. По его словам, заговорщики, среди которых находился испанский агент Антонио де Гарас, собирались убить Елизавету и отдать британскую корону Марии Стюарт. Королева тут же предприняла решительные контрмеры: 19 октября она велела арестовать де Гараса, и 20-го он был брошен за решетку. Англо-испанские отношения обострились до предела; отряды английских волонтеров под командованием Джона Норриса готовы были переправиться в Нидерланды, чтобы оказать помощь принцу Вильгельму Оранскому в его борьбе с испанской тиранией. Таким образом, политическая обстановка благоприятствовала Дрейку и его компаньонам.

19 сентября 1577 года «Элизабет» и «Бенедикт» ушли из

Лондона и спустя некоторое время прибыли в Плимут, где присоединились к остальным трем судам экспедиции.

У БЕРЕГОВ МАРОККО И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

15 ноября 1577 года, примерно в пять часов пополудни, флотилия Дрейка покинула Плимутскую гавань, взяв курс на юго-запад. Первым шел флагманский галеон «Пеликан», на котором находился сам рыжеволосый генерал-капитан экспедиции; мастером по навигации значился Томас Каттил. Рядом с флагманом резал форштевнем волну вице-адмиральский корабль «Элизабет», которым командовал 22-летний Джон Уинтер (сын Джорджа Уинтера и племянник адмирала сэра Уильяма Уинтера); мастером на нем был Уильям Маркхэм. Следом двигались барк «Мэриголд» под командованием доверенного лица сэра Кристофера Хэттона капитана Джона Томаса (мастер — Николас Энтони), флибот «Суон» под командованием сына лондонского мэра Джона Честера и пинас «Бенедикт», капитаном которого, по всей видимости, был старый товарищ Дрейка Томас Мун.

Общая численность команд доходила до 164 человек. Среди них, помимо моряков и солдат, находилась дюжина молодых и образованных джентльменов из знатных семей: Томас Даути (один из секретарей сэра Кристофера Хэттона, командовавший солдатами), его брат Джон Даути, Роберт Уинтери, Лоренс Элиот, Джордж Фортескью, Джон Честер, Грегори Кэри, Грегори Реймонд, Эманюэл Уоткинс, Леонард Вайкери, Джон Кук, Чарлз Коби и Томас Худ, капеллан Фрэнсис Флетчер, а также сапожник, портной, кузнец, плотник, бочар, хирург-цирюльник, аптекарь, несколько музыкантов и слуг. Четырнадцатилетний Джон Дрейк, кузен генерал-капитана, служил при нем пажом, а одним из слуг был марун Диего. Кроме того, в составе экипажа числился родной брат Фрэнсиса Дрейка Томас и родственник Джона Хокинса — Уильям Хокинс.

На суда взяли полуторагодичный запас продовольствия (галеты, муку, горох, засоленную говядину и свинину, треску, масло, сыр, пиво и иные продукты), товары, предназначенные для меновой торговли с туземцами, инструменты, четыре разобранных на части пинаса, много холодного и огнестрельного оружия и боеприпасов. Спустя десять лет, во время допроса, проведенного трибуналом инквизиции в Лиме, Джон Дрейк признался, что корабли флотилии «имели на борту все виды оружия и четыре или пять видов зажигательных снарядов, таких как бомбы, которые бросают рукой, снабженные острыми шипами, благодаря чему они способны легко вонзаться в

поражаемый объект; огненные стрелы для поджигания парусов и кораблей, а также иные зажигательные приспособления… Некоторые из них были изготовлены в Англии перед тем, как они отплыли; другие были изготовлены пушкарями на борту. Оружие, которое они использовали, состояло в основном из аркебуз».

Некоторые испанцы, побывавшие в плену у Дрейка, позже утверждали, что на его судне было также много пистолетов и пик. Шкипер Сан Хуан де Антон заявил под присягой, что Дрейк вез с собой много всевозможного оружия, «такого как зажигательные бомбы и дротики с хитроумным приспособлением для поджога парусов кораблей; связанные цепью ядра для разбивания стеньг и других смертоносных дел; тали и такелаж, и много аркебуз, нагрудников, карманных пистолетов, конской сбруи, пик и огромное количество различных иных видов ручного оружия».

Флагманский корабль экспедиции был построен в 1560 году по французскому образцу в венецианских доках. Он имел двойную обшивку (однако не был покрыт свинцовыми листами), две палубы и три мачты: фок — и грот-мачты несли прямое парусное вооружение, а на короткой бизань-мачте подвешивался латинский парус. На блинда-рее, под бушпритом, ставился еще один парус — блинд. Штурвал в ту эпоху еще не вошел в употребление — для управления рулем традиционно использовался румпель.

Данные о размерах «Пеликана», приводимые в различных источниках, существенно расходятся. Согласно одним расчетам, длина его составляла 85,3 фута, ширина по палубе — 14,1 фута, осадка — 9,18 фута. По другим данным, общая длина судна составляла 120 футов, длина корпуса — 102 фута, а длина по ватерлинии — 75 футов; ширина равнялась 22 футам, глубина — 13,5 фута. Максимальная скорость, очевидно, не превышала восьми узлов. Экипаж насчитывал от 80 до 85 человек.

Помимо восемнадцати орудий, о которых упоминают Джон Дрейк и капеллан Флетчер, «Пеликан» мог нести несколько вертлюжных пушек. Португальский пилот Нуньо да Силва, захваченный в плен во время плавания, позже рассказывал, что галеон Дрейка имел по семь пушечных портов с каждого борта; кроме того, еще две пушки были установлены на корме и две — в носовой части. По словам да Силвы, 13 пушек были сделаны из бронзы, а остальные пять — из железа. Другой свидетель, Кустодио Родригес, тоже упоминал о восемнадцати пушках, но полагал, что лишь четыре из них были бронзовыми, остальные — железными.

Фламандец Николас Йорис, угодивший в плен к Дрейку у берегов Перу, сообщал, что «на корабле капитана Фрэнсиса

имелось по пять орудий с каждого борта, два — на корме и еще два — на носу, то есть всего четырнадцать единиц. Для сражений они имели много видов холодного и огнестрельного оружия и были хорошо снабжены ручным оружием, таким как пистоли, аркебузы, стрелы и хитроумное устройство для поджога парусов». Другой пленник, Франсиско Хакоме, насчитал на борту «Пеликана» по четыре пушки с каждого борта, две пушки — на корме и две — на носу. Кроме того, еще две пушки Дрейк держал под палубой.

По свидетельству Сан Хуана де Антона, флагман англичан «нес по семь железных пушек на каждой стороне нижней палубы и две большие железные пушки на корме возле румпеля». Кроме того, «на верхней палубе он нес шесть тяжелых пушек, из коих две были бронзовые, и свидетель узнал у капитана [Дрейка], что еще больше артиллерии он перевозил внутри своего корабля».

Пленный писарь Доминго де Лисарса заявил, что во время захвата галеона «Какафуэго» корабль Дрейка «нес двенадцать тяжелых железных пушек, по пять с каждой стороны и две — на корме». Кроме этого, он видел, как англичане «вытащили из-под палубы четыре другие пушки, две из которых были бронзовыми», и узнал, что «еще две бронзовые пушки везли в качестве балласта».

«Пеликан» хорошо шел при легком попутном ветре, но терял ход на высокой волне. Кроме того, при сильном ветре и при галсировании в трюм активно просачивалась вода, которую приходилось откачивать с помощью помп.

Каюта генерал-капитана имела богатое убранство; вся посуда, предназначавшаяся для его стола, и часть кухонной утвари были изготовлены из чистого серебра; во время приема пищи слух Дрейка должны были услаждать четверо музыкантов. Вся эта показная роскошь предназначалась для того, чтобы продемонстрировать славу и богатство Англии и произвести впечатление на иностранных гостей, которые могли оказаться на борту судна в ходе экспедиции.

Всю ночь на 16 ноября корабли держали курс на зюйд-вест и утром оказались в районе мыса Лизард. Здесь неожиданно подул сильный встречный ветер, заставивший флотилию укрыться в гавани Фалмута.

В тенденциозной компиляции «Экспедиция вокруг света» («The World Encompassed»), составленной племянником и тезкой Дрейка на основе отредактированных дневников Фрэнсиса Флетчера и Джона Кука, читаем: «На другой день, ближе к вечеру, поднялся шторм, свирепствовавший всю ночь и следующий день (особенно между 10 часами утра и 5 часами пополудни) столь

неистово, что, хотя это была очень хорошая гавань, все же 2 наших корабля, а именно адмиральский (на котором шел наш генерал) и „Мэриголд“, были вынуждены срубить свои грот-мачты, и для ремонта их, а также многих иных повреждений, причиненных этой бурей (как только погода позволила это), мы поворотили назад в Плимут, куда и прибыли в полном составе на 13-й день после нашего первого ухода оттуда».

Эту информацию подтверждает также капитан «Элизабет» Джон Уинтер, составивший позже отчет о начальном этапе экспедиции под названием «Плавание мистера Уинтера с мистером Дрейком к Магелланову проливу».

Две недели ушло на переоснащение и ремонт потрепанных бурей кораблей. Лишь 13 декабря, воспользовавшись благоприятным ветром, флотилия смогла снова выйти в море.

Когда земля скрылась за кормой, Дрейк собрал своих капитанов на военный совет. Там он объявил, что, если корабли потеряют друг друга из виду, им следует идти на рандеву к острову Могадор, находящемуся у берегов Марокко. Из этого сам собой напрашивался вывод, что флотилия пойдет не в Александрию, а куда-то на юг вдоль побережья Западной Африки.

В день Рождества, 25 декабря, англичане приблизились к африканским берегам в районе мыса Кантин. Из порта Сафи, расположенного южнее, к ним навстречу устремились две быстроходные галеры. Местный правитель ожидал прибытия португальской эскадры, с помощью которой собирался расправиться со своим родным дядей, узурпировавшим власть в стране. Но, убедившись, что замеченные в море корабли прибыли не из Португалии, марокканцы повернули назад.

В тот же день флотилия Дрейка подошла к острову Могадор, лежащему напротив одноименной гавани (ныне Эс-Сувейра), примерно в миле от побережья материка. Остров был необитаем и покрыт густым кустарником. Англичане обнаружили здесь множество голубей и морских птиц. На южной стороне высились три полые скалы, возле которых в прозрачной воде сновали косяки рыб.

Шлюпка, высланная в гавань на разведку, вернулась назад с добрыми известиями: бухта защищена от ветра, и в ее северной части имелся удобный проход с глубинами от пяти до шести саженей. 27 декабря флотилия вошла в бухту и стала на якорь.

Пять дней было потрачено на сборку одного из четырех пинасов, находившихся на борту в разобранном виде. «Наше присутствие было вскоре обнаружено жителями этой страны, — пишет автор „Экспедиции вокруг света“, — которые, направившись к берегу, знаками и криками дали понять, что

хотели бы подняться на борт; наш генерал отправил за ними лодку, в которую вскоре сели два самых знатных мавра, а взамен один из наших людей остался на суше — как гарантия их возвращения».

На флагмане гостей встретили с подчеркнутой любезностью, накормили и одарили подарками, демонстрируя тем самым, что флотилия прибыла в их страну с миром и намерением наладить взаимовыгодную торговлю. Предложение о торговом обмене было воспринято марокканцами одобрительно. Забрав подарки, они пообещали вернуться на следующий день и привезти с собой товары, которые могли заинтересовать пришельцев из Англии.

В урочный час с кораблей заметили, как в направлении берега движется караван, в котором было не меньше тридцати верблюдов. Тут же к месту высадки, находившемуся среди прибрежных скал, выслали шлюпку. Один из матросов, Джон Фрай, ранее бывавший в Марокко и немного знавший местные обычаи и язык мавров, первым выбрался на сушу. Согласно обычаю он должен был остаться среди марокканцев в качестве добровольного заложника — до тех пор, пока не закончится обмен товарами. Но неожиданно несколько марокканцев набросились на него и, угрожая кинжалом, потащили прочь от берега. Одновременно другие туземные воины, скрывавшиеся за скалами, попытались напасть на матросов, находившихся в шлюпке. К счастью, те успели отчалить и вернуться к кораблям.

Причиной этого похищения, как позже выяснилось, было желание султана Феса узнать, кому именно принадлежали прибывшие корабли и не была ли подозрительная флотилия частью более крупной армады, которую португальский король собирался прислать в Марокко. Убедившись, что чужеземцы — англичане, коих «генерал Дрейк» ведет в Южную Атлантику, в сторону Магелланова пролива, султан распорядился отпустить Фрая с подарками для его начальника.

Тем временем Дрейк, обеспокоенный судьбой похищенного матроса, велел снарядить пинас и отправить на берег вооруженный отряд. Беспрепятственно продвинувшись вглубь страны, англичане не встретили ни одной живой души, лишь наткнулись на старый португальский форт, разрушенный войсками султана Феса. Понимая, что искать похищенного бесполезно, Дрейк приказал погрузить на суда запас дров, и 31 декабря флотилия снялась с якоря.

Когда Джон Фрай вернулся к месту стоянки кораблей, он уже никого там не застал. К счастью для похищенного, султан Феса, проведав о случившемся, «распростер свою любезность до того, что вскоре отправил Фрая на родину на английском торговом

судне».

Двинувшись от острова Могадор на юг, вдоль совершенно пустынного побережья, флотилия Дрейка до 4 января 1578 года вынуждена была бороться с противными ветрами и непогодой. Затем погода нормализовалась, и 7 января англичане прибыли в район мыса Гер. Как писал Джон Уинтер, на следующий день «Фрэнсис Дрейк велел мне пересесть на пинас, с которым мы захватили три *кантера* (испанских рыболовных судна. — *В. Г.),* чтобы пополнить наш провиант».

13 января, когда корабли пересекли тропик Рака, высланный на разведку пинас овладел испанской каравеллой. Спустя два дня, у мыса Лас-Барбас, «Мэриголд» взял на абордаж еще одну каравеллу.

Единственной достопримечательностью, заслужившей внимание участников экспедиции на участке от острова Могадор до мыса Бланко (ныне Нуадибу), были покрытые снегом и льдом высокие горы; они видны были вдали, слева по борту. По словам очевидцев, местные жители привозили снег в города и там продавали его на базарах за деньги.

16 января, ближе к вечеру, участники экспедиции заметили мыс Бланко, к которому приблизились 17 января. Здесь было захвачено еще одно испанское судно, стоявшее на якоре. Его экипаж, кроме двух матросов, успел бежать на лодке в сторону берега. Все свои призы англичане привели в гавань, находившуюся за мысом. Дрейк решил задержаться там на несколько дней, чтобы дать командам возможность как следует отдохнуть и запастись провизией. Согласно свидетельству Джона Кука, пребывание на мысе Бланко «мастер Томас Даути» использовал для проведения военных учений с солдатами, находившимися под его непосредственным командованием.

На берегу англичан навестили местные жители. Они привели с собой жалкого вида женщину с ребенком у ссохшейся груди, намереваясь продать их в рабство, однако Дрейк отказался приобрести такого рода «товар». Гораздо больший интерес для него представляли серая амбра и смола, которые туземцы готовы были обменять на пресную воду. Как оказалось, жители тех мест испытывали постоянную нехватку воды, выменивая ее у португальцев или иных заезжих моряков на золото, серую амбру, мускус и рабов. «Господь весьма тяжело наказал сие побережье!» — восклицает капеллан Фрэнсис Флетчер в своем дневнике. И добавляет, что Дрейк ничего не взял с туземцев за воду, приказав матросам давать ее всем, кто попросит.

Почистив свои корабли, англичане 21 января оставили в гавани почти все призы, кроме 40-тонного рыболовного судна

«Кристофер» (владельцу последнего отдали в виде компенсации пинас «Бенедикт») и каравеллы, направлявшейся ранее на Сантьягу — один из островов Зеленого Мыса. Дрейк тоже решил идти на указанные острова, чтобы запастись там свежей водой, солью и провиантом перед трансатлантическим переходом.

Ветер, дувший со стороны Сахары, благоприятствовал участникам экспедиции, и 26 января они увидели остров Боавишта — самый восточный в группе Наветренных островов (Барлавенту). Не останавливаясь там, корабли прошли дальше на юго-запад, к острову Маю, лежащему в группе Подветренных островов (Сотавенту), приблизились к нему 27 января в три часа пополудни, а 28-го стали на якорь в одной из гаваней на его западной стороне.

Португальский пилот, захваченный на каравелле у мыса Бланко, сказал Дрейку, что на Маю можно достать сушеное козье мясо. Однако местные жители, напуганные частыми набегами пиратов, отказались торговать с англичанами. Дрейк вынужден был отправить на берег вооруженный отряд из семидесяти человек под командованием Уинтера и Даути. Высадившись на сушу перед рассветом, англичане обнаружили в трех милях от побережья португальский поселок, многие дома в котором были покинуты и разрушены, а церковь Сантьягу превращена в курятник и загон для коз. Ни воды, ни провизии в селении не оказалось, так что люди Дрейка вынуждены были углубиться дальше во внутренние районы, надеясь там отыскать то, в чем они нуждались. В долинах им посчастливилось найти много фруктовых деревьев и виноградников, а также кокосовые пальмы, фиговые деревья, дыни, тыквы и бананы. Вокруг бегали дикие козы, но англичане смогли поймать лишь несколько козлят. Были обнаружены и водные источники, однако для доставки воды к морскому побережью отряд не располагал ни бочками, ни носильщиками.

По свидетельству Джона Кука и Эдварда Клиффа, 30 января корабли подняли паруса и пошли к острову Сантьягу, лежащему в десяти лигах к западу от Маю. На следующий день они прибыли туда, и часть моряков высадилась на берег. Здесь англичан поразил вид крестов, установленных португальцами на всех мысах и возвышенных местах; на некоторых были вырезаны изображения Иисуса Христа. «Один из них я и другие [участники плавания] повалили на землю, — сообщает Флетчер, — впрочем, к большому неудовольствию некоторых из нашей команды, державшихся старых [католических] заблуждений не менее крепко, чем португальцы».

На южной стороне острова находился город Рибейра-Гранде

(ныне Сидаде-Велья), в котором имелись кафедральный собор, крепость и блокгауз. Незадолго до прибытия англичан из его гавани вышло торговое судно, направлявшееся в Бразилию. Кроме него англичане заметили в море еще одну каравеллу, направлявшуюся к порту. Дрейк тут же отправил на перехват обоих судов быстроходный пинас. Крепость открыла огонь по корсарам, пытаясь отогнать их парусник. Несмотря на это, они смогли догнать каравеллу, находившуюся мористее, и взять ее на абордаж. Тем временем второе португальское судно успело вернуться под защиту крепостных орудий.

Призовое судно, называвшееся «Санта-Мария» и переименованное в «Мэри», было передано под командование Даути. На его борту англичане нашли несколько купцов и знатных особ, а также 150 бочонков вина, 36 кувшинов масла, ящик гвоздей, шерстяное и льняное полотно, шелк, бархат, кожи, кружева, гребни, рыболовное снаряжение и множество иных товаров. Но самым ценным приобретением для Дрейка стал шестидесятилетний пилот Нуньо да Силва, уроженец Порту, хорошо знавший не только воды Западной Африки, но и воды Бразилии. Узнав, что корсары собираются идти в Южное море, этот смуглый, слегка поседевший крепыш с длинной бородой согласился стать штурманом экспедиции.

Сохранились свидетельские показания и шканечный журнал Нуньо да Силвы, которые дают возможность уточнить отдельные эпизоды рассматриваемой здесь экспедиции. Позже, на допросе в Новой Испании, португалец признался, что Дрейк «забрал его навигационную карту (которая не содержала иных сведений об Индиях, кроме Рио-де-ла-Платы и мыса Доброй Надежды), астролябию, интендантскую книгу, карту побережья Бразилии, а также его товары и провизию, и тут же распределил их между офицерами своих кораблей. Кроме того, забрав карту, составленную на португальском языке, он перевел ее на английский язык, и, уже проплывая вдоль побережья Бразилии, он проверял ее правдивость от 24 градуса, которым ограничивалась португальская карта, до города, называемого Сан-Висенти. Достоверно, что Фрэнсис Дрейк подписывал внизу все, что он узнавал или слышал о путях португальцев на острова Зеленого Мыса, к берегам Гвинеи, к Санта-Марии и в Индии, а также о портах, землях и морских силах Португальских Индий».

От Сантьягу флотилия Дрейка двинулась в юго-западном направлении, обходя с юга гористые острова Фогу и Брава. Флетчер дал красочное описание действующего вулкана на Фогу:

«Собираясь запастись питьевой водой, мы подошли к

острову Фогу, расположенному южнее Сантьягу. Он получил свое название от португальцев, поскольку постоянно извергает огонь весьма необычным образом, значительно превосходя Этну, как мне кажется, а я видел их обоих. Так что этот остров можно с уверенностью назвать одним из чудес света, ибо в его северной части возвышается большая гора, вершина которой достигает, по приблизительной оценке, шести английских миль, а то и больше. Полый внутри, этот пик устремляется ввысь наподобие шпиля. Подножие горы находится в глубинах моря, а из ее огромной воронки сначала выходит, словно из дымохода, весьма густой дым, который в полуденное время, когда солнце стоит в зените, наполняет воздух и полностью затмевает его большой диск, так что не видно даже луча света; ни один ночной мрак не сравнится с этим. Когда дым рассеивается, тут же вырывается наружу множество языков пламени — с такой силой и стремительностью, что кажется, они готовы пронзить небеса, а свет, исходящий от них, столь ярок, что даже самая темная ночь кажется ясным солнечным днем. Затем, когда пламя исчезает, следом идет огромная масса пемзы, разбрасываемая в воздухе во все стороны. Падая вниз, куски пемзы покрывают воду, и их, плавающих на поверхности моря, собирают, словно губки. Наконец, выбрасывается множество тяжелых черных твердых пород, застывших, словно кузнечная зола, которые, едва попадая в воздух, тут же с шумом катятся по склону вниз, к подножию, где, накапливаясь, постоянно увеличивают толщину горы. Это зрелище сразу же показалось нам необычайным и страшным, демонстрирующим огромное, непостижимое могущество Господа, пути коего неисповедимы».

Англичане попытались найти удобную стоянку возле соседнего с Фогу острова Брава, чтобы пополнить здесь запасы питьевой воды, но лот нигде не мог достать дна. Пришлось лечь в дрейф и спустить на воду шлюпки. По словам Флетчера, на Браве не было постоянного населения — моряки нашли там лишь хижину какого-то монаха-отшельника, который, завидев их, бросил «реликты своего фальшивого вероучения» и убежал.

Брава оказался «самым зеленым и цветущим островом» во всем архипелаге: на нем росло множество ореховых, фиговых, апельсиновых, лимонных и банановых деревьев, а также кокосовых пальм; с живописных склонов к морю стекали

прозрачные ручьи, напоминавшие «серебряные струи».

1 февраля, когда шлюпки доставили на корабли воду и фрукты, Дрейк освободил всех пленных португальцев, отдав им свой новый пинас (тот, что был собран на Могадоре) вместе с небольшим запасом вина, хлеба и рыбы. Настало время пересечь Атлантику. На следующий день, воспользовавшись попутным ветром, корабли распустили паруса и пошли от островов Зеленого Мыса на зюйд-зюйд-вест, в сторону Южной Америки.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ И ПЛАВАНИЕ В ВОДАХ ПАТАГОНИИ

Во время перехода через Атлантический океан согласию, царившему на кораблях флотилии, пришел конец. Между Дрейком и его бывшим приятелем Томасом Даути начались серьезные трения. Два летописца экспедиции, Фрэнсис Флетчер и Джон Кук, утверждают, что проблемы с Даути начались после того, как он был переведен с борта «Кристофера» на призовое судно «Мэри» в качестве капитана. Компилятор их дневников пишет: «Дело приняло дурной оборот после одного столкновения с генералом, в котором Даути стоял на страже чести своей и всего дела. Когда у африканских берегов было захвачено португальское торговое судно, генерал назначил его капитаном Даути и приказал ему хранить доставшуюся добычу, не делая исключений ни для кого. Но на грех на этот же корабль был назначен и брат генерала Томас Дрейк, и будто бы этот Томас Дрейк нарушил запрет, взломал один из ящиков и запустил в него свою жадную руку. Даути узнал об этом и доложил по долгу службы своему начальнику. Фрэнсис Дрейк, говорили люди, пришел в неистовый гнев и кричал на Даути, что тот хочет запятнать честь не только его брата, Томаса, но и его лично, но что он, генерал, этого не допустит. Надо правду сказать, что характер нашего командира был властный и крутой».

Дрейк опросил членов команды «Мэри». Трубач Джон Брюэр (паж сэра Кристофера Хэттона), корабельный плотник Эдвард Брайт и некоторые другие заявили, что воровал не брат генерал-капитана, а Даути. Тогда решено было обыскать каюты обоих подозреваемых. Среди вещей Томаса Дрейка ничего подозрительного не нашли, зато в каюте Даути обнаружили кое-какую мелочь, принадлежавшую португальцам и не внесенную в общую опись: пару перчаток, горсть монет и небольшое кольцо. Оправдываясь, Даути сказал, что эти вещи не имели особой ценности и были открыто, при свидетелях, подарены ему одним из португальских пленников. Принятие подобных «презентов» не считалось преступлением.

Отстранив Даути от командования призом, Дрейк приказал ему перейти на борт «Пеликана», чтобы командовать там солдатами в его отсутствие; сам же генерал-капитан временно остался на борту «Мэри». Вслед за Даути на флагманский корабль был отправлен и доверенный человек Дрейка — Джон Брюэр. Ему, по всей видимости, было поручено провоцировать Даути с целью

последующей его компрометации. Брюэр успешно справился с поставленной задачей. В один из дней Даути набросился на него с бранью, употребив выражения, которые весьма задели Дрейка (по мнению некоторых авторов, Даути велел матросам стащить с Брюэра штаны и отлупить его палками). Генерал-капитан приказал Даути подойти к борту «Мэри» на шлюпке и, отказавшись выслушать его, крикнул:

— Оставайтесь в лодке, Томас Даути, ибо я отправляю вас на «Суон», где отныне вы будете содержаться под стражей!

Джон Честер, командовавший «Суоном», приставил к заключенному надзирателя в лице Хью Смита, которому было велено «не вступать с ним в беседы и не брать из его рук никаких вещей». Мастер «Суона», Джон Сэроколд, имел репутацию грубой скотины и, вероятно, должен был позаботиться о том, чтобы сделать пребывание Даути на борту флибота невыносимым.

Переход флотилии Дрейка через Атлантику занял 63 дня. 17 февраля, согласно данным Клиффа, корабли пересекли экватор (Нуньо да Силва записал, что это случилось 20 февраля).

> «Почти весь переход пришелся на тропический пояс, — читаем в отредактированных записках Флетчера, — и мы на собственном опыте убедились, как несправедливы были древние, когда они говорили, что под тропиками не может быть жизни вследствие невыносимой жары и солнечного света. Для нас тропики и на воде, и на суше были земным раем. Единственное, от чего мы несколько страдали, это от необходимости беречь запас воды. Но и то в течение долгого времени, по обе стороны экватора, мы каждый день имели дождь…
>
> Много мы дивились и любовались на летающую рыбу, которой видели множество. Когда за ней гонятся дельфины или крупная рыба, она при помощи своих плавников, которыми пользуется, как птица крыльями, взлетает в воздух на довольно значительную высоту. Но она не может держаться в воздухе долго; после десяти-двенадцати взмахов ей снова надо опуститься в воду. Иногда она падает на палубу идущих кораблей. Мы отметили дорогой еще следующие явления. Так, если после дождя, который ежедневно лил на экваторе, промоченное платье не стиралось вскоре и не просушивалось, оно истлевало и превращалось в прах. Далее, под тропиками совершенно исчезла вошь, которая так мучила многих наших матросов с момента отправления из Англии… Когда мы подходили к

бразильским берегам, на нас нельзя было найти ни одного насекомого. Наконец, когда мы находились на экваторе и солнце стояло в зените, тела наши не давали никакой тени».

В конце февраля корабли экспедиции достигли острова Фернанду-ди-Норонья, расположенного к востоку от побережья Бразилии. 10 марта они подошли к заливу Всех Святых, в глубине которого находился португальский город Сан-Салвадор-де-Баия. Здесь Дрейк хотел высадиться на берег и пополнить запасы дров и воды, но, посоветовавшись с Нуньо да Силвой, решил не рисковать: вход в залив обычно патрулировали сторожевые галеры, поэтому английские суда и их португальский приз отошли от побережья на приличное расстояние. Дальше генерал-капитан вел свою флотилию на юг, руководствуясь картой и указаниями да Силвы.

28 марта «Мэри» неожиданно пропала из виду, но, как пишет Флетчер, «на следующий день, 29 марта, она нашла нас снова — к ее и нашей несказанной радости: на ней находились 28 наших людей и лучшая часть всей нашей провизии, состоявшая из напитков; ее недолгое отсутствие породило много сомнений и грусти во всей команде».

В районе тропика Козерога бразильский берег резко поворачивает на запад. Учитывая это, Дрейк приказал изменить курс с южного на юго-западный, и 5 апреля, в три часа пополудни, впередсмотрящий заметил на горизонте полосу земли. На расстоянии трех лиг от берега лот показал глубину 12 саженей. «Люди устали после продолжительного перехода, — сообщается в отредактированной версии записок Флетчера, — всем нужен был отдых. Но вместо этого берег как-то внезапно скрылся из глаз, все заволокло густым туманом, наступила такая тьма египетская, что корабли потеряли друг друга из виду. Затем началась буря, вода и небо смешались: казалось, дно морское разверзается. Ветром нас несло к берегу, где, как казалось, были опасные отмели. В этот час мы возблагодарили судьбу за то, что она послала нам опытного кормчего-португальца… Благодаря ему мы успели вовремя повернуть назад, и только один из кораблей наскочил на мель, но благополучно с нее снялся. Он (Нуньо да Силва. — *В. Г.)* объяснил нам причину этой бури. Здесь, как и на африканском берегу, португальцы угнетают местное население, которое бежит от них вглубь страны. Они довели несчастных до того, что те отдались в руки демонов, в которых ищут защиты от португальцев. И это, конечно, так и есть. Напрасно в описании Магелланова путешествия говорится, что этот народ никаких

божеств не знает, а живет по инстинкту природы; тогда пришлось бы признать, что он очень изменился за несколько десятков лет. Разница в том, что тогда, при Магеллане, это был еще свободный народ, который не имел никакого основания кому-либо мстить. Теперь, завидя корабли… они начинают бросать в воздух песок, отчего поднимается внезапно густой туман, потом — тьма, ветер, дождь, буря. Таким средством они губили португальские боевые корабли, армады, коих много разбилось у здешних берегов. Нам они не причинили много вреда, кроме того, что один из кораблей на несколько дней отделился от остального флота».

Участок побережья, возле которого на корабли флотилии обрушилась буря, прилетевшая из пампы, Флетчер обозначил на своей карте как *Terra Demonum* — Земля Демонов.

Во время шторма пропал «Кристофер». Кроме него исчезла из вида и «Мэри», капитаном которой в то время был Томас Дрейк. Впрочем, «Мэри» вскоре догнала флотилию, продолжавшую двигаться на юг. Утром 14 апреля суда подошли к низменному острову Исла-де-Лобос, лежащему к юго-востоку от Пунта-дель-Эсте, у входа в эстуарий Ла-Платы. Пройдя шесть или семь лиг вдоль побережья материка на запад, флотилия 16 апреля стала на якорь в заливе возле мыса, который Дрейк назвал Мысом Радости. Радость проистекала от того, что здесь к ним присоединился пропавший ранее «Кристофер».

Двигаясь дальше по эстуарию, англичане 19 апреля достигли залива Монтевидео, где обнаружили скалистый остров. На нем имелось огромное лежбище тюленей. Матросы и солдаты организовали охоту на этих животных — как ради их мяса и жира, так и ради их «толстых и губчатых шкур, из которых можно сделать очень хорошую прочную кожу». Тюленей убивали дубинами, нанося удары в нос. Спасаясь от людей, огромные животные стремительно бросались в воду, унося на спинах своих детенышей.

> «20 апреля мы вошли в устье Ла-Платы, — читаем в том же документе, — и плыли вверх по реке около недели, пока глубина не упала до двух с половиной сажен. Эта маленькая экспедиция доставила всем большое удовольствие своим разнообразием. Однажды, вернувшись с берега, матросы рассказали, что видели на песке отпечаток ноги, которая не может принадлежать никому иному, как великану — так она велика: ширина ступни не меньше ее длины у европейца. Мы видели потом многих „великанов“ (патагонцев. — *В. Г.),* которыми заселен весь берег от устья Ла-Платы до

самого Магелланова пролива. Это оказались добродушные и невинные люди. Они проявили столько жалостливого участия к нам, сколько мы никогда не встречали даже среди христиан. Они доставляли нам пищу и, казалось, были счастливы нам угодить. Чаще всего они приносили мясо страусов, которых здесь очень много, но съедобны только ноги, с остальных же частей тела трудно собрать мясо. Бегают эти животные так быстро, что туземцы не могут их поймать… иначе, как хитростью. Они заметили обычай страусов держаться стадом, когда те передвигаются гуськом. Во главе идет вожак, которого остальные слушаются. Если кто-нибудь уклонится в сторону, вожак его окликает или, если это не помогает, сам поворачивает в сторону, противоположную той, куда уклонился строптивец, и таким образом заставляет его выровнять линию. Заметив этот обычай, туземцы поступают так: один из них прилаживает на голову и на верхнюю часть тела страусовое чучело и затем, стараясь подражать движениям этих животных и нагибая голову, словно щиплет траву, нагоняет их стаю и примыкает к ее хвосту. Затем охотник начинает нарочно уклоняться в сторону, чем заставляет вожака изменять направление, как было сказано выше. Таким образом удается направить стадо к заранее приготовленной в ущелье между холмами или в лесу засаде, где дожидаются остальные охотники, мужчины и женщины, с собаками и со всевозможными орудиями: луками и стрелами, камнями, дубинами, сетями. Из всего стада при умелой охоте не удается уйти ни одному животному. Мясо высушивается на солнце и заготавливается на всю зиму».

Пройдя вверх по эстуарию около 20 лиг, корабли повернули назад и 27 апреля снова вышли в открытое море. В ту же ночь налетел еще один шторм, во время которого пропал флибот «Суон»; на нем находились Томас Даути и еще несколько джентльменов, отправленных туда в наказание за «непослушание».

Едва буря улеглась, Дрейк велел двигаться дальше на юг. Он исследовал побережье Патагонии между 36° и 47° южной широты в поисках удобной гавани, но ничего подходящего не нашел. 8 мая корабли снова угодили в шторм, во время которого от флотилии во второй раз отбился «Кристофер».

12 мая на 47° южной широты Дрейк велел стать на якорь в первом попавшемся заливе. Находившийся южнее мыс он назвал мысом Надежды (видимо, это современный мыс Кабо-Трес-Пунтас в Аргентине). На следующее утро на воду с «Элизабет» была спущена шлюпка, на которой генерал-капитан решил лично обследовать берег. Очевидно, тогда же к флотилии присоединился «Кристофер». Но неожиданно погода вновь испортилась, сгустился туман, а потом подул резкий ветер с юго-востока. «Мэриголд» понесло прочь от остальных кораблей, но его команде вскоре удалось стать на якорь недалеко от берега. В ту же ночь «Мэри», на которой находился Нуньо да Силва, и «Кристофер» были вынесены ветром и сильным течением в открытое море. Не смог противостоять буре и «Пеликан»: утром 14 мая его тоже отнесло с якорной стоянки в сторону.

Как только шторм утих, Дрейк приказал матросам высадиться на берег, чтобы развести там огонь. Дым от костра должен был привлечь внимание потерявшихся судов. В конце концов нашлись все, кроме «Суона» и «Мэри».

Поскольку англичане не смогли обнаружить в окрестностях залива достаточно дров, воды и провизии, 15 мая они снялись с якоря и двинулись под одними нижними парусами на юго-запад. За сутки прошли порядка девяти лиг. На 47° 30′ южной широты была замечена красивая уютная бухта, и 17 мая суда стали там на якорь. На следующий день флотилия переместилась дальше вглубь бухты, где участники экспедиции провели в общей сложности две недели.

Обеспокоенный судьбой двух пропавших кораблей, Дрейк в первый же день стоянки на новом месте поручил Джону Уинтеру отправиться на «Элизабет» вдоль побережья в южном направлении, а сам на «Пеликане» решил поискать «Суон» и «Мэри» к северу от упомянутой бухты. Ему повезло — в тот же день флагман повстречался с «Суоном». Последний был немедленно отведен к месту стоянки флотилии и по приказу генерал-капитана разгружен, расснащен и разобран на части. Команду «Суона», а также боевое и корабельное снаряжение распределили по другим судам, тогда как деревянные обломки решено было пустить на дрова. Таким образом, Дрейк решил уменьшить свою флотилию, сделав ее более мобильной и управляемой. Томас Даути и его брат Джон, несмотря на энергичные возражения с их стороны, были переведены на борт «Кристофера».

Вскоре на берегу появились патагонцы, с которыми англичане установили дружеские отношения.

«Туземцев мы видели здесь долгое время только издали, так как они, очевидно, боялись и не подходили, — записано в отредактированной версии дневника Флетчера. — Потом мы узнали, что они через жреца спрашивали своего бога Сеттебоса, как им быть: довериться белым или нет. Они привыкали к нам постепенно. Сначала, когда мы предлагали им какие-нибудь вещи вроде ножичков, колокольчиков, бус, они, не подпуская нас близко, кричали „тойт“, чтобы мы бросили эти вещи на землю. И только когда матросы отходили, они брали вещи и рассматривали с любопытством. Некоторые были смелее своих товарищей. Так, один туземец, стоя около генерала, по-видимому, был так прельщен красным цветом его шапки, что снял ее и надел на свою голову, а затем, вероятно, убоявшись его гнева, взял лук и пустил стрелу в свою ногу, глубоко ранив себя в икру. Полилась кровь. Он собрал горсть этой крови и предложил ее генералу (по-видимому, в знак своей любви к нему и в виде просьбы не сердиться за взятую шапку).

Другой туземец увидел однажды, как матросы пили свою утреннюю чарку вина, и сам потянулся за вином. Ему дали чарку, и чуть он отхлебнул, как его уже разобрало. Ноги его подкосились, и он присел на корточки, потом стал опять нюхать и пробовать вино на вкус и пробовал, пока не выцедил его до дна. С этого дня он так пристрастился к вину, что выучил это слово и каждое утро являлся за своей чаркой.

В одежде они не имеют особой потребности. И вот почему: как только родится у них ребенок, мать намазывает его тельце особым составом из страусового сала, подогретого на огне и смешанного с мелом, серой и еще чем-то, и, втирая его в кожу, закупоривает тем самым поры. Это повторяется каждый день и, не останавливая роста, делает ребенка нечувствительным к холоду. Мужчины протыкают отполированные деревянные или костяные палочки сквозь носовой хрящик и нижнюю губу. Волос на голове они никогда не стригут и перехватывают их шнурком из страусовых перьев, и сюда они закладывают всякую всячину: стрелы, ножи, зубочистки — всё, кроме лука. Где найдут добычу, там тотчас разводят костер и поджаривают на огне, разрезав на куски, каждый фунтов по шесть; вынув мясо из огня, раздирают его зубами, словно львы. Они

изготавливают музыкальные инструменты из коры деревьев, сшивая куски ее и кладя внутрь маленькие камешки. Эти инструменты, похожие на наши детские погремушки, они подвешивают к поясу, когда хотят повеселиться. Пляску они любят до безумия. Шум этих погремушек действует на них так, что они становятся похожими на сумасшедших. Они могли бы, кажется, плясать до смерти, если бы кто-нибудь не снимал с них этих погремушек. Тогда они сразу останавливаются и долгое время стоят как очумелые. Они восхищались нашей мелодичной музыкой, но звук трубы или барабана, а особенно выстрел из ружья нагонял на них ужас. Женщины в противоположность мужчинам носят короткие волосы, даже бреют их бритвой, сделанной из кремня.

Тело свое они раскрашивают: некоторые — в черную краску, оставляя нераскрашенной только шею; другие одно плечо красят черным, другое — белым. Так же бока и ноги они непременно красят разными красками; на черных частях изображают белые луны, на белых частях — черные солнца. Это знаки их божеств. По-видимому, эти краски тоже предохраняют их тела от холода».

Поскольку в бухте, где корабли стояли на якоре, водилось множество тюленей, англичане снова организовали на них охоту и, по словам Флетчера, «убили две сотни в течение одного часа». Естественно, бухта получила название Сил-Бей — Тюленья бухта.

Отдохнув и пополнив запасы провизии, участники экспедиции 3 июня подняли паруса и двинулись дальше на юг. 12 июня они вошли в небольшую бухту и простояли в ней два дня, используя это время для разгрузки «Кристофера», который был здесь расснащен и сожжен. Братьев Даути перевели на борт «Элизабет», команде которой строго-настрого запретили общаться с ними. Кроме того, Дрейк не позволил им читать книги и делать какие-либо записи — очевидно, подозревал их в черной магии. Правда, позже этот запрет был несколько смягчен: братьям разрешили читать книги при свидетелях и писать, но только на английском языке. Джон Кук сообщает, что генерал-капитан не хотел везти с собой дальше обоих братьев Даути. Джона он считал «колдуном и отравителем», а Томаса обвинял в черной магии, подстрекательстве к мятежу и в том, что он «очень плохой и распутный малый».

14 июня флотилия снова пошла вдоль побережья в сторону Магелланова пролива. 17 июня суда стали на якорь в бухте на 50° 20′ южной широты. Здесь Дрейк решил не задерживаться, а повернуть обратно и еще раз поискать пропавшую «Мэри». На следующий день после утренней молитвы англичане повели свои корабли на север. 19 июня, ближе к вечеру, когда флотилия находилась на траверзе бухты Сан-Хулиан, впереди был замечен парусник. К несказанной радости путешественников, они узнали в нем разыскиваемый корабль. Объединившись с «Мэри», все суда экспедиции повернули в упомянутую бухту.

20 июня они вошли в бухту Сан-Хулиан (в записках Флетчера — порт Сент-Джулиан), расположенную на 49° 18′ южной широты. В южной части гавани виднелись остроконечные скалы, напоминавшие башни, а посередине бухты, в двух лигах от устья, моряки обнаружили группу низких песчаных островов, которые в свидетельствах Нуньо да Силвы именуются Абра-де-Ислас.

Спустя два дня Дрейк взял шлюпку и отправился осмотреть окрестности. Кроме матросов генерал-капитана сопровождали его брат Томас, капитан Джон Томас, джентльмен Роберт Уинтери, мастер-пушкарь Оливер, мастер навигации Томас Худ (сменивший на «Пеликане» Томаса Каттила, подозревавшегося в дружеских, «заговорщицких», отношениях с Даути) и Джон Брюэр. В краткой версии записок Флетчера описана их встреча с аборигенами, неожиданно закончившаяся кровавой стычкой. «Их встретили на берегу два туземца, — рассказывает капеллан, — нисколько не дичившиеся белых, смело принимавшие из их рук всякие подарки и с любопытством и с удовольствием смотревшие, как Оливер, канонир с адмиральского корабля, искусно стрелял из своего лука. Вскоре подошли два других патагонца, старые и хмурые на вид. Они, видимо, были недовольны и сердиты на молодых за их общение с чужеземцами, но, к сожалению, ни генерал, ни его спутники не обратили на это внимания. Один из джентльменов, мистер Уинтери, подражая Оливеру, начал натягивать свой лук, как вдруг тетива на нем оборвалась. В этот момент все общество, не подозревая ничего дурного, мирно направлялось к шлюпке, повернувшись к туземцам спиной. Тихо

подкравшись сзади, последние стали стрелять в удалявшихся, и главным образом в Уинтери, который был ранен в плечо, обернулся назад и был вторично ранен в легкое.

Тогда наш канонир прицелился из мушкета, но мушкет дал осечку — и Оливер был убит на месте. Генерал, сохранивший хладнокровие, отдал приказ чаще и быстрее переменять места, наступая на врага и защищаясь щитом, кто его имел, а сам, взяв из рук канонира мушкет, уложил на месте зачинщика ссоры. Кишки вывалились у него из живота, и он заревел так страшно, как могут реветь разве что десять быков вместе взятые. Пыл нападавших сразу остыл, и, несмотря на то, что со всех сторон из лесов показались их соплеменники, они предпочли бежать. Озабоченный раной бедного Уинтери, генерал поспешил вместо преследования [туземцев] перевезти раненого на корабль, но тот не прожил и двух дней. На следующее утро наши люди вернулись на берег за телом убитого канонира. Оно лежало на том же месте, где было оставлено, но в правом глазу торчала стрела и с одной ноги были сняты чулок и башмак; шапка также была унесена.

Магеллан был не совсем не прав, называя туземцев именем великанов, потому что они действительно отличаются от обычных людей ростом, плотностью сложения, силой и зычностью голоса. И тем не менее они вовсе не те чудовища, как о них рассказывали. Есть англичане, которые не уступят ростом самому высокому из них. Должно быть, испанцам не приходило в голову, что в эти места могут явиться англичане и опровергнуть их ложь.

Но несомненно то, что испанская жестокость по отношению к туземцам ожесточила их, и в нашем лице они мстили за гибель своих сородичей. Память о Магеллане не исчезла среди них, хотя с того времени прошло больше полустолетия. Действительно, во время только что описанного столкновения один из индейцев, настроенный враждебно, отойдя на некоторое расстояние и считая себя там в полной безопасности, крикнул нашим офицерам, которых принял за Магеллана и его спутников: „Магеллан, это моя земля!“ Во всяком случае, это было наше единственное столкновение с ними. Еще два месяца после того мы оставались в их краю в полном мире с ними».

ОСУЖДЕНИЕ ТОМАСА ДАУТИ

Стычка с патагонцами, завершившаяся пролитием крови и смертью двух участников экспедиции, оказалась лишь прелюдией к еще одному трагическому событию. Речь идет о суде над Томасом Даути и его казни. «Среди офицеров, совершавших плавание в нашей эскадре, — сообщается в компиляции племянника Дрейка, — большим доверием и расположением генерала пользовался Томас Даути — человек способный, вдумчивый и хорошо образованный, знавший, например, и греческий, и древнееврейский языки. Генерал давал ему полную свободу, посвящал во все планы, выделял на первое место во всех собраниях, назначал своим заместителем на время своего отсутствия. Правда, еще в Плимуте перед отплытием его предупреждали насчет честолюбивых замыслов Даути, что будто он считает себя наравне с генералом и главным вдохновителем самой идеи предстоявшего путешествия и что от такого человека можно ожидать очень больших неприятностей. Но генерал тогда не придал значения неопределенным слухам и намекам, считая их порождением зависти и интриг. Он даже удвоил свое доверие и расположение к Даути и сердился, когда и потом, во время путешествия, те или иные из подчиненных пытались… открыть глаза командиру на подготовлявшийся среди экипажа мятеж.

Но в конце концов и ему кое-что стало казаться подозрительным в способном и исполнительном офицере. Слухи становились настойчивее, жалобы — чаще. Пора было разобраться в них и либо дать им веру, либо заставить умолкнуть. Генерал установил за ним строгий надзор, а затем, созвав всех офицеров, изложил им все, что знал или слышал о Даути, передал им и о своей любви к нему и просил всех высказаться. В собрании потребовали доказательств предъявлявшегося тяжкого обвинения — в подстрекательстве к бунту против генерала. Доказательства были даны, и такие веские и убедительные, что, когда сам обвиняемый был введен и выслушал их, он не мог отпираться и, пораженный раскаянием, признал, что заслуживает многократной смерти, так как составлял заговор не против врага, а против друга».

Данный пассаж рисует явно искаженную картину происшедшего. Перед тем как начать судебный процесс, Дрейк выдвинул против Даути обвинение «в отравлении графа Эссекса». Доказать это абсурдное обвинение было практически невозможно, но генерал и не стремился к этому — ему важно было очернить Томаса Даути любыми возможными способами, внушить

присутствующим, что обвиняемый — беспринципный, жестокий и коварный преступник, не заслуживающий снисходительного к себе отношения.

Распорядителем в суде был назначен Джон Уинтер — один из друзей Даути. Но поскольку большинство судей составляли сторонники Дрейка, было ясно, что вердикт вынесут не в пользу обвиняемого. Капитан Джон Томас громко зачитал пункты обвинительного заключения, составленного на основании показаний Брюэра, Брайта и других недругов Даути. Помимо обвинений в отравлении графа Эссекса, колдовстве и дружбе с дьяволом Даути обвинялся в попытках сорвать экспедицию (в частности, ему припомнили гневную вспышку против Сэроколда на «Суоне», где он содержался в заключении; настойчивое желание выяснить, кто возглавит экспедицию, если с Дрейком «что-нибудь случится», и намерение привлечь к мятежу 12 человек); в возведении напраслины на Дрейка; в упорном отстаивании своей невиновности; в утверждении, что он познакомил Дрейка с графом Эссексом; в угрозах разобраться со своими мучителями после возвращения в Англию; в попытках подкупа участников экспедиции; в заявлении, что Дрейк еще будет стыдиться самого себя; в утверждении, что лорд Берли возьмет его к себе своим секретарем.

По большинству обвинений свидетельствовали одни и те же люди: Джон Сэроколд, Джон Честер, Эманюэл Уоткинс, Грегори Кэри и, как ни странно, Фрэнсис Флетчер. Три пункта были засвидетельствованы тремя десятками людей. Даути, очевидно, не смог опровергнуть большинство из этих обвинений. Общее возмущение присутствующих, кажется, вызвала угроза Даути отомстить тем, кто свидетельствовал против него, после их возвращения в Англию. Масла в огонь подлило также неосторожное признание обвиняемого в том, что еще до отплытия экспедиции он сообщил об истинных намерениях Дрейка лорду Берли. Из этого вытекало, что он мог быть не только шпионом лорда-канцлера, но и саботажником, в задание которого входил срыв всего предприятия, санкционированного королевой.

«Все, слышавшие [это] признание, были тяжко поражены, особенно его друзья, — читаем в „Экспедиции вокруг света“. — Но больше всех был огорчен сам генерал, который, не будучи в силах это скрыть, поспешил удалиться. Уходя, он потребовал от собрания разобраться во всех обстоятельствах дела и вынести нелицеприятный приговор, так как потом придется нести ответственность за этот суд перед государыней и Богом».

Даути и его друзья считали готовившуюся расправу незаконной. Обвиняемый, понимая, что Дрейк жаждет

расправиться с ним, готов был признать все свои «преступления», если генерал гарантирует ему жизнь. Но Дрейк прекрасно понимал, что если Даути вернется в Англию живым, там все обвинения против него будут признаны недоказанными, а признания, сделанные по принуждению, недействительными, и поэтому настаивал на немедленном голосовании.

Леонард Вайкери, назначенный одним из судей, попробовал возражать. Он заявил генералу, что суд не правомочен решать вопрос о лишении Томаса Даути жизни.

— А я и не поручал вам решать этот вопрос, — ответил Дрейк. — Оставьте его решение мне. Вы должны лишь определить, виновен он или нет.

— Если так, — сказал Вайкери, — то, полагаю, здесь нет никаких оснований для лишения человека жизни.

— Конечно нет, мастер Вайкери, — язвительно промолвил генерал.

Сторонники обвиняемого попросили Дрейка показать полномочие, подписанное королевой, которое давало бы ему исключительное право распоряжаться жизнью дворянина в ходе экспедиции. Изворачиваясь, Дрейк ответил, что письменное полномочие королевы хранится у него в каюте и что он покажет его всем после вынесения вердикта.

В отредактированной версии дневника Флетчера сообщается: «Судьи в количестве [чуть более] сорока человек, выслушав все доводы и возражения со стороны друзей обвиняемого, вынесли скрепленное собственноручными подписями и печатью постановление, что обвиняемый Даути заслуживает смерти и что этого требует общая безопасность; определение же рода казни и дальнейшее предоставить на усмотрение генерала. Этот суд происходил в бухте Джулиана (30 июня. — *В. Г.),* на одном из его островков, который мы назвали островом Истинного Правосудия.

Вердикт был вручен генералу, которому, кстати сказать, перед отправлением в плавание сама королева на последней аудиенции вручила меч со словами: „Мы считаем, что тот, кто нанесет удар тебе, Дрейк, нанесет его нам“. Призвав преступника и прочитав ему приговор, генерал предложил ему на выбор: казнь здесь, на острове, или высадку на материк, или возвращение в Англию, чтобы там быть судимым перед лицом Тайного Совета королевы».

Сохранение жизни осужденному и возвращение домой было возможно лишь при условии, что кто-либо из участников экспедиции поручится за него, взяв на себя ответственность за его «лояльное поведение» в отношении команды. Даути немедленно обратился с просьбой к другому своему товарищу — Джону

Уинтеру, и тот охотно согласился взять его «на поруки». Подобный поворот, безусловно, стал полной неожиданностью для Дрейка. Он тут же начал придумывать дополнительные условия: Даути будет посажен в карцер и закован в цепи, а экспедиция в Южное море на этом закончится, так и не обогатив ее участников. Генерал не сомневался, что последнее условие будет неприемлемым для большинства моряков и солдат — не для того они пустились в этот вояж, чтобы ради «высшей справедливости» лишиться теперь заманчивой перспективы набить свои кошельки.

«Даути смиренно поблагодарил командира за его мягкость и попросил дать время на размышления, — пишет автор „Экспедиции вокруг света“. — На следующий день (1 июля. — *В. Г.)* он ответил, что, хотя он и довел себя до тяжкого греха, за который теперь несет заслуженное наказание, у него есть одна забота превыше всех других забот: умереть христианином; пусть будет что будет с его бренным телом, лишь бы ему не лишиться жизни будущей и лучшей. Оставленный на суше один среди дикарей и язычников, он по слабости человеческой может не устоять в своей решимости. Что же касается возвращения в Англию, то для этого прежде всего нужен лишний корабль, нужен достаточный провиант, нужны, наконец, люди. Если найдется первое и второе, то на третье, на людей, он не рассчитывает: никто не согласится сопровождать его… к столь злому концу. Да если бы люди и могли заставить себя это сделать, самоё возвращение домой было бы смертью, и смертью медленной, смертью не раз, а много раз».

— Поэтому, — воскликнул обвиняемый, — я от всего сердца принимаю первое предложение и прошу лишь об одной милости: причаститься в последний раз вместе с товарищами и умереть смертью джентльмена.

Друзья приговоренного пытались уговорить его выбрать одну из других возможностей, предложенных Дрейком, но он остался тверд в своем решении. Тогда же Даути переписал завещание, перечислив в нем тех своих родственников, родственников жены, а также слуг, которым должны были достаться его деньги и имущество, и тех людей, кому он прощал их долги. Он вычеркнул из завещания предполагавшиеся расходы на похороны в Англии, а в написанном дополнении к нему распределил «высвободившиеся» деньги между своими друзьями и солдатами. Своему «доброму другу» Леонарду Вайкери он оставил 40 фунтов стерлингов.

Большинство биографов Дрейка отмечают, что перед казнью Томас Даути вел себя мужественно и благородно, как подобает настоящему джентльмену. Дрейк спросил у приговоренного,

какой смертью он хотел бы умереть. Даути выбрал смерть от топора, считая, что смерть через повешение не приличествует дворянину. Генерал предложил ему застрелиться, чтобы, таким образом, «умереть от руки джентльмена», но Даути отверг это предложение.

КАЗНЬ ДАУТИ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

2 июля капеллан Флетчер совершил богослужение, после чего Дрейк и Даути причастились, затем пообедали за одним столом, подбадривая друг друга, и, наконец, выпили за здоровье друг друга, «словно перед обычной разлукой».

Все, что полагается для казни, вскоре было приготовлено. Не желая тянуть время, Томас Даути стал на колени и просил Господа хранить королеву, а участникам экспедиции даровать безопасное и прибыльное путешествие. Затем он обратился с прощальными словами, адресованными его друзьям в Англии — в частности, упомянул сэра Уильяма Уинтера. Повернувшись к Дрейку, Даути пошутил:

— Право же, я могу теперь сказать, как когда-то сэр Томас Мор: палач, руби мою голову аккуратно, у меня ведь короткая шея.

Очевидно, Даути вспомнил о знаменитом авторе «Утопии» неспроста — Мор был казнен без всякой вины, лишь в силу политической целесообразности.

После этого приговоренный обратился к команде, попросив прощения у тех, кого он мог вольно или невольно обидеть, в частности у Хью Смита и Томаса Каттила. Тогда Смит попросил Даути заверить Дрейка, что он не участвовал в заговоре против него. Даути еще раз заявил, что никто из членов команды не состоял в заговоре и что он сам никогда не замышлял ничего дурного против генерал-капитана.

В ответ Дрейк пообещал Смиту не преследовать его, хотя и признался, что собирался отрезать ему уши.

Наконец, с твердостью человека, давно пережившего в себе всю трагедию, Даути опустил голову на плаху и бодро сказал палачу:

— Не робей, приятель! Делай свое дело без страха и жалости!

Сверкнуло на солнце лезвие топора, и голова Даути скатилась с плахи. Дрейк поднял ее вверх и показал всем участникам экспедиции со словами:

— Смотрите, таков конец предателя!

Современные исследователи все больше склоняются к мысли, что никакого «заговора Даути» против Дрейка не было; расправа над Томасом Даути — образованным и состоятельным джентльменом, которому к тому же подчинялись участвовавшие в экспедиции солдаты, — преследовала одну-единственную цель:

укрепить абсолютную власть генерал-капитана, подчинить всех его железной воле.

«По странной, роковой случайности этот безымянный остров в гавани Джулиана, который мы назвали Кровавым островом, мог бы прибавить к Плутарховым параллельным жизнеописаниям новую пару: пятьдесят восемь лет до нашего происшествия на этом же месте, приблизительно в то же время года, за такое же преступление понесли казнь два участника экспедиции Магеллана, один из них — его вице-адмирал, — читаем в „Экспедиции вокруг света“. — Наши матросы нашли обломки виселицы, сделанной из соснового дерева, из мачты, довольно хорошо сохранившейся, а около нее — человеческие кости. Наш судовой бочар поделал из этого дерева кубки для матросов, хотя не все видели нужду пить из таких кубков. Мы вырыли на острове могилу, в которой вместе с этими костями похоронили тело Даути, обложили могилу большими камнями и на одном из них вырезали имена похороненных в назидание тем, кто придет сюда по нашим следам.

Впрочем, надо сказать, что не все так плохо думали о покойном Даути, не все поверили возведенным на него обвинениям и его, как говорили некоторые, вынужденному признанию. Среди друзей ходили и другие разговоры, которые справедливо будет здесь хотя бы упомянуть. Говорили, что если и был заговор, то не со стороны Даути, а против Даути, что несчастный восстановил против себя часть своих товарищей, которые, может быть, завидовали ему и не могли простить того доверия, которое питал к нему генерал; с этой целью распускали темные клеветнические слухи, ждали случая, чтобы его погубить… Рассказывали случай, когда, рассердившись за что-то на судового священника, он заковал его в кандалы, отлучил от церкви и на шею велел повесить кольцо с надписью: „Величайший плут и мошенник на свете“. С этой ссоры, говорят, клеветники повели дело открыто, восстанавливая против Даути и генерала, и команду. Двое свидетелей рассказывали также, что, раз заподозрив Даути, Дрейк готов был приписывать ему все дурное. Так, во время бури он с бранными словами кричал, что эту бурю наслал Даути, что он волшебник, ведьма и что все это идет из его сундука. Потом, позже, передавали даже такой слух, будто погубить несчастного упросил Дрейка граф Лейстер за то, что Даути распространял-де сказки о смерти графа Эссекса, при котором оба, и Даути и Дрейк, служили когда-то в Ирландии, и говорил, что смерть Эссекса была делом Лейстера.

Что правда во всей этой темной истории, а что нет — трудно сказать. Пожалуй, самым правдоподобным может считаться такое

объяснение. Генерал, говорят, подозревал своего помощника в том, что тот, еще в Англии, зная от генерала его план, передал его министру, лорду Берли. Это грозило опрокинуть все расчеты Дрейка, потому что Дрейк стремился своим поведением сделать войну с Испанией неизбежной, а Берли отстаивал политику осторожности и мира. Во всяком случае, дело Даути продолжало глубоко волновать генерала и после казни».

На следующий день после экзекуции Дрейк снова собрал экипажи кораблей и предупредил, что любой участник экспедиции, который поднимет руку на своего товарища, будет лишен руки. Очевидно, между сторонниками и противниками Даути начались серьезные трения, заканчивавшиеся потасовками, и генерал вынужден был прибегнуть к ужесточению мер воздействия на нарушителей порядка.

Тем не менее стычки происходили и далее. Однажды, когда брат казненного, Джон Даути, прогуливался по пляжу, на него с грубой бранью напал плотник Эдвард Брайт. Нанеся ему несколько ударов линейкой, Брайт пожелал выяснить, что ему известно о шашнях его, Брайта, жены. Даути не стал отвечать на этот провокационный выпад, попросив плотника уйти. Однако тот снова начал бить его линейкой, а когда она сломалась, начал тыкать сломанным концом ему в лицо. Даути подал жалобу Дрейку. Узнав об обстоятельствах дела, генерал не стал затевать судебное разбирательство и отказался наказывать Брайта — ведь плотник был его доверенным лицом. Что касается Джона Даути, то он с этого момента фактически находился под домашним арестом: за ним был установлен постоянный надзор, и ему было запрещено сходить на берег.

Еще одним объектом нападок Дрейка стал Джон Кук, которого он осудил на двухнедельное марунирование — высадку на берег, причем, несмотря на холод, осужденному не позволили взять с собой одеяла и зимнюю одежду (а в южном полушарии как раз была зима). Вполне возможно, что таким образом генерал мстил Куку за его доброжелательное отношение к братьям Даути.

Спустя шесть недель, 11 августа 1578 года, Дрейк приказал командам всех кораблей снова собраться возле его палатки. С одной стороны от него стал капитан Джон Уинтер, с другой — капитан Джон Томас. Слуга генерала принес ему большую записную книгу, а капеллан приготовился прочитать проповедь.

— Нет, полегче, мистер Флетчер, — остановил его Дрейк, — проповедь сегодня буду говорить я, хоть я и не мастер на это. Ну, вся ли команда собралась или нет?

Ему ответили, что собрались все. Тогда Дрейк распорядился, чтобы все моряки разделились по командам. Когда этот приказ

был исполнен, он обратился к собравшимся с речью:

— Ну, господа, я очень плохой оратор, так как не готовился быть ученым. Но то, что я скажу, пусть всякий зарубит себе на носу и запишет, потому что за каждое свое слово я готов дать ответ в Англии хоть самой королеве. Так вот, господа, мы здесь очень далеки от родины и друзей, враги окружают нас со всех сторон; стало быть, не приходится дешево ценить человека, человека здесь и за десять тысяч фунтов не купишь. Значит, всякие бунты и разногласия, которые среди нас проявились, нам надо оставить. Клянусь Богом, я будто помешанным становлюсь, как только подумаю о них. Я требую, чтобы впредь этого не было! Я требую, чтобы джентльмены с матросами и матросы с джентльменами были друзьями. Я хотел бы знать имя того, кто отказался бы своими руками взяться за канаты, но я знаю, такого здесь нет. Покажем же, что мы все заодно, не дадим неприятелю случая радоваться развалу и разброду среди нас. Джентльмены необходимы в плавании для управления, поэтому я и взял их с собой, да и другая еще цель была у меня при этом. Но и без матросов я не могу обойтись, хотя и знаю, что это самый завистливый и беспокойный народ на свете, коли не держать его в узде. И вот еще что: если кто-то здесь хочет вернуться домой, пусть скажет мне. Вот «Мэриголд», я могу обойтись без него и отдать тому, кто хочет домой. Дам столько провизии, сколько смогу. Только помните, чтобы это было на самом деле домой, а то, если встречу на своем пути, пущу ко дну! До завтра вам хватит времени все обдумать, но клянусь, что говорю с вами начистоту.

Люди хором закричали, что никто возвращаться назад не хочет и все готовы разделить с генералом его участь.

— Ну ладно, тогда скажите: отправились вы в это плавание по доброй воле или нет?

Все ответили, что по доброй воле.

— А от кого ожидаете получить ваше жалованье?

— От вас, — раздалось в ответ.

— Ну что же, тогда ответьте: хотите получить жалованье сейчас или доверяете мне?

— Доверяем! — закричали матросы, а некоторые добавили: — Собственно, мы и не знаем, сколько жалованья спрашивать.

Повернувшись к баталёру с «Элизабет», Дрейк велел ему немедленно сдать ключи, что тот и исполнил. Затем, обращаясь к капитанам кораблей, он сказал:

— Освобождаю офицеров от всех их обязанностей.

— Что вас побудило сместить нас? — удивились капитаны Уинтер и Томас.

— Приведите мне доводы, по которым я не должен был так поступить, — с вызовом ответил Дрейк.

Приказав всем молчать, он сказал далее следующее:

— Ее величество королева из всех людей на свете пуще всего запретила мне рассказывать о целях плавания лорду Берли, а вы знаете, как Даути сам признался, что он выдал министру планы нашей экспедиции. Теперь, господа, даю слово джентльмена: больше казней не будет, больше не подниму руку ни на кого, хотя есть здесь такие, которые ее заслужили.

При этих словах он указал на Уоррола, который тут же бросился к ногам генерала и стал умолять простить его.

— Ладно, ладно, Уоррол, — сказал Дрейк, — мы еще потолкуем об этом.

Потом он обвинил купца Джона Одли в дурных деяниях, направленных против него, но не стал уточнять, каких именно, прибавив:

— Потолкуем об этом один на один после обеда. Тут есть люди, которые, не зная, как иначе навредить мне, распространяют слухи о разных частных лицах, которые будто бы снарядили это путешествие. Вот как было на самом деле.

И Дрейк рассказал присутствующим, как лорд Эссекс написал о нем государственному секретарю Фрэнсису Уолсингему, рекомендуя его как человека, наиболее пригодного для борьбы с испанцами. После этого он имел встречу с Уолсингемом и королевой, которая жаждала отомстить испанскому королю «за разные его обиды». Таким образом, Дрейк дал понять всем участникам экспедиции, что их предприятие санкционировано Елизаветой и что впереди их ждут столкновения с подданными испанской короны.

«Затем генерал показал нам запись королевы на пай в тысячу крон и привел ее слова, что, если кто-нибудь из ее подданных даст знать о затеваемой экспедиции королю испанскому, тому не сносить головы», — сообщает Фрэнсис Флетчер.

— И вот, господа, подумайте о том, что мы сделали, — продолжил свою речь Дрейк. — Мы поссорили трех могущественных государей: ее величество с королями испанским и португальским. Если наше плавание не завершится большой удачей, мы станем посмешищем для врагов, которые будут торжествовать, а для нашей родины мы будем вечным позорным пятном. Еще раз подобной попытки уже невозможно будет предпринять.

После этого Дрейк милостиво восстановил всех разжалованных в их прежних правах и сказал, что «все будут удовлетворены, хотя бы ему пришлось продать для этого

последнюю рубашку».

— Я имею веские основания обещать это, потому как кое-что есть у меня в Англии, а кроме того, у меня в этой экспедиции столько паев, сколько у любых трех участников вместе взятых. Если же мне не суждено вернуться, то всем заплатит королева, которой мы все вместе служим. Если бы вы сказали, что вы служите мне, я бы вас не поблагодарил, потому что в действительности вы служите только ее величеству.

В заключение, пожелав присутствующим оставаться добрыми друзьями, Дрейк велел всем разойтись и вернуться к исполнению своих обязанностей. Правда, за несколько дней до отплытия он назначил капитаном «Мэриголд» Эдварда Брайта (капитан Джон Томас попал в опалу и был смещен), а затем неожиданно прибыл на борт «Элизабет» с проверкой и поклялся, что готов повесить три десятка смутьянов, включая Уоррола, Уинтера и его помощника Улисса. Возможно, до генерала дошли слухи о том, что на упомянутых кораблях многие члены команд — и капитаны в их числе — не горят желанием идти в Южное море. Другое вероятное объяснение: Дрейк просто хотел укрепить свою власть, внушая страх всем, кто находился под его командованием.

«17 августа мы покинули бухту Джулиана, на берегах которой прожили в палатках около двух месяцев, — рассказывает Флетчер. — Наша флотилия теперь уменьшилась. Генерал давно уже тяготился слишком большим количеством судов, которое затрудняло путешествие, требовало лишних забот, распыляло команду, делало эскадру менее подвижной, а главное — заставляло тратить много времени на поиски судов, которые много раз во время бурь или туманов отделялись от остальной флотилии и пропадали на несколько дней. „Суон“ был разобран еще в конце мая: были сняты снасти и все железные части, а остов сожжен. Теперь той же участи подверглось португальское призовое судно „Мэри“. У нас осталось три корабля, не считая нескольких пинасов для удобства сообщения между собой и с берегом, а именно: „Элизабет“, „Мэриголд“ и адмиральское судно „Пеликан“…

20 августа показался мыс, который лежит перед входом в Магелланов пролив и который испанцы прозвали мысом Девственниц. Волны, разбиваемые о его высокие и крутые серые утесы, казались нам струями, которые выпускают киты. Проходя мимо мыса, генерал отдал приказ всем судам спустить марсели в честь нашей девственной королевы».

Согласно записи в шканечном журнале Нуньо да Силвы, находившегося в то время на борту флагманского корабля, из-за противного ветра флотилия огибала мыс Девственниц весь

остаток дня 20 августа и весь следующий день, а 22 августа стала на якорь недалеко от берега на входе в Магелланов пролив.

ВЫХОД В ТИХИЙ ОКЕАН

Находясь перед входом в Магелланов пролив, Дрейк переименовал свой флагманский галеон «Пеликан» в «Голден хайнд» — «Золотую лань». Предполагают, что это было сделано в честь фаворита королевы сэра Кристофера Хэттона, верх гербового щита которого украшала позолоченная лань. Этим символическим жестом генерал, очевидно, хотел смягчить возможную негативную реакцию Хэттона на казнь его секретаря Томаса Даути.

Когда подул ветер с ост-норд-оста и течение стало благоприятным, флотилия двинулась к входу в пролив, а в День святого Варфоломея, 24 августа, вошла туда и направилась к трем островам, на одном из которых англичане заметили огни. В полдень корабли стали на якорь возле самого южного из островов; глубина пролива здесь достигала примерно 20 саженей. Дрейк дал этим островам имена Елизаветы, Святого Варфоломея и Святого Георгия. Елизаветой был назван самый большой из островов; тот, у которого остановились суда, назвали в честь святого покровителя Англии островом Святого Георгия (позже его будут называть Пингвиновым островом, а ныне это остров Санта-Магдалена). Остров Святого Варфоломея известен теперь как Санта-Марта.

Описывая плавание через Магелланов пролив, автор «Экспедиции вокруг света» отмечал:

«Мы вошли в пролив и шли в виду обоих берегов, которые постепенно приближались к нам. В самом узком месте ширина пролива — всего мили три. Прежде считалось, что течение здесь идет в направлении с востока на запад, но мы убедились, что и тут налицо обычные приливы и отливы и что разница уровня между ними — около пяти сажен. Мы продвигались вперед медленно и с немалыми затруднениями. Пролив очень извилист, приходилось часто менять направление. Кроме того, с ледяных вершин окружающих гор дуют сильные и холодные ветры. Казалось, будто каждая гора имеет свой особый ветер: то он был нам благоприятен и гнал быстро вперед, то дул с левого борта, то — с правого, то относил за один час дальше назад, чем сколько мы успевали пройти за несколько часов. Иногда эти ветры смешивались и одновременно падали на море с такой силой, что образовывались смерчи, которые низвергались ливнями. Кроме того, море так глубоко там, что не было возможности бросить якорь, хотя бы дело шло о жизни или смерти. Магеллан говорил, что в проливе много удобных гаваней. Это верно, но, чтобы

пользоваться ими, надо бы целые корабли загружать не чем иным, как якорями и канатом.

Милях в ста от входа мы увидели три острова… Мы нашли на этих островах огромное разнообразие и изобилие провианта, великое множество пингвинов, которых Магеллан назвал гусями. Это странная птица, которая летать не может и передвигается так прямо, что издали мы приняли их стаю за кучу детей. Для птиц такого размера они обладают большой силой: наши матросы совали палки в их норки, чтобы их оттуда выгнать, и они так крепко хватали эти палки клювами, что матросам приходилось напрягать всю свою силу, чтобы вытащить их. Благодаря их неуклюжести и медленному движению за один день их набили не меньше трех тысяч.

Туземцы ведут в этой местности кочевой образ жизни, от непогоды укрываются в жалких шалашах вроде беседок, которые можно видеть в наших садах в Англии. Но для грубых дикарей их утварь казалась нам очень искусно и даже изящно сработанной. Их челноки сделаны из коры, не просмолены и не проконопачены, а только сшиты по швам полосками тюленьей кожи, но так аккуратно и плотно, что не дают течи. Из коры же сделаны и их чашки и ведра. Ножи, при помощи которых они вырезают и вытачивают эти предметы обихода, сделаны из громадных раковин. Отломив края их, они отшлифовывают на камне до тех пор, пока ножи не приобретают нужную остроту. Мы сами испытали, что этими ножами можно резать самое твердое дерево и даже кость».

Нуньо да Силва в своем шканечном журнале дает очень сжатую информацию о том, как суда экспедиции двигались Магеллановым проливом на запад:

> «26-го [августа]. Продвигались дальше вглубь пролива.
>
> 27-го. Пришли на якорную стоянку, набрали воды и в тот же день отплыли.
>
> 28-го. Мы двигались дальше, лавируя.
>
> 29-го. Мы двигались дальше, лавируя, и в этот же день пришли на якорную стоянку.
>
> 30-го. Мы отплыли, направляясь вглубь пролива.
>
> 31-го. То же самое.
>
> 1-го [сентября]. В первый день этого месяца стали на якорь среди островов.
>
> 2-го. Утром мы отплыли.
>
> 3-го. Тот же курс.
>
> 4-го. Стали на якорь и нашли каноэ с четырьмя

индейцами. Пополудни отплыли.

5-го. Тот же курс, точно на запад.

6-го. В этот день мы вышли из пролива в Южное море».

В отличие от португальского пилота, автор «Экспедиции вокруг света» был более красноречив:

«Пробираясь с большими трудностями по почти неизведанному пути среди множества островов, 6 сентября мы наконец выбрались в Южное море… Хотя по времени зима должна была быть уже на исходе, тем не менее генерал решил спешить к северу, к экватору, так как люди очень страдали от холода, здоровье многих пошатнулось и можно было опасаться болезней. Но пришлось испытать на себе справедливость пословицы „Человек предполагает, а Бог располагает“. Не успели мы выйти в море (иными называемое Тихим, а для нас оказавшееся Бешеным), как началась такая неистовая буря, какой мы еще не испытали. Она началась ночью, а когда наступило утро, мы не увидели солнечного света, а ночью ни луны, ни звезд, и эти потемки продолжались целых пятьдесят два дня, пока длилась буря. Все, казалось, объединилось против нас: и небо, и земля, и море, и ветры. Корабль наш то подкидывало, как игрушку, на самую верхушку гигантских водяных гор, то с такой же стремительностью мы низвергались в бездну, казалось, на самое дно моря, которое вдруг перед нами раскрывалось. Невдалеке были видны по временам горы, и они вызывали ужас, потому что ветер гнал нас к ним, на верную гибель, потом они скрывались из глаз. Наши якоря, как вероломные друзья в минуту опасности, не хотели служить нам. Словно в ужасе содрогаясь, скрывались они в пучине, оставляя нас на произвол гигантских валов, бросавших корабль из стороны в сторону, точно мячик под ударами ракет. О спасении думалось мало, ибо поистине казалось более вероятным, что ветер раскроит эти горные громады от верхушки до основания и швырнет их в море, чем искусство человека спасет хотя бы одну из человеческих жизней. Наконец, к довершению горя, мы потеряли из виду наших товарищей. Сначала исчез „Мэриголд“ (по данным Нуньо да Силвы — 28 сентября, а согласно дневнику Флетчера — 30 сентября. — *В. Г.)*. В эту ночь вахтенные на адмиральском корабле, казалось, слышали чьи-то

издалека донесшиеся крики. Но не хотелось думать о гибели; мы надеялись, что еще свидимся с товарищами у берегов Перу, около тридцатого градуса, где генерал назначил сбор эскадры на случай, если бы корабли были разлучены бурей».

Капеллан Флетчер полагал, что гибель «Мэриголд» было Божьим наказанием Дрейку и его пособникам за казнь Даути. В дневнике капеллана записано: «…шторм был свирепым и яростным, барк „Мэриголд“, на котором Эдвард Брайт, один из обвинителей Томаса Даути, был капитаном, вместе с 28 душами был поглощен ужасными и безжалостными волнами, или точнее — морскими горами, и это случилось в ходе второй ночной вахты; в это время я и Джон Брюэр, наш трубач, находясь на вахте, услышали их отчаянные крики, когда десница Господа опустилась на них…»

Интерпретатор записок Флетчера продолжает:

«Позже, в середине этой ужасной, восьминедельной муки, исчезла и „Элизабет“ (в ночь на 8 октября. — *В. Г.)*. Как выяснилось уже потом, в Англии, многие на этом вице-адмиральском корабле мечтали о возвращении домой. Когда судьба занесла их снова в Магелланов пролив, из которого они месяц назад вышли, они благополучно совершили обратный путь по старым следам.

Буря продолжалась до 28 октября, причем за эти пятьдесят два дня выдались только два дня передышки. И вдруг все точно рукой сняло: горы приняли благосклонный вид, небеса улыбались, море было послушно, но люди были измучены и нуждались в отдыхе. Мы не только не продвинулись вперед за эти два месяца, но были отнесены бурей на юг на целых пять градусов. Наш генерал истолковал это как особую милость провидения, которая дала ему возможность исследовать и ту часть страны, что находится к югу от пролива и которую португальцы не исследовали, назвав Terra Incognita. Это не материк, как полагали спутники Магеллана, а ряд больших и малых островков, за которыми лежит беспредельное море. На южном берегу самого южного из островов мы водрузили большой камень, на котором вырезали имя родины, нашей королевы и дату. И островам генерал дал одно общее имя — Елизаветинских».

Наиболее детально хронологию блужданий «Золотой лани» в районе островов у юго-восточного побережья Огненной Земли излагает Нуньо да Силва, хотя при этом его информация остается чрезвычайно скупой:

> «18-го [октября]. Стали на якорь среди островов и высадились с большим трудом, достали воду и дрова и говорили с туземцами.
>
> 23-го. Отплыли, так как лопнул якорный канат.
>
> 24-го. Стали на якорь у острова на 57 градусе.
>
> 25-го. В этот день мы сошли на берег.
>
> 26-го. Добыли дрова.
>
> 27-го. Сошли на берег.
>
> 28-го. Мы отплыли.
>
> 29-го. Пошли в северном направлении».

Информацию португальского пилота о том, что Дрейк достиг 57° южной широты, подтверждает также Эдвард Клифф. Флетчер сообщает, что они были на 55° южной широты. Исходя из этих данных, английские исследователи предположили, что корабль Дрейка мог находиться где-то в районе мыса Горн. Отсюда напрашивался вывод, что участники экспедиции открыли пролив, отделяющий Америку от Антарктиды, — пролив, носящий сегодня имя Дрейка.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ТУЗЕМЦАМИ И НАБЕГ НА ВАЛЬПАРАИСО

Перед тем как потерять из виду «Мэриголд» и «Элизабет», Дрейк передал их капитанам инструкции, в которых, на случай разделения судов, рандеву было определено у побережья Чили в районе 30° южной широты. Позже Дрейк долго искал пропавшие суда, не оставляя надежды встретиться хотя бы с одним из них.

«30 октября мы подняли паруса и продолжали путь на север, на соединение с отбившимися кораблями нашей эскадры, — читаем в краткой версии записок Флетчера. — Была полная весна, ночь продолжалась всего два часа, погода благоприятствовала нам, и плавание вдоль берегов не представляло никаких затруднений. 25 ноября мы подошли к острову, который испанцы назвали Мучо, то есть Большим (на самом деле этот чилийский остров называется Моча. — *В. Г.),* и бросили здесь якорь. Остров оказался очень плодородным: много картофеля, маиса, из которого здесь делают хлеб; мы видели много овец и всякого скота; кроме того, говорят, остров очень богат золотом. Население его — индейцы, бежавшие с материка от жестокости испанцев. Генерал хотел получить от них провианта и воды и с этой целью в первый же вечер съехал на берег и был дружелюбно принят ими. Нам принесли двух жирных баранов, кур, а что касается воды, то знаками дали нам понять, что завтра утром, после восхода солнца, укажут нам источник ее».

На следующее утро, прихватив с собой пустые бочонки, Дрейк с одиннадцатью или двенадцатью людьми снова отправился на берег. Среди его спутников были Джон Брюэр, Джон Мартин, Томас Флуд, Томас Брюэр, Джон Грайп, Джон Маринер, Грегори Реймонд, датчанин по прозвищу Большой Нил, фламандец по прозвищу Маленький Нил и марон Диего. Все имели при себе шпаги и щиты, однако никто не взял с собой ни одного лука со стрелами. «Никто не ждал беды, так как туземцы проявляли дружелюбие, но беда тем не менее ждала, — замечает Флетчер. — По обе стороны маленькой бухточки, где пристала шлюпка, были густые заросли тростника, в которых притаилось несколько сот

индейцев, только поджидавших подходящей минуты. Другие встретили белых гостей с тем, чтобы якобы провести их к источнику воды. Генерал приказал двум матросам пойти с бочонками за водой».

На пляж высадились Томас Брюэр и Томас Флуд. Но не успели они пройти и полпути к источнику, как сопровождавшие их индейцы набросились на них и куда-то поволокли. В то же время в моряков, оставшихся в шлюпке, полетела туча стрел. «Все были ранены: в ком торчало две, в ком — три, и пять, и десять, а в одном несчастном — даже двадцать одна стрела; кто был ранен в лицо, кто — в горло, в спину, в живот, — продолжает свой рассказ Флетчер. — Сам генерал был ранен в лицо, под правый глаз, и тяжело в голову. Никто бы не спасся, если бы одному матросу не удалось мечом перерезать веревку, за которую шлюпка была привязана к берегу. Стрелы посыпались и вслед удалявшимся, словно мошкара на солнце. Оба борта шлюпки изнутри и снаружи были истыканы стрелами вплотную, так что с корабля издали по одному этому могли судить, что делалось с людьми. Их окровавленный вид вызвал общий ужас. На горе, главный врач наш умер, другой был на вице-адмиральском судне; у нас оставался только помощник, еще юноша, у которого было гораздо больше доброго желания, чем искусства. И тем не менее все потом, за исключением одного, выздоровели».

В действительности, от ран умерли два участника экспедиции: канонир Большой Нил, получивший не менее двадцати ран, и марун Диего — слуга Дрейка, участвовавший с ним в панамской экспедиции.

«…Теперь надо было думать о двух несчастных, оставшихся на берегу, — читаем в отчете об экспедиции. — Со всей поспешностью мы снарядили свежую команду, но помочь им не было никакой возможности. Когда шлюпка приблизилась к берегу, там была огромная толпа в две тысячи человек, вооруженных с головы до ног. Бросались в глаза блестевшие на солнце серебряные наконечники копий и стрел. Наши несчастные, крепко связанные, лежали на земле, а дикари, взявшись за руки, с песнями и пляской водили кругом хоровод. Мучители срезали с них ножами куски мяса и подбрасывали в воздух; плясавшие подхватывали упавшие куски и пожирали их, словно собаки. Уже

дошли до костей, но жизнь в них еще теплилась. Наши матросы дали по дикарям несколько залпов, которые не причинили им вреда, потому что каждый раз они успевали ничком упасть на землю и потом снова принимались за свое дело, совершенно озверелые. Конечно, можно было отмстить им залпом с корабля, но генерал не согласился на это. Причина этого зверства та же, что и прежде: ненависть к испанцам за их кровавую жестокость. Бежав с материка, они никогда не упускают случая пролить испанскую кровь и отведать испанского мяса, когда оно попадается под руки. Так как они из всех народов мира знают только испанцев, то, естественно, и нас приняли за них, тем более что наши матросы, несмотря на запрещение, имели неосторожность спрашивать воду по-испански — *agua.* В тот же день мы покинули остров Мучо [Моча]. Мы искали места, где наши больные могли бы спокойно поправиться и отдохнуть. 30 ноября (по данным Нуньо да Силвы, 3 декабря. — *В. Г.)* мы бросили якорь в заливе Филиппа (ныне бухта Кинтеро. — *В. Г.)* и тотчас же снарядили шлюпку на розыски. Посланные доложили, что, несмотря на все старания, они не нашли того, что нужно; видели громадные стада диких буйволов, но нигде никаких признаков жилья; только на обратном пути заметили в бухте индейца, который с челнока ловил рыбу, захватили его вместе с челноком и доставили к генералу. Рыболов имел очень добродушный и располагающий в его пользу вид, с любопытством все рассматривал и благодарил за подарки. Мы постарались объяснить ему, в чем нуждались, и отпустили его на берег в его челноке, сделанном из тростника, и в сопровождении нашей шлюпки.

Высадившись, он попросил наших матросов дождаться его возвращения и вскоре вернулся в сопровождении нескольких своих, которым, очевидно, передал новости и показал щедрые подарки; все имели очень довольный вид. Затем явились и другие, среди которых был и их предводитель. На лошади привезли провиант: кур, яйца, жирную свинью и тому подобное. Чтобы не вызывать в белых никакого подозрения в коварстве, они погрузили все на свой челнок, и предводитель, отправив лошадь назад, непременно хотел один, без своих товарищей, повидать нашего начальника».

Этого индейца звали Фелипе, и он, по утверждению Нуньо да Силвы, неплохо говорил по-испански. Фелипе сказал, что в гавани Вальпараисо, примерно в шести лигах южнее, стоит на якоре испанский корабль. Индеец готов был провести англичан в указанную гавань.

Нападение на Вальпараисо Флетчер описал весьма лаконично:

«5 декабря наш лоцман привел нас в гавань, которую испанцы называют Вальпараисо. Правда, мы не застали здесь своих товарищей, не было и никаких слухов о них, но зато нашли в изобилии все, в чем нуждались. Между тем в городе оказалось несколько складов местных вин, а в порту стоял большой корабль „Капитан Мориаль“, только что пришедший из Перу. Он принял вновь прибывших за испанцев, поднял флаг и забил в барабаны. Мы подошли вплотную, и наши матросы бросились на абордаж. Один из них, говоривший немного по-испански, сшиб с ног мешавшего ему испанца: „Abajo, perro!“ („Вниз, собака!“). Никого они не убили, да и некого было бы убивать, потому что испанцы перекрестились, прыгнули за борт и поплыли к берегу. Приступили к осмотру. Корабль, оказалось, был нагружен главным образом теми же винами, а также некоторым количеством золота. Тут же был большой, золотой, осыпанный изумрудами крест с пригвожденным на нем золотым же богом. В городе, который был покинут жителями и пуст, нашли в церкви потир и напрестольную пелену, которые отдали судовому священнику на украшение его церковной утвари.

Мы провели здесь несколько дней, подкрепляя себя, а вместе с тем и облегчая корабль от столь тяжелого груза, и 8 декабря, вдоволь запасшись на долгий путь вином, хлебом, свининой и т. д., пошли назад на старое место, напрягая все наше разумение и старание к тому, чтобы найти отделившиеся от нас корабли нашей эскадры».

Из других источников известно, что упомянутое судно принадлежало Эрнандо Ламеро и было 120-тонной *капитаной* — флагманским кораблем в экспедиции Альваро де Менданьи, которую он совершил десятью годами ранее в сторону Соломоновых островов. На его борту находилось лишь восемь белых и три нефа. Приняв англичан за своих соотечественников (кто же еще мог плавать в Южном море!), испанцы

приветствовали их барабанным боем и пригласили выпить с ними вина. Дрейк отправил на испанское судно 18 матросов во главе с Томасом Муном. Поднявшись на палубу, Мун ударил испанского пилота Хуана Гриего (Хуана Грека) кулаком в лицо и велел ему и всем остальным убраться в трюм. Перепуганные члены команды подчинились этому приказу, за исключением шкипера Ламеро, который прыгнул за борт и быстро поплыл к берегу.

Взяв одну свою и одну трофейную шлюпки, Дрейк отправился в «город», оказавшийся в действительности скромным поселком: в нем насчитывалось лишь восемь или девять домов и одна церковь. Ограбив их, англичане нашли на складах большой запас чилийского вина. Из церкви они забрали колокол, потир и другие серебряные украшения, а также ризы и католический требник и, по свидетельству да Силвы, «немедленно уничтожили их». На призе нашли 1770 кувшинов вина, много кедровых досок и золото из Вальдивии, которое, согласно описи, составленной шкипером Ламеро, оценивалось в 24 тысячи песо. Золото хранилось в четырех тюках. Поскольку один из них был найден под рулевым устройством в ящике с мукой, можно предположить, что шкипер не стал регистрировать его. Согласно более поздним показаниям капитана Сан Хуана де Антона, в руки корсаров попало также великолепное золотое распятие, украшенное изумрудами.

Пилота Хуана Гриего Дрейк забрал к себе на корабль. После этого с «Золотой лани» на борт приза перешла команда из двадцати пяти человек, и на следующий день, 8 декабря, оба судна покинули Вальпараисо. 9 декабря англичане вернулись в бухту Кинтеро, где индеец Фелипе, получив в награду несколько ценных подарков, сошел на родной берег.

ГРАБЕЖИ У БЕРЕГОВ ЧИЛИ И ПЕРУ

Двигаясь вдоль побережья Чили на север, «Золотая лань» 12 декабря достигла места, называемого Тонгой. Оно находится на 30° 15′ южной широты, и где-то здесь Дрейк рассчитывал встретиться со своими потерявшимися во время шторма судами. Несколько дней прошло в бесплодных ожиданиях. Матросы несколько раз высаживались на берег и обнаружили в нескольких сотнях ярдов от пляжа водный источник, однако воду здесь не стали брать — возможно, из-за того, что обнаружили индейскую засаду.

15 декабря галеон пошел дальше. 18 декабря, согласно записям Нуньо да Силвы, он стал на якорь «напротив хорошей гавани». На следующее утро англичане отправились «искать воду и поймали две большие свиньи и много поросят», затем на них «в два часа пополудни напали туземцы и захватили одного человека», нападавших было «250 человек на лошадях и столько же пеших».

Более детально эта стычка описана в дневнике Флетчера:

> «Поскольку корабль наш был чересчур велик, чтобы на нем можно было зайти всюду, то часто приходилось делать десант на маленькой лодке и таким образом подвергаться риску испытать на себе испанскую вежливость. Так, 19 декабря мы вошли в залив [Ла-Эррадура], к югу от города Сиппо [Кокимбо], где высадили четырнадцать матросов, но испанцы заметили десант и выслали из города для преследования его человек триста, из которых сто были испанцы на прекрасных конях, остальные — индейцы, которые голышом, рабски бежали по их следам, как собаки.
>
> Наши вовремя заметили грозившую им опасность и успели спастись в лодке, но один, некий Ричард Миниви (точнее, Джон Миниви. — *В. Г.),* отчаянный смельчак, всегда небрежно относившийся к личной безопасности, отказался от спасения и предпочел попытаться испугать врагов или же лечь костьми. Последнее он и сделал. Индейцы приволокли его труп к берегу, где испанцы варварски его обезглавили, правую руку отрезали, а сердце вырвали. Все это они проделали на наших глазах. Потом они велели индейцам истыкать весь изуродованный труп стрелами и в таком виде бросили его на съедение диким зверям. И уже только потом мы,

снова высадившись на берегу, похоронили своего товарища. Этот случай показывает не только варварскую жестокость испанцев, но и тот жалкий страх, с которым они правят страной. Они вечно боятся или иноземного вторжения, или же того, что добродушные и невинные индейцы, которых они держат в таком позорном порабощении, перережут внезапно всем им глотки. Поэтому они убивают всякого иностранца, которого захватят, а индейцам позволяют держать при себе оружие отнюдь не дольше, сколько надо для какого-нибудь определенного дела. Так, стрелы, которыми был истыкан труп, оказались срезанными с дерева в тот самый день. Они считают, что обходятся очень милостиво с несчастными, если не бьют их плетьми ради удовольствия или не льют на их голое тело каплю за каплей вытапливаемое свиное сало. А это еще одна из наименьших жестокостей, которые они всюду проделывали над индейцами».

В одном из отчетов сообщается, что испанцы прислали на берег парламентера с белым флагом, однако Дрейк, опасаясь ловушки, не стал вступать с ним в переговоры и 20 декабря покинул залив Ла-Эррадура.

В ту же ночь во время первой вахты корабль едва не наскочил на риф возле небольших островов Пахарос. На следующий день англичане обнаружили на указанных островах множество птиц, а на побережье — водный источник, но, заметив испанских всадников (по всей видимости, высланных из Ла-Серены), не стали задерживаться в этом опасном месте.

22 декабря «Золотая лань» вошла в залив Салада, лежащий примерно на 27° 35′ южной широты, и стала на якорь в укромной бухточке Медио. Здесь отпраздновали Рождество, потом кренговали судно, смазывали палубу и днище жиром, а заодно подняли из трюма несколько пушек, до этого служивших в качестве балласта. Поскольку на борту не хватало места для размещения бочек с трофейным вином, шесть бочек с дегтем пришлось выбросить в море.

Снарядив быстроходный пинас, англичане установили в его носовой части бронзовую пушку. Вечером 10 января 1579 года, укомплектовав судно экипажем из пятнадцати матросов, Дрейк отправил его вдоль побережья на юг — искать воду и заодно пропавшие суда. Лоцманом на пинасе был Хуан Гриего. В понедельник 12 января пинас вернулся, никого не обнаружив.

Ровно через неделю, завершив очистку и смазывание бортов,

корсары вывели «Золотую лань» и ее приз из залива Салада. Пинас сопровождал их, держась ближе к берегу. Дрейк, без сомнения, искал место, где можно было беспрепятственно высадиться и пополнить запасы питьевой воды. Гавань Копиапо прошли не задерживаясь. Через 11 лиг увидели небольшой остров — видимо, Пан-де-Асукар, возле которого 22 января стали на якорь. На берегу нашли четверых индейцев, накормили их и одарили подарками, надеясь, что они покажут участникам экспедиции водный источник. Но когда на следующий день на берег сошел отряд матросов, он так и не смог найти воду.

Следующая остановка была в месте, которое в отчете Педро Сармьенто де Гамбоа названо Морро-де-Хорхе (Холм Хорхе). Там англичане провели два дня, смазывая жиром днище пинаса и шлюпки. «Индейцы каманчача посетили их здесь, — пишет Сармьенто, — и принесли им немного рыбы, за которую они дали им ножи и другие вещи. Дрейк сам сошел на берег и в двух-трех лигах от того места поймал много рыбы».

Из других документов явствует, что участники экспедиции побывали в районе острова Конститусьон, лежащего чуть севернее мыса Пунта-Тетас. Между островом и материком имеется удобная гавань, в которой англичане повстречали четверых индейцев на двух каноэ. Индейцы знаками дали понять, что водный источник находится южнее, в двух лигах от гавани. Дрейк выслал туда шлюпку, однако матросы смогли найти лишь незначительное количество воды.

Пройдя еще 15 лиг на север, участники экспедиции достигли места, называвшегося Комписи, «также именуемого Пакиса». Здесь Дрейк отпустил одного из индейцев, взятых на острове Конститусьон, подарив ему несколько безделушек. Чуть позже была захвачена рыбачья лодка, которую привязали канатом к корме судна. Однако ночью индейцы ухитрились отвязать ее и сбежали.

4 февраля «Золотая лань» и ее приз стали на якорь в устье реки Писагуа, где находилось небольшое селение Тарапака. По-прежнему испытывая недостаток в питьевой воде, Дрейк выслал к берегу пинас.

> «В наших поисках мы попали в местечко, называемое Тарапака, — рассказывает Флетчер. — Высадившись на берег, наткнулись на испанца, который спал, растянувшись на земле.
>
> Рядом с ним лежало тринадцать слитков серебра стоимостью в четыре тысячи испанских дукатов. Нам ни за что не хотелось будить его. Но раз, против желания,

пришлось причинить ему эту неприятность, мы решили освободить его от его ноши, которая, чего доброго, в другой раз и не позволила бы ему заснуть, и таким образом предоставили ему, если угодно, выспаться с покойной душой.

В другом месте мы встретили испанца, который гнал восемь перуанских баранов (речь идет о ламах. — *В. Г.*), навьюченных кожаными мешками; на каждом баране было по два мешка, а в каждом мешке — по 50 фунтов чистого серебра; всего, значит, 800 фунтов весом. Мы не могли допустить, чтобы испанский джентльмен превратился в погонщика, и поэтому, без особых просьб с его стороны, сами предложили свои услуги и стали подгонять баранов, но он не сумел правильно указать нам дорогу. Нам пришлось эту заботу взять на себя, и в результате, вскоре после того, как мы с ним расстались, мы с баранами оказались около наших лодок. Кстати, эти бараны — удивительные животные. По величине они с добрую корову, а силой и выносливостью должны превосходить ее. На спине их усаживалось зараз по трое взрослых и крупных мужчин с одним мальчиком, и нога самого высокого из них по крайней мере на фут не касалась земли, а животное при этом нисколько не жаловалось на тяжесть. Головой они напоминают обычного барана, а шеей — верблюда. Испанцам они приносят громадную пользу, давая тонкую шерсть, превосходное мясо и обычный приплод. Ими пользуются и как вьючными животными, и как верховыми лошадьми. В гористых местностях, где не пройдет ни одна повозка, они тащат большие тяжести на тысячу миль.

Серебро по всей этой провинции Куско можно найти повсюду в земле, где бы ее ни взять: из каждых ста фунтов земли можно получить на двадцать пять шиллингов чистого серебра, считая по кроне за унцию».

В ночь на 6 февраля «Золотая лань», ее приз и пинас появились возле порта Арика. В то время этот город был главной артерией, через которую серебро, добывавшееся на рудниках Потоси, переправляли морем в Кальяо — «морские ворота» Лимы, столицы вице-королевства Перу. В порту корсары застали два испанских судна, на одном из которых (принадлежавшем Фелипе Корсо, то есть Корсиканцу) они обнаружили, по разным данным, от тридцати четырех до тридцати семи слитков серебра и сундук с серебряными пластинками, которые оценивались примерно в

500 песо. Второе судно, принадлежавшее шкиперу Хорхе Диасу, оказалось беднее — на нем нашли груз воска и около трехсот кувшинов с вином и оливковым маслом.

Полагая, что гораздо больше сокровищ можно отыскать в городе, Дрейк распорядился на следующий день атаковать его. Субботним утром на захват Арики был отправлен пинас с шестьюдесятью аркебузирами и лучниками, однако, услышав тревожный звон колоколов и заметив на берегу хорошо вооруженный отряд испанских кавалеристов, десантная группа отказалась от задуманной операции и вернулась к кораблю. Желая устрашить испанцев, Дрейк приказал канонирам произвести в сторону поселения несколько пушечных выстрелов. В тот же вечер корсары продегустировали захваченное в гавани вино. По свидетельству Сармьенто, на борту английского корабля «дули в трубы и играли на музыкальных инструментах».

Забрав на борт Фелипе Корсо с его серебром, какого-то негра и фламандца по имени Николас Йорис (по-испански — Николас Хорхе), Дрейк решил увести с собой судно корсиканца, а второе трофейное судно сжечь вместе с воском и ста кувшинами вина. Впрочем, из показаний Джона Дрейка и Нуньо да Силвы следует, что судно Диаса поджег один из матросов самочинно, без приказа командира.

«Утром они захватили три рыбацкие лодки, — пишет Сармьенто, — и в одной из них отпустили на берег трех испанцев, которых они взяли в Чили, и десять или двенадцать индейцев. Эти трое испанцев отправились в рыбацкой лодке вдоль берега, повсюду поднимая тревогу».

Тревожные известия о нападении англичан на Арику вскоре достигло селения Чуле, служившего гаванью для перуанского города Арекипа. Стоявший в Чуле корабль с пятьюстами слитками серебра был немедленно разгружен по приказу его владельца Берналя Буэно; серебро навьючили на лам и отправили в горы за два часа до того, как пинас Дрейка вошел в гавань. Обыскав испанское судно и обнаружив на нем лишь две бочки с водой, англичане взяли его на буксир и отвели в открытое море, к «Золотой лани».

Три захваченных судна, безусловно, начали сковывать продвижение экспедиции на север, в сторону Кальяо. Поэтому Дрейк решил избавиться от них. На следующий день — очевидно, это было 9 февраля — он приказал забрать вино и немного кедровых досок с *капитаны,* а также вино с судна, взятого в Арике, затем поднять на всех призах паруса и пустить их без экипажей по воле ветра и течений. В составе экспедиции остались лишь «Золотая лань» и пинас. В тот же день в море было

перехвачено еще одно испанское судно, но поскольку на нем ничего не нашли, кроме шестисот кувшинов вина, а вина у англичан и так было в избытке, приз отпустили.

Во вторник 10 февраля Нуньо да Силва записал в шканечном журнале: «Мы обнаружили другой корабль, без груза. В тот же день мы захватили еще один корабль с 200 кувшинами вина».

В пятницу 13-го, проходя рано утром мимо острова Сан-Гальян, корсары заметили три небольших фрегата. Тот, который находился мористее, был взят на абордаж. Согласно показаниям Николаса Йориса, приз принадлежал жителю Лимы Франсиско де Трухильо. Его капитан, Гаспар Мартин, во время допроса рассказал Дрейку о судах, стоявших в порту Кальяо, а также о тех, что ожидались из Панамы. В частности, он сообщил, что суда Мигеля Анхеля и Андреса Мурьеля должны прийти из Панамы и забрать с собой много серебра. Кроме того, из Лимы в порт Кальяо недавно было отправлено 700 серебряных слитков и, по предположению Мартина, их погрузка на суда могла быть уже завершена. Пленник также добавил, что 2 февраля из Кальяо в Панаму ушел корабль капитана Сан Хуана де Антона с большим грузом золота и серебра. Его еще можно догнать, поскольку капитан собирался зайти по пути в некоторые гавани для пополнения запасов муки.

Дрейк забрал с фрегата Мартина двух или трех моряков (включая владельца судна), которые должны были помочь ему провести «Золотую лань» в порт Кальяо. Приближаясь к гавани, корабль угодил на мелководье; Дрейк заподозрил, что испанский пилот умышленно намеревался загнать галеон на мель, и приказал повесить «предателя». К счастью для испанца, «Золотая лань» благополучно миновала опасный участок, и, проведя ее между островом Сан-Лоренсо и материком, пилот между девятью и десятью часами вечера завел ее в гавань.

В порту на якоре стояло, по разным данным, от девяти до семнадцати судов; Флетчер утверждает, что их было тридцать:

«В Лиму мы прибыли 15 февраля (по испанским данным — 13 февраля. — *В. Г.),* и, несмотря на то, что на рейде стояло тридцать испанских кораблей, из которых семнадцать — в полной боевой готовности, мы вошли в гавань и простояли среди них на якоре всю ночь. Если бы мы хотели мстить, то могли бы и в несколько часов забрать такую добычу, что испанцам не наверстать бы ее и в несколько лет. Но зато здесь мы получили такие сведения, которые сулили нам щедрое вознаграждение за понесенный труд захода в Лиму. Мы услышали о разных кораблях с ценным грузом, которые мы могли рассчитывать нагнать. Особенно заинтересовал нас богатый „Какафуэго“, вышедший из

Лимы 2 февраля с грузом золота и серебра в Панаму».

Из других источников известно, что Дрейк, взяв на борт пинаса и шлюпки сильный отряд, лично отправился «инспектировать» стоявшие в гавани суда. Он искал упомянутый Мартином корабль Мигеля Анхеля с грузом серебра, но осмотренные парусники оказались пустыми. Серебряные слитки, оценивавшиеся в 200 тысяч песо, все еще оставались на берегу, в здании таможни, под надежной охраной. По свидетельству Сармьенто, перед тем как вернуться на борт «Золотой лани», Дрейк приказал своим людям «перерезать якорные канаты у семи из девяти судов, что стояли там на якоре» — это была гарантия того, что на рассвете они не бросятся за ним в погоню. Согласно утверждению Джона Дрейка, командир экспедиции надеялся, что лишенные якорей испанские суда будут вынесены ветром в открытое море, где станут легкой добычей англичан; после этого их можно было бы обменять на томившегося в застенках инквизиции в Лиме Джона Оксенхэма и нескольких его товарищей. Подобное утверждение, по мнению Г. Вагнера, выглядит абсурдно, так как все дальнейшие действия Дрейка ясно указывали на то, что он хотел как можно скорее уйти из Кальяо и догнать корабль Сан Хуана де Антона.

Тем временем на рейд прибыло из Панамы судно «Сан-Кристобаль», принадлежавшее Алонсо Родригесу Баутисте. Едва оно стало на якорь возле «Золотой лани», как находившиеся на его борту матросы стали окликать англичан, интересуясь, кто они и откуда пришли. Дрейк велел кому-то из пленных испанцев отвечать то, что он ему нашептывал. В результате новоприбывшие ничего не заподозрили. Но тут, как назло, «Сан-Кристобаль» был замечен с берега таможенниками, которые направили к нему шлюпку. Таможенный офицер, узнав, как называется корабль, сказал, что осмотрит его трюмы утром. Затем шлюпка приблизилась к борту «Золотой лани». Когда таможенники спросили, что это за корабль, пленный испанец, проинструктированный Дрейком, ответил:

— Это судно Мигеля Анхеля из Чили.

Один из таможенников стал подниматься по трапу на борт галеона, но, увидев на палубе пушку, заподозрил неладное. Дело в том, что торговые суда испанцев, курсировавшие в те времена у тихоокеанского побережья, не были вооружены артиллерией. Таможенник тут же прыгнул назад в шлюпку и, крича «Французы! Французы!» — велел как можно быстрее грести к берегу. Несколько английских лучников начали стрелять в беглецов, и, видимо, рассмотрев одну из попавших в шлюпку стрел, испанцы догадались, что незнакомцы были не французами, а англичанами.

Дрейк отправил в погоню за испанцами шлюпку, однако догнать их не удалось. Тогда корсары попытались захватить стоявший поблизости «Сан-Кристобаль». Его команда, поднятая по тревоге, перерезала якорный канат и попыталась вывести корабль из гавани. Поскольку ветра почти не было, пинас Дрейка, двигаясь на веслах, легко настиг беглецов. Испанцам предложили свернуть паруса и сдаться. В ответ с борта «Сан-Кристобаля» раздались выстрелы из аркебуз. Один из корсаров был убит. Пинасу пришлось вернуться к «Золотой лани» за подкреплениями. Подняв все паруса, Дрейк решил во что бы то ни стало перехватить испанцев. Вновь приблизившись к испанскому судну, англичане открыли по нему огонь, ранив Родригеса и некоторых из его людей. Пока готовились к абордажу, команда «Сан-Кристобаля» спустила на воду шлюпку и бежала в сторону берега. Корсары обнаружили на борту приза лишь двух матросов и одного африканского невольника. Оставив на захваченном судне несколько своих людей, Дрейк велел немедленно уходить в открытое море. Миновав остров Сан-Лоренсо, оба парусника направились на северо-запад.

В час ночи вице-король Перу дон Луис де Толедо, находившийся в Лиме, был информирован о появлении в порту Кальяо иностранных корсаров. Столица вице-королевства была поднята по тревоге; звенели сорок церковных колоколов, на центральной площади выстраивались отряды аркебузиров и копейщиков, туда же прибыл в боевых доспехах дон Луис, сопровождаемый кавалеристами с развевающимся королевским штандартом. К утру это грозное воинство, насчитывавшее две сотни людей во главе с генералом Диего де Фриасом Трехо, нагрянуло в Кальяо, и, как заметил один из историографов, «его вторжение навело на местные власти не меньший страх, чем налет Дрейка».

«Золотая лань» и ее приз все еще маячили в четырех лигах от порта. Испанцы спешно снарядили два корабля: на *капитану,* принадлежавшую шкиперу и пилоту Мигелю Анхелю, поднялся сам генерал Диего де Фриас, на *альмиранту,* принадлежавшую шкиперу Кристовалю Эрнандесу, — заместитель генерала Педро де Арана; кроме того, в предстоящей охоте на английских пиратов пожелал участвовать Педро Сармьенто де Гамбоа.

Примерно в десять часов утра Дрейк заметил у себя «на хвосте» небольшую ланчу, которая, по всей видимости, следила за его продвижением на север. В одиннадцать часов из-за острова Сан-Лоренсо показались два испанских корабля. Хотя ветер был слабый, корабли взяли курс на «Золотую лань». Догадавшись, что это погоня, Дрейк решил избавиться от сковывавшего его «Сан-

Кристобаля». Прежде всего, он приказал перебраться на его борт всем пленным испанцам, включая Хуана Гриего (при себе капитан оставил лишь Николаса Йориса). Поскольку его собственные матросы, все еще находившиеся на призе, не спешили вернуться на флагман, Дрейку пришлось прыгнуть в шлюпку, лично нагрянуть на «Сан-Кристобаль» и заставить своих людей поторопиться. Перегрузив с борта приза на пинас партию шелка и полотна, англичане позволили испанскому судну идти назад в Кальяо, а сами на всех парусах устремились на северо-запад.

Испанские корабли гнались за Дрейком весь день 14 февраля и всю ночь на 15-е, пока Диего де Фриас не осознал, что его крошечной, наспех снаряженной флотилии не догнать англичан. Хуан Гриего с борта «Сан-Кристобаля» сообщил участникам погони, что пираты располагают крепким, хорошо вооруженным кораблем, насчитывающим от семидесяти пяти до восьмидесяти решительных парней. Военный совет, заседавший всю ночь, принял решение вернуться в Кальяо. Среди аргументов в пользу принятия этого решения было и то, что впопыхах испанцы взяли очень мало пороха и ядер, а о балласте и провианте вообще забыли.

Когда вице-король узнал о результатах бесславной погони, то чуть не задохнулся от ярости. Как! Какой-то пират смог не только покуражиться у ворот Лимы, но и безнаказанно уйти от возмездия?! Командам кораблей, принимавших участие в преследовании, запретили высаживаться на берег под страхом смерти, а генералу и старшим офицерам учинили разнос. Затем началось снаряжение новой эскадры, более сильной. На сей раз экспедицию, в составе которой помимо матросов было 120 солдат, возглавил сын вице-короля Луис де Толедо-младший, его заместителем — маэстре-де-кампо и адмиралом — назначили Диего де Фриаса, сержант-майором — Педро Сармьенто де Гамбоа, генеральным альфересом — Хуана де Аррьету, а старшим пилотом — Мигеля Анхеля. Однако время было упущено, корабли смогли выйти в море лишь 27 февраля, и их «погоня» закончилась так же безрезультатно, как и предыдущая.

Между тем Дрейк продолжал уходить на северо-запад. Возле Малабриго он ограбил небольшое торговое судно, направлявшееся из Панамы в Кальяо, и расспросил пилота Доминго Мартина о корабле Сан Хуана де Антона. Пилот признался, что видел его совсем недавно. У англичан были неплохие шансы догнать галеон с сокровищами, и они устремились дальше на север.

20 февраля «Золотая лань» и ее пинас зашли в порт Пайта. От пилота стоявшего там судна, португальца Кустодио Родригеса,

Дрейк узнал, что галеон «Какафуэго» покинул эту гавань всего два дня назад. Забрав с трофейного судна 60 кувшинов вина и два ящика воска, а заодно прихватив Родригеса и индейское каноэ, корсары продолжили погоню. Ночью 21 февраля в районе мыса Пунта-де-Парина пинас Дрейка с командой из шестнадцати человек перехватил барк Гонсало Альвареса, следовавший с товарами из Панамы в Кальяо. Через три часа, забрав с его борта груз одежды и негра-симаррона, англичане позволили испанцам плыть дальше.

Утром 28 февраля корабль и пинас Дрейка пересекли экватор и в окрестностях Лос-Кихимьеса, между мысами Сан-Франсиско и Пасадо, захватили судно Бенито Диаса Браво; последний был его владельцем, шкипером и пилотом. На борту приза оказалось много пассажиров, включая двух доминиканских монахов. Судно недавно вышло из Сантьяго-де-Гуаякиля и кроме пассажиров везло в Панаму золото, серебро, драгоценности, большой запас маиса, свинины, ветчины, а также канатов и иного корабельного снаряжения. Последнее предназначалось для галеонов, которые собирались доставить из Панамы в Манилу нового губернатора Филиппинских островов дона Гонсало Ронкильо де Пеньялосу. С этого судна Дрейк забрал 40 слитков серебра, золотые изделия, включая великолепное золотое распятие, изумруды из Новой Гранады величиной с кулак, одежду, провиант и такелаж, необходимый ему для замены изношенных снастей и рангоута. Перепуганные пассажиры сами отдали свои драгоценности и деньги, после того как Дрейк пригрозил вздернуть их всех на реях, если после обыска обнаружит у кого-нибудь припрятанные ценности. Награбленные сокровища, по разным оценкам, стоили около 18 тысяч песо.

Если верить Диасу Браво, во время грабежа один из корсаров спросил у него:

— Что за герб изображен на флаге, который реет на грот-мачте вашего судна?

— Это герб короля Филиппа, нашего суверена, — ответил шкипер.

— Спустите его! — приказал англичанин.

Однако Дрейк, слышавший этот разговор, неожиданно вмешался:

— Оставьте герб короля Филиппа там, где он находится, поскольку его величество — наилучший король в мире.

В это время подул свежий ветер, и Дрейк приказал поднять на призовом судне все паруса, желая проверить, будет ли оно идти быстрее, чем «Золотая лань». Убедившись, что корабль Диаса Браво действительно легок на ходу, Дрейк отправил всех

пленных моряков и пассажиров на берег в пинасе; при этом испанцам разрешили взять с собой только одежду и немного провианта. Затем на борт приза перенесли две пушки, сообщив Диасу Браво, что его судно останется в распоряжении англичан. Шкипер был вне себя от горя. Он сказал Дрейку, что корабль — его единственное богатство и, лишившись его, он будет разорен. На это командир «Золотой лани» ответил испанцу, что, возможно, вернет ему судно в Панаме, а если вдруг решит взять его с собой в Англию, то расплатится с Диасом Браво трофейным золотом. Позже шкипер писал: «Я поблагодарил его за это, хотя меня обуревали сомнения». Переживаниям испанского морехода пришел конец уже на следующее утро: Дрейк велел перенести две пушки с приза обратно на «Золотую лань» и вернул Диасу Браво его корабль. Причина этого решения крылась в малочисленности англичан — у них просто не хватало рук для обслуживания двух больших кораблей и пинаса.

Забрав с приза негров и корабельного писаря Франсиско Хакоме, Дрейк оставил Диаса Браво на его опустевшем судне. Но довольно скоро англичане вернулись и начали кричать:

— Эй, пилот, отдай нам остальное серебро, которое ты спрятал! О нем знаешь ты и писарь. Если ты не сделаешь это, мы повесим тебя вместе со всей твоей командой!

Затем корсары набросили ему на шею веревку и несколько раз подтягивали его вверх, к ноку реи. То же самое они проделали с Франсиско Хакоме, с которым обошлись еще более жестоко, — во время пыток писарь несколько раз терял сознание. Из показаний Хакоме и Джона Дрейка явствует, что информацию о запрятанном золоте и серебре англичанам сообщил один из негров.

Хотя Диас Браво позже писал, что пытки происходили на борту его судна, Хакоме утверждал, что англичане подвергли его мучениям на борту «Золотой лани». После подвешиваний на рее они сбросили несчастного в море, затем выловили и, решив, что он действительно ничего не знает о спрятанных сокровищах, отправили на пинасе на испанское судно. Последнее было еще раз тщательно обыскано, но никаких тайников с ценностями на нем не обнаружили. В конце концов корсары срубили на призе фок и фока-рей, намотали сорванный парус на якорь и выбросили его за борт, чтобы испанцы не смогли обогнать их и поднять тревогу в портах, лежавших к северу.

Некоторые пленники пересказали Дрейку удивительные новости, пришедшие из Европы. Так, они сообщили ему о гибели на поле брани королей Португалии и Марокко, о смерти дона Хуана Австрийского, а также короля Франции и папы римского.

Английский капитан спросил у Диаса Браво, правда ли это, и шкипер подтвердил правдивость информации. Тогда Дрейк собрал всех своих людей и поделился с ними «добрыми вестями». Участники экспедиции восприняли их с энтузиазмом, на борту «Золотой лани» был организован банкет с музыкой и танцами. «Мои цыплята и окорока поплатились за эти новости», — с грустью заметил Диас Браво.

ЗАХВАТ ГАЛЕОНА С СОКРОВИЩАМИ

Пустившись дальше в погоню за галеоном с сокровищами, Дрейк объявил своим людям:

— Того, кто первым увидит галеон, ждет награда — золотая цепь!

Упомянутый корабль, более известный в литературе как «Какафуэго» (то есть «Извергающий огонь»), на самом деле назывался «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон». Он был замечен из «вороньего гнезда» Джоном Дрейком в воскресенье 1 марта 1579 года недалеко от мыса Пунта-де-Галера, примерно в четырех лигах.

> «Теперь, — писал Флетчер, — предстояла трудная задача его поймать. Если бы там заподозрили наши движения, „Какафуэго“ спасся бы к берегу, который был, по несчастью, близок, и тогда нам не видать бы его богатств как своих ушей. Плохо было также то, что мы двигались чуть не вдвое быстрее и встреча должна была произойти через несколько часов при ярком свете дня. Тогда в голове генерала созрел смелый план. За кормой „Пеликана“ были спущены все пустые бурдюки, которые, наполнившись водой, сильно замедлили ход корабля. Генерал решил дождаться вечера, когда под тропиками с материка начинает тянуть бриз: противный ветер помешает испанцам спастись на берег.
>
> И вот, когда желанный час наступил, и полнее надулись паруса, и скрылись из глаз очертания берега, уклоняющегося здесь к востоку, бурдюки были убраны и „Пеликан“ быстро нагнал свою ничего не подозревавшую жертву. Когда нас разделяло расстояние не больше кабельтова, с корабля крикнули испанцам поворотить нос против ветра. Те продолжали идти, не меняя направления. Тогда по реям был дан залп, мы подошли вплотную, и через несколько минут все было готово: на „Какафуэго“ распоряжалась наша команда, испанский капитан, раненый, у нас в плену».

Из свидетельских показаний самого Сан Хуана де Антона, записанных Педро Сармьенто де Гамбоа, известно, что «Золотая лань» приблизилась к правому борту его корабля примерно в девять часов вечера: «Сан Хуан приветствовал его, но корсар не ответил на салют. Полагая, что это был корабль из Чили, где в то

время происходило восстание, маэстро де Антон подошел к борту. К этому времени англичане уже забросили крючья на его корабль, крича: „Мы — англичане! Уберите паруса!“ Кто-то сказал: „Спустите паруса, сеньор Хуан де Антон; если вы это не сделаете, то пеняйте на себя — вы будете отправлены на дно“.

Сан Хуан ответил: „Почему англичане приказывают мне спустить паруса? Придите ко мне на борт и уберите паруса сами!“ Услышав это, те, что были на борту английского корабля, начали свистеть и трубить. Затем раздался залп, произведенный, по всей видимости, примерно из шестидесяти аркебуз, потом полетели стрелы, которые ударили в борт корабля, а выстрел из пушки ядрами, связанными цепью, сбил бизань-мачту и отправил ее в море вместе с парусом и латинским реем. После этого англичане произвели второй выстрел из большой пушки, вновь закричав: „Уберите парус!“, и одновременно их пинас стал у левого борта, и около сорока лучников взобрались на руслени вант и проникли на судно Сан Хуана де Антона, тогда как с другой стороны у борта стал английский корабль. Таким вот образом они принудили судно Сан Хуана сдаться. Они спросили о пилоте и капитане у самого Сан Хуана де Антона, который находился на палубе. Он ничего им не ответил. Не видя иных людей на палубе, они схватили его и переправили на английский корабль, где он увидел корсара Фрэнсиса Дрейка, снимавшего свой шлем и кольчугу. Фрэнсис Дрейк обнял Сан Хуана де Антона, промолвив: „Терпение, дружище, на войне такое случается“, и тут же приказал запереть его в каюте на корме, приставив для его охраны двенадцать человек».

Из показаний писаря Доминго де Лисарсы явствует, что кроме шкипера галеона англичане забрали на борт «Золотой лани» его боцмана (и, видимо, родственника) Санчо де Антона.

> «На следующее утро начался осмотр и подсчет, длившийся шесть дней, — делится своими впечатлениями Флетчер. — Нужно было перевести дух после такого безостановочного преследования, но главным образом оказать любезность капитану Хуану де Антону и освободить его от забот о столь тяжелом грузе. Мы нашли здесь много съестных припасов: фрукты, консервы, сахар, муку и прочее, а главное (что и было причиной столь медленного плавания) — бриллианты и драгоценные камни, тринадцать ящиков серебряной монеты, восемьдесят фунтов золота, двадцать шесть бочек нечеканного серебра, два красивых серебряных золоченых кубка и разную мелочь, всего на сумму около

трехсот шестидесяти тысяч песо. Мы дали за это хозяину полотна и других вещей и в исходе шестого дня простились и расстались: он, несколько облегченный, поспешил в Панаму, а мы — в открытое море, чтобы на досуге подумать, какое направление нам лучше всего было принять».

Лаконичные воспоминания Флетчера дополняют свидетельские показания Сан Хуана де Антона (в записи Педро Сармьенто де Гамбоа):

«На следующее утро, в понедельник, в девятом часу корсар отправился позавтракать на корабль Сан Хуана. В то же время он оставил приказ своему старшему сержанту накрыть его стол для Сан Хуана де Антона словно для него самого.

Фрэнсис Дрейк оставался на захваченном судне до обеда, расспрашивая о богатствах, которые он вез, и вернулся на свой корабль пополудни. Покинув то место, где он захватил это судно, он пошел с попутным ветром под бизанью и фоком на северо-запад, в сторону Никарагуа, а через три дня — на северо-северо-запад и север, четверть к северо-западу.

В течение первых трех дней благоприятной погоды он перевез с помощью пинаса все серебро с судна Сан Хуана де Антона на свой корабль, удерживая в то же время в качестве пленных на своем адмиральском корабле испанцев, которых он обнаружил на ограбленном судне, каковых было десять или одиннадцать человек, из них пятеро — моряки, остальные — пассажиры.

Зарегистрированного серебра было на 362 тысячи песо в слитках, реалах и золоте. Из них 106 тысяч принадлежало Его Величеству, а остальное — частным лицам. Это то, что было зарегистрировано, но вместе с тем, что находилось на борту помимо этого, общая стоимость превышала 400 тысяч песо.

Он забрал всю провизию, в которой нуждался, и две бочки воды, такелаж, паруса, парусину и канаты».

Английский корабль Сан Хуан де Антон нашел хотя и потрепанным бурями, но все же в прекрасном состоянии. Он насчитал на борту «Золотой лани» примерно 85 человек — «двенадцать из них были джентльменами или кавалерами». К генералу все относились с величайшим уважением. У двери его каюты постоянно стоял часовой. Обедал он один, под звуки труб и рожков.

На корабле не делали тайны из произведенных набегов на испанские корабли и откровенно насмехались над религиозными чувствами пленников. Показав испанскому шкиперу украшенное изумрудом распятие Христа, похищенное в Вальпараисо,

спросили:

— Если это — Бог, то почему он не смог уберечь ваше судно?

Посмеявшись над распятием, англичане заявили, что «Бог находится на небе», и поинтересовались у испанцев, как они, взрослые люди, вообще могут пользоваться такими вещами.

На вопрос Сан Хуана де Антона, объявлена ли война между Англией и Испанией, Дрейк ответил, что у него есть поручение от королевы. Позже он добавил, что мексиканский вице-король дон Мартин Энрикес ограбил его и его родственника Хокинса и что теперь он возмещает свои потери:

«Он пожаловался на вице-короля Мексики, сказав, что тот нарушил слово, данное Джону Хокинсу, и проигнорировал охранное свидетельство короля Испании. Фрэнсис Дрейк утверждал, что присутствовал при том и потерял семь тысяч песо во время этого разгрома, а три сотни англичан было убито.

Он добавил, что, исходя из того, что король является с тех пор казначеем тех сумм, которые он забрал у него десять лет тому назад, он теперь желает стать казначеем королевского состояния. Поэтому то серебро, которое он забрал у короля, предназначено ему; а серебро, взятое у частных лиц, предназначено королеве — его суверенной государыне.

Он сказал, что ему нет дела до вице-короля Перу и всех его людей. Он поручил Сан Хуану де Антону просить вице-короля Перу от его имени не убивать английских пленных и сказал, что если они будут убиты, это будет стоить ему более двух тысяч голов — но не выходцев из Испании, а уроженцев этих мест, добавив, что если ему удастся добраться до Англии живым, там не найдется ни одного человека, который помешал бы ему исполнить эту угрозу.

Сан Хуан де Антон сказал ему, что если те англичане не были убиты до сего времени, то вице-король едва ли убьет их теперь. Англичанин спросил Сан Хуана, что он думает по поводу намерений вице-короля в отношении их. Он ответил, что их, вероятно, отправят в Чили служить в качестве солдат в гарнизоне, где многих уже разместили, чтобы сражаться против индейцев. Фрэнсис весьма обрадовался этому и успокоился; ибо он выглядел весьма раздраженным, когда говорил о них».

Запись свидетельских показаний Сан Хуана де Антона, сделанная в Панаме 16 марта 1579 года, несколько иначе передает слова Дрейка: «Упомянутый капитан Фрэнсис сказал свидетелю: „Я хорошо знаю, что вице-король пошлет за вами, чтобы получить от вас информацию обо мне. Скажите ему, что он убил уже достаточно англичан, но чтобы он не убивал оставшихся четверых (Джона Оксенхэма и его товарищей. — *В. Г.),* ибо если

их убьют, это будет стоить ему более чем двух тысяч испанцев. Если их повесят в присутствии вице-короля, он узнает об этом и отправит ему головы (испанцев)“».

Дрейк показал испанскому шкиперу большую навигационную карту, которая была сделана для него в Лиссабоне и обошлась ему в 800 крузадо. Сан Хуан де Антон спросил у капитана, каким путем он собирается вернуться на родину. «Он сказал, — читаем в том же документе, — что для него есть четыре возможных пути добраться из Южного моря в Англию. Один лежал через Индию и мыс Доброй Надежды; другой — через Норвегию, еще один — через Магелланов пролив. Он не назвал четвертого (но я полагаю, что он лежит… через мыс Мендосино с выходом к Лабрадору и Тукасу). Он сказал, что думает вернуться в Англию очень быстро — меньше чем через шесть месяцев.

Сан Хуан де Антон ответил, что он не сможет вернуться даже за год, так как находится в „мешке“. Англичанин сказал ему, что не знает, так ли это, и что он удовлетворится предполагаемым путем и последует по нему.

Сан Хуан де Антон сказал, что он уверен в том, что, без сомнения, англичанин пойдет мимо побережья Никарагуа и Новой Испании… Ибо англичанин сказал ему, что пойдет за водой на остров Каньо близ Коста-Рики, поскольку испытывает в ней недостаток…

Общая сумма золота и серебра, которую этот английский корсар взял в Южном море между портом Вальпараисо, где он ограбил *капитану,* называемую „Лос Рейес“, и мысом Сан-Франсиско, где он ограбил Сан Хуана де Антона, оценивается в 447 тысяч песо в монете, не считая стоимости фарфора, изделий из золота и серебра, драгоценных камней и жемчуга, а также тканей и провизии.

Ущерб, нанесенный кораблям, которые он пустил по воле волн в этих водах, вместе с тем, что он захватил на барке из Чили, который стоил более 2000 песо, был единодушно оценен еще в 100 тысяч песо. Никто не подсчитывал стоимость многих небольших вещей, захваченных им в различных местах».

На шестой день Дрейк отослал всех пленников на борт «Какафуэго», удержав при себе трех пилотов. Шкиперу галеона он разрешил «идти туда, куда тот пожелает. Сан Хуан де Антон поплыл на северо-восток, к мысу Коррьентес, но не терял Фрэнсиса Дрейка из виду еще около двух дней и все время наблюдал за его продвижением на северо-северо-запад».

В своих показаниях владелец «Какафуэго» не забыл также рассказать о подарках, которыми Дрейк осчастливил пленных испанцев. Педро Сармьенто де Гамбоа записал:

«Перед тем как отпустить судно Сан Хуана, англичанин сделал несколько подарков тем, кого он ограбил. Каждому он вручил по тридцать или сорок песо наличными деньгами. Одним он дал отрезы ткани из Португалии и сельскохозяйственные инструменты, такие как мотыги и садовые ножи; другим — два своих собственных плаща, украшенных опушкой. Солдату по имени Викторио он дал кое-какое оружие. Сан Хуану де Антону он подарил кремневое ружье, сказав, что оно было прислано ему из Германии и что он высоко ценил его. Писарю он дал стальной щит и шпагу, сказав, что поступает так, чтобы писарь мог почувствовать себя воином. Сан Хуану он дал две бочки дегтя, шестьсот железных чушек из Германии и бочонок пороха. Купцу по имени Куэвас он дал несколько вееров с зеркалами, сказав, что это — для его дамы. А еще Сан Хуану де Антону он дал позолоченную серебряную чашу, на которой было написано его имя — Францискус Дракес».

Кроме того, Дрейк отдал шкиперу «негра, которого он захватил в Арике, потому что упомянутый негр в присутствии свидетеля (Сан Хуана де Антона. — *В.* Г.) упал на колени перед упомянутым капитаном и умолял его оказать ему милость и отпустить со свидетелем, ибо его хозяин был уже в летах.

Упомянутый капитан сказал ему: „Как только ты пожелаешь уйти, ты сможешь уйти с Божьим благословением, поскольку я не желаю брать с собой никого помимо его воли“.

Затем он попросил свидетеля отослать упомянутого негра назад к его хозяину и с тем передал негра свидетелю, который забрал его с собой».

Отпуская испанцев, Дрейк выдал Сан Хуану де Антону специальный пропуск, адресованный командирам пропавших кораблей экспедиции — «Элизабет» и «Мэриголд». Сохранилась испанская копия этого пропуска:

> «Мистер Уинтер, если Богу будет угодно, дабы, при благоприятных обстоятельствах. Ваша честь повстречала м-ра Сан Хуана, я прошу Вас обойтись с ним по-доброму, в соответствии с обещанием, которое я дал ему. Если Ваша честь будет нуждаться в чем-либо из вещей, которые везет Сан Хуан, заплатите ему двойную их стоимость товарами, которые везет Ваша честь. Распорядитесь, чтобы никто из Ваших солдат не причинил ему вреда или раны…
>
> Это письмо, написанное мной, предназначено не только для м-ра Уинтера, но также для м-ра Томаса, м-ра Арла [Чарлза], м-ра Куба [Коба], м-ра Энтони и всех

иных добрых друзей, коими я командую… Я верую в Бога и в то, что он не будет больше причинять нам забот, но поможет нам в наших страданиях. Умоляю Вас во имя любви Иисуса Христа, чтобы Вы, ежели Бог пошлет Вам страдания в несчастье, не отчаивались… ибо великий пророк говорил, что Господь дарует и дает нам новую жизнь. Может, так Бог проявляет свое милосердие и показывает нам свое сострадание — к славе своей, чести, могуществу и величию на все времена. Аминь.

Я, печальный капитан, чье сердце весьма тоскует о Вас,

Фрэнсис Диас [Дрейк]».

Когда «Какафуэго» и «Золотая лань» расходились в разные стороны, кто-то из испанцев с горькой иронией крикнул англичанам:

— Наш корабль больше никогда не будут называть «Извергающим огонь» — скорее уж «Извергающим серебро». Теперь ваш корабль будут называть «Извергающим огонь»!

Прощальные слова испанца весьма позабавили английскую команду.

ОПЕРАЦИИ В ВОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ И МЕКСИКИ

Расставшись с «Какафуэго», Дрейк серьезно задумался над тем, какой путь ему следует избрать для скорейшего возвращения на родину. Понимая, что путь через Магелланов пролив наверняка перекрыт испанцами, а в Ост-Индии его могут поджидать португальские эскадры, капитан «Золотой лани» решил попытаться найти северный проход из Тихого океана в Атлантический. Флетчер писал по этому поводу: «Теперь предстояло либо приняться за разрешение, либо отказаться от надежды разрешить ту главную задачу, которую наш генерал себе поставил, а именно: открыть в Северной Америке проход из Тихого океана в Атлантический. Этим мы не только оказали бы громадную услугу нашей родине, но и для самих себя сократили бы долгий и скучный обратный путь. Поэтому весь экипаж внимательно слушал и одобрил мнение своего капитана, что теперь надо было, прежде всего, привести в порядок корабль, запастись топливом и водой, а затем приняться за поиски указанного прохода, которым мы могли бы радостно вернуться к своим вожделенным очагам».

«Золотая лань» приблизилась к побережью Коста-Рики и 16 марта, обогнув скалистый остров Исла-дель-Каньо, стала на якорь в укромной бухте (ныне носящей имя Дрейка). Здесь участники экспедиции решили отдохнуть после долгого плавания, почистить днище корабля и пополнить запасы питьевой воды, дров и провианта.

20 марта в море были замечены паруса небольшого фрегата, идущего с севера. Дрейк отправил на его захват пинас, на котором находился вооруженный отряд из трех десятков человек. Вице-губернатор Коста-Рики капитан Хуан Солано в рапорте президенту аудиенсии Гватемалы сообщал: «Как только англичане приблизились, они начали трубить в трубы и произвели из аркебуз несколько выстрелов в воздух, чтобы принудить испанцев либо защищаться, либо сдаться. Увидев, что последние не собираются сдаваться, англичане произвели выстрелы на поражение и ранили двух солдат. Понимая, что сопротивление бессмысленно, испанцы сдались, и англичане поднялись на их судно и отвели его в бухту, из которой вышла их ланча. Там, на большом корабле в 200 тонн, находился их генерал-капитан, имя которого — Фрэнсис Дрейк. Это судно несет 14 больших пушек и 86 человек, все — опытные моряки и

солдаты, не считая аркебузного снаряжения, множества единиц ручного оружия и иного вооружения, каким обычно пользуются разбойники, подобные этим».

Владельцем судна оказался Родриго Тельо, который тремя днями ранее покинул реку Сан-Педро-де-Пальмар, протекающую близ городка Никоя, чтобы доставить в Панаму груз сарсапариль, топленого свиного жира, меда и маиса. Но гораздо большую ценность для Дрейка представляли находившиеся на призе двое пилотов, Алонсо Санчес Кольчеро и Мартин де Агирре, которые должны были доставить на Филиппины нового губернатора — Гонсало Ронкильо. При них находились новейшие навигационные карты и лоции Тихого океана, а также письма вице-короля Новой Испании, адресованные Ронкильо и другим высокопоставленным чиновникам. По свидетельству Нуньо да Силвы, Дрейк сразу оценил важность этих бумаг «и радовался им, заявляя, что заберет их в свое родное королевство».

Трофейные карты и лоции в дальнейшем, безусловно, помогли Дрейку в его плавании в Ост-Индию.

Заметим, кстати, что капитан «Золотой лани» пытался нанять Санчеса Кольчеро штурманом экспедиции, предлагая ему за это тысячу дукатов и даже отправив его жене 50 песо. Однако испанец решительно отказался от этого предложения, уверяя, что он не пилот, хотя и знаком с побережьем Китая.

Сарсапарилья была выгружена с борта призового судна на берег. Затем туда же перенесли серебряные слитки и иные ценности с «Золотой лани». Желая максимально облегчить свой корабль, Дрейк приказал перетащить с него всю артиллерию на судно Тельо. Наконец матросы занялись кренгованием и очисткой днища.

По данным Солано, полученным от моряков с судна Тельо, флагман Дрейка «перевозил в качестве балласта тысячу двести слитков серебра, каждый из которых оценивался в триста песо. Кроме того, он имеет три огромных сундука, полных золота. У него имеется также три или четыре сундука, полные пиастров, так что, согласно признанию, которое он сделал этим испанцам, он везет более шестисот тысяч песо».

Когда все ремонтные работы на «Золотой лани» были завершены, галеон снова спустили на чистую воду, погрузили на него золото, серебро, пушки, воду и дрова, и 25 марта, в девять часов вечера, он вышел в море вместе со своим призом. На следующий день пинас был взят на буксир, и так его тащили за кормой флагмана до 27 марта. Потом Дрейк велел забрать с пинаса снаряжение и оружие и пересадить на него всех пленных испанцев, кроме Санчеса Кольчеро. Пленным, обеспеченным

небольшим запасом провизии, позволили идти к ближайшему берегу. 29 марта они высадились в Эспарсе.

Продолжив свое плавание вдоль побережья Центральной Америки, англичане 30 марта достигли 12° северной широты. Через три дня, согласно расчетам, они находились на 13° 20′ северной широты. Недалеко от тех мест расположен никарагуанский порт Реалехо. Очевидно, от одного из пленных Дрейк узнал, что в указанном порту Гарсиа де Паласьос строит судно, предназначавшееся для торговли с Филиппинами. Англичане решили сжечь это судно, а самого Паласьоса поймать и повесить. Но когда Дрейк попытался принудить Санчеса Кольчеро провести «Золотую лань» в Реалехо, испанец снова заявил, что не является пилотом и не имеет представления о том, как провести корабль в названный порт. Когда попытки уговорить или подкупить Кольчеро закончились безрезультатно, Дрейк велел подвесить упрямого испанца на рее и держать его там, пока он не лишится чувств.

3 апреля в море был замечен небольшой фрегат, и ночью англичане смогли приблизиться к нему. Судно вышло из мексиканской гавани Акапулько и направлялось в Кальяо. На нем плыл важный господин — дон Франсиско де Сарате, которого Нуньо да Силва называет кузеном герцога Медины. Позже Сарате в письме вице-королю Новой Испании дону Мартину Энрикесу так описал свою встречу с Дрейком:

> «Я отплыл из порта Акапулько двадцать третьего марта и плыл до субботы четвертого апреля, когда, за полчаса до рассвета, я увидел в лунном свете приблизившийся к нам корабль. Наш рулевой закричал, чтобы он отошел прочь и не двигался вдоль нашего борта. На это они ничего не ответили, прикинувшись спящими. Тогда рулевой закричал громче, спрашивая их, откуда идет их корабль. Они ответили: „Из Перу“ и что он принадлежал Мигелю Анхелю — это было имя капитана, хорошо известного на указанном маршруте. Отвечавший с того судна человек был испанцем, имя которого я сообщу Вашему превосходительству позже.
>
> Корабль противника держал свою барку возле носа, словно шел у нее на буксире. Неожиданно, в один момент, она зашла к нам с кормы, приказав нам спустить паруса и произведя в нас семь или восемь аркебузных выстрелов.
>
> Мы подумали, что на шутку это не похоже и дело может закончиться плохо.

Со своей стороны мы не оказали никакого сопротивления, так как имели на борту не более шести человек, пробудившихся от сна; поэтому они поднялись на наш корабль с малым риском для себя — так, словно были нашими друзьями. Они никому не причинили вреда, лишь забрали шпаги и ключи у пассажиров. Получив информацию о том, кто находился на борту нашего корабля, они приказали мне отправиться на их корабль, где находился генерал, — и я обрадовался этому, подумав, что у меня будет больше времени, чтобы лучше подготовиться к встрече с Господом. Вскоре мы прибыли туда, где он находился, на очень хороший галеон, вооруженный такой артиллерией, какой я в жизни не видывал.

Я нашел его прогуливающимся по палубе и, подойдя к нему, поцеловал его руку. Он встретил меня весьма любезно, проводил в свою каюту, предложил мне сесть и сказал: „Я друг тех, кто говорит мне правду, но с теми, кто этого не делает, я шутить не люблю. Поэтому вы должны рассказать мне (и это лучший способ добиться моего расположения), сколько серебра и золота везет ваш корабль“. Я сказал ему: „Нисколько“. Он повторил свой вопрос. Я ответил: „Нисколько, только несколько небольших тарелок, которыми я пользуюсь, и несколько кубков — вот все, что есть на корабле“. Он молчал некоторое время, а потом спросил меня, знаком ли я с Вашим превосходительством. Я отвечал: „Да“. — „Есть ли на корабле кто-либо из его родственников или вещи, принадлежащие ему?“ — „Нет, сэр“. — „Ну, ладно, встреча с ним обрадовала бы меня больше, чем все золото и серебро Индий. Вы бы увидели тогда, как должен держать свое слово джентльмен“. Я на это ничего не ответил. Затем он встал и велел мне идти с ним, пригласив меня в каюту, расположенную на корме под палубой, где находилась тюрьма, названная им „кутузкой“. В ней, в самом конце, находился старик. Он сказал мне: „Садитесь, ибо именно здесь вам придется остаться“. Я согласился и собирался уже сесть, когда он остановил меня и сказал: „Я не хочу, чтобы вы утруждали себя этим прямо сейчас, однако мне хотелось бы, чтобы вы сказали, кто этот человек“. Я ответил, что не знаю его. „Хорошо, — сказал он, — тогда знайте, что это — пилот по имени Кольчеро, которого вице-король отправил в Панаму, чтобы сопроводить дона Гонсало в

Китай“. Затем он освободил этого пилота из заключения, и мы все вместе поднялись на палубу. Это был тот самый человек, который отвечал нам с галеона, когда нас захватывали. Мы приятно беседовали, пока не наступило время обеда. Он приказал мне сесть рядом с ним и начал давать мне еду из своей тарелки, говоря, чтобы я не волновался, ибо моя жизнь и собственность в безопасности. За это я поцеловал его руку.

Он спросил меня, не знаю ли я, где тут поблизости можно найти воду, добавив, что ничего другого ему не надо и что как только он ее найдет, то сразу же позволит мне продолжить мое путешествие. Я не рискнул просить его о чем-либо в тот момент. Дождавшись удобного случая, я умолял его не принуждать нас снова идти через залив Теуантепек. Он ответил, что посмотрит и что вскоре отпустит меня.

Утром следующего дня — это было воскресенье — он оделся и весьма принарядился, а галеон его был украшен флагами и вымпелами. Он также приказал, чтобы все люди с нашего корабля были переправлены на другой корабль, который он захватил у этого побережья и который предназначался для этой цели… Перед этим он… сказал мне: „Пусть один из ваших слуг пойдет со мной взглянуть на ваши украшения“. Он покинул свой галеон примерно в девять утра и оставался [на нашем судне] до наступления сумерек, осматривая содержимое тюков и сундуков. Из того, что принадлежало мне, он взял очень мало. Действительно, он был весьма учтив. Некоторые безделушки, приглянувшиеся ему, он доставил на свой корабль и дал мне взамен сокола и небольшую серебряную жаровню… Вернувшись к себе на корабль, он попросил у меня извинения за взятые безделушки, заявив, что хочет подарить их жене. Он сказал, что я могу уйти на следующее утро, когда подует бриз, за что я поблагодарил его.

На следующее утро, в понедельник, он отослал назад некоторых пассажиров, которые находились здесь, с их сундуками и был занят этим, пока не пришло время обеда. Он велел накрыть стол, так как ветер усиливался. Когда это было исполнено, он сказал, что хочет взять меня с собой на борт судна. Он велел подготовить шлюп и посадить на него две дюжины лучников. Он вызвал одного из артиллеристов и приказал ему переправить на борт полдюжины пушек. Когда все было готово, он

сказал, чтобы я отправился на борт судна вместе с ним. Я так и сделал, и, прибыв к нашему кораблю, он первым поднялся на борт; там, собрав всех наших моряков, он дал каждому горсть монет. Он также дал деньги некоторым другим людям, которые показались ему весьма нуждающимися в помощи. Он распорядился, чтобы один из этих моряков сел с ним на судно, чтобы показать ему, где можно достать воду. Все извинились, заявляя, что они не знают, где можно найти воду, из-за чего он принудил [португальского матроса] Жуана Паскуаля перейти на его шлюп, сказав, что повесит его, если он будет упрямиться. С этим он покинул меня…

Он оставил Кольчеро со мной, после чего поднял паруса. Я узнал, что он везет три тысячи слитков серебра, двенадцать или пятнадцать сундуков пиастров и большое количество золота. Он собирался идти прямо домой, и мне кажется, что ни один корабль, который отправится за ним, не сможет его перехватить…

Этот генерал англичан является племянником (кузеном. — *В. Г.)* Джона Хокинса; именно он примерно пятью годами ранее взял порт Номбре-де-Дьос. Зовут его Франсиско Драк; это мужчина примерно 35 лет от роду, низкого роста, со светлой бородой; он — один из лучших моряков, бороздящих море, и как навигатор, и как командир. Его корабль — галеон примерно в четыреста тонн, с прекрасным ходом. Он обеспечен сотней людей, все — вольнонаемные, в возрасте, пригодном для несения военной службы, и все — опытные, как солдаты-ветераны из Италии. Каждый несет персональную ответственность за содержание своей аркебузы в чистоте. Он относится к ним с любовью, а они к нему — с уважением. Он везет с собой девять или десять кавалеров, волонтеров из английской знати. Последние принимают участие в заседаниях военного совета, который он созывает по любому поводу, хотя и не нуждается ни в чьих советах. Он с удовольствием выслушивает то, что они говорят, а затем отдает свои приказы. У него нет ни одного любимчика.

Упомянутые джентльмены сидят за его столом, так же как и португальский пилот… который не проронил ни слова, пока я был на борту. Он ест из серебряных блюд с золотой окантовкой и позолоченными гирляндами, на которых изображен его герб. Он везет всевозможные лакомства и духи. Он сказал, что многие из них были

подарены ему самой королевой.

Никто из этих джентльменов не садится и не надевает шляпу прежде него, пока он несколько раз не попросит их сделать так… Он обедает и ужинает под музыку виол. Он везет опытных плотников и ремесленников, чтобы иметь возможность кренговать корабль в любое время. Корабль не только новый, но и с двойной обшивкой. Я узнал, что все люди, которых он везет с собой, находятся на жалованье, поэтому, когда наш корабль ограбили, ни один человек ничего не взял без его приказа. Он относится к ним весьма благосклонно, но наказывает за малейшую провинность. Он также везет художников, которые делают для него цветные рисунки побережья (зарисовки делали Джон Дрейк и Фрэнсис Флетчер. — *В. Г.)*. Я очень опечалился, увидев их, поскольку каждый объект был изображен настолько натурально, что любой, кто руководствовался бы этими рисунками, не смог бы сбиться с пути…»

Когда Дрейк отпустил Сарате и его спутников (кроме негра и негритянки Марии), все они благополучно добрались до порта Реалехо.

13 апреля, достигнув мексиканского залива Теуантепек, «Золотая лань» и ее приз очутились на траверзе порта Гуатулько. Порт использовался испанцами для торговли с Гондурасом и Перу. На его рейде был замечен корабль «Хуан де Мадрид» грузоподъемностью около 100 тонн, капитаном и пилотом которого был Хуан Гомес. В поселке, находившемся в трех лигах от берега, проживало несколько сотен индейцев и полдюжины испанцев: викарий Симон де Миранда, исполнявший обязанности священника, его родственник Гутьеррес Диас, старший алькальд Гаспар де Варгас, вице-губернатор провинции Бернардино Лопес, энкомендеро Франсиско Гомес Ренгифо, секретарь Хуан Перес де Урибарри и один или два солдата. Жилища представляли собой убогие, крытые соломой хижины. Кроме них в Гуатулько имелись склады и церковь. Фортификационные сооружения отсутствовали.

В восемь часов утра Гаспар де Варгас был предупрежден о появлении вблизи побережья двух незнакомых судов, а около десяти часов старший алькальд и сам увидел эти суда на входе в гавань. Сначала Варгас принял «Золотую лань» за ожидаемый из Перу корабль, а приз — за судно местных добытчиков жемчуга. Однако генуэзский моряк Бартоломе Герцо, внимательно рассмотрев флагман Дрейка, сказал, что гости весьма смахивают на англичан. Услышав это, испанцы спешно вооружились

шпагами и аркебузами и собрали небольшой отряд индейцев для защиты селения.

Тем временем Дрейк спустил на воду шлюпку с двадцатью или двадцатью пятью матросами, вооруженными аркебузами, шпагами и щитами. Трофейный парусник, переоборудованный в вооруженный пинас, следовал позади шлюпки и, устрашения ради, произвел в сторону берега несколько выстрелов из перьер. Видя, что силы неравны и сопротивление бесполезно, Варгас и его люди отступили на заросший лесом холм, находившийся вблизи города. Оттуда они выстрелили в корсаров из аркебуз, но из-за большого расстояния их пули не достигли цели.

Легко овладев поселением, англичане захватили викария Симона де Миранду, его родственника и сеньора Франсиско Гомеса Ренгифо. Гомес Ренгифо, безусловно, был тем самым «испанским джентльменом», которого, по данным Флетчера, поймал боцман Томас Мун и у которого последний отобрал золотую цепь. Сам испанец утверждал, что боцман уволок его из дома вместе с деньгами, драгоценностями и ценными вещами, которые стоили примерно семь тысяч песо. Гомес Ренгифо был шокирован тем, что Мун уничтожил найденные в доме образы святых, а распятие разбил ударом о стол. При этом, увидев отчаяние в глазах испанца, англичанин воскликнул:

— Вы действительно будете горевать, ибо вы — не христиане, а идолопоклонники, которые поклоняются палкам и камням!

Описывая пребывание англичан в Гуатулько, Флетчер с иронией замечает: «…мы нашли в доме одного испанского джентльмена золотую цепь, драгоценные камни и большой, величиной с бушель, сосуд с серебром. Мы умоляли хозяина этих вещей, когда он собирался бежать из города, оставить их нам. Бродя по городу, наши матросы зашли в суд, где алькальды судили нескольких негров. Связав судей по рукам и ногам, матросы доставили их на „Пеликан“ (Золотую лань. — *В. Г.)* в качестве заложников на то время, пока не будут окончены наши дела в городе».

«Дела» в городе свелись к грабежу покинутых жителями домов и разорению церкви. На это ушло несколько часов. «Лютеранские еретики» сняли с церковной колокольни колокол, уничтожили внутри храма образы святых, кресты и распятия, порезали ножами иконы и разбили алтарь. Один из матросов облачился в черную ризу священника, а другие унесли из церкви комплекты голубой, белой и желтой камки, балдахин из малинового атласа, шляпу из малинового атласа с голубыми бархатными полями, стихарь, ящик с облатками, требник, серебряную раку, серебряную лампу, золотые и серебряные чаши

и пять пар напрестольной пелены. Разорвав пелену на куски, они набросили их себе на плечи, а потом использовали в качестве платков.

Поскольку Гуатулько был небольшим поселением, налетчики опустошили его довольно быстро. Вся добыча и пленные были переправлены на борт «Золотой лани». Здесь, по свидетельству Гомеса Ренгифо, боцман Том Мун подошел к викарию Симону де Миранде и сорвал с его шеи четки с золотым образом Девы Марии. Оторвав медальон от четок, он проворчал:

— Зачем вы его носите? Это нехорошо!

Попробовав медальон на зуб, Мун скорчил жуткую гримасу, потом размахнулся и сделал вид, что бросает его в море. Но, как записано в протоколе свидетельских показаний, Гомес Ренгифо «не знает, выбросил он его или нет».

Между тем Дрейк распорядился приставить к пленникам четырех стражников, после чего успокоил «гостей», заявив, что «им не надо бояться за свои жизни, что их жизни будут охраняться так же тщательно, как и его».

Испанцев покормили. Затем на корме судна провели богослужение по англиканскому обряду. Сначала принесли стол, за который сел капитан, а также шкатулку, вышитую подушечку и псалтырь. Когда Дрейк два раза стукнул ладонью по столу, к нему тут же подсели еще девять англичан, держа в руках небольшие книжки. Капитан скрестил руки на груди, опустился на колени на подушечку, поднял очи горе и оставался в таком положении примерно четверть часа. Поскольку пленные не захотели распевать псалмы на протестантский манер, всех их отправили на бак, где они почти час слушали, как проходит англиканское богослужение. На корму пришли четверо музыкантов с виолами, и под их аккомпанемент англичане исполнили несколько псалмов. Когда служба подошла к концу, появился юнга — паж капитана, исполнивший для присутствующих народный танец.

Книга, которую Дрейк читал во время службы, была составлена Джоном Фоксом и называлась «Деяния и памятники». В просторечье она была известна также как «Книга мучеников». Капитан показал из нее Симону де Миранде и Гомесу Ренгифо несколько картинок, на которых были изображены лютеране, истязаемые католическими священниками в Кастилии. Отпустив в адрес верховного понтифика ряд колкостей, Дрейк спросил у викария:

— Как это можно допускать, чтобы принц или монарх целовали стопу папе? Это мошенничество, и Святой Петр никогда такого не делал.

Обращаясь к Гомесу Ренгифо, капитан объяснил ему

сущность и правомочность своих действий:

— Вы можете сказать, что человек, который ворует днем и публично молится ночью, — дьявол, но то, что я делаю, имеет свою причину. Ибо как король Филипп дал подробные письменные указания вашему вице-королю дону Мартину Энрикесу, в каковых он объяснял ему что нужно делать и как управлять, так и королева, моя суверенная госпожа, приказала мне отправиться в эти края. Поэтому я поступаю так, и правильно ли это — ей лучше знать, никто меня не станет ни в чем винить. Мне действительно жалко присваивать то, что не принадлежит исключительно королю Филиппу и дону Мартину Энрикесу, и меня печалит, что их вассалы вынуждены теперь расплачиваться за них. Увы, я не успокоюсь до тех пор, пока не соберу два миллиона, которые мой кузен Джон Хокинс потерял в Сан-Хуан-де-Улуа.

На ночь все пленные были заперты в каюте, а утром Гомес Ренгифо попросил Дрейка отпустить его на берег, «ибо он взял у него всё, чем он владел, а у него остались дети и жена». Капитан обещал исполнить просьбу испанца и отпустить всех пленных, когда они покажут англичанам источник пресной воды. Это условие было выполнено в тот же день, и Гомес Ренгифо напомнил Дрейку о его обещании.

— Шлюпка уже спущена, — ответил капитан. — Она доставит вас на берег.

Гомес Ренгифо попросил Дрейка дать ему 100 фунтов галет и кувшин вина из тех запасов, которые корсары унесли из его дома. Свою просьбу он мотивировал тем, что все индейцы убежали в леса и в опустевшем городе теперь нет ни крошки еды. В ответ Дрейк рассмеялся и сказал, что не может дать столько галет. Подумав, он добавил:

— Я дам вам два мешка муки, два кувшина вина, кувшин масла и две пачки сахара.

Через два дня все это привез на берег Нуньо да Силва.

Находясь в селении, Гомес Ренгифо сообщил Лопесу, что Дрейк приказал найти Хуана Гомеса, пилота стоявшего в порту судна, и его матросов. Они должны были помочь англичанам доставить на «Золотую лань» запас дров. В противном случае Дрейк угрожал сжечь упомянутое судно. Кроме того, энкомендеро дал понять Лопесу, что им следует навестить Дрейка и попытаться уговорить его не сжигать призовое судно, а также дома и церковь. На «Золотую лань» они решили отправиться на следующий день после обеда, так как это должна была быть среда первой недели Великого поста, и им не хотелось осквернить себя поеданием мясных блюд, которыми Дрейк наверняка угостил бы

их.

Когда Лопес и Гомес Ренгифо, сопровождаемые еще несколькими испанцами, прибыли на борт английского галеона, Дрейк пригласил их спуститься под палубу. Там он показал гостям груду серебра, пушки и военное снаряжение, после чего предложил перекусить. Они вежливо отказались, заявив, что уже покушали на берегу. Тогда капитан приказал принести им немного вина. Выпив, гости представили Дрейку свою просьбу. Они умоляли его не сжигать стоявшее в порту судно, поскольку на нем не было ценных вещей, а только кое-какие продукты, принадлежавшие местным беднякам. Дрейк ответил им:

— Пусть объявится пилот этого судна и придет поговорить со мной — тогда все будет хорошо. А если он не объявится…

Тут капитан красноречиво провел рукой по горлу, намекая испанцам, что пилота могут ждать крупные неприятности.

Покидая «Золотую лань», Лопес и другие сеньоры получили от Дрейка приглашение посетить его на следующий день, в четверг, чтобы вместе пообедать. Испанцы дали на это свое согласие, но, очутившись на берегу, решили больше не возвращаться на английский корабль. Старший алькальд Гаспар де Варгас все же приказал Хуану Гомесу исполнить требование Дрейка и обеспечить его судно запасом дров; при этом сам Гомес не захотел встретиться с командиром корсаров, опасаясь, как бы тот не прихватил его с собой в качестве лоцмана.

Капитан «Золотой лани» не стал сжигать испанское судно, однако велел своим матросам сломать на нем бушприт и уничтожить грот-марсель. Кроме того, англичане забрали с него большую партию одежды, 25 бочонков для хранения воды и несколько глиняных кружек. Чтобы разместить эти трофеи на борту галеона, пришлось выбросить за борт значительную часть провианта.

В четверг 16 апреля, в день омовения ног беднякам на Страстной неделе, Дрейк послал на берег за Лопесом и Гомесом Ренгифо, но первый к тому времени уже покинул Гуатулько, а второй нашел предлог, чтобы отказаться от приглашения. В три часа пополудни оба корабля Дрейка подняли паруса и двинулись в открытое море. Перед выходом из порта от «Золотой лани» по направлению к испанскому судну отплыла шлюпка, в которой находился Нуньо да Силва.

Почему Дрейк отпустил этого португальского пилота, остается загадкой. Испанцы, находившиеся в плену на борту «Золотой лани», неоднократно видели, что португалец участвовал в протестантских богослужениях, и да Силвой неизбежно должна была заинтересоваться инквизиция. Возможно, Дрейк

договорился с португальским пилотом о том, что он наведет испанцев на ложный след относительно дальнейших планов англичан. Как бы то ни было, очутившись на берегу, да Силва написал краткий отчет об экспедиции Дрейка, в котором отметил, что английский капитан освободил его, не заплатив ему ни пенни за некогда реквизированные на его судне товары. Проведя в Гуатулько около месяца, португалец был отправлен оттуда в Мехико, где 20 мая его допросил вице-король. Через три дня да Силву передали следователям инквизиции. Позже, когда следователи получили информацию об экспедиции Дрейка от кого-то из испанских пленников, португальского пилота заподозрили в ереси и подвергли пыткам, однако показания, которые он дал инквизиторам, пока что не обнаружены. Мартин Энрикес, назначенный вице-королем Перу в 1580 году, пожелал забрать да Силву с собой, и 16 декабря того же года инквизиторы дали на это свое согласие. Однако уже 24 декабря, после получения новой информации о еретических взглядах и деяниях португальского пилота, они изменили свое решение. Новый вице-король Новой Испании, граф де Корунья, стал на сторону инквизиции, так что Мартину Энрикесу пришлось уехать без Нуньо да Силвы. В 1582 году португалец был послан на аутодафе и приговорен к изгнанию из Индий. В том же году его отправили на галеонах «серебряного флота» в Испанию.

Показания под присягой Нуньо да Силвы содержат весьма любопытное описание Дрейка и некоторых членов его команды:

> «Этого англичанина зовут Фрэнсис Дрейк, и ему 38 лет. Возможно, ему на два года больше или меньше. Он приземист, коренаст и весьма крепок. У него красивое лицо, красноватый оттенок кожи и белокурая борода. На правой щеке имеется след раны от стрелы, которую не видно, если специально не присматриваться. В одной ноге засела пуля от аркебузы, которою выстрелили в него в Индиях. Он [великий мореход], сын и родственник моряков — в частности Джона Хокинса, в команде которого он находился долгое время. С ним находится его брат Томас Дрейк, который служит моряком, как любой другой член команды. Томасу Дрейку 22 года, у него хорошее телосложение и красивая короткая борода. Он низкого роста, но широкоплеч и решителен. Он — хороший моряк. Фрэнсис Дрейк, как все утверждали, взял с собой из Англии 270 человек (очевидно, ошибка; подразумевались 170 человек. — *В. Г.),* среди которых имеются те, к кому он особенно

благоволит и усаживает за свой стол, а именно: капитан, пилот и доктор. Он также читает псалмы и проповедует.

Многие его люди умерли при прохождении [Магелланова] пролива. Покидая порт Гуатулько, он имел в команде не более восьмидесяти человек, из которых восемь были юнгами…

Фрэнсис Дрейк везет с собой три книги по навигации. Одна из них — на французском языке, другая — на английском. Третья — это „Открытия“ Магеллана, но на каком она языке, свидетель не знает. Фрэнсис Дрейк хранит книгу, в которую он заносит сведения о своем плавании и в которой изображает птиц, деревья и морских львов. Он знает толк в рисовании и имеет при себе мальчика, своего родственника (Джона Дрейка. — *В. Г.),* который — отличный художник. Когда они оба закрываются в его каюте, они всегда рисуют».

А вот еще одно интересное замечание Нуньо да Силвы, характеризующее Дрейка как опытного мореплавателя:

«На захваченных судах первое, что он забирал себе, — это навигационные карты, астролябии, компасы и магнитные стрелки, которые он выбрасывал в море, если не хотел каким-либо образом использовать».

На военном совете, собранном на борту «Золотой лани», Дрейк и его ближайшие помощники еще раз обсудили вопрос о том, каким путем им следует возвращаться в Англию. Предложение идти назад через Магелланов пролив было сразу же отвергнуто — как из-за плохих условий навигации в зоне пролива, так и ввиду возможности испанской засады. Искать северный проход в Атлантический океан участники экспедиции тоже не желали. Оставался третий путь, наиболее длительный — через Тихий океан в Ост-Индию, а потом через Индийский океан, мимо южной оконечности Африки — в Атлантику.

До Гуама и Филиппинских островов Дрейк мог пройти, руководствуясь захваченными у испанцев новейшими картами и лоциями, однако проблема заключалась в том, что «Золотая лань» к тому времени была чересчур перегружена — на ее борту находилось от 25 до 30 тонн драгоценных металлов и 10–15 тонн артиллерийского вооружения и боеприпасов. В случае возможного преследования англичан испанскими военными кораблями у них было мало шансов уйти от погони. Можно предположить, что Дрейк решил забраться как можно дальше на север, чтобы сбить испанцев со следа, отсидеться в укромной бухте и только потом, подготовив корабль к длительному

плаванию и дождавшись благоприятных сезонных ветров, пуститься через Тихий океан на запад, в Ост-Индию. Во всяком случае, его дальнейшие действия отлично коррелируют с подобного рода предположениями.

ОТКРЫТИЕ НОВОГО АЛЬБИОНА

Дальнейшие события довольно подробно изложены в отредактированных записках Флетчера:

> «Когда 3 июня мы находились под 42° северной широты, ночью мы испытали внезапный переход от жары к леденящему морозу, от которого люди сильно страдали. Так продолжалось и днем. Канаты обледенели, дождь пошел необычный, ледяной. Нам казалось, что мы вовсе не в жарком климате, а где-нибудь близ Северного полюса. Хотя моряки отнюдь не страдают отсутствием аппетита, но перед многими вставал вопрос, вынимать ли окоченевшие руки из-под теплого прикрытия и не лучше ли остаться не евши. Но и само мясо, снятое с огня, тотчас застывало. Снасти покрылись такой ледяной коркой, что та работа над ними, которая обычно легко давалась троим, теперь стоила величайшего напряжения шестерым. В довершение нас трепали свирепые шквалы, с которыми нельзя было бороться. Когда затихала буря, появлялись отвратительные густые туманы, и опять надо было ждать, пока ветер их разгонит. Целых две недели подряд нельзя было определить положение корабля ни по солнцу, ни по звездам. Когда мы приближались к берегу, мы видели голые деревья и землю без травы, и это в июне и в июле! Глубокое уныние овладело всеми, в душу закрадывались недоверие и сомнение: а нужно ли ради чего бы то ни было переносить все эти лишения? Но генерал наш был бодр, как всегда; он подкреплял экипаж и словами утешения, и личным примером, призывая всех быть мужчинами и претерпеть временные лишения, чтобы заслужить тем большую славу.
>
> Но и здесь мы не нашли никаких следов желанного прохода на восток: берег неизменно отклонялся к северо-западу, как будто шел на соединение с Азиатским материком. Нигде не видели мы следов пролива, и мы сделали не предположение, а заключение, что такого прохода и не существует. Тогда решено было опуститься в более теплые широты: мы были под 48°, и десять градусов, пройденные нами [на юг, до 38° с. ш.], перенесли нас в прекрасную страну с мягким климатом».

Исследователи долго спорили и продолжают спорить по

поводу того, какого именно участка североамериканского материка достигли Дрейк и его спутники 17 июня 1579 года. Пока что однозначного ответа на этот вопрос нет. Предполагают, что экспедиция остановилась в одном из заливов к северу от нынешнего Сан-Франциско; возможно, это был именно тот залив, который сегодня носит имя Дрейка *(Drake's Bay)*.

«На следующий день после того, как мы бросили якорь, появились туземцы, высылая к нам на челноке одного из своих, — продолжает свое повествование Флетчер. — Когда он немного отплыл от берега и был еще на далеком расстоянии от нашего корабля, он начал говорить нам очень торжественно длинную и скучную речь с обильными жестами, поворачивая голову, а то и все тело в разные стороны. Окончив речь, он с выражением почтительности и покорности вернулся на берег. Вскоре он появился таким же образом во второй раз, а затем и в третий, везя с собой пучок перьев, очень похожих на перья вороны, ровно обрезанных и искусно нанизанных в виде круглой связки на веревочку. Как мы потом узнали, это был особый символ, который носят на голове телохранители их царька. Вместе с этим он привез маленькую корзинку с травой, которую они называли *Tabah* (табак. — *В. Г.)*. Привязав и то и другое на короткую палку, он бросил ее в нашу лодку. Генерал наш хотел тотчас же отплатить ему хорошими подарками, но туземца нельзя было заставить их принять. Он взял только брошенную с корабля в воду шляпу и тотчас отъехал к берегу. С тех пор, куда бы мы ни отправились на нашей лодке, они всюду следовали за нами, глядя на нас с изумлением и восхищением, словно на какие-то божества.

На третий день (21 июня. — *В. Г.)* нам пришлось ближе подойти к берегу и перевезти туда наш груз, чтобы устранить образовавшуюся на корабле течь. Желая обезопасить себя от всякой случайности, генерал велел всем сойти на берег, разбить палатки и соорудить небольшое укрепление. Видя это, туземцы стали торопливо и кучками собираться около нас с оружием в руках, но при этом они не проявляли по отношению к нам никаких враждебных намерений. Они останавливались в стороне и смотрели как люди, которые от никогда не виденного и не слышанного слова повредились в уме. Мы им казались богами, которым

они хотели поклоняться… Во время дальнейшего нашего пребывания это подтверждалось все яснее и яснее. Мы знаками попросили их отложить в сторону луки и стрелы, и они повиновались, а между тем подходили все новые и новые толпы и мужчин, и женщин.

Желая укрепить их в мирном настроении, генерал вместе со всем экипажем всячески старался привлечь их мягким обращением. Им дарили платье и пытались показать, что мы не боги, потому что и нам, как и им, нужны разные вещи, чтобы прикрыть свою наготу. Мы нарочно в их присутствии ели и пили, давая этим понять, что без этого мы не можем жить и, следовательно, такие же люди, как и они. Но все было напрасно: мы так и остались для них божествами.

За рубашки, холстину и тому подобные вещи… они тащили нам всякую всячину, а именно: перья, колчаны, сделанные из кожи косули, даже звериные шкуры, которыми прикрываются у них женщины. Живут они в круглых землянках; крышей им служит дерн, которым они обкладывают соединяющиеся наверху колья. Такая крыша не пропускает дождя, а дым они выпускают в дверь, напоминающую обычный корабельный люк. Спят они на циновках, распростертых на голой земле; эти ложа идут кругом вдоль стен, а посередине устроен очаг. Мужчины большей частью ходят нагими, женщины носят своего рода юбки из тростника, растрепанного, как пакля, а на плечах — оленьи шкуры. У мужей своих они в полном повиновении и без приказа их ничего не делают.

Вернувшись к себе домой, они подняли такой жалобный крик и вой, что мы почти за целую милю ясно слышали его, причем особенно выделялся пронзительный и очень жалобный визг женщин. Через два дня у наших палаток и укреплений стали опять собираться новые большие толпы мужчин, женщин и детей… Опять они несли с собой перья и мешки с *Tabah* в подарок или, вернее, для жертвоприношения, так как ведь мы были богами.

Остановившись на вершине холма, у подножия которого мы построили свое укрепление, они выдвинули, очевидно, своего главного оратора, который утомил и нас, и себя своей длинной и скучной речью. Он произносил ее с такими странными и неистовыми жестами, до такой степени напрягая свой голос и так

засыпая нас словами, что еле переводил дух. Когда он окончил, все остальные почтительными поклонами и восклицаниями дали понять, что они полностью согласны со всем тем, что было только что сказано. Мужчины положили свои луки на землю и, оставив женщин и детей позади, подошли к нам с подарками. Они имели вид счастливых людей, когда приблизились к нашему генералу, и особенно когда он собственными руками принял от них их подарки. А женщины тем временем, словно в отчаянии, с жалобным воем стали ногтями раздирать кожу на лице, так что кровь заструилась по их телу. В исступлении бросались они на землю, не разбирая куда, и разбивались о камни, царапались о колючий кустарник. Руки при этом они держали высоко над головой, чтобы они не могли служить защитой для груди. Все, даже беременные, повторяли это снова и снова раз по десять, некоторые выдерживали до пятнадцати-шестнадцати раз, до полного истощения сил. И казалось, что нам это зрелище доставляло больше страданий, чем труда или беспокойства им. Когда это кровавое жертвоприношение закончилось, весь экипаж во главе с генералом стал молиться… Все время, пока мы произносили молитвы, пели псалмы и читали главы из Библии, они сидели и внимательно слушали, при каждой паузе единодушно издавая восклицания. Пение псалмов им так понравилось, что всякий раз, когда они потом к нам приходили, их первой просьбой было: *Gnaah*, то есть чтобы мы пели. Уходя от нас, они ни за что не хотели брать с собой полученное в подарок и возвращали всё назад…

Через несколько дней их собралось около нас видимо-невидимо. Из толпы выделились два посланца их главного вождя, которые жестами давали нам понять, что сам великий вождь, *Hioh,* должен скоро прийти. При этом они что-то долго, не менее получаса, говорили… Из жестов их можно было понять, что они просят нашего генерала послать что-нибудь их вождю в знак того, что он будет встречен нами с миром. И когда просьба их была удовлетворена, они, радостные, поспешили к своему *Hioh*, а вскоре тот показался и сам, окруженный свитой телохранителей, красивых и статных людей воинственного вида.

Впереди всех шел человек со скипетром в руках,

сделанным из какого-то черного дерева. На скипетре висели два венка, один — больше, другой — меньше, с тремя длинными цепочками (безусловно, это был *вампум. — В. Г.)* и мешком с травой *Tabah.* Цепочки, по всей видимости, были сделаны из кости, прекрасно отполированной. Количество мелких крохотных звеньев в цепи было, можно сказать, бесконечно. Только избранные, немногие имеют право носить такие цепочки, но и для них количество цепочек ограничено: у кого — десятью, у кого — двенадцатью, так что чем больше цепочек, тем почтеннее данное лицо.

За человеком, несшим скипетр, шел сам великий вождь; на спине его был плащ из кроличьих шкурок, доходивший до пояса; на телохранителях были такие же плащи, но из другого меха. На голове их были перья и пух, растущий здесь на одной траве, напоминающей наш латук. Эта трава священна, семена ее употребляются только при жертвоприношениях, и пух имеют право носить только приближенные вождя. Позади шли простые люди, нагишом, с длинными волосами, собранными сзади в пучок, с воткнутыми перьями.

У всех лица были раскрашены в белый, черный или другие цвета; каждый нес в руках что-нибудь в подарок. Сзади всех шли женщины и дети; у каждой — по корзинке с травой *Tabah* или с названным выше пухом, или с жареными рыбками. Эти корзины были украшены раковинами жемчужницы».

Опасаясь какого-нибудь подвоха со стороны туземцев, Дрейк собрал вокруг себя всех своих людей. Моряки были вооружены и готовы к самозащите. Однако индейцы, остановившись на некотором отдалении, приветствовали англичан дружескими жестами и обратились к ним с речью. «Потом скипетроносец начал песню и в такт ее стал приплясывать, — свидетельствует Флетчер. — К нему присоединились великий вождь, его телохранители и все прочие; женщины тоже плясали, но молча. При виде такой невинной картины генерал распорядился допустить всех внутрь нашего укрепления, где пение и пляски продолжались, пока все не устали.

Затем все попросили нашего генерала сесть, и великий вождь обратился к нему с просьбой или, если только мы правильно его поняли, с мольбой принять всю его страну под свою руку, стать их великим вождем и покровителем. Что такова была его подлинная мысль, мы

нашли подтверждение в том, что вождь возложил на его голову венок со всеми цепочками, назвав его при этом *Hioh.* Генерал не счел удобным отказываться от предложения, потому что не хотел вызывать в туземцах недоверие или неприязнь, а с другой стороны, он думал, что эта земля сможет в будущем принести большую честь и выгоду родине.

Поэтому от имени королевы он взял в свои руки скипетр и венок, а вместе с ними — и власть над всей страной, назвав ее [Новым] Альбионом, на что были две причины: во-первых, белый цвет прибрежных скал, а во вторых, желание связать новую страну с нашей родиной, которая некогда так называлась.

Когда церемония принятия страны под новую власть была закончена, туземцы обоего пола, оставив своего вождя и его телохранителей с нашим генералом, разбрелись среди наших матросов и внимательно разглядывали каждого. Выбрав кого-нибудь себе по вкусу… они его окружали и начинали свои жертвоприношения: плакали, стонали, кричали и раздирали себе ногтями кожу на лице до крови; и это не одни женщины, а и старики, которые неистовствовали не меньше женщин. Поустав и поуспокоившись, они стали нам жаловаться на свои горести и болезни: показывали свои застарелые и свежие раны, язвы, показывали, где болит, и т. п.; жалобно просили у нас помощи и исцеления… Их жалобы не могли не тронуть нас, и мы делали все, что было в наших силах: прикладывали примочки и пластыри, мазали мазями, стараясь угадать природу их болезни. Время от времени они и потом приходили с теми же просьбами».

Записки Флетчера представляют собой немалый интерес для нынешних этнологов. Описывая нравы и занятия туземцев, он отмечал:

«По природе это люди смирные и привязчивые, без всякого коварства. Их луки и стрелы — единственное их оружие и почти все богатство. Они владеют им искусно, но большого вреда не причиняют: стрела летит недалеко и без большой силы, скорее — как игрушка для детей, чем смертоносное оружие. А между тем они люди такие сильные, что один легко взваливает себе на спину тяжесть, которая потребовала бы двух или трех наших мужчин, и идут себе с ней с добрую милю, с холма на

холм, и не передохнут. Они могут быстро и долго бежать и так привыкли к этому, что почти всегда бегут и редко ходят. Мы с изумлением наблюдали, с какой ловкостью, почти без промаха, ловят они рыбу, если она подплывает к берегу на расстояние не дальше человеческого тела».

Капеллан экспедиции описал не только индейцев, но и некоторых животных, обитавших в окрестностях бухты. При этом «кроликами» он назвал местную разновидность белок:

«Мы видели громадные стада очень больших и жирных оленей и еще больше кроликов какой-то странной породы: своей маленькой головой и телом они напоминают нашего кролика, но хвост у них необыкновенно длинен, как у крысы; лапками они напоминают крота; с обеих сторон у них по защечному мешку, куда они прячут пищу, когда напитаются досыта. Туземцы питаются их мясом и очень ценят их шкурки».

Перед тем как покинуть Новый Альбион, Дрейк решил оставить на берегу знак, который не только бы удостоверил факт посещения этой страны английской экспедицией, но и подтвердил «права» королевы Елизаветы на новооткрытую землю. «На медной дощечке, прибитой к крепкому столбу, были вырезаны имя Елизаветы, даты нашего прибытия и добровольного подчинения народа новому властителю, — рассказывает Флетчер. — Ниже в специально вырезанную дыру вставили изображение и герб королевы на шестипенсовой серебряной монетке; под этим — имя нашего генерала.

Когда приблизился срок нашего отъезда и молва об этом разнеслась кругом, мы могли видеть искреннее горе, в которое повергло этих людей неожиданное известие. Внезапно исчез их веселый и счастливый вид, оживленная речь и подвижность заменились вздохами, жалобными стонами, горькими слезами, ломанием рук и самоистязанием; всячески выражали они нам свою скорбь…

Мы и не заметили, как они приготовили свое жертвоприношение и подожгли костер, на который были брошены одна из их цепочек и пучок перьев. Мы всеми силами старались удержать их, но не успели. Тогда мы начали молиться и петь псалмы и этим так отвлекли их внимание, что они позабыли о своих жертвах, дали огню погаснуть и, подражая всем нашим движениям, старались так же, как мы, поднимать кверху глаза и руки.

23 июля состоялся наш горестный для них отъезд. Они взобрались на вершину самого высокого из холмов и оттуда следили за нами, жгли костры и, вероятно, совершали свои

жертвоприношения».

«Золотая лань» взяла курс на запад. На следующий день участники экспедиции увидели острова, которые Дрейк назвал Сент-Джеймс (ныне Северные Фарлонские острова). На одном из них моряки настреляли птиц и запаслись тюленьим мясом.

ПОСЕЩЕНИЕ «ОСТРОВА ВОРОВ» И ТЕРНАТЕ

Переход через Тихий океан в Ост-Индию занял больше двух месяцев. При этом движению корабля на запад сначала способствовали северо-восточные пассаты, дующие от берегов Северной Америки в направлении экваториальной зоны, а затем и Северное Пассатное течение. «Целых 68 дней мы не видели ничего, кроме неба и моря, — сообщает Флетчер, — и только 30 сентября показались вдали какие-то островки. Как только мы подошли к одному из них, нас тотчас же окружила масса челноков, в которых сидело от четырех до пятнадцати человек. Они везли с собой кокосовые орехи, рыбу, картофель, какие-то фрукты. Уши у этих людей оттянуты книзу благодаря тяжелым украшениям. Ногти у некоторых отращены на целый дюйм, зубы черны как смоль; они достигают этого при помощи какой-то травы, которую жуют и имеют постоянно при себе. Они подплыли к кораблю, который продвигался очень медленно благодаря слабому ветру, и начали торговлю с нами, сначала очень добросовестно предлагая одно в обмен на другое; в то же время они знаками просили нас подплыть ближе к берегу. Потом мы убедились, что это было желание заманить нас, чтобы тем легче захватить нас, как ценную добычу. Мы поняли, что это за птицы, когда они, заполучив что-нибудь в свои руки, ни за что не хотели с этой вещью расстаться и в то же время ничего не хотели в обмен за нее дать. Когда мы их от себя прогнали, не желая иметь с ними никакого дела, они стали бросать в нас камнями, которых имели порядочный запас в челноках. Наш генерал не хотел платить им той же монетой, но для острастки приказал дать холостой выстрел. Это возымело надлежащее действие: все они попрыгали мгновенно в воду и, нырнув под челноки, остановили их своим телом, чтобы их не отнесло в сторону. И когда корабль был на порядочном расстоянии, они потихоньку влезли обратно и изо всех сил поспешили к берегу. Мы назвали эту землю островом Воров».

3 октября «Золотая лань» покинула воды указанного острова, взяв курс на Филиппины. 16 октября англичане достигли «четырех островов, лежащих на 7° 5′ к северу от экватора». Они шли мимо них «до 21-го, а затем стали на якорь и запаслись водой на самом большом из них, называемом Минданао». На следующий день экспедиция продолжила свой путь, пройдя мимо двух островов «в шести или восьми лигах южнее Минданао». Очевидно, это были острова Сарангани и Балут. От них отошли два каноэ. Туземцы, находившиеся в лодках, вероятно, хотели

пообщаться с незнакомцами, но неожиданно «сорвался очень сильный ветер, который унес нас от них в южном направлении».

Испанский шпион Франсиско де Дуэньяс, отправленный разведать владения португальцев в Ост-Индии, во время плавания к Молуккским островам в 1579 году останавливался у южной оконечности Минданао, возле двух островов, которые он назвал Сатанган и Кандиган. Там он мог узнать от туземцев о корабле Дрейка, проследовавшем в южном направлении. Достигнув острова Сиаго (современный Сиау), Дуэньяс получил информацию о том, что английский корабль побывал здесь совсем недавно и взял двух местных рыбаков в качестве лоцманов. На молуккском острове Тидоре он раздобыл новые сведения о Дрейке:

> «Португальский галеон на пути из Малакки к Молуккам, находясь между островом Минданао и Целебесом, заметил со стеньги корабль; приняв его за испанский, поскольку дело было возле Филиппин, и очутившись рядом, отправил по приказу капитана ту лодку, которую тащил на буксире, чтобы оказать помощь, полагая, что этот корабль сбился с курса. Приблизившись, они спросили капитана, но никто им не ответил, так как только два человека были видны на борту. Последние знаками показали, что им следует держаться подальше, и они, слегка напуганные, повернули к своему кораблю и рассказали капитану, что произошло. Поскольку корабль показался ему небольшим, он решил не обращать на него внимания, продолжив свой путь. С наступлением ночи англичанин пустился в погоню за его кораблем, посвятив часть ночи, как оказалось, приведению своих пушек в боевую готовность. Когда настал день, корабли находились на расстоянии лишь полулиги друг от друга, причем английское судно направлялось к галеону с поднятыми вымпелами и флагами. Очутившись на расстоянии слышимости, англичанин подал голос, говоря: „Капитан дон Франсиско де Парагон (Фрэнсис Дрейк. — *В. Г.),* англичанин и лютеранин, приказывает вам убрать паруса и сдаться, а если вы немедленно не сделаете это, он принудит вас к этому силой“. Португалец, дивясь тому, что сказал англичанин, ответил, что они могут попробовать явиться к нему на борт, начав в то же время открывать порты и приводить в готовность пушки, имевшиеся у него. Англичанин начал стрелять в него, но

поскольку он (португальский галеон. — *В. Г.)* выглядел большим кораблем с множеством людей на борту, он (английский корабль. — *В. Г.),* произведя семь или восемь выстрелов, продолжал держаться за пределами досягаемости пушек галеона, который смог произвести [в ответ] лишь один выстрел, ибо это был небольшой корабль, и он все время поворачивался к галеону кормой. Сохраняя дистанцию, как уже сказал, корабль взял курс на юго-восток, в сторону Молуккских островов, и вскоре исчез из виду. На следующий день англичанин прибыл к Сиаго, где взял двух туземных рыбаков, которые, приняв их за португальцев, приблизились к ним. Они (англичане. — *В. Г.)* знаками просили их показать им путь к Молуккам, и туземцы сказали, что они могут это сделать».

Факт встречи «Золотой лани» с португальским галеоном зафиксирован также в свидетельских показаниях Джона Дрейка. В то же время в воспоминаниях других участников экспедиции этот эпизод не отмечен. В отредактированной версии записок Флетчера говорится: «25 октября мы прошли мимо острова, называемого Талао, что на 3 град. 40 мин. Мы заметили к северу от него три или четыре других острова: Теда, Селан, Саран (так три острова назвал один из туземцев)… В первый день следующего месяца мы таким же образом миновали остров Суаро, что на 1 град. 30 мин., и 3 ноября появились в виду Молуккских островов, как того и желали.

Это — четыре высоких остроконечных острова; их названия: Тернате, Тидоре, Мачан (очевидно, Макиан. — *В. Г.)* и Бачан; все они — очень плодородны и в изобилии покрыты гвоздикой, которой мы взяли для себя столько, сколько хотели, по весьма низкой цене. К востоку от них лежит очень большой остров, называемый Хильола (современный Хальмахера. — *В. Г.)».*

В отчете Дуэньяса дальнейшие события описаны следующим образом:

«…Когда они (англичане. — *В. Г.)* очутились возле Молуккских островов, один португалец отправился на небольшом судне, чтобы узнать, нет ли у них каких-либо припасов для этих островов; полагая, что это был португальский корабль, пришедший из Малакки, он, подойдя прямо к нему и поднявшись на борт, был весьма

напуган при виде столь необычных людей. Англичане, однако, обошлись с ним хорошо, встретив его ласковыми словами и говоря ему, чтобы он не боялся, ибо хотя они и были англичанами и лютеранами, но никому не делали зла. Они спросили его, где находится португальский форт, и он сказал, что очень близко. Среди прочего, расстелив перед ним навигационную карту, они спросили его, какое направление выбирают португальцы, когда идут в Малакку. Он ответил, что был рожден и воспитан на Тернате, и это было правдой, и ничего не смыслит в навигации и навигационных картах. Не развивая далее эту тему, они обсудили иные проблемы. В это время корабль был замечен с Тернате, и король (султан Бабу. — *В. Г.)* тут же отправил два *каракоа* узнать, что это за корабль и откуда он прибыл. Когда те выяснили, что они были не португальцами или испанцами, а англичанами-лютеранами… они вернулись к королю, и он тут же направил им приглашение сойти на берег, предлагая приют в порту и все необходимое, добавив, что им не следует идти туда, где находились португальцы (на Тидоре. — *В. Г.),* так как у них там имелись галера и галеон, с помощью которых они способны были причинить много вреда».

Англичане очутились перед дилеммой: куда идти — на Тидоре или все же на Тернате? На последний их приглашал посланник султана Бабу. «Он уверял нас, что его властитель будет очень рад нам, сделает все, о чем мы его попросим, и что на слово его можно положиться, тогда как у португальцев, владеющих островом Тидоре, мы не найдем ничего, кроме обмана и коварства, — пишет Флетчер. — Кроме того, если мы отправимся на Тидоре, не побывав на Тернате, то на тернатского короля мы уже ни в чем не должны рассчитывать, так как португальцы — его враги. Генерал решил идти к Тернате и тотчас по прибытии туда послал гонца к королю с бархатным плащом в подарок и в знак мирного прихода.

Король принял нашего гонца милостиво и с большим почетом в своем большом дворце, окруженный громадной свитой. Этот высокий, полный и хорошо сложенный человек вызывал в своих подданных такое к себе уважение, что даже его наместник не смел говорить с ним иначе как на коленях, и поднимался на ноги лишь по нарочитому разрешению. Он тотчас выразил согласие исполнить нашу просьбу и обещал лично навестить нашего генерала, прибывшего из такой далекой страны и от лица столь

могущественной государыни.

Слово свое король сдержал. Мы получили вдоволь провизии: риса, тростникового сахара, кокосовых орехов и какой-то крупы, которую они называли саго. Эту крупу они собирают с верхушек деревьев, в изобилии здесь растущих; вкусом она напоминает свернувшееся молоко и распускается, как сахар. Следуя местному обычаю, мы наделали из этой крупы множество лепешек, которые хороши тем, что сохраняются хоть десять лет.

Прибытие короля к нашему кораблю мы встретили со всей подобающей торжественностью: загремели пушки, затрубили трубы и другие музыкальные инструменты. Наш гость был в восторге и попросил, чтобы музыканты спустились в шлюпку, привязанную за кормой корабля, а сам велел привязать свою галеру к этой шлюпке и, слушая музыку, шел на буксире по крайней мере с час. Затем, когда корабль наш стал на якорь, король распрощался с генералом, извиняясь за свой отъезд и обещая на следующий же день приехать снова и тогда подняться на палубу к нам. Но своего обещания он не сдержал».

Отчет Дуэньяса содержит интересные подробности переговоров между Дрейком и султаном Бабу, которые мы не находим в других документах, связанных с экспедицией.

> «Капитан Фрэнсис, — читаем в отчете, — отправился в форт Тернате, где был хорошо принят и снабжен различными припасами. Король Тернате вскоре начал переговоры с ним, говоря, что он не был другом португальцев, а был независимым королем, и поскольку капитан Фрэнсис вассал королевы Англии, то ежели королева пожелает явить свою милость и поможет ему изгнать португальцев из этого региона, он согласится допустить ее к торговле гвоздикой, в которой пока что доминируют португальцы. Капитан Фрэнсис от имени королевы Англии пообещал, что через два года, в случае необходимости, он сможет покрыть кораблями все это море. Король попросил гарантий того, что он, как джентльмен, сдержит свое слово, которое дал от имени королевы Англии, и капитан Фрэнсис дал ему золотое кольцо, украшенное драгоценным камнем, кольчугу и очень красивый шлем. Король вручил капитану Фрэнсису другие подарки, но я не смог выведать, какие именно».

Губернатор Филиппинских островов дон Гонсало Ронкильо де Пеньялоса, узнав о посещении Дрейком Молуккских островов и его соглашении с султаном Бабу, сразу же усмотрел в этом серьезную опасность для испанских интересов в регионе. В 1582

году испанцы отправили из Манилы экспедицию на завоевание Тернате, однако потерпели фиаско, удовлетворившись захватом менее значительного острова Мотир. В последующие годы они предприняли еще ряд попыток установить свой контроль над Тернате, пока в 1606 году экспедиция Педро Браво де Акуньи не отобрала этот остров у голландцев.

Во время стоянки на Тернате корабль Дрейка посетил некий вельможа в сопровождении переводчика. «Платье его напоминало наше, европейское, и держал он себя с большим достоинством, — сообщает Флетчер. — Он рассказал нам, что он не здешний, а из Китая; что зовут его Паусаос; что в последние два столетия из его рода вышли двенадцать императоров; что он, как и современный богдыхан, всеми почитаем и любим. Но ему пришлось покинуть свою родину, и вот по какой причине: его обвинили в каком-то уголовном преступлении, оправдаться в котором он не сумел убедительно для всех. И зная, что приговор китайских судей не подлежит отмене, он поспешил предупредить этот приговор и обратился к богдыхану с просьбой предоставить его дело божьему суду; пусть богдыхан отпустит его путешествовать, и пусть он навсегда останется изгнанником своей родины, если не сумеет вернуться с таким известием, какого его величество еще никогда не слыхивал и которое окажет честь Китаю.

Богдыхан согласился, и вот теперь он три года странствует и приехал повидать английского генерала, о котором наслышался таких удивительных рассказов. Ему самому хочется получить от храброго мореплавателя такие сведения, которые позволили бы ему вернуться на родину. Как, каким путем проехал генерал сюда из Англии? Каким превратностям судьбы подвергался он в дороге?

Генерал дал полное удовлетворение его желанию. Незнакомец слушал рассказ с большим вниманием и восхищением и, обладая хорошей памятью, запечатлел в себе все подробности. Затем он стал умолять генерала до возвращения в Англию повидать сначала его родину, потому что это принесет генералу и удовольствие, и почет, и выгоду: он познакомится с одним из самых древних, могущественных и богатых государств мира. Он расписывал богатство, населенность, производительность отдельных провинций Китая и красоту его городов и уверял, что пушки… на самом деле были прекрасно известны китайцам еще две тысячи лет тому назад и что их медные пушки настолько совершенны и так легко их направлять, что из них можно попасть в наш шиллинг. Во всем этом генерал гораздо лучше убедится на опыте, чем из его рассказов; попутный ветер быстро донесет их до Китая, и сам он будет сопровождать

нас туда. Но генерал наш все же не поддался на его увещания, и незнакомец с грустью простился с нами, говоря, что он счастлив, что хоть видел и беседовал с нами: быть может, рассказ об этой встрече поможет ему вернуть утраченное благоволение богдыхана».

Из отчета Дуэньяса видно, что «Золотую лань» на Тернате посетили также посланцы португальского коменданта из форта, находившегося на Тидоре.

> «Он [Дрейк] провел там только три дня, — записано в отчете, — когда командир португальцев узнал, что его корабль стал на якорь возле форта Тернате. Решив, что они испанцы, он отправил к ним двух уважаемых португальцев, чтобы предложить им стоянку в своем порту и всё, что могло им понадобиться, — припасы и что бы то ни было, а также чтобы сказать им, что здешние люди были маврами и находились в войне с португальцами; и что разумнее было бы им поискать помощи у них, ибо они были христианами, нежели у тех мавров. Эти двое португальцев могли чувствовать себя в полной безопасности, так как между королем Тернате и португальцами было перемирие. Приблизившись к кораблю, они спросили, кто капитан, ибо люди с Тернате, находившиеся там, нарочно не хотели позволить им подняться на борт, хотя они и намеревались это сделать; и один англичанин — который, судя по их описанию, был капитаном Фрэнсисом, человеком средней комплекции, с хмурым лицом, — выступил вперед и спросил у них, что им нужно. Они сказали ему, что комендант отправил их поцеловать руку его чести и умолять, чтобы его честь соблаговолили пожаловать в форт, который он имел на Тидоре, где они смогли бы принять его и снабдить всем необходимым; и что им следует взять на заметку, что эти люди были маврами, и что сей факт не будет положительно воспринят в Испании, когда там узнают, что прибывшие сюда христиане и испанцы предпочли получить помощь от мавров, а не от них. Всё это португальцы сказали, полагая, что те были испанцами, не подозревая, что они были англичанами, но англичанин ответил: „Сеньоры, передайте вашему коменданту, что я много раз целую его руки и весьма благодарю его за ту честь, которую он оказал мне, но я — не испанец, я — англичанин, лютеранин из иной

конфессии, а это — мавры, которые за наши деньги дадут нам то, в чем мы нуждаемся“. Оба португальца были немного изумлены тем, что сказал англичанин, и спросили его, куда он направляется и что ищет. Он ответил, что он пошел открывать мир по приказу своей королевы. Когда его спросили, как ему удалось пройти столь долгий путь на таком малом корабле, он сказал, что имел десять других галеонов, которые отправил делать открытия в разных частях света, а теперь он идет в некое место, чтобы там объединиться с ними. Он сказал, что прошло очень мало времени с тех пор, как он покинул Испанию, и лишь год с тех пор, как он оставил Сафи (порт в Марокко. — *В. Г.)*. Они спросили его: „Если вы оставили Испанию не так давно, то, может, вы располагаете какими-то новостями о Португалии?“ Он сказал: „Относительно новостей о Португалии я могу сообщить вам то, что узнал год назад в Сафи. Король Португалии прибыл туда с большой армией и в сражении с маврами был убит, как и многие из тех, что были с ним, а остальные попали в плен“. Удивившись этим новостям, португальцы покинули его, чтобы вернуться к коменданту и рассказать ему то, что они услышали. Эти известия вызвали немалое изумление среди португальцев. На следующий день комендант отправил [их] снова, чтобы обсудить дела, но капитан Фрэнсис уже ушел, оставив португальца, ранее взятого в плен».

В последующие годы устный договор, заключенный между Фрэнсисом Дрейком и султаном острова Тернате, активно использовался английскими дипломатами в переговорах по ост-индским вопросам. Большое значение придавала ему также британская Ост-Индская компания, основанная в 1600 году указом королевы Елизаветы.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

9 ноября 1579 года «Золотая лань» снялась с якоря. Покидая Тернате, Дрейк хотел как можно быстрее найти укромный необитаемый островок, на берегу которого его люди могли бы произвести кренгование и очистку корабля. Такой островок был обнаружен спустя пять дней недалеко от побережья Целебеса. Флетчер полагал, что этот островок находился на 1 ° 40′ южной широты, Джон Дрейк переместил его на 4° северной широты. По данным Дуэньяса, английский корабль наскочил там на мель или риф, но в действительности «Золотая лань» была просто отбуксирована командой на мелководье для проведения ремонтных работ.

> «Прошло не очень много дней, и однажды ночью, во время шторма, он потерпел крушение на островке, окруженном множеством рифов, — пишет Дуэньяс. — Этот остров лежит в том же направлении, где находится Ява, около острова, который… мы назвали Матео, у его восточной стороны… Забрав все с корабля, они построили на берегу деревянный форт, разместив всю артиллерию вокруг него. Они поставили судно на стапель, завершили все работы за три месяца (на самом деле — за четыре недели. — *В. Г.),* после чего продолжили свое путешествие. Все время, пока они находились там, туземцы побережья Лимботан и соседнего острова Сангай снабжали их пищей в обмен на изделия из полотна и иные вещи — так, чтобы никто не узнал, везет ли он золото или серебро. Кораблекрушение, согласно отчету, предоставленному мне португальцами, случилось в конце октября или 10 ноября 1579 года. Он провел там три месяца, так что ушел оттуда в феврале. Я беседовал с уроженцем города Хапе, находящегося на побережье Имбутана, который много раз ходил вместе с другими продавать им продукты питания и видел всё, о чем я здесь упомянул. Никто из людей не мог подняться на борт судна, и только индейцы постоянно приходили на борт… и таким образом торговали провизией. Время от времени они стреляли из пушек, чтобы напугать индейцев. Это всё, что мне удалось узнать об английском капитане Фрэнсисе, которого здесь называют доном Франсиско де Арагоном. Я попытался выяснить у одного индейца,

сколько их могло быть, и ему показалось, что там было тридцать четыре человека».

Информация Дуэньяса в чем-то дополняет английские свидетельства, в чем-то расходится с ними (например, плановые ремонтные работы по очистке днища корабля испанец, вслед за своими информаторами, принял за последствия кораблекрушения; он растянул на несколько месяцев срок нахождения англичан на упомянутом островке и примерно в два раза занизил численность английской команды). Сравним испанские данные с записками Флетчера:

«К югу от Целебеса (точнее, к югу от полуострова Минахаса в северной части Целебеса. — *В. Г.),* около маленького и необитаемого острова, мы простояли долго, почти месяц, и там чинились, чистились, запасались водой. Мы отдохнули здесь, освежились и так великолепно питались находимой на острове снедью, что вскоре из больных и слабых, какими многие из нас за последние месяцы стали, превратились в крепких, сильных и веселых людей.

Весь остров сплошь порос лесом. Деревья большие, высокие, прямые и с ветвями только на верхушке. Их листья напоминают листья нашего дрока. Между этими деревьями каждую ночь летают бесчисленные рои светляков, которые несмотря на свою незначительную величину… дают такой яркий свет, что кажется, будто каждая ветка каждого дерева — зажженная свеча.

Нельзя не упомянуть также о великом множестве особого сорта раков или крабов, которых мы находили здесь. Эти раки были так велики, что за обедом четверо голодных людей насыщались одним раком, и притом мясо было удивительно вкусно, так вкусно, что мы именно ему приписывали поправку своего здоровья. Насколько мы могли заметить, эти раки не водились в море и жили всегда на суше…

На острове Целебес мы находили раков этой же породы, которые, не имея убежища, карабкались на деревья, чтобы спрятаться от нас. Но мы предпочитали лучше лезть на дерево, чем остаться без лакомого блюда. Этот остров мы прозвали островом Крабов».

Корабль Дрейка отчалил 12 декабря. Прежде чем покинуть остров Крабов, англичане оставили на его берегу негритянку и двух негров. По словам Джона Дрейка, их снабдили рисом,

зернами для посева и средствами для добывания огня. Очевидно, это «марунирование» было осуществлено с целью экономии провианта: предстоял долгий переход через два океана, и белые — примерно шестьдесят человек — не хотели кормить трех чернокожих участников плавания, в услугах которых они больше не нуждались.

«Выбраться из архипелага островков и мелей, окружающих Целебес, оказалось затруднительным, — продолжает описывать дальнейший ход экспедиции Флетчер. — Нам пришлось отказаться от нашего первоначального намерения обогнуть остров с севера. Но и с южной стороны встретились те же опасности: мелей было так много и они были разбросаны на таком широком пространстве, что бдительность наша была напряжена как ни разу прежде, с самого отплытия из Англии. Так мы меняли направление в поисках свободного прохода, пока наконец 9 января 1580 года не увидели, к великой своей радости, что берег решительно отклоняется к западу. В это же время подул свежий благоприятный ветер, и мы пошли на всех парусах.

И вот, когда мы меньше всего подозревали опасность, ночью, в начале первой вахты, наш корабль на полном ходу, вдруг, в одно мгновение, наскочил на отчаянную, безнадежную мель или подводную скалу. С первой же минуты все поняли, что спасения ждать неоткуда и что все обречены на неминуемую смерть. Осмотрелись кругом, но чем больше смотрели, тем меньше оставалось надежды. Призрак страшной смерти не давал отсрочки и заставлял нас отдать себя в руки милосердного провидения, нашего последнего прибежища. Мы пали ниц и слились в обшей молитве. Мы лежали распростертые, как лежат преступники, положившие голову на плаху и ждущие каждое мгновение удара топора.

Но генерал бодрыми словами пробудил нас к жизни. Он напомнил нам, что нельзя искушать провидение, оставляя неиспользованными последние средства спасения, которые были еще в наших руках. Он сам показал нам первый пример. Приладили насос и стали откачивать воду. Вскоре убедились, что вода не прибывает. Это отсрочило смерть, которая продолжала, впрочем, оставаться неизбежной. Уже одно то, что мы немедленно не затонули, казалось чудом, потому что

удар, который потряс наш корабль, был таков, что, казалось, никакое дерево и даже железо не могло его выдержать.

Затем мы стали пытаться нащупать дно, чтобы стать на якорь и таким образом подтянуться к нему или сдвинуться с места. Еще оставалась надежда. Генерал собственноручно стал опускать лот, но уже на расстоянии какой-нибудь сажени от корабля дна нельзя было достать; наша надежда, затеплившаяся было, мгновенно погасла; стало даже хуже, потому что предстояло, следовательно, долгое, мучительное ожидание смерти. Одно было к счастью: не все матросы одинаково трезво оценивали всю опасность положения, будь иначе — уныние, вероятно, лишило бы их последних сил и желания искать спасения. Поэтому генерал скрывал тревогу, шутил и подбадривал экипаж.

Итак, наш корабль прочно засел на скале. Рано или поздно, но поднимется ветер, налетит шквал, и он разобьется вдребезги. Оставаясь на корабле, мы связывали с ним свою судьбу. Даже если бы эта минута была еще очень далека, провианта, особенно воды, было в запасе всего на несколько дней. Нам предстояла голодная смерть или перспектива пожирать самих себя или друг друга. Наконец, если бы каким-то чудом тому или иному удалось бы спастись, предстояло бы или одиночество необитаемого острова с дикими зверями, или невыносимое рабство, телесное и душевное, среди каких-нибудь язычников. Лучше умереть всем вместе!

Да и как спастись с корабля? Наша шлюпка не могла бы вместить больше двадцати человек, а всех нас было пятьдесят восемь. Ближайшая земля была в двадцати морских милях, и ветер дул с берега; значит, был против нас.

В таких невеселых мыслях провели мы ночь, нетерпеливо дожидаясь утреннего рассвета и подбадривая себя надеждой на Бога. Наконец рассвело. Мы снова принялись за промеры, но и на этот раз результат был прежний: опустить якорь было невозможно. Тогда оставалось испытать еще одно средство, но не потому, чтобы мы в него так верили, а потому, что нельзя было сидеть сложа руки и тихо ждать смерти. Мы стали постепенно освобождать корабль от груза и выбрасывать за борт один ящик за другим. Работа закипела. Даже те вещи, без которых до тех пор

ни мы, ни кто-либо другой на нашем месте не могли бы обойтись, теперь теряли всякую цену в наших глазах. Боевые припасы и даже мука не находили пощады; за борт летело все, что попадалось под руку. Мы уверили себя, что если провидению будет угодно спасти нас в нашем отчаянном положении, то оно защитит нас и от врагов наших и не даст нам погибнуть от голода. И вот, когда работа была доведена до конца, произошло чудо. Мы, двадцать часов проведшие в тисках смерти, были целы и свободны!

Спасение наше, которое, вероятно, интересует читателей, произошло так. Местом, где мы так крепко застряли, была расселина скалы, на которую мы наткнулись левым бортом. Под правым бортом при низкой воде было не больше шести футов глубины, тогда как рядом, если помнит читатель, нельзя было достать дна. Ветер все время дул с большой силой с правого борта и не давал, таким образом, судну опрокинуться. К счастью, когда вода стала прибывать, ветер стих. Тогда наш корабль с его тринадцатифутовой осадкой, не встречая больше опоры с наветренной стороны, стал крениться вправо, в сторону глубокой воды, и таким образом высвободил свой киль и сделал нас всех счастливыми людьми. Это случилось под вторым градусом южной широты, без трех или четырех минут, десятого января».

Когда опасность миновала, Дрейк вызвал к себе капеллана Флетчера и воскликнул:

— Фрэнсис Флетчер, я отлучаю вас от церкви Господней и лишаю всех выгод и преимуществ, проистекающих от этого, и отдаю вас сатане и всем присным его!

Затем он велел повесить на грудь обалдевшего священника дощечку с надписью: «Фрэнсис Флетчер — величайший плут и мошенник на свете».

Эта вспышка гнева приключилась с Дрейком после того, как ему донесли, будто во время кораблекрушения Флетчер заявил матросам:

— Господь наказал нас за тяжкий грех нашего генерала — казнь Томаса Даути.

Правда, уже через несколько дней капитан «Золотой лани» простил своего капеллана и позволил ему вернуться к исполнению его обязанностей.

ВИЗИТ НА ЯВУ ЗАВЕРШЕНИЕ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Дальнейший путь экспедиции среди островов Малайского архипелага прослеживается лишь в общих чертах. Англичане, несомненно, долго шли вдоль восточного побережья Целебеса на юг, блуждая среди островов и рифов в северо-западной части моря Банда. Флетчер рассказывает: «Мы долго не могли освободиться от постоянных забот и страхов, не могли найти удобную якорную стоянку и почти месяц носились среди островов и отмелей, которых такое неисчислимое количество вокруг южных берегов Целебеса».

Западные ветры не позволяли Дрейку взять курс на остров Яву, снося его на юго-восток и восток-юго-восток.

«20 января мы снова подверглись большой опасности, — вспоминает Флетчер. — В поисках якорной стоянки мы выслали на далекое расстояние свою шлюпку. Внезапно начался страшный шквал, который заставил нас опасаться не только за шлюпку, но и за самих себя, так как мы опять находились среди скрытых отмелей и принуждены были, как часто за эти последние недели, спустить паруса и носиться по воле ветра».

1 февраля на юге была замечена очень высокая земля — очевидно, вулканический остров Гунунгапи. Шторм продолжался, и 3 февраля участники экспедиции увидели еще один остров — видимо, Серуа в архипелаге Дамар. 6 февраля «Золотая лань» все еще блуждала в районе указанного архипелага, причем один остров был обнаружен на востоке и еще четыре — на западе. Корабль стал на якорь возле самого крупного из них, которым мог быть Дамар. Здесь взяли воду и дрова.

«8 февраля между Целебесом и Явой нам повстречались два каноэ, — продолжает свое повествование Флетчер, — и туземцы заговорили с нами, зазывая нас в свой город, расположенный неподалеку, по имени Баратива. Они — язычники, статные, красивые люди, честные в торговле и вежливые с чужеземцами. Всему этому мы видели много примеров.

Они радостно встретили нас и радушно были готовы снабдить нас всем, что у них было. Они очень падки на полотно, из которого делают себе на голову чалмы и повязки на бедра; полотно — лучший товар для обмена с ними. Также любят они и жемчужные раковины, и тому подобные пустяки. Женщины прикрывают нижнюю часть тела от пояса до пят, а на руках носят

браслеты из рога или меди, у некоторых штук до девяти на одной руке. Самые легкие из них, как нам казалось, должны весить две унции. Мужчины ходят голышом, прикрывая только голову и срамные части, у каждого что-нибудь висит в ушах.

Остров плодороден и богат золотом, серебром, медью, оловом, серой и т. д. Население не только умеет добывать металлы, но и обрабатывать их, придавая поделкам искусную форму. Здесь растут мускатный орех, имбирь, перец, лимон, кокос — всего этого такое изобилие, что на нас оправдалась старая поговорка: „За бурей идет тишина, за войной — мир, за голодом — урожай“. За все наше путешествие мы нигде, за исключением Тернате, так не питались и нигде так не отдыхали, как здесь».

Проведя на гостеприимном острове два дня, англичане отплыли 10 февраля, а утром 12-го увидели к югу от себя утопающий в зелени остров. Вскоре в южной стороне были замечены еще два острова, а на севере — один. Очевидно, корабль находился где-то в районе островов Ветар, Камбинг и Тимор. Острова выглядели густонаселенными, но Дрейк решил не приставать к ним. 14 февраля на горизонте показалась очередная группа островов (возможно, Алор, Пантар и Ломблен), и 16-го «Золотая лань» прошла между ними. 18 февраля англичане стали на якорь у небольшого острова в море Саву, на котором нашли источник питьевой воды и поймали двух черепах. 22 февраля, двигаясь на запад, они увидели справа по борту три острова, которые, по всей видимости, входили в архипелаг Саву. В последующие дни экспедиция должна была пройти мимо больших островов Сумба, Сумбава, Ломбок и Бали и 9 марта выйти к южному побережью Явы.

> «Упомяну еще о нашей остановке на Яве, — рассказывает Флетчер. — Мы подошли к городу (12 марта 1580 года. — *В. Г.)* близко, и генерал послал местному царьку в подарок шерстяных, шелковых и полотняных материй, за которые тот отблагодарил нас рисом, кокосами, курятиной и прочей снедью. На следующий день сам генерал с некоторыми из своих джентльменов съехал на берег и угостил царька музыкой, а потом наши матросы показали ему свои военные упражнения.
>
> Кроме главного властителя на острове есть несколько его наместников, которых называют здесь раджами. Они так часто навещали нас, чтобы осмотреть корабль и его вооружение, что нам, в конце концов,

хорошо запомнились их имена: раджа Патайяра, раджа Кабокапалла, раджа Манганго и другие. Наши пушки и оружие, наша музыка и угощение приводили их всегда в восторг. За раджами нас посетил и главный раджа Донан. Он, в свою очередь, ублажил нас своей музыкой, очень странной, но все же приятной. В тот же день по его приказу нам доставили на корабль быка.

Каковы властители, таков здесь и простой народ: добродушный, надежный и честный. Они несли нам в обмен на наши товары такую массу живности, что ею можно было бы набить весь корабль. Народ весь рослый и воинственный. Имеет в изобилии мечи, кинжалы и щиты собственной искусной работы, собственной закалки. В каждой деревне есть дом для общих собраний. Ежедневно дважды мужчины, женщины и дети приходят сюда к определенному времени, принося с собой пищу: кто — плоды, кто — вареный рис, кто — жареную курицу, кто — сало. Все кладется на стол и съедается совместно. У них странный способ варки риса: глиняный горшок в форме сахарной головы полон дырочек, как на нашей садовой лейке; с широкого открытого конца они насыпают рис и затем кладут горшок в другой сосуд с кипящей водой; размягчаясь и разбухая, рис закупоривает все дырки и не допускает больше воды; чем дольше вода кипит, тем тверже становится рис. В конце концов получается прекрасный плотный хлеб, который они едят с маслом, сахаром и разными пряностями…

От этих туземцев мы узнали, что невдалеке стоят корабли, такие же большие, как наши. Наш генерал решил тогда не медлить, и 26 марта мы взяли курс на мыс Доброй Надежды».

Согласно показаниям Джона Дрейка, португальцы весьма ревностно следили за действиями англичан на Яве. Один из португальских шпионов даже поднимался на борт «Золотой лани» с несколькими туземцами, чтобы выяснить, легко ли будет ее захватить. Дрейк, разумеется, не хотел искушать судьбу и подвергать свой корабль риску быть атакованным португальской эскадрой. Погрузив на борт свежий провиант, воду и дрова, он снова вышел в море. Теперь он должен был пересечь Индийский океан с востока на запад и выйти к берегам Южной Африки.

Различные отчеты дают разноречивую информацию о том, где и когда «Золотая лань» приблизилась к африканскому побережью. Согласно одним данным, это случилось 21 мая на

31 ½º южной широты; по другим данным, англичане увидели берег в районе мыса Доброй Надежды 18 июня. В «Анонимном повествовании» сообщается, что они провели много времени в поисках питьевой воды, зайдя в какую-то бухту к западу от мыса, но их поиски закончились безрезультатно. В это время на 59 человек команды оставалось лишь три бочки воды и полбочки вина.

«Только через месяц, 15 июля, увидели мы снова землю около Рио-Сесто, — замечает Флетчер. — Две лодки с неграми, ловившими рыбу, были совсем недалеко от нас, но мы не хотели останавливаться и спешили домой».

Согласно иным данным, англичане достигли устья реки Сьерра-Леоне 22 июля, когда на каждых трех участников плавания приходилось лишь по полпинты воды. На реке они провели два дня, пополняя запасы провизии, дров и воды. Вдали паслись стада слонов, но Дрейк не стал организовывать на них охоту. 24 июля «Золотая лань» снова подняла паруса.

> «15 августа мы пересекли тропик Рака, — сообщает капеллан, — 22-го проходили мимо Канарских островов, а 26 сентября 1580 года, которое, по обычному и правильному счету людей, никуда не ездивших и остававшихся дома, приходилось на понедельник, а по нашему исчислению было воскресеньем, мы благополучно с радостным сердцем вернулись в свой Плимут. Два года десять месяцев и несколько дней мы провели в нашем кругосветном плавании, любуясь чудесами божьего мира, подвергаясь стольким опасностям, преодолевая столько затруднений. Теперь наступил отдых».

Любопытно отметить, что на подходе к Плимуту участники экспедиции повстречали рыбацкую лодку.

— Жива ли королева? — спросили они рыбаков.

— Конечно, жива, — ответили те, удивившись такому странному вопросу.

Но для Дрейка эта информация имела первостепенное значение. Если бы за время его отсутствия его высочайшая покровительница умерла, он мог стать жертвой интриг и расправы со стороны нового монарха (доказать его участие в пиратских нападениях на испанцев и португальцев не составило бы большого труда). То, что Елизавета все еще оставалась на троне, внушало Дрейку определенный оптимизм. Капитан полагал, что блеск привезенных им невиданных сокровищ поспособствует тому, что ее величество закроет глаза на его

«шалости» в далеких морях.

Рыбаки также сообщили команде «Золотой лани», что из-за эпидемии чумы, унесшей более полутора тысяч душ, город обезлюдел и порт временно закрыт для прибывающих кораблей. В создавшейся ситуации Дрейк принял решение стать на якорь за пределами Плимутской гавани, у острова Сент-Николас. Там он продиктовал своему секретарю письмо королеве, в котором кратко изложил ход экспедиции и поведал о захваченных богатствах. Доставить письмо в Лондон должен был трубач Джон Брюэр, пользовавшийся исключительным доверием капитана. Пока Брюэр находился в пути, «Золотую лань» посетили жена Дрейка Мэри и городской голова Джон Блайтмен.

ТРИУМФ НА РОДИНЕ

Из разговоров с мэром Плимута Дрейк понял, что политическая ситуация в Англии крайне запутанна и неопределенна. С одной стороны, королева могла оказать ему милость и взять под свою защиту; с другой стороны, «партия мира» при дворе и испанский посол дон Бернардино де Мендоса оказывали на Елизавету весьма сильное давление, пытаясь убедить ее в необходимости наказать Дрейка за его грабежи. О том, что «железный пират» добыл на морях несметные сокровища, стало известно в Англии задолго до его возвращения. Группа советников ее величества во главе с канцлером Берли настаивала на возвращении захваченных ценностей их законным владельцам, предварительно складировав их под надежной охраной в Тауэре. Фрэнсис Уолсингем, Кристофер Хэттон и граф Лейстер, будучи инвесторами приватирского предприятия, решительно возражали против этого. Злые языки утверждали, будто Елизавета была «недовольна Дрейком, узнав о его грабежах в Перу». В свете подобных новостей становится понятно, с каким нетерпением капитан «Золотой лани» ждал ответа королевы. Матросы мило шутили, что его ждет либо королевская тюрьма в Тауэре, либо вызов в адмиралтейский суд.

29 сентября Брюэр достиг Лондона, доставив известие о возвращении Дрейка на родину заинтересованным лицам при дворе. Эта новость сразу же стала известна испанскому послу Мендосе, который написал о ней королю Филиппу. Посол также разузнал, что Дрейк вернулся на родину через Ост-Индию и Южную Африку, совершив, таким образом, кругосветное путешествие.

Спустя некоторое время, получив ответ королевы, капитан «Золотой лани» смог вздохнуть с облегчением. Елизавета приказывала ему явиться к ней во дворец, прихватив с собой наиболее ценные трофеи. В своем письме она передала также секретное указание местному судье Эдмунду Тремейну, приятелю Дрейка, присматривать за находившимися на борту сокровищами.

Дрейк поспешил в Лондон, где поселился в доме на Элбоу-Лейн (где-то между северной оконечностью Саутвик-Бридж и нынешней станцией Кэнон-стрит). Дом, очевидно, принадлежал отцу сэра Джулиуса Кейзера.

Спустя короткое время королева назначила ему аудиенцию в одной из своих резиденций — в Ричмондском дворце. Поборов волнение, капитан вошел в королевские покои и опустился перед ее величеством на колено. К. В. Малаховский так описал эту

встречу:

«Шесть часов за плотно закрытыми дверьми продолжалась беседа с глазу на глаз Елизаветы с „ее пиратом“, как она называла Дрейка. Вероятно, королева не только перебирала тонкими нервными пальцами драгоценные камни, великолепные изделия из золота и серебра и подробно расспрашивала об остальных сокровищах, оставшихся на „Золотой лани“. Дрейк взял с собой карту, на которой был нанесен маршрут плавания, и можно представить себе, как увлекательно рассказывал он об удивительных перипетиях экспедиции. Правда, Дрейк не первым обогнул земной шар, но он был первым капитаном кругосветной экспедиции, проведшим ее с начала и до конца. Надо думать, что не только содержание рассказа Дрейка нравилось королеве, но и звучание его голоса: адмирал говорил с девонширским акцентом, как и новый фаворит „венценосной девственницы“ — Уолтер Рэли».

Во время аудиенции Дрейк рассказал королеве о заключенном с султаном Тернате торговом договоре, передал ей бортовой журнал своего трехлетнего путешествия и пространное письмо с описанием всего вояжа, а также показал многочисленные рисунки и карты побережий.

Прежде чем отпустить «своего пирата» назад в Плимут, Елизавета решила узнать мнение членов Тайного совета о том, что им следует предпринять в создавшейся ситуации. В заседании участвовали лишь пять человек, и они дискутировали в течение шести часов. В конце концов решили произвести опись захваченного серебра и отправить его на хранение в Тауэр. Когда об этом узнали Лейстер, Хэттон и Уолсингем, не присутствовавшие на заседании, они категорически отказались поставить свои подписи под упомянутым решением. Переговорив с королевой наедине, высокопоставленные инвесторы экспедиции добились ее согласия приостановить исполнение принятого на совете решения; одновременно был пущен слух, что Дрейк привез на родину не очень много денег.

Тем временем Дрейк вернулся в Плимут, имея на руках приказ Елизаветы принять участие в описи находившихся в трюме «Золотой лани» сокровищ. Судья Тремейн должен был провести регистрацию сокровищ, но лишь после того, как Дрейк заберет из добычи наиболее ценные вещи (секретным распоряжением королевы от 22 октября 1580 года ему разрешалось взять для себя 10 тысяч фунтов стерлингов и столько же раздать членам команды). Зарегистрировав оставшиеся ценности, Тремейн должен был обеспечить их перегрузку на берег и отправку под надежной охраной в Лондон. Там сокровища надлежало показать

ее величеству и, наконец, перевезти на хранение в Тауэр.

8 ноября того же года судья Тремейн написал Уолсингему отчет о том, как происходила регистрация захваченных в ходе кругосветной экспедиции трофеев: «Чтобы дать вам представление, как я действовал вместе с Дрейком, должен сказать, что у меня не было времени подсчитать стоимость сокровищ, которые показывал мне Дрейк. И, сказать правду, я просил его показывать мне не больше того, что он сам считал нужным, и от имени ее величества приказал, чтобы он не говорил о действительной стоимости ни одному живому существу. Я брал для взвешивания, регистрации и упаковки только то, что он мне передавал… И, выполняя секретный приказ ее величества о том, чтобы у него остались ценности на сумму 10 тыс. ф. ст., мы договорились, что он возьмет их себе и тайно вынесет до того, как мой сын Генри и я придем взвешивать и регистрировать то, что останется. Так и было сделано, и ни одно живое существо об этом не знает, кроме него и меня…»

Сокровища, тайно выгруженные на берег, были укрыты в замке Сэлтеш-Касл. Через некоторое время — очевидно, в середине октября — Дрейк снова отправился в Лондон. На сей раз он взял с собой несколько лошадей, нагруженных золотыми и серебряными изделиями, и привез эти сокровища в королевскую резиденцию Сион-Хаус в Ричмонде.

Узнав о встречах Елизаветы с Дрейком и полученных ею сокровищах, испанский посол потребовал от ее величества немедленной аудиенции. В ходе встречи Мендоса рассказал королеве о жестоком обращении членов команды Дрейка с пленными испанцами и многочисленных грабежах, учиненных ими в водах Испанской Америки. Однако едва Мендоса заикнулся о возвращении награбленных сокровищ, Елизавета резко прервала его и стала на пальцах перечислять все грехи подданных короля Филиппа в отношении Англии. Она указала на неоднократные случаи преследования ее подданных во владениях испанского монарха, отчитала Мендосу за участие испанских войск в боевых действиях против англичан в Ирландии и, наконец, потребовала от короля Филиппа письменного извинения за вмешательство в ее внутренние дела.

Выслушав пламенную речь Елизаветы, Мендоса, задыхаясь от ярости, воскликнул:

— Что ж, если меня не слушают, пусть заговорят пушки!

Королева холодно ответила:

— Если вы будете говорить со мной подобным тоном, я посажу вас в такое место, где вы вообще не сможете говорить. Мендоса вынужден был прикусить язык.

Желая снять с себя обвинения, выдвинутые испанским послом, Дрейк попросил своих людей (которые все еще находились в Плимуте) подписать заявление о том, что в ходе экспедиции они никогда не топили испанские суда с командами и пассажирами и не истязали пленных. Кроме того, они утверждали, что не знают, сколько именно было захвачено золота и серебра, но, по их убеждению, молва слишком уж преувеличила их количество и реальную стоимость.

24 октября королева распорядилась перевезти все сокровища, еще остававшиеся в Плимуте, в столицу. Они были доставлены в Сион-Хаус в первой половине ноября.

Сколько же сокровищ привез Дрейк на родину? По оценкам экспертов, они могли стоить примерно полмиллиона фунтов стерлингов в ценах второй половины XVI века. По описи, сохранившейся в британских архивах, одни только серебряные слитки, перевезенные 24 декабря из королевской резиденции в Ричмонде в сокровищницу казначейства в Тауэре, весили 32 488 фунтов, что составляет 14,6 тонны (в пересчете на монетный вес — 23 411 фунтов и 11 унций). Кроме того, в Тауэр попало на хранение пять слитков золота длиной по 45 сантиметров каждый (монетный вес — 101 фунт и 10 унций) и некоторое количество драгоценных камней.

Согласно информации одного из современников, добыча Дрейка за вычетом подарков королеве и вельможам оценивалась в 1 189 200 дукатов, или 326 530 фунтов стерлингов. Общая сумма выручки, включая дивиденды пайщикам и стоимость золота и серебра, сданных казне, составила почти 500 тысяч фунтов стерлингов. На снаряжение же экспедиции было затрачено около 3600 фунтов стерлингов. Для сравнения отметим, что годовой доход британской казны составлял тогда 300 тысяч фунтов стерлингов.

Оценивая прибыльность кругосветной экспедиции Дрейка, Льюис Робертс, член Ост-Индской и Левантийской компаний, в своей книге «Купеческая карта торговли» (1638) писал:

> «Эта экспедиция принесла доход ему самому и купцам Лондона, его партнерам и друзьям-авантюристам; согласно отчету, составленному после его возвращения, все издержки и выплаты, которые я видел, подписаны его собственной рукой и составляют 47 ф. ст. на каждый 1 ф. ст.; так что тот, кто рискнул вместе с ним в этой экспедиции 100 ф. ст., получил за них 4700 ф. ст., из чего можно заключить, насколько прибыльной она оказалась…»

Бернардино де Мендоса с горечью писал королю Филиппу из Лондона: «Дрейк тратит больше денег, чем кто-либо в Англии, и, соответственно, все, кто прибыл с ним, делают то же самое. Он передал королеве корону, которую я описывал в предыдущем письме… Она появилась в этой короне в день Нового года. В ней пять изумрудов, и три из них размером с мизинец имеют овальную форму и совершенно прозрачны, а два прочих, которые поменьше, круглые». Мендоса оценил их в 20 тысяч крон. В тот же день Дрейк подарил Елизавете алмазный крест ценой в пять тысяч крон, раздал богатые дары канцлеру казначейства, советникам и секретарям, а щедрее всех одарил фаворита королевы — графа Лейстера. От взяток отказался лишь лорд Берли. «Он предлагал Берли десять слитков чистого золота стоимостью 300 крон каждый, — доносил испанский посол, — но тот отказался от них, сказав, что не знает, как его совесть может позволить ему принять подарок от Дрейка, который украл все, что у него есть. Он давал [графу] Сассексу блюда и вазы стоимостью 800 крон, но они также были отвергнуты по той же причине. Канцлер получил на 800 крон столового серебра, и все советники и секретари получили свою долю таким же образом. Лейстеру досталось больше всех. Королева оказывает Дрейку необычайное покровительство…»

Желая отблагодарить Дрейка за его щедрые «подарки» и премировать его за кругосветное путешествие, Елизавета, по свидетельству Мендосы, распорядилась выдать ему 10 тысяч фунтов стерлингов из денег, размещенных в Тауэре.

Интересно отметить, что некоторые члены Тайного совета предлагали испанскому послу 50 тысяч крон только за то, чтобы он в депешах королю Филиппу смягчил свои высказывания по поводу Дрейка и его экспедиции. Оскорбленный Мендоса отказался от взятки, но не стал устраивать из-за этого предложения скандал. Как заметил один из придворных, «он не угрожал, он не настолько глуп».

Богатства, привезенные Дрейком из кругосветного путешествия, быстро сделали его имя популярным. На родине он, без преувеличения, стал национальным героем. По словам Джона Стоу, «при дворе, в городе и сельской местности его имя и слава стали предметом восхищения во всех местах; люди ежедневно собирались толпами на улицах, чтобы увидеть его, торжественно обещая возненавидеть всех, кто станет хулить его».

Известные правители, политики и общественные деятели на континенте не могли не заметить нового кумира англичан. Генрих Наваррский, прослышав об удивительном плавании Дрейка, просил прислать ему копии карт с отмеченным на них маршрутом экспедиции; принц Вильгельм Оранский пожелал выбить в честь прославленного навигатора медаль, а король Дании — назвать его именем один из кораблей своего военно-морского флота.

Сообщая Филиппу II о милостивом отношении Елизаветы к Дрейку, испанский посол писал, что капитан «проводит много времени с королевой, у которой он в большом фаворе и которая говорит, что он сослужил ей великую службу». Мендоса слышал, как королева «сказала, что хочет возвести его [Дрейка] в рыцари в тот день, когда придет посмотреть на его корабль. Она приказала, чтобы корабль был приведен к берегу и поставлен в ее арсенале близ Гринвича в качестве диковинки».

4 апреля королева действительно прибыла на причал, у которого стояла отремонтированная, свежевыкрашенная и расцвеченная флагами «Золотая лань». Чтобы пройти на борт галеона, с берега к нему протянули деревянный мост. На нем, по словам Стоу, скопилось более двухсот человек, желавших стать свидетелями знаменательного события. В результате мост не выдержал и рухнул в Темзу, но, к счастью, никто из людей не погиб. К приезду королевы все было восстановлено.

Рассказывая о необычном визите королевы на «Золотую лань», К. В. Малаховский писал:

> «Елизавета прибыла на корабль в сопровождении де Маршомона, представителя герцога Алансонского, брата короля Франции. Он должен был начать переговоры о женитьбе герцога на английской королеве. 48-летняя Елизавета, казалось, всерьез решила положить конец своему затянувшемуся девичеству. Мендоса с большой тревогой сообщает об этом Филиппу. Еще бы, ведь герцог Алансонский претендовал на нидерландский престол. Брак с ним Елизаветы — прямой вызов Испании. Но Филиппа новая матримониальная затея „королевы-девственницы“ особенно не беспокоила. Он был уверен, что это очередной ее ход в политической игре… Но в день посещения „Золотой лани“ Елизавета всячески подчеркивала посланцу жениха свое расположение… Трубили трубы, раздавалась барабанная дробь. Дрейк склонил колено перед королевой. Елизавета, держа меч, пошутила, что король Филипп требует от нее

возвращения привезенных Дрейком богатств вместе с головой пирата. Сейчас в ее руках золоченый меч, чтобы казнить Дрейка. Обратившись затем к де Маршомону, она отдала ему меч и попросила продолжить церемонию. Де Маршомон возложил меч на плечо Дрейка. Королева обдумала и это. Церемония теперь как бы символизировала англо-французское содружество против Испании, ведь королева вместе с представителем французского королевского дома возвеличивала человека, нанесшего ощутимый удар испанскому монарху. Так Дрейк был возведен в рыцарское достоинство. В елизаветинские времена это была очень большая награда. В Англии было всего 300 человек, носивших это звание. Выше их были лишь 60 пэров. Даже могущественный государственный секретарь Уолсингем до конца жизни не удостоился такой чести».

Не чуравшаяся театральных эффектов, Елизавета также объявила, что отныне корабль Дрейка должен стать символом славы нации и будет вечно стоять на приколе в специальном доке. После этого был устроен «такой роскошный банкет, какого в Англии не было со времен Генриха VIII».

В разгар празднества Дрейк раздал офицерам из свиты королевы 1200 крон, а ее величеству подарил большой серебряный ларь и украшенную бриллиантами золотую лягушку — намек на герцога Алансонского, которого Елизавета в шутку любила называть «своей лягушкой». Последний подарок весьма потешил всех участников банкета. В свою очередь королева подарила новоиспеченному рыцарю свой портрет-миниатюру, украшенный драгоценными камнями, и зеленый шелковый шарф, на котором золотыми буквами было вышито: «Пусть милосердие ведет и защищает вас до конца дней».

С посещением «Золотой лани» королевой Елизаветой связан забавный анекдот. Накануне ее визита Дрейк якобы издал по кораблю приказ, гласивший: «Как только королева поднимется на борт, все моряки, став во фрунт, должны повернуть голову направо и прикрыть ладонью правый глаз ввиду ослепительной красоты Ее Величества». Так на флоте, а затем и в армии появился обычай отдавать честь.

Оценивая стремительный взлет «железного пирата» к славе и богатству, Э. Райан отмечал: «С помощью грабежа Дрейк сумел прорваться наверх сквозь все социальные барьеры елизаветинской Англии и стал символом сбывшихся надежд, которые витали в то

время в английском обществе».

В Лондоне и других городах страны начали издавать книги, картины и баллады, написанные в его честь. В своих произведениях поэты сравнивали Дрейка с героями античных мифов и легенд — Давидом, Гераклом, Ясоном, Ахиллом и Одиссеем, а некоторые даже пытались провести параллели между ним, Александром Великим и Ганнибалом. В 1581 году публика с восторгом встретила публикацию анонимной баллады «Песнь о сэре Фрэнсисе Дрейке» и поэмы Николаса Бретона «Слово в похвалу мужественному и благородному джентльмену мастеру Фрэнсису Дрейку, с радостными чувствами от его счастливых приключений». Тогда же художник Николас Хиллиард написал акварелью знаменитый миниатюрный портрет Дрейка, хранящийся ныне в Национальной портретной галерее в Лондоне.

Галеон «Золотая лань» был поставлен на прикол в одном из доков Дептфорда. В выходные и праздничные дни его часто посещали лондонцы и иностранные гости — в каюте Дрейка устраивались банкеты. Правда, в XVII веке интерес к кораблю стал ослабевать, корпус его сгнил, а потом и вовсе развалился. Из его досок сделали кресло, переданное Джону Дэвису, который позже подарил его университетской библиотеке в Оксфорде.

В то время как англичане чествовали своего героя, испанцы полыхали праведным гневом. В 1581–1582 годах посол Мендоса неоднократно пытался добиться от Елизаветы и ее министров возврата награбленных Дрейком сокровищ и наказания его за пиратские действия у тихоокеанских берегов Испанской Америки, но безрезультатно. В одной из бесед с Мендосой королева откровенно заявила, что не усматривает в действиях своего корсара состава преступления. Старинные хроники передают слова Елизаветы следующим образом: «Испанцы навлекли на себя эти неприятности своей несправедливостью в отношении англичан, которых они исключили из торговли с Вест-Индией. Королева не признает законным положения, при котором ее подданные или подданные других наций лишились возможности посещать Индии на том основании, что страны эти дарованы королю Испании папой, право которого на передачу Нового Света королю Испании королева не признает… Этот дар не является правомерной акцией, а воображаемое право не может помешать другим государям вести торговлю в тех странах или основывать колонии в тех местах, где нет испанских поселенцев. Запрещение без истинного владения — недействительно. Более того, все свободно могут плавать по тому океану, так как использование моря и воздуха не имеет ограничений. Ни одна нация, ни один человек не могут иметь права на океан и воздух, так как ни суть

природы, ни общественная практика не допускают какого-либо владения ими».

Таким образом, Елизавета дала понять испанскому послу, что не только уже совершившиеся, но и будущие плавания англичан в воды Нового Света она не собирается рассматривать как незаконные деяния.

Рыцарское звание обязывало сэра Фрэнсиса обзавестись собственным гербом и поместьем. Королева пожаловала своему «морскому псу» такую привилегию — за заслуги «Фрэнсиса Дрейка, рыцаря, обошедшего земной шар с востока на запад и открывшего в южной части мира много неизвестных мест».

Дрейк решил купить большой дом возле Йелвертона (в 12 милях к северу от Плимута), принадлежавший опытному мореходу и отважному корсару Ричарду Гренвиллу. Он назывался Бакленд-Эбби — Баклендское аббатство, поскольку в прошлом являлся обычной монастырской церковью. Уже через два месяца после возвращения Дрейка из кругосветной экспедиции два его агента, адвокаты Джон Хил из Плимута и Кристофер Харрис из Плимстока, начали вести переговоры с Гренвиллом о покупке указанного имения. Согласно договору Дрейк должен был предоставить владельцу Бакленд-Эбби ссуду в размере 3400 фунтов стерлингов за право поселиться в имении и распоряжаться его мебелью и 500 акрами земли. Если Дрейк пожелает содержать дом за свой счет до марта 1584 года, он сможет получить его в собственность без дополнительных выплат. Если нет, то он вернет дом Гренвиллу, забрав назад свою ссуду.

По данным Дж. Камминса, в августе 1581 года Дрейк покинул арендованный дом в Плимуте, из чего можно предположить, что именно в это время капитан переехал на жительство в Бакленд-Эбби. Впрочем, официальное вступление Дрейка во владение указанным имением документально зафиксировано лишь с ноября 1582 года.

В сентябре 1581 года Дрейка избрали мэром Плимута и «капитаном форта и острова Сент-Николас». Понятно, что исполнение новых обязанностей потребовало от него частых поездок в город (когда верхом на лошади, когда на лодке, спускаясь вниз по реке). Будучи городским головой, сэр Фрэнсис принял деятельное участие в разработке проекта по строительству водовода длиной более 17 миль, который должен был обеспечить жителей Плимута водой из реки Миви. Когда срок исполнения обязанностей мэра истек, Дрейк занял должность главного судьи города. На расходы ему выделяли десять фунтов, из которых один фунт он отдавал на содержание тюрьмы.

Занимая один из высших постов в городском самоуправлении

Плимута и располагая огромным состоянием, сэр Фрэнсис начал активно вкладывать деньги в недвижимость. В октябре 1582 года он потратил 1500 фунтов стерлингов на покупку и отчасти аренду сорока земельных участков. Кроме того, он взял в аренду плимутские городские мельницы. В том же году королева подарила Дрейку манор Уэст-Шерфорд, находившийся к востоку от Плимута, и передала ему половину манора Яркомб близ Чарда (в восточной части Девона), а в 1583 году он купил его вторую половину. Наконец, Дрейк приобрел живописный манор Сэмпфорд-Спинни на западной окраине Дартмура, в пяти милях от Бакленда, тем самым окончательно утвердив свой статус крупного регионального землевладельца.

Спокойная семейная жизнь сэра Фрэнсиса продлилась, увы, недолго. Его жена скончалась в начале 1583 года, так и не родив ему наследника. В регистрах церкви Сент-Будо, где она когда-то венчалась с Дрейком, сохранилась следующая запись: «Леди Мэри Дрейк, жена сэра Фрэнсиса Дрейка, рыцаря, погребена 25 января».

В это время «железный пират» находился в Лондоне, при дворе, где на Новый год подарил королеве золотую солонку: она была сделана в форме земного шара, покоящегося на спинах двух атлантов; сверху на земном шаре находилась фигура женщины, которая держала в руке горн. Сэр Джулиус Кейзер и сэр Кристофер Хэттон, по-видимому, помогли ему стать членом Иннер-Темпля — почетного общества столичных адвокатов и судей. Это случилось 28 января 1583 года. У Дрейка тут же появились завистники. В анналах Иннер-Темпля записано, что судьи пытались вычислить и наказать дворецких, позволявших себе оскорбительные высказывания в адрес Дрейка (они за глаза называли его «вором и разбойником»).

Спустя полгода после смерти жены сэр Фрэнсис женился во второй раз. Его новой избранницей стала двадцатилетняя Элизабет Сайденхэм — дочь и единственный ребенок богатого землевладельца сэра Джорджа Сайденхэма из Комб-Сайденхэм-Холла (Монксильвер, Сомерсет). До недавнего времени считалось, что их бракосочетание произошло в феврале 1585 года. Однако архивист Робин Буш установил, что запись регистрации брака сэра Фрэнсиса Дрейка и Элизабет Сайденхэм была сделана в домашней часовне Ол-Сентс-Чёрч в Монксильвере в 1583 году, а затем хранилась в семье Сайденхэм. В 1717 году Филипп Сайденхэм из Комб-Сайденхэма скопировал эту запись и отправил ее в Оксфорд мистеру Ханту, преподавателю из Бэльон-Колледжа. Позже письмо Сайденхэма было опубликовано Оксфордским историческим обществом в «Коллекции Томаса Хирна». В нем записано: «Сэр Фрэнсис Дрейк, рыцарь, и Элизабет

Сайденхэм, дочь Джорджа Сайденхэма, вступили в брак 18 июня 1583 года; обряд провел мистер Баррет, архидиакон Экзетера».

Откуда же возникло мнение, что Дрейк вторично женился в 1585 году? Загадка объясняется просто: 9 февраля 1585 года Дрейк подписал завещание, по которому в случае его смерти маноры Яркомб, Шерфорд и Сэмпфорд-Спинни должны были перейти в собственность его жены Элизабет. Данный факт привел многих исследователей к логическому, но ложному выводу, что завещание могло быть подписано Дрейком на следующий день после бракосочетания.

Неизвестно, сколько бы еще времени сэр Фрэнсис провел на суше, скучая по морю, если бы политическая ситуация в стране и Европе не привела к очередному обострению англо-испанских отношений. В январе 1584 года в Лондоне раскрыли католический заговор, направленный против Елизаветы I в пользу шотландской королевы Марии Стюарт. Испанский посол Мендоса, замешанный в заговоре, был арестован и выслан из страны. В июле того же года в Делфте фанатик-католик убил лидера нидерландских патриотов принца Вильгельма Оранского, которому Англия оказывала тайную поддержку. На юге Нидерландов герцог Парма успешно справлялся с подавлением антииспанского восстания, а во Франции смерть от лихорадки герцога Алансонского укрепила позиции ставленника «католической партии» герцога де Гиза — главного претендента на французский престол в борьбе с протестантским королем Наварры Генрихом.

Охлаждение англо-испанских отношений способствовало тому, что королева дала свое согласие на созыв нового парламента и снаряжение нескольких разведывательных, военно-корсарских и колонизационных экспедиций. Еще до открытия сессии парламента сэр Фрэнсис Дрейк был вызван на заседание Тайного совета, где ему предложили возглавить военный поход на Молуккские острова (после того как в 1580 году испанцы захватили Португалию, все ее заморские владения вошли в состав испанской империи). Инвесторами предприятия осенью того же года выступили граф Лейстер, братья Хокинсы, сэр Кристофер Хэттон, сэр Уолтер Рэли, Дрейк и сама королева. Они собрали 40 тысяч фунтов стерлингов, которые пошли на снаряжение одиннадцати кораблей, четырех барков и двадцати пинасов (пай Дрейка составил семь тысяч фунтов стерлингов).

Параллельно с подготовкой экспедиции в Ост-Индию сэр Фрэнсис участвовал в работе парламента, куда был избран от Боссини (Северный Корнуолл). По данным С. Джексон и М. Тёрнера, с 27 ноября по 3 декабря 1584 года, находясь в Сент-

Стивенс-Чепеле в Вестминстере, он участвовал в работе комиссии «по обеспечению лучшего проведения воскресных дней», 10 декабря — присутствовал на дебатах по вопросам импорта рыбы, 14 декабря — работал в комиссии по выдаче сэру Уолтеру Рэли патента на колонизацию Виргинии, а 19-го — обсуждал проблемы обеспечения флота необходимым снаряжением. Не забывал он и о проблемах Плимута. Во время заседаний парламента в Миддл-Темпле 19–21 февраля 1585 года на рассмотрение депутатов был подан «Водный билль для Плимута», призванный улучшить водоснабжение города и окрестностей. Строительство водовода должно было обеспечить водой корабли военного и торгового флота; обеспечить город водой для борьбы с пожарами; очистить Саттон-Харбор от ила; улучшить плодородие земель в Дартмуре.

Билль передали в Избранный комитет, возглавляемый Дрейком. Сэр Фрэнсис предложил дополнить его еще одним пунктом — о строительстве на водоводе мельниц. Документ получил королевское одобрение 29 марта и был принят в виде акта «Для сохранения гавани Плимута». Городу разрешили вырыть канал шириной от шести до семи футов «между названным городом Плимутом и любой частью названной реки Мью, или Миви». Однако из-за резкого обострения англо-испанских отношений и нехватки средств выполнение этого проекта пришлось отложить на несколько лет — до 1590 года.

НАБЕГ НА БАЙОНУ И ВИГО

В мае 1585 года Филипп II приказал арестовать в портах Испании и Португалии все английские торговые суда, их грузы и пушки конфисковать, а команды посадить в тюрьмы. Экипажу лишь одного английского судна — «Примроуз», находившегося в порту Бильбао, удалось отбиться от испанцев и благополучно вернуться на родину в июне того же года. С собой моряки привезли в качестве пленника коррехидора Бискайи, а вместе с ним и письменное распоряжение Филиппа II об аресте английских торговых судов и их грузов.

Когда в Англии стало известно о коварстве испанцев и их враждебных действиях, «партию войны» поддержали не только сторонники антииспанской политики, но и большинство представителей «партии мира». Влиятельные лондонские купцы и судовладельцы, понесшие по вине короля Филиппа огромные убытки, объединились для защиты своих интересов и потребовали от правительства выдать им репрессальные грамоты против испанцев. Правительство не возражало, и даже осторожный лорд Берли поддержал эти требования, выполнение которых неизбежно подталкивало Англию к открытой войне с Испанией.

Выдача указанных грамот была санкционирована Тайным советом 9 июля того же года. Ввиду новых политических реалий проект похода Дрейка на Молуккские острова был отложен в долгий ящик, а собранные средства и корабли решено было использовать для нанесения ударов по самой Испании и ее владениям в бассейне Карибского моря. 17 июля граф Уорвик, генерал-капитан королевского арсенала в Тауэре, получил предписание выдать сэру Фрэнсису Дрейку пушки, ядра, лафеты, шуфлы, банники, прибойники, губки и иное снаряжение для двух королевских кораблей — «Элизабет Бонавенчур» и «Эйд», включенных в состав экспедиции. Примерно в это же время из королевского арсенала на указанные корабли передали бочки с порохом, фитили, мушкеты, луки со стрелами, алебарды, бердыши, рогатины, копья, пики и топорики-секачи.

Вест-индская экспедиция 1585–1586 годов снаряжалась как в Лондоне, так и в Плимуте. Наиболее полный отчет о ней под названием «Краткий и правдивый трактат о вест-индской экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка, в ходе которой были захвачены города Сант-Яго, Санто-Доминго, Картахена и Сант-Аугустин», был напечатан в Лондоне в 1589 году. Редактором этого отчета был непосредственный участник указанного

предприятия лейтенант Томас Кейтс, который не скрывал, что в основе его сочинения лежали записки Уолтера Биггса, капитан-лейтенанта отряда пехотинцев, также принимавшего участие в экспедиции Дрейка. Поскольку Биггс умер во время похода, заключительная часть его трактата была дописана лейтенантом Крофтсом или кем-то еще из того же отряда. Двум английским изданиям 1589 года предшествовало малоизвестное голландское издание 1588 года, опубликованное в Лейдене на латинском языке. Однако текст, подготовленный к печати Кейтсом, оказался более информативным и более точным. Опираясь на него, а также на иные документальные свидетельства того времени (включая «Трактат и описание экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка и м-ра капитана Фробишера, отплывших 14 дня сентября 1585 года», судовые журналы, отчеты должностных лиц, письма капитанов и купцов), мы можем достаточно подробно проследить перипетии вест-индского предприятия 1585–1586 годов.

Организаторы экспедиции наняли в общей сложности от 2300 до 2500 моряков и солдат. Заместителем Дрейка — генерал-лейтенантом — был утвержден зять Уолсингема сэр Кристофер Карлейл, уже имевший опыт боевых действий как на море, так и на суше (в частности, в Ирландии, где он оперировал с небольшой эскадрой против пиратов и «мятежников»), Карлейл возглавил сухопутные части и в то же время был утвержден капитаном 200-тонного судна «Тайгер». Другими офицерами, командовавшими солдатами, были сержант-майор Энтони Пауэлл, «полевые капралы» Мэтью Морган и Джон Сэмпсон, капитаны Энтони Платт, Эдвард Уинтер (старший сын адмирала сэра Уильяма Уинтера, упоминаемый также как капитан корабля «Эйд»), Джон Горинг, Роберт Пью, Джордж Бартон, Джон Марчент, Уолтер Биггс, Уильям Сесил (в издании мемуара Биггса 1588 года он назван в числе флотских командиров), Джон Хэннам и Ричард Стэнтон.

Биггс приводит также список флотских капитанов и судов, которыми они командовали: «Капитан Мартин Фробишер — вице-адмирал, человек весьма опытный в морских делах, на котором лежал груз ответственности за многие корабли в различных прошлых экспедициях, теперь шедший на „Примроуз“; [кузен королевы] капитан Фрэнсис Ноллис — контр-адмирал, идущий на галеоне „Лейстер“; мастер Томас Феннер — капитан на [флагманском галеоне] „Элизабет Бонавенчур“, под командованием генерала [Дрейка]; мастер Эдвард Уинтер — капитан на „Эйде“; мастер Кристофер Карлейл — генерал-лейтенант, капитан „Тайгера“; Генри Уайт — капитан „Си Дрэгона“; Томас Дрейк — капитан „Томаса“; Томас Сили —

капитан „Миньона“; [Уолтер] Бейли — капитан „Талбота“; Роберт Кросс — капитан барка „Бонд“; Джордж Фортескью — капитан барка „Боннер“; Эдвард Кэрлесс — капитан „Хоупа“; Джеймс Эризо — капитан „Уайт лайона“; Томас Мун — капитан „Фрэнсиса“; Джон Риверс — капитан „Вантиджа“; Джон Воан — капитан „Дрейка“; Джон Вэрни — капитан „Джорджа“; Джон Мартин — капитан „Бенджамина“; Эдвард Гилман — капитан „Скаута“; Ричард Хокинс — капитан галиота „Дак“; Битфилд — капитан „Своллоу“». Всего — 21 корабль. В то же время список кораблей с указанием численности их команд, составленный в Плимуте в августе 1585 года, не во всем совпадает с данными Биггса и выглядит следующим образом:

1. «Элизабет Бонавенчур»	250
2. «Примроуз»	180
3. «Галеон Лейстер»	180
4. «Эйд»	120
5. «Тайгер»	100
6. «Си Дрэгон»	90
7. «Томас», иначе «Барк Хастинг»	100
8. «Миньон оф Плимут»	100
9. «Барк Талбот»	85
10. «Уайт лайон»	75
11. «Барк Бонд»	75
12. «Хоуп»	75
13. «Барк Боннер»	70
14. «Барк Хокинс»	70
15. Корабль сэра Уильяма Мохонса	75
16. «Бенджамин»	45
17. «Вантидж»	40
18. «Фрэнсис»	35
19. «Спидвелл»	30
20. «Джордж»	30
21. «Скаут»	20
22. «Мэтью»	55 [25]
23. Галера для сопровождения [«Дак»]	10
24. Четыре малых гребных пинаса, которые вышли из Лондона, чтобы плыть с остальными	20
25. Четыре пинаса из Плимута	25
Итого	1925 человек.

Расхождения, имеющиеся в данных Биггса и приведенном

выше списке, можно объяснить тем, что к моменту выхода флота в море в его составе произошли определенные изменения: вероятно, не все суда смогли отправиться в поход, да и численный состав участников экспедиции также мог измениться. В ходе плавания флот иногда пополнялся трофейными судами, тогда как часть судов, наоборот, покинула экспедицию (например, барк «Спидвелл» капитана Филиппа Спэрроу отбился от флота во время шторма в районе испанской гавани Байона и вынужден был вернуться в Англию).

Из списка капитанов видно, что вместе с Дрейком в антииспанский рейд отправлялись его родной брат Томас; сын Джона Хокинса — молодой Ричард Хокинс; знаменитый мореплаватель и первооткрыватель Мартин Фробишер, а также участники кругосветного плавания Дрейка — Том Мун, Джордж Фортескью, Джон Мартин и Эдвард Кэрлесс (последний был известен как один из лучших математиков и инженеров своего времени). Ряд источников называет среди участников похода также мастеров (шкиперов) Джона Гранта, Джона Хэмптона, Гриффита Херна, Абрахама Кендалла и Джона Ньюсома. В числе лейтенантов значились Томас Кейтс, Александр Старки, Томас Такер, Крофтс, Уотерхаус и другие. Капелланом экспедиции был Филипп Николс, переводчиком — некий Джонас.

Лишь два корабля из состава флота принадлежали короне — 600-тонный «Элизабет Бонавенчур» и 250-тонный «Эйд» (королева оценила их вместе со всем снаряжением в 10 тысяч фунтов стерлингов, но эта оценка представляется явно завышенной). Остальные суда были собственностью частных лиц. Граф Лейстер был владельцем 400-тонного «Галеона Лейстер» и, возможно, барка «Спидвелл». Часть судов принадлежала графу Шрусбери, лорду-адмиралу сэру Чарлзу Хоуарду и адмиралу сэру Уильяму Уинтеру. Джон Хокинс был владельцем четырех и совладельцем еще пяти судов. Дрейку принадлежали 200-тонный «Томас», а также небольшие суда «Фрэнсис», «Мэтью» и, по всей видимости, «Элизабет». Кроме того, вместе с Хокинсом он был совладельцем еще нескольких кораблей. Остальные судовладельцы были представлены купцами из Лондона и западных графств.

Инвесторы и высокие покровители Дрейка торопили его с отплытием, опасаясь, как бы королева в последний момент не передумала и не отменила задуманное предприятие. Лорд Берли, получив письмо Дрейка из Плимута, с плохо скрываемым нетерпением ответил ему, что хотел бы уже получить от него известия из какого-нибудь испанского порта.

О широком резонансе, который вызвала в английском обществе готовившаяся экспедиция, свидетельствует появление

на свет поэмы Генри Робертса «Прощание с сэром Фрэнсисом Дрейком» («A Farewell to Sir Fraunces Drake», 1585), которую поэт посвятил адмиралу в связи с его отплытием в Новый Свет.

Когда снаряжение экспедиции подходило к концу, Дрейку сообщили о прибытии нежданного гостя. Им оказался сэр Филипп Сидней, племянник графа Лейстера и зять Уолсингема, к тому же новый фаворит королевы. Эта история была подробно описана Фалком Гревилом, другом Сиднея, но правдивость ее вызывает у исследователей сомнения. Сэр Филипп якобы объявил Дрейку, что, поскольку королева категорически запретила ему отправиться на войну в Нидерланды, он решил стяжать славу героя в морском предприятии.

«Не было печали, так черти накачали», — проворчал Дрейк, представив себе реакцию королевы на очередную выходку взбалмошного молодого повесы. Елизавета запросто могла заподозрить адмирала в сговоре с ее любимчиком и вообще отменить экспедицию. А если нет, то королевский фаворит мог легко потеснить Дрейка на посту командующего. В любом случае, необходимо было срочно предпринять контрмеры. В Лондон был отправлен гонец с письмами к Уолсингему и лорду Берли. Ответ королевы, как и следовало ожидать, оказался не в пользу сэра Филиппа. Посланец Елизаветы доставил из столицы сразу три письма: одно — для Дрейка, в котором адмиралу запрещалось брать в плавание Сиднея; другое — для Сиднея, приказывавшее ему вернуться ко двору; третье — мэру Плимута с приказом взять молодого искателя приключений под стражу, ежели тот ослушается монаршего приказа. Сидней не рискнул ослушаться. Дрейк вздохнул с облегчением.

12 сентября моряки и солдаты были спешно посажены на суда, в трюмах которых уже громоздились бочки и ящики с провиантом. Сохранившаяся опись продуктов упоминает о большом количестве говядины и свинины, сушеной рыбы, галет, муки, гороха, вина и пива, «не считая бекона, масла, сыра, меда, растительного масла, уксуса и ржи».

14 сентября 1585 года, воспользовавшись попутным ветром, флот Дрейка под белыми флагами с изображенными на них красными крестами Святого Георгия вышел из Плимутской гавани в открытое море. Как не без юмора заметил Э. Райан, «этот принц морских партизан, который поднялся от главаря партизанской шайки до командующего силами, частично снаряженными и поддержанными правительством, снова отправился в поход». Однако погода не долго благоприятствовала участникам экспедиции. Ветер вдруг занервничал, начал менять направление, и судам пришлось лавировать, чтобы удерживать

генеральный курс.

Из судового журнала «Тайгера» можно узнать, что после полудня сэр Кристофер Карлейл и другие капитаны прибыли на борт флагмана на совещание. Дрейк зачитал им ряд приказов, касавшихся управления флотом, затем все поужинали и разъехались по своим кораблям.

На рассвете 15 сентября ветер был слабый, над морем висел туман. Флот болтался на траверзе Фалмута. В это время, после утренней службы, Дрейк «вызвал всех капитанов и мастеров к себе на борт, где вручил каждому приказы и директивы по флоту». К вечеру ветер усилился, и на северо-востоке был замечен мыс Лизард — крайняя юго-западная оконечность Великобритании. Ночью подул норд-ост, позволивший кораблям экспедиции направиться в открытый океан.

В четверг 16 сентября погода ухудшилась; усилившиеся ветер и волнение вновь заставили суда лавировать, постоянно меняя галсы. «Миньон», плохо слушавшийся руля, в конце концов налетел на «Тайгер» и разорвал ему своим бушпритом фок. «Они разбили наш нос и нижний ватервельс, — записано в журнале „Тайгера“, — но не причинили большого ущерба. Освободившись, мы были вынуждены убрать все наши паруса и снять фок с реи для починки; в то же время мы подали сигнал тревоги адмиралу и остальному флоту, стреляя из пушек и вывесив огонь, который вынудил их всех остановиться и ждать, пока мы установим марсели; потом, спустя два или три часа, наш фок был снова установлен на рее. Всю ночь мы шли курсом на Фалмут, пока утром не подул благоприятный ветер… Около 3 часов пополудни [мыс] Лизард находился от нас к северу…»

Запись в журнале «Тайгера» от 17 сентября сообщает, что погода в тот день была ясная и сэр Кристофер Карлейл в очередной раз отправился на борт адмиральского галеона. Там, после обеда, Дрейк отвел Карлейла и Фробишера в сторону и «объявил… свою диспозицию, предложив либо Францию, либо Ирландию на случай какого-нибудь непредвиденного обстоятельства». Адмирал все еще опасался, что «перемена во взглядах ее величества» может привести к отмене уже начавшегося предприятия, поэтому и предложил своим помощникам в качестве рандеву побережья соседних стран, где гонцам Елизаветы было бы гораздо труднее отыскать корабли экспедиции, нежели в гаванях Англии. Побеседовав с Карлейлом и Фробишером «о многих вещах относительно вояжа», Дрейк заверил обоих, что всецело доверяет им и готов прислушиваться к их советам и рекомендациям. Восхищаясь дипломатическим талантом адмирала, Карлейл записал в журнале, что «никогда

еще не имел дела с человеком более разумным и более осмотрительным».

На следующий день, в субботу, англичане встретили 60-тонное французское судно из Нормандии, которое возвращалось домой с Большой Ньюфаундлендской банки с уловом рыбы. Выяснив у шкипера, откуда он идет, что видел и что слышал, Дрейк позволил ему следовать дальше.

В воскресенье 19 сентября, ближе к вечеру, в наветренной стороне от флота был замечен подозрительный корабль, принадлежавший, по всей видимости, французским корсарам. Следя за его маневрами, Дрейк предположил, что незнакомец хочет с наступлением темноты приблизиться к судам экспедиции и «на рассвете захватить какое-нибудь из них». Чтобы не допустить этого, адмирал приказал Карлейлу внимательно следить за всеми перемещениями незнакомого корабля, а потом поступить с ним по своему усмотрению. «Сияла луна, — сообщает Карлейл. — Этот малый приблизился к флоту настолько близко, насколько мог… Тогда и я подошел к нему так близко, как только мог, чтобы можно было отличить его от остальных… Но он, видя, что я направился к нему под всеми парусами, повернул обратно… Мы потеряли его из виду и больше ничего о нем не слышали».

22 сентября участники экспедиции, находясь недалеко от побережья Галисии, увидели в подветренной стороне два неизвестных корабля. Кристофер Карлейл на «Тайгере» тут же бросился в погоню за одним из них, грузоподъемность которого, по разным данным, варьировалась от 150 до 250 тонн; Дрейк на «Элизабет Бонавенчуре» двинулся следом за «Тайгером». Принудив незнакомца спустить паруса, Карлейл запретил своим людям подниматься на борт задержанного судна до подхода флагманского корабля. Допрос шкипера и его помощников показал, что судно и его груз ньюфаундлендской сушеной рыбы принадлежали баскам из порта Сан-Себастьян (провинция Гипускоа на севере Испании), а большая часть команды была набрана в соседних городах Пасахес и Сен-Жан-де-Люз. Карлейл в письме Уолсингему отмечал, что на указанном рыболовном судне были найдены также различные папские «буллы прошения» (индульгенции), которые члены команды купили для себя перед выходом в море. Поскольку Дрейк нуждался в дополнительных запасах провианта, то объявил задержанное судно и его груз «добрым призом».

На следующий день, достигнув северо-западной оконечности Пиренейского полуострова, англичане очутились на траверзе бухты Мурос-и-Ноя. Здесь, по данным Биггса, они увидели десяток небольших парусников, которые быстро двигались вдоль

побережья (Карлейл упоминает о восьми-девяти небольших кораблях, еще один источник — о пяти судах). Дрейк приказал Фробишеру взять несколько пинасов с вооруженными людьми и догнать незнакомцев. При виде приближающихся пинасов большая часть команд преследуемых барков в страхе бежала на берег. Осмотрев призы и допросив пленных, оказавшихся французами, англичане установили, что они ходили в Лиссабон продавать пшеницу, а теперь возвращались домой с грузом соли. Один из трофейных барков — «Магдален» грузоподъемностью до 45 тонн, принадлежавший Жаку Пьошо из городка Сабль д'Олон, — так понравился Дрейку, что он решил включить его в состав экспедиции и дать ему свое имя (позже, уже вернувшись из похода, адмирал возместил владельцу судна его стоимость — 2800 крон).

24 сентября, согласно данным «Трактата и описания экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…», флот повстречал целую флотилию, состоявшую из двадцати английских приватирских судов. Они были приписаны к Лондону, Бристолю, Хэмптону и другим портам и возвращались на родину после сожжения португальского порта Виана-ду-Каштелу. Приватиры изъявили желание присоединиться к экспедиции, «чтобы сжечь Байону и Виго».

В воскресенье 26 сентября на море установился штиль, и течения отнесли английский флот к островам Сиэс, лежащим к северу от Байоны — прибрежного городка, расположенного на входе в бухту Виго. Здесь, по утверждению Карлейла, они захватили 60-тонный французский барк из Сен-Мало. На борту этого приза находился груз сахара, который, по словам пленных матросов, был куплен на Мадейре. Англичане не поверили им, поскольку никаких документов на борту трофейного судна не было найдено, часть команды, включая капитана и старшего артиллериста, была убита, часть — ранена. Данные обстоятельства навели Дрейка на мысль, что французский приз был не торговым, а корсарским судном, которое охотилось за испанскими и португальскими кораблями и, очевидно, пострадало в одном из недавних сражений.

Утром 27 сентября англичане захватили испанскую рыбачью лодку, а около часа дня весь флот стал на якорь примерно в двух лигах от Байоны. Отряд численностью до двухсот человек занял один из островов, на котором солдаты ограбили часовню и унесли с собой сундук с ризой и иными вещами сбежавшего священника. В то же время был отдан приказ по кораблям готовить пинасы и баркалоны для высадки в порту Байоны десанта; его численность доходила до семисот человек. По

словам Биггса, «генерал сел в свою галеру, которая тоже была хорошо снаряжена, и направился к городу Байона с намерением, ежели на то будет воля Всевышнего, неожиданно захватить его». Карлейл одной из причин высадки англичан в районе Байоны назвал желание командиров экспедиции обеспечить моряков и солдат достаточным количеством провизии.

В виду угрозы нападения губернатор города Педро Бермудес отправил к командующему английским флотом шлюпку с неким Шортом (или Шарпом) — английским купцом, который долго жил в Испании и мог стать посредником в переговорах. Шорта сопровождали несколько испанцев. Позже упомянутый купец вспоминал: «Я был вызван сеньором Педро Бермодисом, который просил меня отправиться на борт и узнать, что это за корабли. Поднявшись на борт, я был несколько смущен, но, как решительный человек, все же приблизился к сэру Фрэнсису, который, уверяю вас, встретил меня учтиво и поинтересовался, зачем я прибыл». Шорт ответил, что губернатор прислал его узнать, что за гости появились возле порта, и заверил, что если англичане пришли с миром, он позволит им взять все необходимое.

Дрейк отправил к губернатору Байоны капрала Джона Сэмпсона. В судовом журнале «Тайгера» сэр Кристофер Карлейл записал: «Капитану Сэмпсону была передана инструкция, что ежели губернатору хочется узнать, кто мы такие, то пусть он заявит ему, что мы были кораблями, отправленными ее величеством, дабы узнать причину ареста ее подданных и захвата здесь их товаров, словно шла открытая война, и что ежели намерение короля Испании состоит в том, чтобы удерживать их силой и тем самым дать повод к войне, тогда мы, соответственно, готовы поступить так же с его людьми и страной, зайдя в этом настолько далеко, насколько удастся. Капитан Сэмпсон начал свою речь с вопроса, желает ли губернатор войны или мира. Ибо, сказал он, наш генерал пришел сюда, в ваш дом, чтобы у вас сохранялся мир, если вы удовлетворите его разумные требования, в противном же случае он развяжет против вас войну… На это губернатор ответил, что начинать войну или заключать мир между двумя государями — не в его компетенции, его полномочия не распространяются столь далеко. Купцы, по его словам, не находятся под арестом и вольны уехать сами и забрать с собой свои товары, если им так будет угодно. Ежели снабжение водой или какими-либо свежими продуктами их страны может понадобиться генералу, он готов с удовольствием предоставить их ему… Тем не менее мы в ответ продолжали двигаться дальше с нашими пинасами, и я с некоторыми другими был отправлен…

следом за ними на пяти небольших гребных яликах, дабы осмотреть, насколько удастся, этот город, описание коего я отправил мастеру секретарю [Уолсингему]. Генерал высадился со своими людьми на берег в безопасном месте (на острове Нуэстра-Сеньора-де-ла-Борхе. — *В. Г.)* и отправил купца Шарпа снова в город… сказать губернатору, что если его ответ будет принят положительно, тогда он [Дрейк], со своей стороны, также использует все мирные средства. И с тем пожелал, чтобы губернатор прибыл к нам самолично для лучшего согласования всех вопросов. Оное было передано через упомянутого Шорта и других купцов, которые приехали вместе с ним, чтобы на следующий день губернатор лично явился к нашему генералу и окончательно закрепил согласованное решение. К тому времени, однако, настала полночь, погода начала портиться, поэтому мы тут же изменили наше первоначальное решение и поплыли… назад, возвращаясь со всей возможной поспешностью к нашим кораблям».

На следующий день разгулялся шторм, заставивший флот переместиться в подветренную сторону, под защиту островов Сиэс. Все же несколько кораблей были унесены в открытое море. Капитан Спэрроу, чей барк «Спидвелл» не смог вернуться к берегам Испании и 9 октября пришел в Портсмут, позже вспоминал, что первым был сорван с якорей «Талбот», затем «Хокинс», а также «небольшой военный корабль из Лондона и каравелла, служившая пинасом как для барка „Рамалдес“ из Лондона, так и для него».

В пятницу 1 октября ветер стих, море успокоилось и англичане решили продвинуться вглубь бухты Виго. «Тайгер» в сопровождении «Томаса» (под командованием Томаса Дрейка), «Фрэнсиса» (под командованием Тома Муна), галиота «Дак» (под командованием Ричарда Хокинса) и нескольких пинасов вошли «в гавань Тисес». Там им удалось захватить три испанские каравеллы, французское судно, пришедшее с острова Терсейра (Азорский архипелаг) и много лодок. На французском призе нашли вино и сахар, на других призах — кожи, соль, лук, чеснок, обручи и доски для изготовления бочек, немного денег и драгоценностей, различную домашнюю утварь, сундук с серебром из кафедрального собора Виго и два позолоченных серебряных креста. Один крест был таким тяжелым, что его едва смогли поднять. Он был оценен в три тысячи дукатов (825 фунтов стерлингов). На такую же сумму англичане оценили всю прочую добычу.

Затем моряки с одного или двух кораблей опустошили прибрежные районы, ограбили несколько монастырей и церквей и

захватили добычу на 30 тысяч дукатов. В ходе этой вылазки четверо мародеров были пойманы испанцами и лишились своих голов (по данным Карлейла, «только один моряк, отставший от своей команды ради грабежа, был убит и обезглавлен»; этот несчастный не был участником экспедиции, так как числился в экипаже приватирского корабля «Джордж Бонавенчур» из Лондона). Генерал-лейтенант отправил на берег 80 солдат под командованием капитана Сэмпсона, чтобы обеспечить отступление и посадку на суда участников грабительской вылазки. При этом люди Сэмпсона повстречали отряд испанцев, насчитывавший около двухсот человек, и обменялись с ним выстрелами. Двое или трое испанцев были убиты, у англичан один человек был ранен в руку.

2 октября Дрейк с большей частью флота покинул острова Сиэс и вошел в бухту Виго, чтобы присоединиться к отряду Карлейла. В тот же день губернатор Галисии, собрав две тысячи пехотинцев и 300 всадников, отправился из Байоны в сторону Виго, подавая с берега сигналы английскому адмиралу. На следующий день на борт флагманского галеона под флагом перемирия прибыли ведущие бюргеры Виго и Байоны, а также «казначей Галисии и Андалусии». Они передали адмиралу, что губернатор хочет переговорить с ним. «Тогда на берег был послан капитан Сэмпсон… чтобы доставить его на борт, — записано в судовом журнале „Тайгера“, — и, подойдя к нему, он [губернатор] сказал капитану Сэмпсону, что джентльмены, находящиеся возле него, не разрешают ему отправиться на борт наших кораблей. Но если наш генерал соизволит прислать двух наших капитанов на берег, тогда он сможет сесть в ялик и встретиться с нашим генералом на расстоянии мушкетного выстрела от берега, каковое сообщение он [Сэмпсон] привез назад к генералу. Наш генерал согласился отправить капитана Эрезо [Джеймса Эриси, или Элиси] и капитана Кросса с их согласия, пожелав к тому же через капитана Сэмпсона, чтобы губернатор, сев в лодку, махнул платком, подав тем самым сигнал генералу. И так они встретились, и два часа говорили и совещались. В каковое время они заключили мирное соглашение, по которому мы могли сойти на берег за водой и торговать, дабы [на вырученные деньги] приобрести провизию… Два наших капитана были посланы к ним на берег в качестве заложников, а они в ответ прислали на корабль нашего генерала двух джентльменов, живших возле Виго».

3 октября, в воскресенье, между англичанами и испанцами происходил интенсивный торговый обмен. В судовом журнале «Тайгера» записано: «…много испанцев прибыло на борт наших

кораблей, а наши люди, соответственно, отправились на берег, где запасались водой. Погода по большей части оставалась весьма дождливой, так что нам не удалось осуществить доставку чего-либо еще, кроме набранной воды… Ветер был весьма противным».

5 октября, примерно в 10 часов, Дрейк приказал флоту сняться с якоря и переместиться на рейд города Виго. На следующий день, в среду, англичане захватили в гавани еще одну рыбацкую каравеллу, команда которой бежала на берег. Тогда же адмирал позволил раздать весь груз сушеной рыбы с призового баскского судна (взятого 22 сентября) кораблям флота.

Утром 7 октября англичане покинули рейд Виго и вернулись к островам Байоны. Здесь в три часа пополудни к флоту присоединился барк «Талбот», унесенный ранее штормовым ветром в море. В тот же день рыболовное судно басков было разбито на берегу и пущено на дрова, а рыбацкая каравелла, захваченная в Виго, продырявлена и отправлена на дно вместе со всем ее уловом.

В субботу 9 октября Дрейк попросил Фробишера и Карлейла взять три пинаса, барк «Джордж» и галиот «Дак», зайти в гавань Байоны, вернуть испанских заложников и забрать на борт своих. Когда шлюпка с испанскими заложниками направилась к берегу, оттуда отчалила шлюпка губернатора с находившимися в ней английскими заложниками — капитанами Эриси и Кроссом. Обмен заложниками осуществили на пол-пути между берегом и английскими пинасами.

Весь день 10 октября флот продолжал оставаться на рейде Байоны, ожидая благоприятного ветра для выхода в море. В тот же день Карлейл передал Титу Джонстону, шкиперу барка «Джонас», письмо для Уолсингема, в котором подробно описал все, что случилось в Байоне и Виго за последнюю неделю.

Наконец 11 октября примерно в восемь часов утра подул устойчивый ветер с севера и адмирал отдал приказ ставить паруса.

ЗАХОД НА КАНАРЫ

Покинув берега Испании, экспедиция пошла на юг, в сторону Канарских островов. Запись в корабельном журнале «Примроуза» уточняет, что вице-адмиральский корабль вследствие штормовой погоды отбился от флота и несколько дней двигался к месту рандеву отдельно от остальных судов. 16 октября он прошел мимо Мадейры, а 17-го благополучно соединился с основным отрядом. В тот же день пропал пинас с шестью моряками, приписанный к флагманскому галеону «Элизабет Бонавенчур», и исчезли из виду несколько пинасов, сопровождавших «Тайгер».

В пятницу 22 октября с борта флагмана были замечены два парусника. Дрейк бросился в погоню «и гнался за ними 6 часов, но не смог поймать их, после чего продолжил свой путь на запад».

23 октября на горизонте показались острова Фуэртевентура и Лансароте, входящие в состав Канарского архипелага, и на следующий день, в воскресенье, флот приблизился к восточной оконечности Лансароте. Дрейк вызвал к себе всех капитанов, и на военном совете было решено «осуществить высадку сил на острове Пальма». Корабли двинулись в западном направлении под малыми парусами. В среду 27 октября, достигнув острова Гран-Канария, участники экспедиции «увидели на востоке парус, за которым тут же погнались; и, приблизившись к нему… нашли, что это был „Фрэнсис“, потерявший… флот 17-го… Он привел с собой генеральские баркалону [пинас] и ялик».

В четверг 28 октября флот очутился в проливе между островами Тенерифе и Пальма. «Мы увидели корабль на западе, — записано в судовом журнале „Тайгера“, — к которому мы отправили наши пинасы, и они установили, что это был военный корабль из Гавра. Они привели его с собой к генералу. День был прекрасный, так что мы могли видеть пик острова Тенерифе — он очень высокий, и на нем всегда лежит снег». Французский капитан снабдил Дрейка ценной разведывательной информацией, а именно: возвращавшийся из Вест-Индии «серебряный флот», насчитывающий 40 судов, недавно проследовал мимо мыса Сан-Висенти в родные порты. Из этого напрашивался вывод, что караулить его в окрестностях Канарских островов англичанам больше не было смысла. Француз также сообщил, что являлся «адмиралом» небольшой флотилии, но, к сожалению, его компаньоны куда-то пропали, и он тщетно разыскивал их теперь в районе Канарского архипелага. Дрейк предложил французскому «адмиралу» присоединиться к нему.

От Тенерифе флот двинулся к главному испанскому

поселению на Пальме — городу Санта-Крус-де-ла-Пальма, расположенному на восточном побережье.

«3 ноября, — сообщалось в английском „Письме с новостями“, — мы прошли вдоль побережья и появились перед Пальмой, где батарея выстрелила в нас и угодила в галерею нашего адмиральского корабля в то время, когда генерал находился на ней; другой выстрел также угодил в борт, но ядро застряло в нем. „Галеон Лейстер“ тоже был обстрелян (как и „Талбот“, которому ядро пробило парус. — *В. Г.)*. Они произвели не менее 23 выстрелов в нашу сторону, но не причинили [значительного] ущерба. Генерал, не обнаружив для своих кораблей якорной стоянки, покинул этот остров и поплыл дальше, пока мы не достигли [острова] Феро (современный Иерро. — *В. Г.)».*

Английские источники, по всей видимости, скрывают отдельные детали того, что произошло в районе Пальмы. Согласно свидетельству одного испанского капитана, Дрейк спустил на воду шлюпки, намереваясь высадить десант в Санта-Крус-де-ла-Пальме и захватить его, но защитники города «предотвратили их высадку и потопили одну из лодок со всеми людьми в ней».

Испанский рехидор Хуан Фернандес Содре писал, что Дрейк появился возле Пальмы с двадцатью четырьмя галеонами и множеством малых судов и лодок; другой рехидор, Бальтасар Гонсалес де Акоста, сообщал, что английский флот насчитывал тридцать кораблей, включая более двадцати весьма крупных.

В четверг 4 ноября, лавируя против ветра, английские корабли приблизились к острову Гомера, лежащему между Тенерифе и Иерро, и в два часа пополудни стали там на якорь. Дрейк, как обычно, собрал всех капитанов на совещание. Было решено отправить барк «Хокинс» и «Фрэнсис» на поиски «Хоупа», отбившегося от флота 2 ноября, и «Скаута», пропавшего 28 октября. Остальные корабли тем временем должны были идти к острову Иерро.

Утром 5 ноября на Иерро был высажен десант численностью от семисот до тысячи человек. Через два или три часа, как пишет Биггс, «местные жители, сопровождаемые молодым человеком, рожденным в Англии… пришли к нам, показывая, что их состояние было столь убогим, что все они находились на грани голодной смерти, и это было похоже на правду».

Другой источник, «Трактат и описание экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…», более подробно освещает эту встречу: «Здесь мы нашли английского мальчика; он спустился к берегу с судьей этого острова и с 20 или 30 другими людьми. Они спросили нас,

чего мы желаем; мы сказали им — масла, вина и воды. Мы усадили мальчика в нашу лодку с большими хлопотами; и мы спросили этого мальчика, как он здесь очутился. Он сказал нам, что был родом из Плимптона, что в Девоне, и что он был оставлен здесь продать пшеницу и кашемир ради брата, который у него имелся, и он провел здесь полгода. Мы расспрашивали его о состоянии здешних мест, но он не рискнул поведать нам об этом; тогда мы забрали двух испанцев в нашу лодку, и они рассказали нам о том, что имелось на острове. После этого мы высадили их на берег и велели доставить к нам овец и коз, масло, или сыр, или оливковое масло, или еще что-нибудь, за что им обещаны были деньги. Мальчик и эти двое пошли к судье и говорили с ним, и он отправил их к нам снова, пообещав дать дюжину коз, но ни одной не прислал.

Мы высадили там примерно 600 человек со всем снаряжением и бродили туда-сюда; осознав, что они ничего нам не пришлют, мы вернулись на борт кораблей и решили на следующий день прочесать весь остров.

Но на следующий день подул благоприятный ветер, и в ту же ночь мы обнаружили четыре наших корабля, которые ранее отбились от нас».

Запись в судовом журнале «Тайгера» уточняет: «Ближе к вечеру мы увидели барк „Хокинс“, „Хоуп“, „Фрэнсис“ и „Скаут“, которые шли к нам».

6 ноября перед обедом Дрейк поднял на мачте флаг, приглашая капитанов на очередное совещание. На нем было решено наказать двух провинившихся моряков погружением в воду с нока реи, «поскольку, имея приказ охранять пинас, они оставили его, отправившись на остров пограбить».

И в тот же вечер «Хокинс» и «Фрэнсис» привели в расположение флота отбившиеся суда, после чего Дрейк приказал взять курс на побережье Западной Африки.

УДАР ПО САНТЬЯГУ

8 ноября слева по борту показались африканские берега. Ветер был слабый, и флот медленно продвигался вдоль выжженного солнцем марокканского побережья на юг, в сторону мыса Бланко. Обнаружив, что глубина уменьшилась до 50 саженей, моряки занялись рыбной ловлей. Следующие два дня в условиях штиля команды продолжали развлекаться ловом рыбы, что позволило пополнить запасы провизии практически на всех судах. Свежий ветер подул лишь к вечеру 10 ноября, и утром 13-го флот достиг мыса Бланко. Обогнув его, английские корабли вошли в бухту, в которой обнаружили четыре французских корсарских судна. Французы приняли корабли Дрейка за испанские и, подняв якоря, попытались уйти в открытое море, но англичане догнали беглецов, вступили в переговоры и быстро рассеяли их страхи. Небольшой французский пинас присоединился к английскому флоту.

Некоторое время моряки занимались рыбной ловлей в районе мыса Бланко, а после полудня Дрейк вновь собрал свои корабли и велел капитанам ложиться курсом на острова Зеленого Мыса.

В «Генеральной карте» экспедиции записано:

«16 ноября мы открыли один из островов Зеленого Мыса, именуемый Бона-Викта [Боавишта].

17 ноября [на рассвете] мы увидели остров Маю и подошли к нему.

17 ноября [вечером] мы также обнаружили остров Сант-Яго [Сантьягу]».

В пять часов корабли отдали якоря у южного побережья Сантьягу, между городами Рибейра-Гранде (он же Сантьягу; ныне — Сидаде-Велья), в котором насчитывалось около семисот каменных домов, и Прая. В «Трактате и описании экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…» сообщается, что португальцы «произвели этой ночью около дюжины выстрелов в сторону наших кораблей, после чего ушли прочь». При этом, уходя, они забрали с собой наиболее ценные вещи, а из трех церквей унесли серебряную утварь и статуи святых.

Английские источники сообщают, что Дрейк высадил на берег отряд численностью от шестисот до тысячи человек. В судовом журнале «Галеона Лейстер» записано: «…около 7 часов вечера мы безотлагательно высадили 220 человек: капитана Карлейла — генерал-лейтенанта, капитана Пауэлла — сержант-майора, капитана Моргана и капитана Сэмсона [Сэмпсона) — полевых капралов, и различных других капитанов… Мой капитан

(сэр Фрэнсис Ноллис. — *В. Г.)* тоже сошел на берег с позволения генералов, ведя за собой 140 человек. Так все вместе мы двигались большую часть ночи дорогой к городу Сент-Якамо, которая была весьма трудной из-за частых гор и скал. И находясь менее чем в одной английской миле от города, мы остановились на отдых до следующего дня, не зная точно, где мы находимся, ориентируясь лишь по крикам людей, лаю собак и пушечным выстрелам, производимым горожанами. А на рассвете мы разделили отряд на три части, намереваясь войти в город тремя различными путями, и сделали это таким образом. Команда моего капитана из 140 человек была объединена с командами „Тайгера“ и „Уайт лайона“, насчитывавшими в целом 250 человек. Они были размещены на правом фланге, возглавляемые моим капитаном, капитаном Сэмсоном и капитаном Платтом. Капитан Сэмсон отобрал из команд „Тайгера“ и „Уайт лайона“ 30 человек, из которых составили четыре линии стрелков и две линии лучников. Ричард Стэнтон, мой капитан-лейтенант, отобрал из нашей команды еще 30 людей такого же сорта… Капитан Пауэлл и капитан Джордж [Бартон] вели столько же людей на левом фланге, Джордж и Горинг возглавляли два таких же отряда, как капитан Сэмсон и мастер Стэнтон. В центре, слегка отставая от остальных, двигался капитан Карлейл с кордебаталией, насчитывавшей 600 человек. Все должны были войти тремя разными путями, но когда рассвело и мы начали движение, мы все увидели людей из города, убегающих в горы, чтобы найти там лучшее убежище…»

Спускаясь по склону горы вниз, англичане отказались от первоначального плана атаковать город с трех сторон и, не встретив никакого сопротивления, довольствовались одной-единственной дорогой. Достигнув городских стен, Карлейл велел Сэмпсону и Бартону взять своих стрелков и знамя с красным крестом Святого Георгия, чтобы водрузить его над крепостью Сан-Фелипе и тем самым дать знать кораблям флота, что город захвачен.

Все жители бежали из Рибейра-Гранде с наиболее ценными вещами еще до прихода англичан. Обнаружив в городе от пятидесяти до шестидесяти бронзовых пушек и 12 бочонков пороха, захватчики произвели салют в честь Дня коронации Елизаветы I (праздник традиционно отмечался в Англии 17 ноября). В ответ флот тоже открыл огонь из всех пушек, так что «было удивительно слышать такой долго не прекращавшийся громоподобный грохот». После этого Карлейл вошел в город вместе с большей частью находившегося под его командованием войска, и пехотные капитаны занялись расквартированием

солдат. К вечеру во всех ключевых местах были расставлены патрули, так что англичане могли не опасаться внезапного нападения португальцев.

Люди Дрейка провели в Рибейра-Гранде две недели, переправляя на борт кораблей вино (его нашли около 100 тонн), масло, муку, оливки, копченое козье мясо, уксус и хлопок, а также хранившиеся на складах побрякушки, предназначавшиеся для торговли с аборигенами Африки и Ост-Индии. Но ни золота, ни драгоценностей, ни денег англичане здесь не обнаружили.

«Расположение Сантьягу [Рибейра-Гранде] несколько необычно, — писал Биггс. — По форме — наподобие треугольника, имеющего на восточной и западной сторонах две горы со скалами и утесами, которые словно нависают над ним; на вершинах указанных гор возведены укрепления для защиты города… К югу от города простирается море; на северной стороне — долина, лежащая между упомянутыми горами… И долина, и город словно зажаты с двух сторон; так что пространство между двумя скалами на этом конце города не превышает двести или двести сорок ярдов. В середине долины протекает речушка со свежей водой, которая возле морского побережья образует пруд или заводь, где наши корабли весьма легко и охотно брали воду. Чуть выше города, с северной стороны, между двумя горами, долина становится шире, чем на городской окраине; указанная долина переходит в огороды и фруктовые сады, изобилующие различными сортами фруктов, овощей и деревьев, таких как лимоны, апельсины, сахарный тростник, кокосы, бананы, картофель, огурцы, малый и круглый лук, чеснок и некоторые другие продукты, названия которых я уже не могу вспомнить».

Один из участников экспедиции сообщает также о множестве тритонов, которых англичане видели в домах и на улицах города, а также об обезьянах, обитавших на окружавших Рибейра-Гранде скалах.

В самой большой из церквей размещался госпиталь. Он поразил захватчиков «прекрасными комнатами», которые содержались в идеальном порядке. Все больные — примерно два десятка человек — оказались неграми, страдавшими от «заразных и страшных болезней». Не обнаружив в церкви сокровищ, англичане довольствовались тем, что сняли с колокольни все колокола и переправили их на борт кораблей.

> «Мы удерживали город девять дней, — читаем в „Трактате и описании экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…“, — и ни один человек не пришел, чтобы оказать нам сопротивление. Когда мы провели там шесть

дней, туда явился один итальянец, который, как мы полагали, был шпионом. Обыскав его, мы нашли у него в сапоге 50 золотых монет; он был мастером-управляющим этого города. Мы посадили его в тюрьму и пытали, чтобы добиться от него признания.

На следующий день мы захватили еще одного и поступили с ним таким же образом. Потом первый сказал, что в доме епископа хранится большой запас сокровищ, которые мы тут же принялись искать, но ничего не нашли. Тогда он сказал нам, что они увезли все свои сокровища в горы.

Другой признался, что некоторое количество пушек и пороха было зарыто в другом городе, не далее как в шести лигах оттуда, и это оказалось правдой.

Когда мы там находились, один из наших людей, стюард с „Эйда“, был повешен за гомосексуальную связь с двумя юнгами на указанном корабле».

Однажды к форту на западной окраине города подошел португалец с флагом перемирия. Ему навстречу были отправлены капитаны Сэмпсон и Горинг.

— Что вы за люди? — спросил их португалец.

— Англичане, — последовал ответ.

— А что, между Англией и Испанией началась война?

— Нам это неизвестно. Но если вы навестите нашего генерала, он сможет дать вам более исчерпывающие ответы.

Капитаны заверили парламентера, что он сможет как свободно прийти в английский лагерь, так и уйти, однако португалец отверг их приглашение, сославшись на то, что прибыл по собственной инициативе, а не по поручению губернатора.

— Тогда передайте вашему губернатору, что если он печется о благополучии своих людей и страны, то пусть придет к нашему благородному и милостивому начальнику сэру Фрэнсису Дрейку, который сможет оказать любезный прием как ему, так и жителям этого города. В противном случае через три дня мы пройдем через вашу страну, сожжем все обитаемые места и предадим мечу всех, кого встретим.

Португалец сказал, что вернется с ответом губернатора на следующий день, но слова своего не сдержал.

Во время стоянки у берегов Сантьягу часть высших офицеров, включая контр-адмирала сэра Фрэнсиса Ноллиса, проявили строптивость и неповиновение главнокомандующему. С одной стороны, будучи аристократом, Ноллис считал его мужланом и выскочкой, а с другой — подозревал как Дрейка, так и Карлейла в

утаивании части добычи. Чтобы пресечь эти происки, Дрейк 20 ноября собрал всех капитанов и велел им дать клятву верности королеве и ему — ее полномочному представителю. Ноллис отказался дать клятву, хотя тут же добавил, что намерен лично заявить о своем верноподданстве ее величеству. На следующий день во время воскресного богослужения капеллан Филипп Николс подверг Ноллиса резкой критике, потребовав исключить из состава экспедиции всех, кто не дал клятву верности. В тот же вечер, ужиная за столом главнокомандующего, Ноллис отпустил несколько колкостей в адрес капеллана, вынудив адмирала вмешаться в конфликт. Отчитав Ноллиса, Дрейк обвинил его чуть ли не в открытом мятеже. На это Ноллис ответил, что было бы неплохо, если бы адмирал позволил ему идти собственной дорогой.

22 ноября Дрейк отправился на борт «Галеона Лейстер», собрал всю команду контр-адмирала и пожелал знать, кто из них хочет продолжить плавание, а кто — вернуться в Англию с Ноллисом. Около полусотни «лучших людей», разозленных необычным предложением адмирала, заявили, что готовы идти туда, куда и Ноллис, но Дрейк велел им замолчать. Затем он объявил всех «смутьянов» уволенными со службы, предложил Ноллису перейти на 50-тонный «Фрэнсис» и идти на нем домой. При этом Дрейк решил подстраховаться и потребовал, чтобы Ноллис написал письмо, в котором открыто заявил о своей готовности покинуть экспедицию, уволиться с королевской службы и вернуться в Англию. Ноллис готов был согласиться лишь с первым и третьим пунктами предложения Дрейка, но касательно второго пункта поклялся, что остается верен королевской службе.

На следующий день, полагая, что одной клятвы будет недостаточно, чтобы доказать свою лояльность, он отправил свою команду к Дрейку с просьбой найти для нее какое-нибудь занятие. Моряки вынуждены были ожидать, пока совет капитанов не пришлет Ноллису три вопроса, а именно: согласен ли он, чтобы его команда поступила в распоряжение генерала; готов ли он покинуть экспедицию и если да, то отправится ли он сразу в Англию?

Ноллис все еще хорохорился. Он написал (и это зафиксировано в журнале «Галеона Лейстер»), что остается верным слугой Дрейка и королевы, но, будучи обвиненным в мятеже, готов не только «покинуть службу, но и отправиться на дно морское». Он добавил, что согласен вернуться в Англию, если его снабдят провиантом и предоставят в его распоряжение «Уайт лайон».

Преисполненный намерения задушить любой мятеж в зародыше, Дрейк держал ситуацию под контролем. Он предложил Ноллису сойти на берег и предстать перед советом, однако еще до начала заседания поступило ложное сообщение, что к острову приближается какой-то флот, и всем капитанам было приказано немедленно вернуться на свои корабли. Несмотря на всеобщую суматоху, адмирал все же успел распорядиться, чтобы Тороугуд, Чемберлен и Уиллис — люди из ближайшего окружения Ноллиса — были переведены на другие суда.

Очевидец сообщает, что англичане разграбили несколько захваченных в порту каравелл, но при дележе добычи команде «Лейстера» досталась совершенно мизерная доля.

«24 ноября, — рассказывает Биггс, — генерал, сопровождаемый генерал-лейтенантом и 600 людьми (по другим данным, отряд насчитывал 700 человек и вел его негр-проводник, живший ранее на этом острове. — *В. Г.),* прошел вглубь страны двенадцать миль к селению, называемому Санто-Доминго, где проживали губернатор и епископ со всеми иными важными персонами. Мы прибыли туда к восьми часам, найдя селение покинутым — все люди бежали в горы. Тогда мы устроили привал, чтобы отдохнуть и посмотреть, не придет ли кто-нибудь к нам на переговоры. Когда все отдохнули, генерал приказал отрядам [поджечь селение и] возвращаться назад. На обратном пути показались враги, как пешие, так и конные, но не настолько сильные, чтобы напасть на нас. Так, наблюдая за ними, мы ближе к вечеру смогли вернуться назад в Сантьягу».

В понедельник 26 ноября Дрейк приказал задействовать все пинасы и шлюпки для доставки солдат на корабли. Сэр Кристофер, со своей стороны, велел капитану Горингу и лейтенанту Такеру взять 100 аркебузиров и, заняв позицию на рыночной площади, прикрывать грузившиеся на суда отряды. Наконец, Мартин Фробишер получил задание обеспечить незамедлительную перевозку упомянутого арьергарда на борт кораблей.

После завершения эвакуации сухопутных отрядов из города Дрейк решил отправить в соседний город Праю капитана Сэмпсона; в его распоряжение были переданы галиот «Дак» и два пинаса, на которых разместились роты капитанов Бартона и Биггса. Они должны были найти зарытые в Прае пушки и порох, о которых рассказал один из пленников.

«Вышеназванные капитаны, прибыв в Праю, высадили своих людей на берег, — сообщает Биггс. — Там, разместив свой отряд наилучшим образом, капитан Сэмпсон взял пленника и велел ему показать то, что тот обещал. Но он то ли не смог, то ли не захотел

это сделать. Тем не менее, обыскав все подозрительные места, они нашли две пушки — одну железную, другую бронзовую. Пополудни генерал с остальным флотом стал на якорь перед Праей и лично отправился на берег, велев нам поджечь город, а затем спешно грузиться на корабли».

К шести часам вся Прая была охвачена огнем. В «Трактате и описании экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…» записано:

«Люди, увидев, что город горит, подняли в кустах и травах страшный крик, который мы весьма отчетливо слышали. В этом городе мы потеряли одного из наших людей, который отстал, чтобы заняться грабежом; испанцы, встретив его, отрубили ему голову и, распоров брюхо, вынули его сердце, после чего утащили их с собой, а тело оставили лежать.

И когда мы, возвращаясь морем назад, прошли около двух миль, мы увидели множество всадников — по нашим прикидкам, около двухсот; они стали подавать нам знаки; тогда мы повернули в их сторону; когда они увидели это, то подняли флаги перемирия, но тем не менее никто из них не прибыл к нам; после этого мы вернулись назад, потеряв одного человека.

Во время нашего пребывания там к нам пришли три или четыре негра, которым мы оказали помощь и дали провизию. Мы нашли на рейде семь каравелл и еще одну, строившуюся на стапелях. На этих кораблях имелись хлеб, вино, масло, сахар, мармелад, цукаты и тому подобные яства, но мы не нашли на них людей; их понесло к скалам, откуда мы их увели, забрав все товары и пустив их в открытое море без единой живой души; лишь один, новый, мы разобрали на части и увезли с собой…

Епископ этого города очень богат; он приезжал в церковь на серебряных дрогах с роскошным тентом над головой, который несли от восьми до двенадцати человек.

Эти серебряные дроги — вещь очень дорогая. Епископ весьма опасался за свою жизнь, ибо тремя годами ранее город был ограблен французами, которые убили мужчину, женщину и ребенка. Епископа тогда захватили, но, поклявшись, что привезет им огромные сокровища, он смог сбежать, хотя и объятый жутким страхом, с каковым и жил с тех пор».

Город Рибейра-Гранде, как и Прая, был сожжен англичанами дотла. Это было сделано в отместку за то, что ни местный губернатор, ни епископ не пожелали явиться на переговоры о выкупе.

По свидетельству Биггса, перед уходом Дрейк собрал всех участников экспедиции, которым были зачитаны новые приказы «для лучшего управления армией». Капитаны провели перекличку своих людей, после чего все дали клятву признавать назначенных

королевой высших командиров и беспрекословно выполнять приказы «генерала и его офицеров». Эти мероприятия, безусловно, были вызваны необходимостью укрепить дисциплину после завершения вышеупомянутого «дела Ноллиса». Контр-адмирал так и не отбыл в Англию, оставшись в составе экспедиции.

«29 ноября мы покинули Сант-Яго [Сантьягу], вручив себя великому Океану и пролагая наш курс далее на запад, в Вест-Индию», — записано в «Генеральной карте» экспедиции.

Северо-восточный пассат и попутные течения благоприятствовали трансатлантическому переходу. Однако менее чем через неделю после прощания с островами Зеленого Мыса, в субботу 4 декабря, на кораблях неожиданно вспыхнула эпидемия неизвестной болезни — она начала косить экипажи с угрожающей быстротой. «Поэтому каждый корабль, как только проходил мимо адмирала, отчитывался перед ним, а он консультировался затем с капитанами и мастерами по поводу того, что им предпринять, дабы побыстрее вылечить больных, — читаем в судовом журнале „Тайгера“. — И было решено, что лучше всего сделать им кровопускание». Тем не менее в течение нескольких дней на кораблях умерло, по разным данным, от трехсот до пятисот человек, а те, кто смог выжить, «долгое время оставались поврежденными в уме и бессильными. На некоторых умерших были ясно видны маленькие пятна, какие часто находят на тех, кто заразился чумой».

Описание косившей экипажи эпидемии содержится также в «Трактате и описании экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…». Там, в частности, отмечено, что «на адмиральском корабле одновременно заболели более сотни людей, на вице-адмиральском — около шестидесяти, и точно так же, в соответствии с численностью их команд, — на всех остальных кораблях». Каждый день на судах отпевали «иногда одного, иногда двух или трех людей».

ЗАХВАТ И ГРАБЕЖ САНТО-ДОМИНГО

Выписка из «Генеральной карты» экспедиции:

«[В субботу] 18 декабря мы прибыли к Гваделупе, одному из островов Вест-Индии, осуществив наш переход через океан за 19 дней.

18 декабря мы подошли к Доминике, другому острову, где мы запаслись водой и подкрепились теми продуктами, которые дикари этого острова принесли нам».

Биггс сообщает, что первым островом, которого они достигли после пересечения Атлантики, была Доминика: «Ее населяют дикари, которые ходят нагишом; кожа имеет красноватый оттенок; они — очень красивые, статные, крепкие люди, которые почти не общаются с испанцами; ибо, как смогли выяснить некоторые из наших людей, они удерживают в плену одного или двух испанцев… Те несколько часов, которые мы провели среди них, они относились к нам очень доброжелательно, помогая нашим людям наполнять и тащить на голых плечах [бочонки] со свежей водой от реки до наших корабельных шлюпок и принося из своих домов большое количество табака, а также разновидность хлеба, именуемого кассавой, очень белого и отличного качества, испеченного из корней кассавы. Взамен мы подарили им стекляшки, разноцветные бусы и другие вещи, которые мы нашли в Сантьягу».

В море шлюпка с «Примроуза» повстречала каноэ, в котором находились восемь индейцев-карибов. Увидев англичан, индейцы знаками показали, что настроены миролюбиво. «Мы тут же взяли их на абордаж, — рассказывает один из участников плавания. — Их лодка оказалась каноэ, сделанным наподобие свиного корыта из цельного ствола дерева. Эти люди ходят нагими, без какой-либо одежды. Убив кого-либо из своих врагов, они обычно вырывают у него зубы и носят их у себя на шее, словно цепь, а мясо [убитого] съедают.

Когда мы абордировали их, они дали нам нечто похожее на бутыль с водой и хлебом из кассавы, сделанную из дерева, а мы подарили им галеты и бидон пива, и они это тут же съели и выпили. Затем мы покинули их и принялись грести, держась ближе к

берегу; люди той страны выбежали на берег, с величайшим изумлением взирая на нас. Потом мы приблизились к красивой речке с чистой водой, и туда же направились шесть человек туземцев — среди них был один, который командовал остальными. Один нес петуха и курицу, другой — картофель, а третий — банан. Они переплыли речку и подошли к нашей шлюпке; капитан решил подарить им гребень, что и сделал, потребовав взамен петуха, но они ответили отказом. Тогда капитан показал им подзорную трубу, за которую они отдали нам петуха, и капитан поманил их, приглашая в шлюпку. Один из них согласился и отправился было с нами, но его товарищи окликнули его и запретили ему это делать; тогда он прыгнул в море, держа в одной руке лук и стрелы, и поплыл в сторону берега к остальным. После этого мы простились с ними на некоторое время.

На следующий день мы собрались пройти дальше вглубь страны, и эти люди побежали по берегу следом за нами. Тогда капитан приказал бить в барабан, чем вынудил людей во внутренних районах кричать что есть мочи, свистеть и дуть в горн. Затем они пришли на берег моря и стреляли в нас. Мы попытались найти какое-нибудь удобное место, но, ничего не обнаружив, вынуждены были отступить.

Этот остров полон лесов и кустарника; мы видели много домов туземцев и нашли змей огромных размеров, тритонов и прочих ядовитых гадов. Также мы увидели здесь много пеликанов; а еще там есть картофель, апельсины, кокосы, бананы, кассава и много видов неизвестных нам фруктов».

Безусловно, с самого начала англичане планировали задержаться на Доминике до тех пор, пока больные не восстановят свои силы, но, в конце концов, не обнаружив на берегу безопасного места для лагеря и разуверившись в дружелюбии туземцев, предпочли покинуть остров.

19 декабря корабли направились от Доминики на север, миновали Гваделупу, 20-го прошли мимо Монтсеррата и Редонды, а 21-го стали на якорь близ Сент-Кристофера. Здесь англичане оставались до 25 декабря. Больных переправили на берег, где благодаря чистому воздуху и свежим продуктам большинство из них выздоровели. Умерли 20 человек, тела которых похоронили на берегу.

Пока часть моряков пополняла запасы воды, дров и провизии, другие занялись очисткой судов и проветриванием их внутренних помещений. Тем временем Дрейк собрал военный совет, на котором обсуждался план дальнейших действий. В конце концов было решено идти к Эспаньоле и атаковать ее административный центр — город Санто-Доминго.

25 декабря на кораблях экспедиции было проведено торжественное богослужение, после чего все отпраздновали Рождество.

Снявшись с якоря, флот взял курс на вест-норд-вест. В понедельник 27 декабря участники экспедиции достигли острова Санта-Крус, 28-го прошли мимо южных берегов Пуэрто-Рико, а 29-го, имея на траверзе остров Мона, увидели впереди побережье Эспаньолы.

30 декабря, в четверг, флот продолжал двигаться в западном направлении, очутившись близ юго-восточной оконечности Эспаньолы. В тот же день из-за плохого знакомства с окрестными водами потерпел крушение пинас «Томас». Командовавшему им Томасу Дрейку, брату адмирала, удалось вместе с несколькими людьми благополучно высадиться на берег и позже добраться до реки Айна, где их подобрали солдаты Карлейла.

Недалеко от Санто-Доминго вице-адмирал флота Мартин Фробишер захватил два небольших испанских фрегата. Один из них был нагружен ящиками с сахаром, а второй вез шкуры, табак, говядину, бекон, горох, рис и иные продукты. На борту призов нашли двух испанских купцов и негритянку с ребенком. Пленные подробно рассказали англичанам «о подходах к городу, об укреплениях и вооружении, о наиболее уязвимых местах для нападения со стороны моря». Ключевыми пунктами в системе обороны Санто-Доминго были две каменные башни с воротами, находившиеся на морском берегу, и форт Осама. Пилот одного из захваченных фрегатов, грек по национальности, взялся показать англичанам удобное место для высадки десанта, расположенное примерно в восьми милях к западу от Санто-Доминго, в устье реки Айна.

Известие о появлении какого-то большого соединения кораблей к востоку от города достигло ушей горожан между восемью и девятью часами утра 31 декабря (по григорианскому календарю — 10 января 1586 года); эту новость доставил шкипер каботажного

судна, который заметил подозрительную армаду в районе островка Санта-Каталина. Около десяти часов об этом узнали «отцы города», но лишь пополудни президент королевской аудиенсии и капитан-генерал Санто-Доминго дон Кристобаль де Овалье и старший альгвасил города капитан Хуан Мельгарехо точно установили, что таинственные корабли принадлежат англичанам. Гарнизон форта Осама был приведен в боевую готовность, у входа в гавань были затоплены три судна, перекрывшие фарватер, а в центре прохода испанцы поставили большую галеру, пушки которой должны были помешать неприятельским пинасам и шлюпкам войти во внутреннюю гавань и приблизиться к форту. Согласно английским источникам, на борту этой галеры находилось «четыреста рабов — турков, мавров, негров, французов и греков».

Флот Дрейка лег в дрейф между мысом Торресилья и Эль-Матадеро. Вечером, когда все было готово для начала операции, командующий приказал пересадить солдат Карлейла с кораблей в пинасы и шлюпки, а сам перебрался на борт барка «Фрэнсис». Ночью десантная флотилия в составе тринадцати малых судов направилась к устью Айны.

На рассвете 1 января 1586 года отряд англичан, насчитывавший от шестисот до семисот человек (по другим, видимо завышенным, данным — от тысячи до тысячи двухсот человек), благополучно высадился на берег и стал строиться в походную колонну. Дрейк, оставив командование сухопутными частями Карлейлу, вернулся к месту стоянки основных сил флота.

Биггс, непосредственный участник нападения на Санто-Доминго, писал:

«Мы начали движение примерно в восемь часов. И примерно в полдень или около часа дня мы достигли города; в это время некий [испанский] джентльмен и иные важные персоны, всего 150 бравых всадников, стали демонстрировать свою удаль (по другим данным, число всадников не превышало сорока или пятидесяти человек. — *В. Г.)*. Но мы произвели в их сторону залп из аркебуз, подкрепив его добрым количеством пик, так что они, не обнаружив в наших рядах ни одного слабого места… ускакали, дав нам возможность продвинуться к двум городским воротам, которые находились несколько далее, на морской стороне. Они обеспечили их людьми и установили свои пушки (на случай подобной внезапной

тревоги) с наружной стороны ворот, а также оставили несколько отрядов стрелков в засаде на главной дороге. Мы разделили все наши силы… на две части, чтобы атаковать одни и другие ворота одновременно; генерал-лейтенант открыто поклялся капитану Пауэллу, который возглавил второй отряд для прохода через другие ворота, что с Божьей помощью он не успокоится до тех пор, пока мы все не встретимся на рыночной площади.

Их пушки выстрелили, как только мы приблизились, и произвели в наших рядах некоторое опустошение, хотя и не очень значительное (погибли трое солдат. — *В. Г.),* но тут генерал-лейтенант бросился вперед, подбадривая остальных; первый же человек, сраженный пушечным ядром, находился почти рядом с ним; и после этого все тоже поспешили, чтобы уберечься от нового пушечного залпа. Несмотря на их засаду, мы двигались или, точнее, бежали так быстро в их сторону, что сломя голову ворвались в ворота и позволили им позаботиться о том, чтобы спасаться бегством, а не продолжать отстаивать свои позиции в расчете переломить ход сражения. Затем мы поспешили на рыночную площадь… Туда же, как и было условлено, прибыл капитан Пауэлл со своим отрядом. Эту площадь, а также прилегающие к ней районы мы укрепили с помощью баррикад, поскольку здесь было наиболее удобное место для обороны. Город был слишком обширным, чтобы такой небольшой и уставший отряд мог его удерживать. Где-то после полуночи те, кто охранял крепость [Осама], услышав, как мы проводим подготовку близ ворот указанной крепости, покинули ее; некоторые были взяты в плен, некоторые бежали в лодках на другую сторону гавани, а затем вглубь страны».

Пока сухопутные силы штурмовали укрепления Санто-Доминго, Дрейк, желая отвлечь внимание испанских сил на себя, приказал флоту открыть по городу огонь из тяжелых пушек. При этом погиб лишь один горожанин — бакалавр Франсиско Тостадо. Испанские канониры тоже обстреляли английские корабли. Одно из ядер прошило адмиральский галеон, но, к счастью, никто из моряков не пострадал. «Мы всегда отвечали двумя выстрелами на их один, — писал анонимный участник сражения. — Все это продолжалось в течение трех часов, а когда на судах поняли, что наши люди вошли в город, они прекратили огонь из страха угодить в своих».

Почти все жители Санто-Доминго покинули город при первом же известии о приближении неприятеля. Они устремились по размытой дождями дороге на север, в район между Гуанумой и Перальвильо. Большая их часть остановилась на сахарной плантации Ла-Хагуа, принадлежавшей Антонио Пиментелю. Капитан-генерал Овалье и старший альгвасил Мельгарехо бежали из Санто-Доминго в сторону Перальвильо, скорее всего по реке, воспользовавшись лодкой. Оттуда Овалье отправил тревожные сообщения о нашествии англичан колониальным властям Кубы и правительству Испании.

В воскресенье 2 января, контролируя половину города, солдаты Карлейла принялись рыть окопы и устанавливать вокруг Арсенала пушки. Одновременно командование экспедиции, разместившееся в кафедральном соборе, вступило в переговоры с представителями испанских властей о выкупе за город, церкви и фортификации. От испанцев требовали 200 тысяч дукатов. Поскольку побежденная сторона не соглашалась принять условия, выдвинутые англичанами, переговоры растянулись почти на месяц. Все это время жители Санто-Доминго вынуждены были снабжать оккупантов быками и овцами, которых пригоняли в город из окрестных скотоводческих ранчо, а также хлебом, фруктами и иными съестными припасами.

Вскоре произошел трагический инцидент, который был отмечен в воспоминаниях ряда очевидцев, включая Биггса.

> «Среди прочего, — писал он, — случилось так, что генерал отправил свое послание испанцам с помощью мальчика-негра, который нес белый флаг, означавший перемирие, как это обычно делают сами испанцы, когда они подходят, чтобы переговорить с нами. Этот мальчик, к несчастью, был встречен вначале одним из королевских офицеров с той испанской галеры, которая вместе с городом угодила к нам в руки. И он, без всякого приказа или повода, вопреки тому доброму обхождению, с каким мы обычно встречаем их посланников, в бешенстве пронзил бедного мальчика своим кавалерийским жезлом. С этой раной мальчик вернулся к генералу и, сообщив об этой несправедливой жестокости, вскоре умер у него на глазах. Генерал, будучи страшно разгневанным, приказал полицейскому маршалу взять пару пленных монахов, чтобы отвести их на то место, где мальчик был пронзен, в сопровождении достаточного количества стражников из числа наших солдат, и там немедленно повесить их, одновременно отправив

другого несчастного пленника с объяснением причин этой казни и с предупреждением, что до тех пор, пока субъект, убивший посланника генерала, не будет передан в наши руки, чтобы понести заслуженное наказание, мы каждый день будем вешать здесь по два пленника до полного истребления всех, кто попал к нам в руки. На следующий день капитан королевской галеры [дон Диего де Осорио] привел обидчика на окраину города, чтобы передать его в наши руки. Но было решено, что более благородной местью будет казнь, которую они осуществят сами на наших глазах; и это, соответственно, было исполнено».

Повешенные англичанами монахи оказались членами доминиканского ордена. Одного из них звали Хуан де Сарабиа, второго — Хуан Ильянес. Сейчас на месте их казни находится площадь Дуарте, а прилегающая к ней улица Дуарте долгое время носила название Калье-де-лос-Мартирес, то есть «Улица Мучеников».

В архивах Венеции сохранилось любопытное свидетельство испанца, побывавшего в плену у англичан, а затем убежавшего от них. Он писал, что «в Санто-Доминго и повсюду на Эспаньоле Дрейк относился к индейцам и нефам с такой гуманностью, что они все любили его, а их дома были открыты для всех англичан».

Поддерживая порядок в захваченном городе, Дрейк и его офицеры зорко следили за тем, чтобы подчиненные им моряки и солдаты соблюдали дисциплину и строго выполняли полученные приказы. В один из дней по приговору военного трибунала был повешен солдат-ирландец, убивший своего капрала.

Один из испанских чиновников, с которым сэр Фрэнсис вел переговоры о выкупе за город, так описывал его внешность и нрав:

«Дрейк — человек среднего роста, белокурый и скорее полный, чем худой, веселый и аккуратный. Он приказывает и повелевает властно. Его люди боятся его и повинуются ему. Наказывает он весьма решительно. Резкий, неутомимый, красноречивый, склонный к вольностям и амбициям, тщеславный, хвастливый и не слишком жестокий».

Поскольку переговоры с испанцами о выкупе за город не принесли желаемого результата, Дрейк велел предать Санто-Доминго огню. Каждое утро с рассвета до девяти часов особая команда из двухсот матросов, охраняемая таким же количеством солдат, занималась поджогом тех домов, которые находились за пределами вырытых англичанами окопов. Работа эта оказалась не

из легких, поскольку большинство зданий в городе было построено из прочного камня, нередко имело по несколько этажей и массивные, обитые железом двери. Кроме жилых домов захватчики сожгли половину крепости Осама, городской архив и все деревянные статуи святых, найденные в церквах Санта-Барбара, Ла-Мерсед, Регина-Сели, Сан-Франсиско и Санта-Клара. В конце концов, когда сгорела треть города, а внутреннее убранство церквей было полностью разорено, Дрейк согласился с предложением уполномоченного испанцев Гарсиа Фернандеса де Торрекемады ограничиться выкупом в 25 тысяч дукатов (выкуп должны были выплатить деньгами, драгоценностями, ломаным серебром, дамскими нарядами и пр.).

Многие англичане были весьма удивлены, что «в таком богатом и знаменитом городе», каким слыл Санто-Доминго, они нашли так мало сокровищ. Биггс объясняет это тем, что после истребления испанцами индейского населения на золотых и серебряных рудниках острова возникла острая нехватка рабочих рук и рудники пришли в запустение. Жители вынуждены были перейти на использование медной монеты — корсары нашли ее «в огромном количестве». Так, в одном из домов хранилось более 12 тонн медных монет, а в целом в городе их могло быть до 100 тонн. В то же время на складах был найден «большой запас крепкого вина, оливкового масла, уксуса, оливок и иных продуктов, таких как прекрасная пшеничная мука, упакованная в винные и другие бочки, а также таких товаров, как шерстяное и льняное полотно и немного шелка. Все эти продукты привозят из Испании, и они стали для нас отличным вознаграждением. Но серебряных тарелок и сосудов было мало, особенно в сравнении с огромным великолепием иных вещей этого города, ибо в этих жарких краях они используют такие красиво раскрашенные и лакированные блюда, называемые фарфором, которые они привозят из Ост-Индии. А для питья они используют стаканы изумительного качества и красоты, изготавливаемые в этом городе. Впрочем, немного серебра мы все же нашли, как и много иных хороших вещей — в частности, домашнюю мебель, прекрасную и богатую, которая стоила им очень дорого, но для нас особой ценности не имела».

Покидая Санто-Доминго 31 января, англичане забрали с собой 250 крепостных пушек, две или три тонны медных монет, большой запас шкур, колокола, снятые с церквей, 80 рабов, немного серебряной посуды и жемчуга, а также — согласно информации судового журнала «Примроуза» — увели из гавани три трофейных судна, включая галеру и большой галеон. В открытом море галера была сожжена, а галеон, принадлежавший

Антонио Корсо, переименован в «Нью Йирс гифт» — «Новогодний подарок».

По данным С. Фернандеса Дуро, англичане захватили в Санто-Доминго корабль, нагруженный шкурами, а также сожгли королевскую галеру и 10 или 12 каботажных судов.

Анонимный французский капитан из Гавра утверждал, что Дрейк взял в Санто-Доминго «пять больших галеонов, одним из коих был корабль „Гранд Гай“ грузоподъемностью 600 тонн — новое судно французской постройки, подобного которому не было во всей Испании; 2 сеттии, которые сопровождали 2 галеры, 5 фуст и 15 фрегатов. Большую часть из них он сжег, не считая „Гранд Гая“ и 3 галеонов, которые он увел с собой».

ШТУРМ КАРТАХЕНЫ

От Санто-Доминго английский флот направился в сторону Южной Америки. Планом вест-индской кампании предусматривался набег на остров Маргариту, возле которого испанцы занимались добычей жемчуга, однако экспедиция «вывалилась» из графика, отстав от запланированных акций на два месяца. Поэтому, встретив противные ветры, затруднявшие продвижение флота в восточном направлении, Дрейк решил отказаться от нападения на Маргариту и велел идти к берегам Новой Гранады. 5 февраля корабли очутились в районе мыса Ла-Вела, откуда повернули на юго-запад, к Рио-де-ла-Аче. На военном совете было принято решение атаковать один из богатейших портов Испанской Америки — Картахену. 6 февраля вице-адмирал Фробишер отправился с частью кораблей осмотреть прибрежные воды, предполагая найти испанского пилота, который мог бы провести англичан к Картахенской бухте. Но, когда Фробишер вернулся, оказалось, что его миссия не увенчалась успехом.

9 февраля корабли экспедиции появились на траверзе города. Испанский поэт Хуан де Кастельянос, проживавший в те годы в Новой Гранаде, в поэме «Слово о капитане Франсиско Драке» упоминает о том, что на мачтах английских кораблей реяли черные флаги, а сам Дрейк был облачен в траурную одежду. Очевидно, флаги символизировали готовность англичан драться с испанцами, не щадя живота своего.

Рассказывая о начале операции по захвату Картахены, Биггс писал:

> «Вход в гавань расположен в трех милях к западу от города; мы вошли в нее примерно в три или четыре часа пополудни, не встретив отпора со стороны их артиллерии… Вечером мы высадились (на пляже Ла-Колета. — *В. Г.)* прямо возле входа в гавань под командованием мастера Карлейла, нашего генерал-лейтенанта. Построив нас так, чтобы мы около полуночи двинулись как можно тише вперед, он велел нам с целью безопасности держаться ближе к берегу моря. Соответственно, мы так и пошли, не сбиваясь более с дороги, которую мы сначала, через час после начала движения, потеряли из-за плохой осведомленности того, кто взялся быть нашим проводником…»

В авангарде войска шли пикинёры Сэмпсона и мушкетеры Горинга. Следом двигались основные силы — четыре роты под командованием сержант-майора Пауэлла. Замыкали движение солдаты из отрядов капитана Моргана и капитана Сесила (правда, на сей раз последних возглавлял капитан Уинтер, передавший Сесилу командование своим судном).

Когда англичане, продираясь сквозь заросли деревьев и кустарника, находились в двух милях от города, навстречу им неожиданно выскочили испанские кавалеристы «числом до сотни» (на самом деле у испанцев было лишь полсотни кавалеристов). Стрелки Горинга тут же «угостили» их залпом из аркебуз, заставив спешно ретироваться.

Пока сухопутные силы продвигались по косе к стенам города, Дрейк велел Фробишеру взять часть кораблей, пинасов и шлюпок и атаковать испанский форт Бокерон, прикрывавший проход из лагуны во внутреннюю гавань. Цель этой диверсии заключалась в том, чтобы отвлечь внимание испанцев от продвижения отряда Карлейла. Вице-адмиралу оказывали поддержку капитаны Феннер, Уайт, Кросс и некоторые другие. Когда они приблизились к упомянутому форту, его батареи, насчитывавшие 16 пушек, открыли интенсивный огонь; артиллеристов тут же поддержали аркебузиры во главе с комендантом форта Педро Мехия де Мирабалем. Прорваться сквозь их огонь во внутреннюю гавань было проблематично, тем более что вход туда был перекрыт тяжелой цепью. Ядра разбили в щепки руль на пинасе Фробишера, сбили грот-мачту и выбили весла из рук нескольких гребцов, а пули, выпущенные из аркебуз, снесли шляпы с голов нескольких моряков и сразили наповал капитана.

Разозленный неспособностью Фробишера захватить испанское укрепление, Дрейк решил показать ему, как это нужно делать. С отрядом пинасов и шлюпок он предпринял новую попытку взять форт Бокерон, но и его постигла неудача.

Тем временем операция на суше проходила более успешно.

> «Когда отряды оказались в полумиле от города, — сообщает Биггс, — полоса земли, тянувшаяся между морем и гаванью, сузилась, не превышая в ширину пятидесяти шагов… Это узкое место было надежно укреплено каменной стеной и рвом, вырытым перед нею; стена эта была построена по всем правилам, с укреплениями на флангах… Лишь в одном месте в стене имелся проход, чтобы в случае необходимости там могли проехать всадники или карета. Но даже и в этой части, лишенной стены, имелась надежная баррикада из

винных бочек, наполненных землей, тянувшаяся от одного края до другого и отчасти уходившая в море. Это укрепление было снабжено шестью большими пушками, полукулевринами и Фальконетами, которые выстрелили прямо в нас, когда мы приблизились. Кроме этой стены со стороны внутренней гавани они подогнали также две галеры, поставив их носом к берегу и установив на них одиннадцать пушек, которые простреливали проход [по косе] и угрожали нашему [правому] флангу. На указанных двух галерах были установлены также три или четыре сотни аркебуз, а на суше для прикрытия лишь этого места они разместили еще триста аркебузиров и пикинёров».

Цифры, приводимые Биггсом, явно завышены. Согласно испанским документам, в то время гарнизон Картахены насчитывал 54 кавалериста, 450 аркебузиров, 100 пикинёров, 20 негров-мушкетеров и 100 индейских лучников, сформированных в два батальона; кроме того, на галерах, которыми командовал «генерал побережья Тьерра-Фирме» кабальеро дон Педро Вике-и-Манрике — ветеран войн в Италии. Фландрии и Алжире, — дополнительно разместилось еще 150 аркебузиров. Общее руководство обороной города осуществлял губернатор дон Педро Фернандес де Бустос, артиллерией командовал Блас де Эррера, сухопутными частями — Альваро де Мендоса. Для защиты стены, находившейся на косе, испанцы выделили лишь 30 аркебузиров и 50 индейских лучников под командованием Франсиско Диаса.

«Находясь в полной боевой готовности, дабы встретить нас, они не жалели ни ядер, ни пуль, — продолжает свой рассказ Биггс. — Но наш генерал-лейтенант, пользуясь темнотой (рассвет еще не наступил), приближался по низменной стороне, следуя тем маршрутом, который он сам перед тем выбрал, то есть по залитому морем берегу, где вода несколько спала, так что в итоге все их выстрелы пропали даром. Наш генерал-лейтенант велел беречь заряды до тех пор, пока мы не приблизимся к стене. Итак, выставив пики, мы приблизились к месту, где обнаружили баррикады из корабельных бочек — самое удобное место для задуманного нами штурма; и он был нами немедленно осуществлен, несмотря на то, что сие место надежно охраняли пикинёры и аркебузиры [испанцев]. Произведя залп из аркебуз им в лицо, мы разбросали бочки с землей и пустили в ход наши шпаги и пики. Наши пики

были немного длиннее, чем их, а наши тела гораздо лучше защищены; среди них лишь немногие имели средства защиты. Превосходство наших шпаг и пик стало для них тяжким испытанием, и они вынуждены были отступить. В этой яростной схватке генерал-лейтенант собственноручно заколол главного знаменосца испанцев, который мужественно сражался до самой смерти».

Англичане потеряли в бою 28 человек убитыми, не считая раненых. Среди последних оказался и капитан Сэмпсон. Преследуя испанцев, «бежавших в город, словно овцы», солдаты Карлейла достигли рыночной площади и, сломив последний оплот сопротивления испанцев, овладели ею. «Итак, когда мы захватили это место и выставили защиту, — продолжает Биггс, — они вынуждены были терпеть наше присутствие в городе, сами же отправились к своим женам, которых они увезли в другие районы страны еще до нашего прихода. В конце каждой улицы они возвели очень прочные баррикады, наполненные землей, с траншеями с внешней стороны, сделанные настолько хорошо, что ничего подобного нам прежде не доводилось видеть. Сначала там было оказано незначительное сопротивление, но вскоре оно было сломлено; потери составили несколько убитых и раненых. Они привлекли к себе на помощь много индейцев, которых разместили в основном на флангах, все — лучники со злодейски отравленными стрелами, так что при малейшей царапине на коже раненого неизбежно ожидал летальный исход. Некоторых из наших людей они убили этими стрелами, а некоторых злоумышляли убить с помощью уколов со стороны небольших заостренных палок длиной полтора фута, один конец которых упирался в землю, а второй был отравлен; они торчали прямо у нас на пути — там, где мы должны были пройти от места высадки к городу… Но, поскольку мы двигались по кромке прибоя, большая их часть, к счастью, не задела нас».

Когда город был захвачен, уцелевшие защитники Картахены во главе с губернатором отступили в соседнюю деревню Турбако. Перед этим испанские солдаты, находившиеся на двух галерах во внутренней гавани, получили приказ вывести их в открытое море через мелководный пролив Бока-Чика, но отлив как раз достиг самой низкой отметки, вследствие чего приказ не был выполнен. Неожиданно взбунтовались галерные рабы, доведенные до отчаяния офицерами Мартином Браво и Кастаньедой. Чтобы посеять панику на галерах, рабы подожгли их (по другой версии, поджог осуществили сами испанцы, чтобы не дать англичанам возможности захватить их). Часть гребцов-невольников погибла в

огне, другая часть, бросившись в воду, вплавь достигла берега и присоединилась к людям Дрейка. Лишь небольшое количество рабов испанцам удалось забрать с собой в окрестные леса.

Гарнизон форта Бокерон, охранявший вход во внутреннюю гавань, тоже сбежал. Теперь корабли англичан смогли беспрепятственно подойти к городу со стороны внутренней гавани.

«Мы оставались здесь шесть недель, и болезнь со смертельным исходом… распространилась среди наших людей снова, хотя и не в таких ужасных масштабах, как ранее. И из тех, кого коснулась эта болезнь и кто смог избежать смерти, почти никто не смог больше восстановить свои силы. Действительно, многие из них до того теряли память, что… когда кто-то начинал бредить, о нем говорили, что он заболел „калентурой“ — так испанцы называют горячку… Ее причину приписывают вечернему воздуху или воздуху начала ночи, который они именуют *la serena;* в это время, по их убеждению, всякий, находящийся на открытом воздухе, определенно будет заражен и умрет, если только он не индеец или не является уроженцем этих мест. Наши люди, стоявшие в карауле, подвергались заражению воздухом, который в Сантьягу был все же гораздо более опасным и смертельным, чем во всех прочих местах».

В общей сложности из-за болезней в Картахене умерло не меньше сотни участников экспедиции. Случались и боевые потери. Так, однажды часовой, дежуривший на колокольне, заметил в море несколько малых барков и лодок, приближавшихся к входу в лагуну. Капитаны Том Мун и Вэрни вместе с Джоном Грантом, шкипером «Тайгера», и некоторыми другими моряками тут же взяли несколько пинасов, решив перехватить незнакомцев до того, как они смогут приблизиться к берегу. Действовать нужно было быстро, чтобы сбежавшие из города жители или солдаты не успели предупредить команды барок и лодок об опасности. «И все же это случилось, несмотря на все попытки наших людей воспрепятствовать этому, — сокрушается Биггс. — Ибо испанские лодки, обнаружив наши пинасы, направлявшиеся к ним, выбросились на берег, а их команды сразу же укрылись в густом кустарнике на суше среди тех, кто подавал им оттуда сигналы. Наши люди, не произведя должного осмотра тех мест и не заметив ни одного испанца, немедленно взяли на абордаж испанские барки и лодки, но в то время, когда они находились на них совершенно открыто, отряд испанцев произвел по ним залп из кустов. Этим залпом были сражены капитан Вэрни, умерший мгновенно, и капитан Мун, который скончался спустя несколько дней, не считая четырех или

пяти других, получивших ранения. С тем наши люди вернулись несолоно хлебавши, поскольку не имели с собой достаточно солдат, чтобы сражаться на суше…»

Том Мун был похоронен в кафедральном соборе города.

Оставаясь хозяином Картахены, Дрейк поселился в роскошном доме одного из своих пленников, Алонсо Браво, и спустя короткое время вступил в переговоры с губернатором Педро Фернандесом де Бустосом и епископом Хуаном де Монтальво относительно выкупа за город, церкви и монастыри. С самого начала сэр Фрэнсис требовал от испанцев 400 тысяч дукатов или 100 тысяч фунтов стерлингов, но те заявили, что не располагают такими деньгами, и предложили 28 тысяч. Переговоры зашли в тупик, когда выстрелы из пушек, установленных возле нового кафедрального собора, привели к его частичному разрушению. В «Трактате и описании экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…» записано: «Когда испанцы увидели, что их церковь рухнула, они сказали, что не дадут нам денег за город, поскольку ценили свою церковь больше, чем город».

В ответ захватчики прибегли к испытанному методу убеждения — начали планомерно сжигать город квартал за кварталом (всего было уничтожено двести домов). Иногда небольшие испанские отряды приближались к городским окраинам и стреляли издалека по английским солдатам, но потом трусливо убегали.

27 февраля Дрейк собрал пехотных офицеров на военный совет, чтобы решить, что же делать дальше. После долгих дебатов пехотные капитаны приняли постановление следующего содержания:

«Поскольку генералу было угодно узнать мнение капитанов о том, какой курс, по их разумению, целесообразнее всего следовало бы теперь взять, пехотные капитаны, собравшись вместе и посоветовавшись на сей счет, выразили его в трех пунктах.

Во-первых, относительно возможности удержания города при вероятном появлении сил противника — либо тех, что здесь уже имеются, либо тех, что могут прибыть из Испании, — ответ таков:

Мы придерживаемся мнения, что с тем отрядом людей, который в настоящее время мы используем для несения сухопутной службы… мы вполне можем удерживать этот город, хотя в данный момент нести указанную службу способны не более 700 человек. Остальные — примерно 150 человек — по причине ранений и болезней не в состоянии нести какую бы то ни было службу. Поэтому флотские капитаны вслед за этим тоже должны принять решение, как они собираются обеспечить сохранность и

дееспособность кораблей на случай прибытия испанского флота.

Во-вторых, относительно того, идти ли нам всем вместе немедленно домой или продолжить дальнейшие поиски удачи… и тем самым найти огромное количество сокровищ, которые вознаградят нас за наши мучения… мы даем такой ответ:

Хорошо известно, что и мы, и солдаты занялись этим делом в качестве добровольцев, без какого-либо принуждения или поручения Ее Величества или кого бы то ни было. И поелику мы до сих остаемся людьми чести и с величайшего благословения и благоволения нашего Господа взяли три таких известных города [Сантьягу, Санто-Доминго и Картахену], в которых, по расчетам всех людей, можно было найти величайшие сокровища… считая, соответственно, что раз уж все эти города с их товарами и пленными, захваченными в них, и выкупами… обманули те надежды, которые мы возлагали на них с самого начала; зная к тому же о слабости наших сил… мы пришли к выводу, что… лучше всего вернуться нам отсюда к нашей милостивой государыне, к себе на родину…

Третий и последний пункт относительно выкупа за город Картахену таков: еще до того, как его начали поджигать, было предложено 27 000 или 28 000 фунтов стерлингов.

Наше мнение сводится к тому, что следует согласиться с этим. Принять вышеупомянутое предложение предпочтительнее, чем отказаться от него, настаивая на первоначальном нашем требовании 100 000 фунтов стерлингов, ибо ясно видно, что им не под силу исполнить его в настоящее время…»

Офицеры пришли к выводу, что они и так уже захватили в Картахене изрядную добычу. Однако, учитывая, что рядовые участники экспедиции могут проявить недовольство относительно размеров причитающейся им доли, все командиры единогласно отказались от своей доли добычи в пользу простых солдат и матросов, решив вознаградить их за все опасности и тяготы долгого похода.

«Во время нашего пребывания в этом городе… между нами и испанцами сохранялись уважительные отношения — мы пировали и выказывали им различные знаки внимания, — пишет участник экспедиции. — Среди прочего имел место визит к нашему генералу губернатора Картахены с епископом города и иными знатными людьми. Город Картахену мы изрядно подпортили в разных местах, предав многое огню… от досады, а также с целью заключения договора с ними о выкупе; в конце концов мы договорились с ними о 110 000 дукатов [30 250 фунтов стерлингов] за то, что еще уцелело…»

Указанная сумма была согласована во время переговоров с

представителями губернатора — капитаном Тристаном де Ориве и вице-губернатором Диего Дасой и внесена золотыми слитками. Но она касалась лишь города, а не его окрестностей. Поэтому англичане решили «выжать» из испанцев дополнительные суммы за неприкосновенность монастыря Сан-Франсиско, находившегося в четверти мили от Картахены, на холме Ла-Попа, скотобойни и форта Бокерон, охранявшего вход во внутреннюю гавань. Две роты солдат, занявшие монастырь, начали обкладывать его стены дровами. Осознав, что захватчики вот-вот подожгут святую обитель, настоятель монастыря поспешил отдать за его сохранность тысячу крон. Что касается форта, то он не был выкуплен, и англичане взорвали его. Кроме того, они сожгли стоявший на рейде испанский галеас и два своих судна, пришедших в негодность (вместо них Дрейк велел забрать два новых испанских барка).

После всех этих событий, закончив погрузку на борт трофейных пушек, колоколов и прочей добычи, флот двинулся к острову, находившемуся близ выхода из лагуны. Здесь корабли стали на якорь и команды занялись доставкой на борт свежей воды и фруктов — апельсинов, лимонов, гранатов, цитронов и прочих экзотических плодов.

«Проведя в этом городе шесть недель, — писал участник событий, — мы вышли в море в конце марта (согласно испанским данным, это случилось 2 апреля по юлианскому календарю или 12 апреля по григорианскому календарю. — *В.* Г.); через два-три дня большой корабль, который мы взяли в Санто-Доминго и который был назван „Нью Йирс гифт“, стал сильно протекать, будучи [изрядно] нагруженным пушками, шкурами и другой добычей, и ночью отделился от нашего флота. Генерал, обнаружив пропажу на следующее утро, собрал весь флот на совещание, так как боялся, что с ним могло приключиться великое несчастье… Ведь он протекал так сильно, что все его люди не переставали откачивать воду. Но в конце концов он нашелся, а с ним и барк „Талбот“, который, на счастье, оказался рядом и был готов забрать с него людей, чтобы спасти их. Генерал, узнав о их бедственном положении, повернул весь флот назад к Картахене».

Можно себе представить ужас на лицах испанцев, когда 4 апреля они снова увидели корабли англичан. Жители города немедленно бросились спасаться бегством. Чтобы успокоить их, Дрейк отправил к губернатору Картахены своего посланника с объяснением причин, почему флот вынужден был вернуться в бухту. Он заверил губернатора, что ни один английский солдат не сойдет на берег, и просил лишь позволить его пекарям

свободно пользоваться городскими печами для выпечки хлеба. «Мы выпекали здесь галеты шесть или семь дней, — рассказывает очевидец событий, — и губернатор города встречал нас с величайшей учтивостью. Он объявил под страхом смерти, чтобы никто не смел обижать нас, но чтобы все помогали нам дровами, водой и прочими необходимыми вещами, позволяя нам ходить где угодно и когда угодно. А еще приказал, чтобы по два испанца в каждом доме, где мы занимались выпечкой, не подпускали к нам никого, кроме тех, кого мы сами хотели видеть».

Проведя в Картахенской бухте в общей сложности две недели, англичане разгрузили находившийся в аварийном состоянии корабль «Нью Йирс гифт» и сожгли его. 14 апреля (по другим данным, 18 апреля), закончив погрузку на суда галет, дров и воды, они снова вышли в море.

Казначей Луис де Гусман и бухгалтер Алонсо де Тапья в письме королю Филиппу относительно разорения Картахены Дрейком восклицали: «Все это, очевидно, бич и наказание, которое Господь пожелал применить к нам за наши грехи, ибо, испепелив и разграбив его, англичане оставили этот город до такой степени разрушенным, что его нынешнее состояние заслуживает глубочайшего соболезнования».

Высокую оценку набегу на Картахену дал знаменитый английский ученый, философ и политик Фрэнсис Бэкон в своих «Размышлениях относительно войны с Испанией» (1629). Взятие этого города он назвал «одним из самых пылких исполнений долга и наиболее рискованных осад из тех, что [нам] известны».

ПУТЬ ДОМОЙ. ВЗЯТИЕ САН-АУГУСТИНА

Через несколько дней после ухода из Картахены, двигаясь на норд-вест, флот Дрейка миновал южное побережье Ямайки и 22 апреля подошел к необитаемому острову Большой Кайман — крупнейшему из трех в группе островов Кайман. Источников пресной воды, в которой команды испытывали нужду, здесь не было, но на морском берегу участники экспедиции обнаружили множество крабов, змей, игуан, черепах и кайманов. Последние, обитавшие в заболоченных низинах, вели себя довольно агрессивно, так что в итоге англичане убили больше двадцати этих зубастых животных «и приготовили из них очень вкусное мясо». Еще большее значение для пополнения запасов провизии имела охота на зеленых морских черепах, мясо которых у моряков всегда считалось деликатесом.

Проведя на Большом Каймане два дня, экспедиция направилась к западной оконечности Кубы — мысу Сан-Антонио, куда и прибыла 26 или 27 апреля. Здесь матросы снова искали источники пресной воды, но тщетно. В районе мыса англичане захватили два испанских фрегата, ограбили их и сожгли. Затем, как писал один из участников похода, «подняли якорь и ушли, рассчитывая через несколько дней отыскать Матансас — город к востоку от Гаваны».

В последний день апреля в море был замечен неизвестный парусник. Дрейк направил в погоню за ним несколько пинасов, однако догнать незнакомца не удалось.

«Проведя в пути четырнадцать дней, — читаем в одном из отчетов об экспедиции, — мы из-за отсутствия благоприятного ветра вынуждены были снова вернуться к мысу Сан-Антонио; дефицит воды был столь значительным, что мы предприняли новую попытку отыскать ее и наконец обнаружили оную в достаточном количестве; я полагаю, что это была дождевая вода, которая скопилась в низинах примерно в трехстах шагах от морского побережья после недавних ливней.

Было бы несправедливо умолчать о том, как генерал показывал в этом месте хороший пример всем, желая ободрить остальных и как можно скорее взять свежую воду на борт кораблей, терпя при этом не меньшие мучения, чем простые матросы. Так было в Санто-Доминго, Картахене и во всех иных местах, где он всегда проявлял тщательную заботу и внимательно следил за надлежащим порядком на флоте».

Английские источники расходятся в определении даты, когда именно экспедиция Дрейка покинула мыс Сан-Антонио. По одним

данным, англичане «после трех дней, потраченных на снабжение… кораблей водой, 13 мая во второй раз отошли от мыса Сан-Антонио». А вот данные из «Трактата и описания экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…»:

«14 мая мы снова вернулись к мысу Сан-Антонио, и на этот раз нашли больший запас воды, и стояли здесь пять дней, чтобы подкрепить свои силы.

19-го мы подняли якорь и пошли вдоль побережья, рассчитывая прибыть в Матансас и взять город; в пути мы захватили каравеллу. Люди покинули ее и бежали на берег. Она была нагружена солью. Мы появились в виду гавани, в которую хотели войти, но не смогли этого сделать из-за противных ветров».

23 мая флот направился к южной оконечности Флориды, приблизившись к ней 25-го числа. Затем, двигаясь на север вдоль флоридского побережья, англичане вечером 27 мая очутились в районе города Сан-Аугустин. Вот свидетельство одного из участников похода:

> «Мы держались близко к суше до тех пор, пока ранним утром 28 мая не обнаружили на берегу что-то вроде вышки, которая действительно оказалась площадкой на четырех длинных мачтах, предназначенной для наблюдения за морем; это было на тридцатом градусе широты или около того. Наши пинасы были наполнены людьми и высланы к берегу; мы двинулись вдоль берега реки, чтобы найти поселение, основанное там неприятелем; ибо никто из нас ничего не знал об этом месте.
>
> Здесь генералу представился случай лично выступить в поход с ротами, тогда как генерал-лейтенант шел в авангарде; и, продвинувшись на милю или чуть больше вдоль берега реки, мы смогли различить на другой стороне реки, прямо напротив нас, форт, который недавно был построен испанцами; и примерно в миле от форта находился небольшой город или селение без стен, с деревянными домами… Затем мы подготовили наши пушки для установки на батарее; первая пушка была установлена ближе к вечеру, и первый выстрел был произведен лично генерал-лейтенантом, который угодил в их знамя и пробил его насквозь, как позже нам стало известно от одного француза, который перешел от них к нам. Затем был сделан еще один выстрел, который ударил в основание

стены форта, построенной из стволов больших деревьев, напоминавших мачты. Генерал-лейтенант решил этой ночью перебраться с четырьмя ротами через реку и там разместиться, окопавшись вблизи форта так, чтобы он мог стрелять из мушкетов и пистолетов в любого, кто появится, а затем доставить и установить вместе с ними батарею; но поскольку невозможно было сразу получить помощь моряков для рытья окопов, исполнение данного решения пришлось перенести на следующую ночь.

Ночью генерал-лейтенант взял небольшой гребной ялик и полдюжины хорошо вооруженных людей, в том числе капитана Моргана и капитана Сэмпсона с некоторыми другими, не считая гребцов, и отправился посмотреть, какую стражу выставил враг, а заодно прощупать почву. И едва он приблизился со всей возможной скрытностью, как враг, всполошившись, решил со страху, что все силы приближаются к ним, чтобы начать штурм, и тут же со всей возможной поспешностью покинул это место, успев выстрелить из нескольких пушек. Так они ушли, а он вернулся к нам снова, ничего не зная об их бегстве из форта. Потом прибыл француз — флейтист, находившийся у них в плену, — на небольшой лодке, который играл на флейте мотив песни о принце Оранском. Когда часовые окликнули его, он, прежде чем выбраться из лодки, сказал им, кем он был и как испанцы покинули форт; предложил также либо стать их пленником, либо вернуться с ними к форту».

Француза звали Никола Бургундец; он провел в испанском плену шесть лет, но незадолго до появления англичан ухитрился вырваться на свободу. Вместе с французом, согласно некоторым данным, прибыл также какой-то голландец.

«Получив указанные сведения, — пишет анонимный участник экспедиции, — генерал и генерал-лейтенант с некоторыми капитанами в одном ялике и вице-адмирал с некоторыми другими — в своем ялике, а с ними два или три пинаса, обеспеченные солдатами, тут же двинулись к форту, дав приказ остальным пинасам следовать за ними. И при нашем приближении некоторые из врагов, более смелые, чем остальные… выстрелили в нас из двух пушек. Но мы вышли на берег и вошли в форт, не обнаружив в нем ни одного человека».

На следующий день англичане произвели тщательный осмотр захваченного форта, называвшегося Сан-Хуан-дель-Пинильо (по

другим данным — Сан-Хуан-де-Пинос). Он был целиком построен из дерева — кедра и сосны; «стены его представляли собой бревна или стволы деревьев, поставленные вертикально и плотно подогнанные друг к другу на манер частокола, без какого-либо рва». Никола Бургундец рассказал Дрейку и его офицерам, что губернатор города дон Педро Менендес Маркес узнал о появлении английского флота в Вест-Индии за пять недель до его прибытия во Флориду. Форт он решил построить специально для того, чтобы не позволить Дрейку неожиданно захватить Сан-Аугустин. Но, поскольку завершить все строительные работы испанцам не удалось, они не стали удерживать это укрепление.

> «Батарея, на которой стояли пушки, была сделана из сосновых деревьев, которых здесь очень много, — сообщает очевидец. — Они лежали крест-накрест друг на друге, а между ними было насыпано немного земли. Здесь было 13 или 14 больших бронзовых пушек и запертый сундук, содержавший, по подсчетам, две тысячи фунтов стерлингов королевских сокровищ, предназначавшихся для оплаты солдат этого форта, коих было 150 человек (по испанским данным, гарнизон насчитывал лишь 80 солдат. — *В. Г.)*.
>
> Когда форт… был взят и наступил день, мы попытались пройти к городу, но не смогли [сделать это] по причине рек и пересеченной местности между двумя указанными местами. И тогда, вынужденные снова сесть в наши пинасы, мы отправились оттуда на главную реку, которая, как и город, называлась Сан-Аугустин».

В «Трактате и описании экспедиции сэра Фрэнсиса Дрейка…» сообщается, что возле форта на англичан напали выскочившие из леса «дикари и прочие». Их атака была отбита, но в ходе схватки «был убит мистер Уотерхаус, помощник капитана нашего корабля».

29 мая английский авангард подошел на шлюпках и пинасах к окраине Сан-Аугустина, в котором насчитывалось около двухсот пятидесяти домов. Здесь отряд был снова обстрелян испанцами. Очевидец писал: «Когда мы приближались к месту высадки, появились какие-то люди и произвели в нашу сторону несколько выстрелов, однако тут же бросились наутек. Когда они убегали, сержант-майор [Пауэлл], обнаружив одну из их лошадей оседланной и взнузданной, взял ее, чтобы броситься в погоню; и, оторвавшись от своей роты, был застрелен в голову человеком, скрывавшимся в кустах. Когда он упал, стрелявший и двое или трое сообщников пронзили его тело шпагами и кинжалами в трех

или четырех местах еще до того, как кто-либо [из наших] смог прийти к нему на помощь. Мы весьма сожалели о его смерти, поскольку он был весьма благородным человеком и опытным солдатом, таким храбрым, каким только может быть мужчина».

30 мая, не обнаружив в Сан-Аугустине ни жителей, ни денег, ни провианта (не считая сорока бочек муки грубого помола), англичане сожгли его дотла и вернулись назад в форт Сан-Хуан, в котором провели еще три дня. Участник экспедиции писал, что они убили вождя местных индейцев за то, что он вместе со своими воинами планировал в одну из ночей неожиданно напасть на английский лагерь «и уничтожить всех англичан».

Недалеко от форта люди Дрейка захватили небольшую каравеллу. На ее борту они нашли «немного сокровищ», письма, адресованные королем Испании местным чиновникам, и маленького мальчика. Команда судна оставила его, когда в спешке бежала на берег. Дрейк велел отправить мальчика к скрывавшимся в окрестных лесах испанцам.

Примерно в 12 лигах к северу от Сан-Аугустина находилось еще одно испанское поселение, называвшееся Санта-Элена. Его охранял гарнизон из ста пятидесяти солдат, в задачу которого входило не допускать на побережье Флориды иностранных колонистов. На общем собрании всех капитанов Дрейк хотел выяснить, стоит ли им осуществить нападение и на это поселение. Капитаны единогласно проголосовали зато, чтобы напасть на Санта-Элену.

2 июня англичане завершили погрузку на суда пушек и иных трофеев, подожгли форт, затем предали огню каравеллу, захваченную возле Матансаса, и ночью вышли в море. Однако из-за наличия опасных мелей вдоль побережья и отсутствия лоцмана от нападения на Санта-Элену вскоре пришлось отказаться.

ВИЗИТ НА ОСТРОВ РОАНОК. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Прежде чем взять курс на Англию, Дрейк решил навестить английскую колонию на острове Роанок, основанную в 1585 году по инициативе фаворита королевы Елизаветы сэра Уолтера Рэли.

«Итак, мы пошли вдоль побережья, держась близко к берегу, — пишет анонимный участник экспедиции, — и мели простирались на лигу или две от побережья, а земля по большей части была низменной и труднопроходимой. 9 июня, заметив специально разведенный большой огонь… генерал направил свой ялик к берегу, где мы нашли несколько наших соотечественников-англичан, которые были отправлены сюда годом ранее сэром Уолтером Рэли, и доставили их на борт. Следуя их указаниям, мы прошли к тому месту, которое они сделали своим портом. Но некоторые из наших кораблей, имея большую осадку, не смогли войти и стали на якорь за пределами гавани, на открытом рейде, примерно в двух милях от берега. Отсюда генерал написал письма мастеру Ралфу Лейну, который был губернатором этих англичан в Виргинии, а затем в его форт, находившийся примерно в шести лигах от рейда на острове, который они называли Роанок; в них он, в частности, сообщил, что готов снабдить его всем необходимым, ибо узнал о его потребностях от тех, с кем он имел беседу при первой встрече (Дрейк беседовал с капитаном Стаффордом. — *В. Г.)*.

На следующий день сам мастер Лейн и некоторые из его компании прибыли к нему; с согласия своих капитанов он [Дрейк] предложил им на выбор два варианта, сказав: либо он оставит им корабль, пинас и несколько лодок с соответствующим количеством шкиперов и моряков, снабдив их месячным запасом провизии, чтобы они находились там и продолжали исследование той страны и берегов, а также столько провианта, сколько будет необходимо для перевозки их всех (в количестве ста трех человек) в Англию, если они в дальнейшем надумают так поступить, вместе с иными необходимыми вещами, каковые он мог бы им дать; либо, если они полагают, что уже достаточно исследовали и желают вернуться в Англию, он увезет их. Но они… захотели остаться, согласившись с благодарностью и великой радостью с тем, что было предложено вначале».

В «Отчете о примечательных деяниях англичан, оставленных в Виргинии Ричардом Гренвиллом на попечении мастера Ралфа Лейна» сообщается, что управляющий колонией просил Дрейка

оставить ему помимо провизии «несколько соответствующих шкиперов — не только для доставки нас в Англию, когда придет время, но также для поиска на побережье какой-нибудь лучшей гавани, ежели здесь таковые имелись, и в особенности помочь нам небольшими лодками и гребцами». Кроме того, Лейн хотел получить от Дрейка мушкеты, пистолеты, фитили, свинец, инструменты и иное снаряжение. Адмирал, «следуя своей обычной манере руководства (как сообщили мне), созвал своих капитанов на совет; решили, чтобы я отправил вместе с ним на борт кораблей тех офицеров из моего отряда, которых я использовал в подобных случаях, с их записками; ими были начальник снабжения, заведующий складом и помощник казначея. Он [Дрейк] сразу же передал им для меня судно „Фрэнсис“ — весьма приличный барк в 70 тонн, и тут же велел доставить на его борт провиант для ста человек на четыре месяца вместе со всеми другими необходимыми припасами, о которых я просил…».

Проявив невиданную щедрость, Дрейк решил также оставить Лейну два пинаса, четыре шлюпки и двух опытных шкиперов — Абрахама Кендалла и Гриффита Хёрна. «Но, — замечает очевидец, — когда корабль был выделен… еще до того, как они смогли получить от флота предназначенную для них провизию, разразился сильный шторм (что, по их словам, было необычно и весьма странно), который [сопровождался грозой и градом и] не стихал три дня (по данным Лейна, четыре дня — с 13 по 16 июня. — *В. Г.),* подвергая весь флот страшной опасности быть сорванным с якорей и выброшенным на берег. Из-за этого мы перерезали много канатов и потеряли много якорей; а некоторые суда из нашего флота, пропавшие вовсе, включая корабль, выделенный для мастера Лейна и его людей, так и не смогли вновь встретиться с нами до тех пор, пока мы не пришли в Англию. Многие наши малые пинасы и лодки были потеряны во время этого шторма».

Когда шторм утих, Дрейк хотел отдать колонистам барк «Боннер» с небольшим запасом провизии, «чтобы они могли вернуться в свою гавань». Однако Лейн и его компаньоны — всего 109 человек — отказались от дальнейшего проживания на Роаноке, умоляя, чтобы их отвезли в Англию. Адмирал не возражал, и 19 июня флот вышел в открытое море.

От побережья Виргинии (ныне это побережье штата Северная Каролина) корабли экспедиции направились на север, к Ньюфаундленду, а оттуда поспешили к родным берегам. Автор дополнения к отчету Биггса писал: «В конце концов… мы благополучно прибыли в Портсмут 28 июля 1586 года, к великой

славе Господа и к не меньшей чести нашей государыни, нашей страны и всех нас. Стоимость того, что было добыто в этой экспедиции, оценивалась в 60 тысяч фунтов, из коих команды, участвовавшие в этом трудном вояже, получили 20 тысяч, а авантюристы — остальные 40. Из этих 20 тысяч фунтов (насколько я могу судить) пришлось по шесть фунтов на пай. Мы потеряли в этой экспедиции почти 750 человек; более трети из них — по болезни. Вот имена умерших и погибших в этом вояже, кого я смог сразу припомнить: капитан Пауэлл, капитан Вэрни, капитан Мун, капитан Фортескью, капитан Биггс, капитан Сесил, капитан Хэннам, капитан Гринфилд; Томас Такер — лейтенант; Александр Старки — лейтенант; мастер Эскот — лейтенант; мастер Уотерхаус — лейтенант; мастер Джордж Кэндиш, мастер Николас Уинтер, мастер Александр Карлейл, мастер Роберт Александр, мастер Скруп, мастер Джеймс Дайер, мастер Питер Дак. И некоторые другие, которых я не могу вспомнить.

Пушек разных сортов, бронзовых и железных, было около двухсот сорока, из коих две сотни с лишним были бронзовыми; их нашли и забрали в Сантьягу — пятьдесят две или пятьдесят три. В Санто-Доминго — около восьмидесяти, среди которых было очень много больших полных пушек, полупушек, кулеврин и т. п. В Картахене — 63 пушки и множество подобных лучшего сорта. В форте Сан-Аугустина было 14 пушек. Остальные были железными орудиями, из коих большая часть была взята в Санто-Доминго, остальные — в Картахене».

Стоимость добычи подсчитывали королевские комиссионеры: сэр Уильям Уинтер (инспектор кораблей), Ричард Мартин (лондонский олдермен и мастер монетного двора), Джон Харт (лондонский олдермен и директор Московской компании), Томас Смит (откупщик таможенных пошлин и мастер горного дела) и Джон Хокинс (казначей флота и один из пайщиков предприятия). Им помогали сам Дрейк, Карлейл и Фробишер. Итог подсчетов был таким: золото оценили в 5146 фунтов стерлингов 5 шиллингов 10 пенсов; серебро в слитках и монетах — в 34 133 фунта стерлингов 9 шиллингов 10 пенсов; жемчуг и 6 унций изумрудов — в 3205 фунтов стерлингов 3 шиллинга 8 пенсов; бронзовые пушки — в 5222 фунта стерлингов 7 шиллингов; прочие пушки — в 1476 фунтов стерлингов 9 шиллингов 4 пенса. С учетом иного добра, итоговая сумма равнялась 67 017 фунтам стерлингов 11 шиллингам 1 пенни. Из этой суммы изъяли корабельные расходы на 3608 фунтов стерлингов 12 шиллингов 7 пенсов, после чего осталось 63 408 фунтов стерлингов 18 шиллингов 6 пенсов. Солдатам и морякам выплатили 17 500 фунтов стерлингов. Остаток составил 45 908 фунтов стерлингов

18 шиллингов 6 пенсов. Пайщики экспедиции получили смехотворную прибыль в 15 шиллингов на каждый вложенный фунт.

Хотя с финансовой точки зрения вест-индская экспедиция 1585–1586 годов не была успешной, поэт Томас Грип откликнулся на нее восторженной поэмой-хроникой «Правдивые и полные новости о знаменитых и храбрых подвигах, совершенных и содеянных храбрым рыцарем сэром Фрэнсисом Дрейком». Автор нарисовал мужественный образ Дрейка, отметил, что адмирал и его спутники постоянно находились под особой протекцией Всевышнего, и сравнил их деяния с деяниями героев Ветхого Завета.

НАБЕГ НА КАДИС

Спустя две недели после возвращения флота Дрейка из вест-индской экспедиции в Англии произошло важное событие — были арестованы Энтони Бабингтон и его сообщники, замешанные в католическом заговоре, целью которого было убийство Елизаветы и возведение на престол Марии Стюарт. Раскрытие заговора еще больше охладило отношения между Англией и Испанией, но до открытого конфликта между двумя монархиями дело пока не дошло. Елизавета продолжала свои дипломатические игры, пытаясь найти новых союзников на континенте — в частности, в северных провинциях Нидерландов, куда был отправлен контингент английских войск во главе с Лейстером; Филипп II не желал пока тратиться на снаряжение большой армады с целью завоевания Англии, предпочитая усиливать охрану трансатлантических путей, по которым курсировали корабли с его американскими сокровищами.

Тем временем Дрейк, находясь дома, получил указание правительства поддерживать тесные связи с доном Антониу — претендентом на португальский престол. Вместе они обсуждали планы возможных экспедиций в Португалию, на Азорские острова или в Ост-Индию, однако все их проекты так и остались нереализованными.

В начале октября Дрейку поручили новое задание. Он должен был возглавить эскадру из восьми кораблей, чтобы доставить подкрепления и военное снаряжение Лейстеру. Подробности этой экспедиции неизвестны. Адмирал, безусловно, посетил несколько голландских портов, где встречался с местными арматорами. Поскольку миссия Лейстера в Нидерландах не увенчалась успехом, Дрейк в начале декабря забрал его с собой в Лондон. Прибыв туда, сэр Фрэнсис просил членов Тайного совета выдать ему разрешение на снаряжение новой морской экспедиции, но получил вежливый отказ. Правительство как раз занималось решением судьбы Марии Стюарт, смертный приговор которой был подписан за день до прибытия Дрейка.

Между тем поступила информация о том, что в портах Пиренейского полуострова активизировалась подготовка морских сил, которые могли быть задействованы в войне против Англии. Дрейк просил правительство дать ему эскадру для проведения разведки в испанских и португальских водах. Однако советники королевы полагали, что флот должен нести службу у берегов Англии, пресекая военную контрабанду, идущую из балтийских портов в Испанию.

Ситуация изменилась кардинальным образом в конце 1586 года. 25 декабря, в день Рождества, было решено, что весь флот должен быть собран в Портсмуте к 20 марта 1587 года, «дабы мешать снабжению Испании». Одновременно представитель Адмиралтейства должен был сопроводить Лейстера в Нидерланды, где к указанной дате планировалось снарядить союзный голландский флот. Участие Дрейка в этом проекте до последнего момента хранилось в глубочайшем секрете.

8 февраля 1587 года шотландская королева Мария Стюарт взошла на эшафот в замке Фотерингей. Ее казнь была воспринята всем католическим миром как пощечина со стороны протестантов, и испанский король Филипп II решил ответить на этот вызов открытым применением военной силы. Его замысел состоял в том, чтобы снарядить огромный флот, высадить в Англии войска, низложить королеву Елизавету и, возведя на английский престол инфанту Изабеллу, вернуть англичан в лоно католической церкви.

На верфях Кадиса, Лиссабона, Барселоны и Неаполя ускоренными темпами шло строительство боевых и транспортных кораблей; отовсюду в порты стягивались отряды солдат; заготавливали военное снаряжение, оружие, боеприпасы и провиант. К весне 1587 года правительство Елизаветы уже всерьез опасалось, что вторжение испанцев не за горами.

В начале марта стало известно, что Дрейк собирается отправиться в Плимут, чтобы лично руководить снаряжением новой экспедиции. 18 марта между адмиралом и лондонскими купцами-авантюристами были подписаны статьи соглашения о правилах раздела будущей добычи:

> «Поелику Ее наипревосходнейшему Величеству было угодно пожаловать мне, сэру Фрэнсису Дрейку, рыцарю, специальное поручение, датированное пятнадцатым днем марта в двадцать девятый год царствования Ее Величества, ради той службы, которую я, названный сэр Фрэнсис, с четырьмя Ее Величества кораблями и двумя пинасами должен буду исполнить; и поелику Томас Корделл, Джон Уоттс, Пол Бейнинг, Саймон Борман, Хью Ли, Роберт Флик и их партнеры, лондонские купцы, также подготовили за свой счет десять торговых кораблей и пинасов для служения Ее Величеству, по этой причине я, названный сэр Фрэнсис Дрейк, в силу указанного специального поручения действительно заключаю соглашение, даю обещание и гарантию названным Томасу Корделлу, Джону Уоттсу, Полу

Бейнингу, Саймону Борману, Хью Ли, Роберту Флику и их партнерам ради наилучшего исполнения предстоящей службы составить консорт с упомянутыми торговыми кораблями, которые я получаю под свое управление; и чтобы любые приобретения в вещах, деньгах, сокровищах, товарах… которые могут быть захвачены всеми или любым из вышеназванных кораблей… будь то на море или на суше, были поровну разделены соответственно их размерам (каковые будут объявлены), человек к человеку и тонна к тонне, и чтобы раздел осуществился в море немедленно после взятия оных во владение или же тогда, когда позволят ветер и погода. При неизменном условии, что все награбленное на море или на суше будет разделено следующим образом: одна половина — командам кораблей Ее Величества, а другая половина — командам торговых кораблей; и ради лучшего удовлетворения обеих сторон необходимо будет провести встречу людей на борту судов каждой флотилии, чтобы они специально проследили за этим. И для исполнения оного я, названный сэр Фрэнсис Дрейк, приложил здесь мою руку и печать. Дано восемнадцатого дня марта 1586 [1587] года в двадцать девятый год царствования нашей суверенной государыни Елизаветы, Божьей милостью королевы Англии, Франции и Ирландии, защитницы веры и пр.

Копия верна и заверена мною.

Ричард Мэй, общественный нотариус».

К концу месяца в составе экспедиции уже числилось 23 корабля. Флагманом был королевский 47-пушечный галеон «Элизабет Бонавенчур» (грузоподъемность, по разным оценкам, от 360 до 550 тонн); вице-адмиральским 38-пушечным судном «Голден лайон» (спущен на воду в 1557 году, перестроен в 1582 году, грузоподъемность 650 тонн) командовал Уильям Бороу — опытный моряк старой школы, участник знаменитой арктической экспедиции Уиллоуби, назначенный заместителем Дрейка. Капитан Роберт Флик, командовавший лондонской эскадрой, занял пост контр-адмирала и должен был идти на вооруженном торговом судне «Мерчент ройял». Томас Феннер принял под свое командование 40-пушечный «Дредноут» (построен Мэтью Бейкером, спущен на воду в 1573 году, грузоподъемность от 360 до 400 тонн). Галеоном «Рейнбоу» командовал капитан Генри Беллингем. Этот 26-пушечный корабль нового образца был

построен в доках Дептфорда Питером Петтом и спущен на воду в 1586 году; его грузоподъемность, по разным данным, варьировалась от 384 «регламентных тонн Бейкера» до 500 тонн. Полный список кораблей экспедиции, составленный 1 апреля, приводится ниже.

Четыре корабля и два пинаса королевского флота: «Элизабет Бонавенчур» — 550 тонн, командир сэр Фрэнсис Дрейк; «Голден лайон» — 550 тонн, командир Уильям Бороу; «Дредноут» — 400 тонн, командир Томас Феннер; «Рейнбоу» — 500 тонн, командир Генри Беллингем; пинас «Спай» — 50 тонн, командир капитан Александр Клиффорд; пинас «Мейкшифт» — 50 тонн, командир капитан Джон Босток.

Два судна лорда-адмирала: «Уайт лайон» — 150 тонн; пинас «Сигнит» — 25 тонн.

Семь судов Левантийской компании: «Мерчент ройял» — 400 тонн, командир капитан Роберт Флик; «Сьюзен» — 350 тонн; «Эдвард Бонавенчур» — 300 тонн; «Маргарет энд Джон» — 210 тонн; «Соломон» — 200 тонн; «Джордж Бонавенчур» — 150 тонн; «Томас Бонавенчур» — 150 тонн.

Четыре судна Дрейка: «Миньон» — 200 тонн; «Томас» — 200 тонн; «Барк Хокинс» — 130 тонн; пинас «Элизабет» — 70 тонн.

Четыре судна инвесторов из западных графств: «Литтл Джон» — 100 тонн; пинас «Дрейк» — 80 тонн; пинас «Спидвелл» — 50 тонн; пинас «Пост» — 30 тонн.

Несмотря на наличие в составе экспедиции королевских судов, она по большому счету оставалась частным предприятием. Снаряжение кораблей и снабжение их провиантом осуществлялись не за счет казны, а за счет частных инвесторов; размер жалованья команд напрямую зависел от количества добычи, которую они должны были захватить у испанцев (иными словами, действовал старый принцип корсаров: «Нет добычи — нет платы»). Но тем не менее участие в предстоящем походе военно-морских сил королевства дает основание считать его полувоенным-полукорсарским. Королева должна была получить 50 процентов добычи. Дрейк занял пост главнокомандующего по ее прямому указанию. Бороу, представлявший лорд-адмирала, был заместителем сэра Фрэнсиса (то есть вице-адмиралом). Флик, командовавший лондонской приватной эскадрой, занимал в этой «табели о рангах» третью позицию (то есть был контр-адмиралом). Феннер, возможно, обладал таким же объемом полномочий, что и Флик (неслучайно в некоторых источниках он тоже именуется контр-адмиралом).

В переданных Дрейку инструкциях указывалось, что он должен «предотвращать или противиться таким предприятиям,

которые могли угрожать королевству или доминионам Ее Величества», и, в частности, не допускать соединения в одну армаду разрозненных эскадр короля Филиппа. При этом адмиралу предоставлялось право самому решать, какие именно действия ему следует предпринять для выполнения поставленной задачи. Свидетельства Бороу и Уолсингема указывают на то, что Дрейку вменялось в обязанность пресекать любые попытки испанских кораблей выйти из различных портов, чтобы затем соединиться в Лиссабоне; забирать у них провиант; преследовать их, если они направятся в сторону Англии или Ирландии, и не позволить им высадить там десанты; атаковать суда, идущие из колоний Америки и Ост-Индии в метрополию или в обратную сторону; и, наконец, уничтожать вражеские суда в их же гаванях.

Королевские корабли снялись с якоря в Грейвсенде 18 марта, но Дрейк не вышел в море вместе с ними. Предполагают, что он находился в это время в Гринвиче, откуда вместе с женой отправился в Дувр. Там они поднялись на борт пинаса, который доставил их к флагманскому кораблю.

23 марта Дрейк прибыл в Плимут, где развернул бурную деятельность по завершению снаряжения кораблей экспедиции. Спустя неделю большая часть флота была готова к выходу в море. Помимо моряков на борту судов разместились десять рот солдат под командованием капитана Энтони Платта, назначенного генерал-лейтенантом. Его заместителем в ранге сержант-майора был утвержден капитан Джон Марчент. Кроме них отдельными ротами командовали капитаны Кросс, Паркер, Томас и Эдвард Феннеры, Пул, Спиндлоу, Сайденхэм и Мэнингтон. При каждом капитане имелись лейтенант, прапорщик, два сержанта и четыре капрала. Обязанности капеллана должен был исполнять Филипп Николс.

В субботу 1 апреля к плимутской эскадре присоединились задержавшиеся в пути суда из Лондона, а воскресным утром следующего дня весь флот снялся наконец с якоря и отсалютовал береговым укреплениям. В тот же день адмирал писал своему другу и покровителю Уолсингему:

> «Высокопочтенный, прошедшей ночью к нам пришел „Ройял мерчент“ с четырьмя другими судами из лондонской флотилии; [встречный] ветер не позволил им прийти быстрее. Мы заключили с ними соглашение касательно взаимоотношений между нами… Я благодарен Господу за то, что мы все, как один, готовы постоять за нашу милостивую королеву и страну против Антихриста и его помощников.

Благодарю Господа за таких джентльменов на командных постах, как капитан Бороу, капитан Феннер и капитан Биллингем, исполняющих вместе со мной данное поручение, коих я нашел благоразумными, честными и весьма способными людьми…

Уверяю Вашу честь, что здесь имеется немало толковых людей, привлеченных для участия в указанном деле, но за последние два дня различные лица ухитрились сбежать от нас… В основном это были моряки. На их место мы взяли солдат. Я написал судьям относительно тех, кто дезертировал в пределах наших графств, дабы они отправили их в тюрьму и наказали в соответствии с решениями тех судей, которые находятся при нас. По данному поводу я более подробно написал лорд-адмиралу, ибо если вообще не прибегнуть к наказанию по столь значимому факту в столь грозное [для страны] время, это может нанести непоправимый вред службе Ее Величества.

Я уверяю Вашу честь, что мы не теряли здесь времени даром и, дай Бог, не потеряем его в любом ином месте. За свой счет я обеспечил снабжение [кораблей] провизией… и увеличил, насколько мог, ее количество…

Умоляю Вашу честь держаться хорошего мнения не только обо мне, но и обо всех тех, кто задействован в указанном деле…

Ветер командует мне — ступай! Наш корабль уже под парусами. Дай Бог, чтобы мы, страшась Его, жили так, дабы наши враги могли сказать, что сам Господь сражается на стороне Ее Величества как за границей, так и на родине, а также дарует ей долгую и счастливую жизнь и неизменную победу над врагами…

Скорее вперед! С борта Ее Величества доброго корабля „Элизабет Бонавенчур“ 2 апреля 1587 года.

Тот, кто желает всегда оставаться под Вашим руководством и никогда не прекращает молить Господа о Вас и всех Ваших близких,

Фрэнсис Дрейк».

В последний момент Елизавету все же охватили сомнения, и она решила ограничить круг переданных Дрейку полномочий. В новых инструкциях адмиралу, составленных в Тайном совете 9 апреля, ему запрещалось насильственно вторгаться в испанские гавани, захватывать стоявшие там суда, высаживать десанты на испанских берегах и нападать на испанские города; он мог лишь

захватывать в открытом море те суда, которые шли из Испании «в Восточные или Западные Индии или возвращавшиеся из названных Индий в Испанию». Таким образом, основная задача экспедиции сводилась лишь к охоте за ост — и вест-индскими флотилиями.

Королевский курьер, которому поручили передать адмиралу новые инструкции, был, по слухам, побочным сыном Джона Хокинса. Он не слишком спешил в Плимут и конечно же опоздал. Не застав в порту кораблей экспедиции, курьер пересел на пинас, принадлежавший Уинтеру, однако — надо же такому случиться! — и на сей раз не смог догнать Дрейка (возможно, из-за того, что пустился в погоню за каким-то «купцом», перевозившим груз сахара и «бразильского дерева», и сделал его своим призом). Как бы там ни было, Елизавету, по всей видимости, устраивал подобный поворот дела, ибо теперь вся ответственность за действия ее «морских псов» ложилась исключительно на командира экспедиции. По мнению Э. Райана, «правительство просто обеспечило себе повод умыть руки в случае неудачи, но в то же время сохранило возможность примазаться к успеху. Поэтому над Дрейком нависла угроза опалы, особенно в случае провала экспедиции».

Между тем флот все дальше уходил от берегов Англии. В понедельник 3 апреля, в первой половине дня, участники похода заметили в море два парусника и погнались за ними. Последние оказались приватирскими кораблями из Лайма. Поскольку Дрейк располагал специальным полномочием, разрешавшим ему присоединять к своему флоту любые встречные суда, он не преминул воспользоваться этим правом. Таким образом, количество кораблей экспедиции увеличилось до двадцати пяти.

Последующий ход событий сам Дрейк так описывал в письме Уолсингему, датированном 27 апреля:

«Ставлю Вас в известность, что второго числа сего месяца мы покинули Плимутский зунд; пятого мы увидели мыс Финистерре; в течение пяти дней нам препятствовал сильный шторм, из-за которого наш флот рассеялся, а на „Дредноуте“ открылась большая течь. 16-го мы все снова встретились у мыса Рока…»

В указанном районе, охотясь за местными каботажниками, англичане повстречали два судна, приписанных к зеландскому порту Мидделбург. Их шкиперы сообщили Дрейку, что в порту Кадиса готовятся припасы и корабли для отправки в Лиссабон. Адмирал решил наведаться в этот порт и уничтожить указанные припасы и суда. Оставив свои легкие парусники для крейсерства у побережья, он с основными силами флота устремился к Кадису и в среду 19 апреля появился возле его внешней гавани.

Во второй половине дня на борту флагмана был созван военный совет. Поскольку часть кораблей с небольшой скоростью хода отстала, некоторые офицеры предлагали стать на якорь, дождаться подхода отставших сил и только утром следующего дня совершить нападение на порт. Дрейка подобного рода предложения не впечатлили. Он прекрасно понимал, что залог успеха — в быстроте действий. Если промедлить, испанцы успеют подготовиться к отражению атаки и стянуть в город и порт дополнительные силы из провинции. Не втягиваясь в дискуссию, адмирал сдержанно поблагодарил офицеров за участие в совете и объявил, что собирается начать операцию немедленно.

— Следуйте за мной, — сказал он, — и уничтожайте их суда, когда приблизитесь к ним.

Столь лаконичный приказ при полном отсутствии детально разработанного плана военной кампании шокировал вице-адмирала Бороу, который, безусловно, имел кое-какое представление о естественных препятствиях, затруднявших подходы к Кадису со стороны моря. Город располагался на вершине крутой скалы, находившейся в западной части длинного и узкого полуострова. Береговые батареи держали под прицелом вход в Кадисский залив. Но не только пушки угрожали судам, стремившимся проникнуть в порт. Не меньшую опасность представляли также многочисленные мели и скалы, миновать которые можно было только с помощью опытного лоцмана.

Слабой стороной обороны Кадиса являлось отсутствие надежной системы фортификаций. Испанцы располагали лишь одной приличной крепостью — замком Матагорда, построенным в 1534 году, и двумя батареями, из коих одна контролировала вход во внешнюю гавань, а вторая — саму гавань. Внутренняя гавань была отгорожена от внешней узкой косой Пунталес, но здесь испанцы вообще не имели никаких укреплений. Напротив Кадиса, на другой стороне залива, располагался небольшой порт Санта-Мария, а во внутренней гавани, сразу за косой Пунталес, находился небольшой порт Пуэрто-Реаль. Подходы к Санта-Марии и Пуэрто-Реалю прикрывали песчаные отмели, обойти которые без помощи местного лоцмана было почти невозможно.

Главную роль в обороне Кадиса испанцы отводили своим галерам, которые базировались в порту числом до дюжины. Бороу предложил Дрейку дождаться темноты и только потом попытаться проникнуть во внешнюю гавань. Адмирал решительно отверг это предложение. «Враг находился прямо перед ним, — писал Дж. Корбетт, — его полномочие лежало у него в кармане, ветер был благоприятным, и, к неудовольствию вице-адмирала, к четырем часам пополудни он все еще оставался попутным».

Две испанские галеры были отправлены из порта Санта-Мария, чтобы выяснить, что за флотилия появилась у входа в залив, но Дрейк тут же атаковал их, заставив ретироваться. Во внешней гавани англичане насчитали около шестидесяти судов разных типов, а под прикрытием второй батареи — множество каравелл и небольших барок. Большинство судов предназначалось для участия в «Английском проекте», то есть в походе против Англии. Некоторые из них были уже загружены, некоторые стояли под загрузкой, и почти все ожидали подвоза пушек из Италии. Опасаясь дезертирства, испанские власти позаботились о том, чтобы расснастить часть парусников.

Как только Дрейк атаковал и обстрелял упомянутые галеры, в гавани начался переполох. Те суда, которые способны были двигаться, немедленно бросились искать более подходящие укрытия. Два десятка небольших французских судов и местных каботажников поспешили через отмели к гавани Санта-Мария, а шесть голландских хульков — в Пуэрто-Реаль. Чтобы прикрыть остальные суда, включая 14 конфискованных короной голландских хульков, десяток сторожевых галер под командованием дона Педро де Акуньи вышли из-под прикрытия пушек первой береговой батареи и направились к кораблям англичан. Но их решительность не испугала Дрейка. Оставив лондонскую эскадру действовать против торговых судов противника, он с четырьмя королевскими кораблями двинулся наперерез галерам Акуньи. Бортовыми залпами англичане посеяли панику в рядах противника, вынудив галеры спешно развернуться и спасаться бегством. Две из них ушли за выступ косы Пунталес и укрылись в гавани Пуэрто-Реаль; семь других заняли неприступную позицию в окружении рифов Пуэркас, где их могли прикрывать огнем пушки замка Матагорда, десятая галера выбросилась на берег, чтобы не быть потопленной. Хотя Дрейк в своей депеше утверждал, что потопил две галеры, другие источники не подтверждают эту информацию.

Вечером английские корабли стали на якорь среди захваченных ими призов. Один из испанских 40-пушечных кораблей, имевший грузоподъемность до тысячи тонн, получил во время боя столько пробоин, что пошел ко дну. Те суда, которые не были расснащены по приказу испанских властей, Дрейк велел сохранить в качестве трофеев, а все прочие — сжечь. Эту несложную работу англичане проделали под огнем второй испанской батареи. Воспользовавшись заревом пожара, охватившего посаженные на мель расснащенные испанские суда, адмирал приказал капитану «Мерчент ройял» отвести корабли лондонской эскадры и иные приватные суда в проход,

соединяющий внешнюю и внутреннюю гавани, и стать там на якорь вне досягаемости городских пушек. Сам он с королевскими кораблями расположился мористее, прикрывая частников от возможной повторной атаки галер. Вице-адмирал Бороу, по-видимому, счел задачу, стоявшую перед флотом, выполненной и захотел выйти в открытое море. Но Дрейк не был удовлетворен нанесенным испанцам ущербом. Возможно, его не устраивали и размеры захваченной добычи. Задумав новую акцию, он велел вызванным на совещание капитанам держаться всю ночь возле флагмана и ничего не предпринимать без его указаний.

На рассвете 20 апреля галеон «Элизабет Бонавенчур» снялся с якоря и, к немалому изумлению Бороу, направился к стоявшим на входе во внутреннюю гавань кораблям лондонской эскадры. В самой внутренней гавани в это время находился великолепный флагманский галеон адмирала Альваро де Басана, первого маркиза де Санта-Крус; сей корабль, по разным данным, имел грузоподъемность от 800 до 1500 тонн. Его-то Дрейк и выбрал в качестве главного объекта нападения. Игнорируя присутствие в гавани Пуэрто-Реаль двух галер, сэр Фрэнсис лично возглавил небольшую флотилию в составе «Мерчент ройял», нескольких пинасов и шлюпок и приступил к реализации задуманного плана.

Тем временем вице-адмирал Бороу, совершенно сбитый с толку, занялся поисками пропавшего адмирала. Не обнаружив его на борту флагмана, он отправился в сторону «Мерчент ройял» и пинасов, легко овладевших к тому времени галеоном маркиза де Санта-Крус. Однако Дрейка на борту «Мерчент ройял» тоже не оказалось. В конце концов Бороу отыскал его на «Элизабет Бонавенчур», куда адмирал успел вернуться после захвата корабля маркиза. Позже Дрейк утверждал, что его вице-адмирал «дрожал как осиновый лист», напуганный близостью испанцев. Бороу отрицал обвинения в трусости, уверяя, что хотел лишь посоветоваться с адмиралом относительно снабжения королевских кораблей провиантом с захваченных призов. Когда Бороу удалился, намереваясь вернуться на свой корабль, Дрейк заметил, как шлюпки начали буксировать «Голден лайон» к выходу из гавани. Оправдываясь, Бороу на суде в Англии заявил, что испанцы установили на берегу напротив его корабля пушку и что ядро, выпущенное из нее, пробило корпус судна в районе ватерлинии и оторвало ногу старшему канониру. Чтобы выйти из-под обстрела, шкипер корабля велел верповать его к выходу из гавани еще до того, как вице-адмирал вернулся на борт.

Когда испанцы увидели, что «Голден лайон» удаляется от остальных кораблей английского флота, они отправили на его перехват свои галеры. Данное обстоятельство не ускользнуло от

внимания Дрейка. По его приказу «Рейнбоу», «Эдвард Бонавенчур» и пять других приватных судов вместе с пинасом адмирала бросились на выручку вице-адмиралу. «Голден лайон» продолжал идти вперед — по словам Бороу, «чтобы напасть на галеры», по мнению Дрейка — чтобы уйти подальше от батарей, установленных на входе в гавань. Предположение адмирала выглядит более убедительно, поскольку, едва английские корабли отбили атаку галер, Бороу не пожелал вернуться назад, а стал на якорь возле входа в гавань, к западу от Санта-Марии. При этом он удержал при себе остальные суда, помогавшие ему отразить нападение испанцев. Поясняя свои действия, вице-адмирал утверждал, что хотел обеспечить прикрытие флота со стороны открытого моря и не дать испанским галерам в очередной раз атаковать англичан.

> «Мы оставались здесь до 21-го, — писал Дрейк Уолсингему, — и за это время потопили бискайский корабль в 1200 тонн, сожгли корабль маркиза де Санта-Крус в 1500 тонн и еще 31 корабль в 1000, 800, 600, 400 и до 200 тонн, увели с собой четыре, нагруженных провизией, и ушли оттуда по своему желанию, с честью, как того и хотели, несмотря на то, что во время нашего присутствия там нас часто атаковали двенадцать королевских галер, из коих мы две потопили, а прочие отбили. Нас постоянно яростно обстреливали с берега, но, слава Богу, к малому ущербу для нас».
>
> Испанские отчеты говорят о потере двадцати четырех судов, оцениваемых вместе с их грузами в 172 тысячи дукатов. Общую стоимость потерь испанских купцов, судовладельцев и короны подсчитать довольно сложно. Некто Грегорио Гомиш, сообщая об ущербе, причиненном англичанами испанцам, писал из Лиссабона своему другу Доминго Мартинису: «Говорят, они нанесли ущерб королю более чем на 500 тысяч дукатов, включая четыре тысячи бочек вина, 20 тысяч кинталей галет, 30 тысяч фанег пшеницы и иной провизии, каковую они сожгли и уничтожили».

Когда галеон маркиза де Санта-Крус был предан огню, «Мерчент ройял» и пинасы вернулись к основным силам флота. К тому времени трюмы английских судов наполнились трофеями — вином, оливковым маслом, галетами и сушеными фруктами. От четырех до шести призов, нагруженных провиантом, были присоединены к экспедиции. Дрейк посчитал свою миссию выполненной и приказал готовить корабли к отплытию. Но в это

время ветер, как назло, стих. У испанцев появился шанс взять реванш за поражение, разгромить попавшие в штиль неприятельские суда и вернуть хотя бы часть захваченных англичанами трофеев. Управляющий провинцией герцог Медина-Сидония, замок которого находился недалеко от Кадиса, отправил в город отряд из трехсот кавалеристов и трех тысяч пехотинцев. На песчаных холмах, тянувшихся вдоль берега, спешно устанавливались пушки. Под прикрытием их огня галеры снова попытались атаковать английский флот; одновременно, воспользовавшись отливом, испанцы пустили в направлении неприятеля несколько брандеров. Но все их усилия оказались тщетными. Нападение галер англичане отбили с помощью интенсивного артиллерийского огня, а брандеры были перехвачены пинасами и шлюпками и отбуксированы в сторону отмелей, где благополучно сгорели.

— Испанцы делают за нас нашу работу, сжигая свои корабли, — с иронией заметил Дрейк.

Наконец в два часа ночи с берега подул бриз, и адмирал приказал сниматься с якоря. Испанские галеры сначала отступили под прикрытие береговых батарей, а затем устремились в погоню за уходившим английским флотом. Утром 21 апреля на море снова установился штиль. Галеры, маневрируя, несколько раз пытались приблизиться к вражеским судам вплотную, но с тем же отрицательным результатом. Когда с юга подул свежий ветер и на море поднялось волнение, галеры вынуждены были вернуться в порт.

Флот Дрейка лег в дрейф в виду Кадиса и оставался на внешнем рейде весь остаток дня. Английские моряки дразнили испанцев, подавая им сигналы и приглашая еще раз помериться силами, однако те отказались принять вызов. Тогда Дрейк вступил в переговоры с властями города, предлагая обменяться пленными. Он готов был освободить всех своих пленников в обмен на галерных рабов-англичан и пятерых моряков, взятых испанцами в плен еще в первую ночь после появления английского флота в Кадисском заливе. Испанская сторона ответила на это предложение вежливым отказом.

Хотя Дрейк и нанес испанскому флоту существенный урон в Кадисе, он не спешил возвращаться на родину. От пленных адмирал узнал, в каких еще портах Пиренейского полуострова идет снаряжение судов для вторжения в Англию. Так, в Лиссабоне, где находилась штаб-квартира Альваро де Басана, маркиза де Санта-Крус, последний не только запасал провиант, оружие и боеприпасы, но и готовил к походу большие португальские галеоны — судя по всему, они должны были

составить костяк всей армады. Кроме того, там стояли на якоре галеон герцога Медичи и несколько кораблей меньших размеров. На севере Испании, в порту Пасахес, генерал-капитан «армады Гипускоа» Мигель де Окендо организовал эскадру из самых лучших кораблей указанной провинции. Кроме его собственного корабля в нее вошли шесть судов и четыре пинаса. В районе португальского мыса Сан-Висенти крейсировала эскадра вице-адмирала Хуана Мартинеса де Рекальде — уроженца Бильбао, «лучшего испанского флотоводца после маркиза де Санта-Крус». В ее составе, помимо собственного корабля Рекальде, находились шесть или семь судов из Бискайи и пять пинасов. В Кадисе все еще оставались на плаву 15 судов, которым посчастливилось избежать захвата или уничтожения со стороны английского флота. В Картахену пришли шесть больших левантийских кораблей, доставивших туда с острова Сицилия отряды пехотинцев под командованием дона Диего Пиментеля и много пушек. Кроме того, со дня на день там ожидали прибытия из Неаполя четырех больших галеасов и еще двух левантийских кораблей с неаполитанской пехотой и артиллерией. Помимо боевых кораблей испанцы мобилизовали множество небольших судов, которые должны были перевозить провиант и снаряжение.

Тем временем Дрейк повел свой флот на запад. Испанцы терялись в догадках, куда он собирается отправиться — к Лиссабону или на Азорские острова, где английские и французские корсары обычно поджидали флотилии, возвращавшиеся с богатыми грузами из Америки и Ост-Индии. Филипп II, встревоженный до невозможности, приказал маркизу де Санта-Крус немедленно выйти в море и взять под охрану пути следования кораблей с сокровищами. Маркиз ответил, что у него нет людей: солдаты, которых он ожидал, были срочно направлены на защиту Кадиса, а моряки, получить которых он тоже надеялся, находились на кораблях, уничтоженных Дрейком. Филипп в отчаянии послал в Картахену приказ снять с левантийских судов сицилийский полк и форсированным маршем отправить его через всю Испанию в Лиссабон.

Через несколько дней королю доложили, что флот Дрейка появился к северу от мыса Сан-Висенти. Опасаясь, что теперь левантийские суда, лишенные солдат, могут стать легкой добычей англичан, Филипп распорядился укрыть их в гавани Кадиса и там ждать от него новых указаний.

ОПЕРАЦИИ У БЕРЕГОВ ПОРТУГАЛИИ

Дрейк не случайно переместил свои силы в район мыса Сан-Висенти, где, согласно полученным сведениям, должна была находиться эскадра вице-адмирала Рекальде. Мыс, расположенный на юго-западной оконечности Португалии, занимал весьма выгодное положение. Контролируя окрестные воды, английский флот мог полностью перерезать пути, связывавшие Кадис и средиземноморские порты с Лиссабоном, а заодно установить контроль над коммуникациями, связывавшими Испанию с колониями. Кроме того, разгромив эскадру Рекальде, Дрейк мог существенно ослабить силы снаряжаемой против Англии армады. Однако, когда английские корабли появились возле мыса Сан-Висенти, испанской эскадры там уже не было. Дрейк двинулся в северном направлении и в 15 лигах от мыса заметил паруса разыскиваемой эскадры. Увы, многоопытный испанский флотоводец не стал искушать судьбу и, легко оторвавшись от преследования, успел укрыть свои суда в надежно охраняемом порту Лиссабона.

Дрейк не очень-то и расстроился. Изгнав эскадру Рекальде из района мыса Сан-Висенти, он решил воспользоваться теми преимуществами, которые предоставлял ему контроль над окрестными водами. Ближайшим намерением адмирала стал захват укрепленных пунктов неприятеля, расположенных на прилегавших к мысу скалистых возвышенностях.

Бороу, как всегда, пришел от нового замысла командующего в ужас. 29 апреля, во время штиля, он прибыл на борт «Элизабет Бонавенчур» и, направляясь к каюте Дрейка, случайно услышал разговор толпившихся на палубе офицеров. Те как раз обсуждали недавнее решение адмирала. Дрейк, по всей видимости, принял его единолично, не вынося на военный совет, а вице-адмирала просто поставил в известность о том, что собирается захватить на берегу либо замок Сагриш (бывшую резиденцию принца Энрики (Генриха) Мореплавателя, открывшего там знаменитую «навигацкую школу»), либо находившийся к северо-востоку от него укрепленный монастырь. Овладев одним из этих пунктов, англичане могли бы спокойно запасаться водой из местных источников. Бороу, не оценив стратегической выгоды данного проекта, вернулся к себе на корабль и 30 апреля написал «моему очень доброму адмиралу» пространное, исполненное эмоций послание (ныне оно хранится в фондах Британского музея). В нем он высказал всё, что думал о ходе экспедиции и, в частности, о последнем замысле Дрейка. Аккуратно пожурив сэра Фрэнсиса за

то, что тот игнорирует мнение своих заместителей и членов военного совета, Бороу просил его не пренебрегать опасностью, которая исходила от сновавших вдоль побережья галер противника. Он также советовал ему отказаться от тщеславной идеи высадиться на сушу, что могло ослабить силы флота и привести его к гибели в случае нападения кораблей противника.

Дрейку доводы Бороу не понравились. Еще большую антипатию вызывал в нем сам Бороу. Он, без сомнения, увидел в вице-адмирале «второго Даути», который своим несогласием с планами и линией поведения адмирала, по сути, подрывал его авторитет и сводил на нет успех всего предприятия. Пылая праведным гневом, Дрейк распорядился доставить Бороу на борт флагмана, чтобы в присутствии капеллана и флаг-капитана указать ему на недопустимость нарушения субординации и пренебрежения своими обязанностями. Напрасно Бороу клялся, что не хотел действовать во вред адмиралу и готов был исполнить любой его приказ. Дрейк не поверил ему. Капитану Марченту было приказано взять на себя командование «Голден лайоном», а Бороу — отбыть туда в качестве арестанта. Там опальный вице-адмирал томился в неизвестности касательно своей дальнейшей судьбы, «ежедневно ожидая, когда же адмирал исполнит… свое кровожадное намерение, как он сделал это когда-то в отношении Даути».

Бороу арестовали 1 мая, когда флот Дрейка, согласно испанским данным, находился в 14 лигах к северу от мыса Сан-Висенти. 2 мая Феннер писал Уолсингему, что они находятся в 15 лигах от указанного мыса. Их крейсерство проходило в общем-то успешно. Среди захваченных призов оказался большой флибот из Дюнкерка, перевозивший испанские товары на 10 тысяч фунтов стерлингов, и судно, нагруженное строевым лесом.

3 мая, двигаясь в южном направлении, английские корабли обогнули мыс Сан-Висенти и появились близ небольшого порта Лагуш. Дрейку хотелось захватить его врасплох. На следующий день, перед самым рассветом, около тысячи солдат высадились на пляж к западу от Лагуша и двинулись через посевы зерновых и виноградники вглубь суши, намереваясь напасть на город с тыла. Однако, преодолев пять миль и приблизившись к нему на расстояние мушкетного выстрела, англичане вдруг обнаружили, что город располагает надежными фортификациями и охраняется не только ополченцами, но и сильным гарнизоном. Взять его малой кровью не представлялось возможным. Поэтому, отказавшись от попытки штурма, пехотные капитаны повернули свои отряды назад к берегу.

Едва солдаты, прикрываемые огнем корабельных пушек,

вернулись на борт, Дрейк принял решение вновь переместиться поближе к мысу Сан-Висенти и захватить упоминавшийся ранее замок Сагриш. «Атака Сагриша, — писал Э. Райан, — была сопряжена с огромным риском, особенно потому, что десантная партия не имела артиллерии. Но именно осознание степени риска подтолкнуло Дрейка использовать фактор внезапности. Дрейк нюхом чуял, где и когда его не ждут. Это был редкостный талант».

5 мая около восьмисот мушкетеров и пикинёров высадились на сушу в бухте Сагриш и двинулись к небольшому форту Авелера (Балеэйра), стоявшему у них на пути. Завидев их приближение, гарнизон форта спустил флаг и благоразумно отступил в замок Сагриш. Взять это укрепление штурмом было архисложно: с трех сторон его окружали мрачные отвесные скалы, возвышавшиеся на 200 футов над уровнем моря, а с северной стороны крепость прикрывала высокая зубчатая стена с четырьмя башнями по обе стороны ворот. Тем не менее Дрейк готов был рискнуть, понимая, что без овладения замком Сагриш флот не сможет получить доступ ни к удобной якорной стоянке в одноименной бухте, ни к единственному в тех местах источнику питьевой воды.

Оставив в Авелере отряд солдат, адмирал, облаченный в доспехи, сам повел ударную группу на штурм. В авангарде продвигались 30 мушкетеров. Когда они, произведя залп, отступили, Дрейк предложил защитникам Сагриша сдаться. Гарнизон, насчитывавший, по разным данным, от ста до ста пятидесяти человек, ответил решительным «нет». Поскольку англичане, не имевшие при себе артиллерии, не могли сокрушить стены вражеской цитадели, Дрейк решил попробовать проникнуть внутрь замка с помощью поджога деревянных ворот. С этой целью с кораблей доставили вязанки хвороста и смолу, и вскоре адмирал самолично подбросил несколько вязанок в разгоравшееся пламя.

Мушкетеры прикрывали действия поджигателей, обстреливая бойницы и тех защитников крепости, которые пытались высунуться из-за зубцов крепостной стены. Бой длился около двух часов. У англичан два человека были убиты и многие ранены. Неожиданно защитники замка выбросили белый флаг. Как оказалось, их комендант скончался от полученных ран, и они, пав духом, предпочли договориться с Дрейком об условиях капитуляции. Сэр Фрэнсис охотно гарантировал сдавшимся солдатам жизнь и свободу.

Напуганные обитатели соседнего форта Белиши и монастыря Сан-Висенти сдались англичанам вслед за Сагришом. Захватчики

разрушили их защитные стены, сожгли все, что могло гореть, а пушки утащили с собой. Примерно та же участь постигла Сагриш и Авелеру. Фортификации были уничтожены, а 15 тяжелых бронзовых пушек английские солдаты просто-напросто сбросили со скал в море.

В то время как пехота оперировала на суше, моряки тоже не дремали. Часть флота крейсировала к востоку от мыса, захватывая и сжигая каботажные суда противника. Всего, по словам Дрейка, англичане «взяли сорок кораблей, барков, каравелл, а различных иных судов — больше сотни». По данным английских и испанских отчетов, англичане уничтожили около пятидесяти каравелл и барок грузоподъемностью от 20 до 60 тонн, большая часть которых везла снаряжение, предназначавшееся для армады маркиза де Санта-Крус. Кроме того, они потопили от пятидесяти до шестидесяти рыбацких лодок, изъяв у рыбаков весь их улов.

9 мая погрузка на корабли солдат, пресной воды, трофейных пушек и иной добычи была завершена, и в час ночи, воспользовавшись бризом с суши, Дрейк приказал сниматься с якоря. Его следующей целью был Лиссабон — главная база испано-португальского флота, куда стекались людские и материальные ресурсы из различных уголков империи Филиппа II, предназначенные для «Английского предприятия». По мнению Дж. Корбетта, Лиссабон в то время являлся едва ли не самым могущественным морским портом мира, и его превосходная гавань могла вместить даже очень крупный флот. За обширным внешним баром, к северу от него, находилась якорная стоянка, над которой господствовал замок Кашкайш. Последний был возведен у северо-западной оконечности бухты. Примерно в семи милях к востоку находился замок Сан-Жулиан — резиденция маркиза де Санта-Крус. Пушки замка простреливали Северный, или Главный, проход на реку Тежу, пройти по которому без помощи местных лоцманов было практически невозможно. Таким же сложным и опасным был проход, лежавший возле южной оконечности бара. Его прикрывал старый форт, называвшийся Торре-Вейжу (Сторожевая башня). Кроме того, на реке, на скалистом островке, возвышался величественный форт Белен. Наконец, сложную систему обороны гавани Лиссабона дополняли береговые батареи и эскадра сторожевых галер.

10 мая флот Дрейка появился на рейде Кашкайша. Отсюда была видна крепость Сан-Жулиан, под прикрытием пушек которой стояли семь или восемь больших галер. Мертвый штиль, установившийся на море, не позволил англичанам атаковать их. Галеры, со своей стороны, тоже не проявляли активности.

Демонстрируя свое превосходство и удаль, английский адмирал отправил несколько пинасов на охоту за каботажными судами. В итоге часть из них была захвачена, а часть — загнана на мели и скалы. В одной из депеш Дрейк с иронией писал: «Маркиз де Санта-Крус, наблюдая затем, как мы загоняем его корабли на берег, был согласен и дальше терпеть наше присутствие и не произвел в нашу сторону ни одного пушечного выстрела».

Если верить испанским источникам, Дрейк собирался высадить десант в Кашкайше, но, узнав, что португальцы были полны решимости дать англичанам отпор, отказался от этого намерения. Те же источники сообщают, что дон Алонсо де Басан, брат маркиза де Санта-Крус, во главе эскадры галер предпринял попытку атаковать английский флот, однако последний смог отогнать их артиллерийским огнем.

Вскоре маркизу передали письмо от Дрейка с предложением обменять английских галерных рабов на пленных испанцев. В то же время сэр Фрэнсис спрашивал, не собирается ли король Филипп начать в этом году войну с Англией. Санта-Крус заверил Дрейка, что у него нет пленных англичан и что его король не планирует в этом году начать войну. Оба ответа Дрейк счел лживыми, хотя второй, как мы увидим, адекватно отражал объективную реальность (испанцы просто физически не успевали в текущем году завершить подготовку армады для похода на Англию). Дрейк снова написал маркизу, сообщив, что, коль уж испанская сторона отказывается произвести обмен пленными, он будет продавать всех пленных испанцев маврам, а на вырученные деньги позже выкупит своих соотечественников из рабства. К этому посланию, по утверждению ряда биографов нашего героя, прилагался вызов на поединок: Дрейк предлагал маркизу вывести свои корабли из гавани и сразиться с англичанами в открытом бою. На вызов Дрейка Санта-Крус ответил, что, к сожалению, у него не было времени, чтобы подготовиться к встрече с ним, и к тому же он не получал от своего короля полномочий на сражение с английским адмиралом.

Видя, что выманить маркиза в море не удастся, Дрейк весь день развлекался тем, что охотился с внешней стороны бара за испанскими и португальскими судами. Вечером с севера налетел шторм, и сэр Фрэнсис решил увести свой флот из бухты Кашкайш назад к мысу Сан-Висенти. 12 мая английские корабли стали на якорь под прикрытием указанного мыса.

17 мая адмирал, сидя в каюте «Элизабет Бонавенчур», писал Уолсингему: «До тех пор пока Господу будет угодно снабжать нас пищей и питьем, а наши корабли, ветер и погода будут служить нам, Вы, несомненно, будете слышать о нашем пребывании близ

мыса Сан-Висенти, где мы ежедневно делаем и будем делать то, что Ее Величество и Ваша милость прикажет нам. Мы были бы благодарны Господу, если бы Ее Величество прислала сюда еще несколько кораблей. Если бы здесь находилось еще шесть добрых кораблей Ее Величества, мы имели бы больше возможностей, чтобы помешать соединению сил [неприятеля] и, быть может, захватить или задержать его флоты, (идущие] из разных мест, в следующем месяце и позже, поскольку именно сейчас настало самое подходящее время для их возвращения домой».

18 мая какой-то беглый негр прибыл в английский лагерь, разбитый на берегу, и заявил, что располагает важной информацией. Доставленный на борт флагмана, он передал Дрейку, что в Лагуш пришли десять испанских галер. Это была эскадра генерала дона Мартина Падилья-и-Манрике, будущего графа де Санта-Гадеа, которому король поручил разведать обстановку в районе мыса Сан-Висенти, установить, где находится английский флот, и по возможности объединиться с кораблями маркиза де Санта-Крус.

Дрейк тут же отправился с флотилией легких судов в сторону Лагуша, желая убедиться в правдивости полученных сведений. Прибыв на траверз указанного порта и обнаружив стоявшие там галеры, он приказал атаковать их. Но после первых же выстрелов англичан галеры Падильи бежали на мелководье, окруженное рифами, где стали недосягаемы для английских пушек. За неимением лучшего пинасы Дрейка принялись разорять каботажное судоходство противника. Вечером заштормило, и флот англичан вынужден был переждать непогоду в открытом море. Утром 19 мая, однако, он вернулся в Лагуш. Галеры все еще прятались за рифами. Продолжая крейсерство, англичане переместились в восточном направлении, в район гавани Албуфейра. Там высаженный на берег отряд из четырехсот солдат захватил и сжег рыбацкую деревню. Поскольку даже эта диверсия не расшевелила напуганного командующего галерами, флот Дрейка вернулся на якорную стоянку в бухту Сагриш.

В это время Филипп II, узнав о появлении англичан близ Лиссабона, изменил свои первоначальные приказы. Полагая, что Пиментель с переданными ему шестью галерами, пушками и сицилийским полком уже достиг Кадиса, король велел местному губернатору герцогу Медина-Сидония связаться с Падильей, чтобы тот незамедлительно забрал пушки и полк Пиментеля на свои галеры и как можно быстрее отправился в Лиссабон. В том случае, если герцогу не удастся связаться с графом, ему следовало отправить солдат Пиментеля в португальскую столицу по суше. Впрочем, через два дня королю доложили, что Дрейк

покинул окрестности Лиссабона, скрывшись в неизвестном направлении. Предположив, что англичане собираются напасть на идущий из Америки «серебряный флот», Филипп велел Санта-Крусу посадить на португальские галеоны как можно больше солдат и незамедлительно выйти в море, дабы не допустить захвата кораблей с сокровищами неприятелем. Одновременно герцог Медина-Сидония должен был собрать все имеющиеся в Кадисе суда и отправить их к мысу Сан-Висенти на соединение с эскадрой Санта-Круса. Спустя два дня ситуация снова резко изменилась, так как королю доложили о появлении Дрейка возле упомянутого мыса. Возникло подозрение, что английский адмирал собирается не допустить переброски войск и снаряжения из Кадиса в Лиссабон по морю. Маркиз де Санта-Крус просил короля отправить к нему сицилийский полк по суше, чтобы он смог взять его на борт своих кораблей и, выйдя в море, сразиться с Дрейком до того, как последний получит подкрепления из Англии (по данным испанской разведки, четыре военных корабля и шесть вооруженных «купцов» уже готовы были уйти из английских портов на помощь Дрейку).

Тем временем власти Кадиса, горя желанием реабилитироваться за недавнее поражение, заверили короля Филиппа, что спустя неделю или максимум десять дней смогут выслать в море 60 кораблей, которые выбьют англичан с их базы у мыса Сан-Висенти и с триумфом присоединятся к флоту маркиза де Санта-Крус. Но прошла неделя, а «воз был и ныне там». Чтобы прояснить ситуацию, король откомандировал в Кадис одного из лучших своих офицеров — дона Алонсо де Лейву, успевшего отличиться в военных кампаниях в Италии и Нидерландах. Дон Алонсо, естественно, не обнаружил в порту Кадиса обещанных шестидесяти кораблей. Тогда было принято решение вернуться к прежнему проекту — перебросить солдат в Лиссабон по суше.

В воскресенье 21 мая Дрейк написал Уолсингему, что собирается отправить больных моряков и солдат домой на нескольких призах под командованием капитана Паркера, и просил прислать лучшие из трофейных судов назад со всей возможной поспешностью. Из этого следовало, что он собирался продолжить блокаду испано-португальского побережья. Но 22 мая, когда флотилия призов покинула основные силы экспедиции, Дрейк неожиданно повел свой флот на запад, к Азорским островам.

Что же заставило адмирала резко изменить свои планы?

Уильям Монсон сообщает, что Дрейк получил от пленных информацию о богатом португальском карраке, который должен

был идти домой из Ост-Индии. Поскольку зимой каррак находился в Мозамбике, а затем известие о нем пришло в метрополию с острова Сан-Томе, появление его в районе Азорского архипелага следовало ожидать в конце весны или начале лета.

Информация была вполне достоверной. Речь шла о «величайшем корабле во всей Португалии» — королевском карраке «Сан-Фелипе», которым командовал капитан Жоао Тригеруш. Трюмы корабля-гиганта буквально ломились от диковинных восточных товаров: пряностей, китайского шелка, ситца, бархата, тафты, разноцветных турецких ковров, фарфора, слоновых бивней, эбенового дерева, индиго, мускатного ореха, благовоний, драгоценных камней, серебра и золота. Ни одному корсару еще не удавалось захватить такой богатый приз. Дрейк поклялся, что он будет первым.

В ночь на 23 мая разразился шторм, не утихавший до четверга 25 мая. «Во время этого шторма, — писал участник экспедиции Роберт Ленг, — нас всех разбросало и наш адмирал оказался в большой опасности». Когда море успокоилось, Дрейк обнаружил поблизости лишь королевские галеоны, собственный барк «Томас», еще три приватных корабля, «Уайт лайон», «Миньон» и несколько пинасов. Все суда лондонской эскадры пропали из виду (позже выяснилось, что все они благополучно вернулись на Темзу).

На следующий день, в пятницу, в подветренной стороне был замечен какой-то корабль и «Голден лайон» вместе с пинасом «Спай» пустились за ним в погоню. Корабль оказался одним из тех, что входил в состав экспедиции, но, пользуясь попутным ветром, его капитан принял решение идти домой. «Голден лайон» отправился следом за ним, а пинас вернулся к флагману. К немалому удивлению Дрейка, на борту пинаса оказался капитан Марчент. Адмирал удивился еще больше, когда выслушал его рапорт. Марчент утверждал, что, когда он приказал старшему помощнику повернуть судно назад, команда во главе с боцманом отказалась подчиняться. Мятежники заявили, что из-за болезней у них не хватает рабочих рук, что питьевая вода и провиант на исходе и что они предпочитают отдать себя на милость королеве, нежели погибнуть в океане вместе с Дрейком. Не сумев переубедить моряков и полагая, что за их спиной стоит опальный вице-адмирал Уильям Бороу, Марчент принял решение покинуть корабль и доложить о случившемся главнокомандующему.

Дрейк был вне себя от гнева. Собрав на борту «Элизабет Бонавенчур» военный совет, он назначил судей для вынесения мятежникам приговора. Все они были признаны виновными в

измене, а Бороу и старшие офицеры заочно осуждены на смертную казнь.

Утром 8 июня на горизонте показался гористый остров. Это был Сан-Мигел. Весь день англичане шли к нему, а вечером заметили у берега большой корабль. Дрейк приказал «Рейнбоу» лечь в дрейф и держать у себя за кормой два пинаса, сам же продолжил двигаться в сторону незнакомца.

На рассвете 9 июня ожидания адмирала были вознаграждены: поймав парусами свежий бриз, его корабль пошел прямо к обнаруженному судну, и примерно в лиге от него англичане смогли точно определить, что это — португальский каррак, встречи с которым они так жаждали. Капитан каррака начал посылать английскому флагману сигналы, требуя, чтобы он показал свой флаг. «Однако мы, зная, кто он, не показывали ему никакого флага до тех пор, пока не приблизились к нему на расстояние пушечного выстрела, — рассказывает Роберт Ленг. — И тут только мы подняли наши флаги, вымпелы и флажки, чтобы он больше не сомневался, кто мы такие. И, сделав так, мы приветствовали его пушечным залпом; и, получив несколько пробоин, он стал стрелять в нас — то в одного, то в другого. Тогда мы взялись за него основательно; наш флибот и один из наших пинасов стали напротив его клюзов, и в них он стрелял и метал зажигательные снаряды, но не мог причинить им вреда, поскольку его орудия находились высоко над ними. Затем, увидев, что мы приготовились к абордажу и все наши корабли взялись за их корабль так горячо и решительно, что дело быстро шло к развязке, а у него уже было шестеро убитых и много раненых, они уступили нам».

В другом отчете записано, что под занавес боя Дрейк крикнул португальцам:

— Сдавайтесь, иначе ваши жены останутся вдовами!

Решив, что своими действиями они достаточно постояли за честь родного флага, защитники каррака прекратили сопротивление. Взятием этого приза сэр Фрэнсис не только возместил все расходы на снаряжение экспедиции, но и обогатил всех ее участников и инвесторов.

На борту приза англичане нашли 400 африканских невольников. Всех их вместе с пленными капитаном и командой каррака пересадили на флибот, позволив идти на все четыре стороны.

Дрейк взял «Сан-Фелипе» на буксир и приказал возвращаться в Англию. В воскресенье 25 июня они были уже в районе островов Силли, а 26-го подошли к Плимуту, «где все… к великой радости, возблагодарили Господа за… успешную экспедицию, возвращение

в сохранности и ее огромные доходы». Встречать своих героев на набережную высыпал едва ли не весь город.

Согласно легенде, сам Дрейк, рассказывая королеве и ее министрам о сожжении испанских судов в Кадисе, не без иронии заметил, что он «подпалил бороду испанскому королю».

«Воистину, он натворил столько бед на берегах Испании, — писал о Дрейке посол Венеции в Лондоне, — что если бы даже король одержал сейчас над ним победу, то не смог бы компенсировать и половины ущерба, который он ему нанес».

О реальной стоимости привезенной Дрейком добычи можно только догадываться. Официально объявили, что каррак «Сан-Фелипе» и его драгоценный груз стоили около 114 тысяч фунтов стерлингов, а именно:

Генеральный груз стерлингов 13 шиллингов 11 пенсов	108 049	фунтов
Золото, серебро и драгоценности стерлингов	3900	фунтов
Корабль и артиллерия стерлингов	2000	фунтов
Итого стерлингов 13 шиллингов 11 пенсов	113 949	фунтов

Из итоговой суммы королеве причиталось более 40 тысяч, а ее «железному пирату» — около 17 тысяч. Хотя лондонская эскадра не участвовала в захвате приза, лондонские купцы-авантюристы получили причитавшуюся им долю добычи. Лорду Берли, который покровительствовал им, они презентовали тысячу фунтов стерлингов.

Уильям Монсон, известный моряк, адмирал и автор трактатов по морскому делу, живший в эпоху Елизаветы Тюдор и Якова Стюарта, описывал кадисскую экспедицию как «увенчавшуюся успехом абсолютно во всем без малейшего исключения. Она принесла славу и богатство, противнику был нанесен тяжелый удар, купцы остались полностью удовлетворены, а… страна получила безопасность на много лет вперед».

Испанский исследователь С. Фернандес Дуро, оценивая кадисскую операцию Дрейка, полагал, что «в анналах Англии не было экспедиции, сравнимой с этой».

Не скрывает своего восхищения и крупный специалист по истории английского приватирства К. Эндрюс. Он приписал успех кадисской экспедиции исключительным талантам Дрейка; адмирал, по его словам, умело «сочетал молниеносную

интуитивную оценку возможностей с практической сметкой, пылом, большой твердостью, которые превращали возможность в почти верную реальность».

СНАРЯЖЕНИЕ НЕПОБЕДИМОЙ АРМАДЫ КОНТРМЕРЫ АНГЛИЧАН

Через месяц после возвращения на родину Дрейк попытался довести до логического завершения приговор, вынесенный заочно Уильяму Бороу и другим офицерам «Голден лайона». 25 июля он представил членам Королевского совета, собравшимся в доме лорда Берли, пункты обвинения, которые были подписаны членами военного трибунала на борту «Элизабет Бонавенчур». Однако дело оказалось не столь простым, как казалось Дрейку. Его самого едва не обвинили в превышении полномочий. Хотя адмирала не стали упрекать за то, что он нарушил королевские инструкции, запрещавшие ему высаживать солдат на территории владений Филиппа II (эти инструкции, как известно, курьер не успел передать адмиралу), члены совета решили, что его приговор вице-адмиралу Бороу не имел законной силы. Флотская традиция не давала ему права распоряжаться жизнью старших офицеров. Правила, утвержденные еще Генрихом VIII, гласили, что «все капитаны обязаны подчиняться своему адмиралу; если кто-то проявит непокорность, адмирал должен ссадить его на берег, назначить иного на его место и написать королю и Совету о его проступках, правдиво и без злого умысла». Таким образом, Дрейк и назначенные им судьи не имели права выносить Бороу смертный приговор. Правда, применение адмиралом крайних мер было возможно в случае открытого мятежа, но доказать, что опальный вице-адмирал руководил мятежниками на борту «Голден лайона», Дрейк не мог. Бороу, оправдывая свои действия, напомнил присутствующим, что во время сражения с испанцами в Сан-Хуан-де-Улуа в 1568 году Дрейк тоже покинул своего адмирала — Джона Хокинса, однако никто его за это не судил. В итоге с Бороу сняли все обвинения в мятеже и дезертирстве. Он был восстановлен в прежней должности секретаря флота, а спустя два года пошел на повышение — занял должность контролера флота.

Между тем королева снова стала склоняться на сторону противников войны с Испанией. Вместо того чтобы продолжить нанесение ударов по испанским морским коммуникациям и уничтожение кораблей противника, она не только запретила Дрейку отправиться в новый поход к берегам Пиренейского полуострова, но и не дала согласия на мобилизацию всех военно-морских сил своего королевства.

Тем временем король Филипп не собирался откладывать дело

в долгий ящик. Его обычная медлительность вдруг «сменилась упрямым нетерпением начать военные действия немедленно, так что адмиралы с трудом сдерживали его пыл». Король разработал свой план операции против Англии. Согласно его замыслу армада должна была выйти в море уже в сентябре, доставить войска и снаряжение во Фландрию, там принять на борт армию испанского наместника Нидерландов герцога Пармы, а затем высадить ее на побережье Англии.

Однако осуществить этот проект на практике было не так-то просто. Хотя поступило сообщение, что андалусская эскадра вышла в море в июле, бискайская эскадра Окендо смогла покинуть Пасахес лишь месяц спустя. Маркиз де Санта-Крус, отправившийся с португальской эскадрой к Азорским островам, вернулся к мысу Сан-Висенти только в конце сентября. Когда он прибыл наконец в Лиссабон, оказалось, что его галеоны потрепаны бурями и нуждаются в длительном ремонте. Весь октябрь маркиз пытался убедить короля отложить выход армады до лучших времен, но Филипп не хотел ничего слушать.

В конце месяца бискайская эскадра добралась до Лиссабона и присоединилась к основным силам армады. Однако даже в ноябре корабли были укомплектованы людьми и военным снаряжением лишь наполовину. Санта-Крус полагал, что все работы можно будет завершить не раньше декабря, о чем откровенно докладывал его католическому величеству. Филипп подозревал, что адмирал сознательно тянет время, придумывая всяческие отговорки.

Возможно, его подозрения имели под собой основания. Как опытный флотоводец, Санта-Крус понимал, сколь печальные последствия может иметь морская экспедиция, предпринятая без должной подготовки, в разгар зимних штормов и неустойчивой туманной погоды, характерной для окружающих Англию морей. Об этих и иных опасностях он написал королю в пространном меморандуме, предлагая начать экспедицию не ранее марта 1588 года. При этом маркиз заверил своего суверена, что, если тот прикажет вывести армаду в море немедленно, он, как верный слуга, незамедлительно исполнит монаршую волю.

Королю доводы адмирала и его медлительность не понравились, но повлиять на ситуацию он не мог. Пришлось смириться с мыслью о том, что в 1587 году начать поход Великой армады уже не удастся.

Елизавета недолго держала сторону «партии мира». Получая все новые и новые сообщения шпионов о приготовлениях испанцев, королева осенью решила предпринять меры по подготовке своих военно-морских сил к отпору неприятеля. В

октябре сэр Уолтер Рэли добился для Дрейка разрешения посетить Лейстера, чтобы обговорить с ним проект нового антииспанского предприятия. «Сэр Фрэнсис, — писал Рэли, — полон надежд снова вернуться в Индии». Спустя короткое время были предприняты кое-какие практические шаги по подготовке экспедиции. Примерно в это же время небольшая, но хорошо снаряженная эскадра сэра Генри Палмера была отправлена для блокады побережья Фландрии в районе Дюнкерка. 13 ноября Джон Хокинс предложил снарядить 17 кораблей для охраны острова Уайт, а 24 ноября часть кораблей королевского флота решено было передать под командование Дрейка для операций в Атлантике. 15 декабря лорд-адмирал Чарлз Хоуард Эффингемский получил от ее величества новые инструкции для флота, а 21-го — назначение на пост главнокомандующего. Ему предписывалось при любой представившейся возможности «нападать, вторгаться, брать добычу и овладевать королевствами, доминионами, землями, островами и всеми прочими местами, принадлежащими испанцам». На следующий день он заявил, что через два-три дня весь флот будет готов к выходу в море на дежурство. 23 декабря Дрейка назначили командующим пока еще не сформированной отдельной эскадрой из тридцати судов, в состав которой должны были войти семь королевских кораблей. В их задачу входило не только охранять вход в Ла-Манш, но и провести «разведку боем» сил противника.

Согласно свидетельству итальянского хрониста Петруччио Убальдини, инструкции позволяли Дрейку наведаться к берегам Пиренейского полуострова, осмотреть испанские и португальские гавани и в случае обнаружения там скопления вражеских судов уничтожить их. С другой стороны, если бы Дрейк встретил испанскую армаду в открытом море, ему надлежало немедленно отправить сообщение об этом правительству, а затем следовать по пятам за неприятелем, изыскивая благоприятную возможность нанести оному как можно больший урон. Исключительные полномочия, переданные сэру Фрэнсису, давали ему также право приказывать офицерам в портах проводить при необходимости мобилизацию местных сил и концентрировать их в наиболее уязвимых местах побережья. Наконец, он мог задерживать любые иностранные суда, перевозившие военную контрабанду.

3 января, едва закончились новогодние праздники, Дрейк выехал в Плимут для снаряжения эскадры. Цель его экспедиции, разумеется, хранилась в глубоком секрете, однако молва быстро разнесла весть о том, что адмирал пойдет охотиться за «серебряным флотом». По наблюдению некоего испанского пленника, желающих записаться в экспедицию было столько, что

их хватило бы на укомплектование экипажами двухсот кораблей. Но в распоряжении Дрейка находилось пока лишь 13 судов — все из состава прежней экспедиции. Отсутствовали семь обещанных кораблей королевского флота, пять приватных судов лондонской эскадры и пять иных вооруженных «купцов», необходимых для доведения численности эскадры до искомых тридцати единиц.

Увы, политическая ситуация к этому времени снова изменилась. Королева, по всей видимости, получила информацию о том, что Филипп отложил выход своей армады в море на неопределенное время. Данное обстоятельство давало ей шанс попытаться разрешить англо-испанские противоречия мирным путем. Елизавета послала лорд-адмиралу Хоуарду новый приказ: сократить численность набранных команд вдвое. К 18 января этот приказ был выполнен.

Тем временем три судна из числа обещанных Дрейку — «Хоуп», «Нонпарел» и пинас «Эдвайс» — пришли в Портсмут. Еще два судна — «Мейкшифт» и пинас «Спай» — проводили разведку у берегов Испании. Чатемский дивизион, по данным Дж. Корбетта, вышел в море и взял курс на Плимут в середине января. Он включал в себя галеоны «Эйд», «Свифтшур» и 46-пушечный «Ривендж»; последний должен был стать флагманом эскадры Дрейка.

Чтобы ускорить формирование экспедиции, адмирал задержал пять шведских хульков — очевидно, под предлогом того, что они везли военную контрабанду. Два из них вышли из Лиссабона 2 января, а 20-го были захвачены в районе Плимута. От пленных Дрейк узнал, что работы по снаряжению армады полностью «заморожены». Эту информацию вместе с несколькими пленниками он тут же отправил в Лондон. Одновременно от английского посла в Париже пришло сообщение, что болезни, смерти и массовое дезертирство привели армаду в состояние полного расстройства. Елизавета реагировала на полученные известия мгновенно и вновь скорректировала свои планы. Дрейк получил приказ отпустить задержанные шведские суда и ждать дальнейших указаний.

Между тем государственный секретарь Уолсингем не верил, что дела у испанцев обстоят настолько плохо. Он просил Хоуарда не терять бдительности и быть готовым встретить армаду в море уже в апреле. Дрейк тоже не доверял полученным сведениям о пассивности неприятеля и пытался убедить королеву, что испанцы продолжают активно готовиться к походу. Поэтому, полагал он, необходимо взять инициативу в свои руки, нанести по противнику упреждающий удар и сжечь корабли армады в их портах.

Поскольку одно лишь имя Дрейка повергало испанцев в трепет, его появление у берегов Испании могло иметь немалый психологический эффект. Многие суеверные люди искренне верили, что сэр Фрэнсис наделен магическими способностями, что он продал свою душу дьяволу и тот помогает ему во всех начинаниях. Поговаривали, что в его каюте находится волшебное зеркало, которое показывает ему корабли противника и всё, что происходит на них. Словно колдун, он мог влиять на погоду, вызывать бурю, успокаивать волнение на море и заставлять ветры дуть в нужном направлении.

13 февраля Дрейк выслал на разведку к берегам Испании еще один пинас. В то же время были ускорены ремонт и переоснащение королевских кораблей. Несмотря на интриги «партии мира», новый фаворит королевы граф Эссекс — сын прежнего патрона Дрейка — держал сторону «партии войны» и поддерживал все антииспанские проекты сэра Фрэнсиса.

9 февраля неожиданно умер командующий испанской армадой маркиз де Санта-Крус. Филипп II с плохо скрываемым удовлетворением написал спустя неделю: «Господь показал мне свое расположение, забрав его именно теперь, до отплытия флота». Новым командующим — генерал-капитаном моря-океана — король назначил 37-летнего дона Алонсо Переса де Гусмана, двенадцатого сеньора и пятого маркиза Сан-Лукар-де-Баррамеда, девятого графа Ньевла и седьмого герцога Медина-Сидония. Увы, в отличие от своего предшественника, герцог не имел славы опытного флотоводца, но зато был добрым супругом и отцом (имел четырех сыновей), добрым христианином, рачительным хозяином и послушным исполнителем. Филипп не сомневался, что он скрупулезно выполнит его инструкции.

Елизавета, узнав о смерти маркиза де Санта-Крус, попыталась возобновить мирные переговоры с Испанией. В конце февраля ее представители выехали во Фландрию, чтобы встретиться с герцогом Пармой. Одновременно Хоуарду и Дрейку было приказано приостановить подготовку кораблей к выходу в море. Это не означало, что офицеры и команды должны были быть списаны на берег. Сохранение флота в состоянии боевой готовности давало Елизавете лишний козырь на переговорах с испанской стороной. Только четыре королевских корабля вернулись на базу в Чатем. Лорд-адмирал перенес свой флаг на «Арк Рэли» — великолепный корабль, построенный по заказу сэра Уолтера Рэли, а затем проданный им королеве за пять тысяч фунтов стерлингов, — и вместе с другими судами дивизиона остался на базе в Куинборо. После ремонта, имея под своим командованием восемь королевских кораблей, один собственный,

шесть пинасов и кеч, Хоуард отправился на соединение с эскадрой Палмера, все еще блокировавшей Дюнкерк. Оттуда они вместе отправились к Флиссингену, чтобы демонстрацией военной мощи поддержать находившихся там посланников Елизаветы. Однако переговоры с герцогом Пармой не дали положительного результата; даже глупцам было понятно, что испанская сторона просто тянет время, продолжая снаряжать армаду.

В конце марта герцог Медина-Сидония получил секретные инструкции короля Филиппа. В них отмечалось:

«По получении сего приказа Вы выйдете в море, достигнете Английского канала, пройдете по нему до мыса Маргит и там окажете содействие в переправе герцогу Парме, моему кузену. Вам надлежит извещать его о продвижении, равно как и он будет извещать Вас о своей готовности.

В случае, если буря разметает армаду, назначьте рандеву в бухте Виго, порту Ла-Корунья и около островов Силли. В Ла-Манше надлежит избегать баталий с Дрейком, если только его силы не окажутся в меньшинстве, а ветер будет Вам благоприятствовать… Армада должна дойти в полном составе к месту встречи…

Если же не будет иного исхода, как вступить в сражение с армадами английского адмирала [Хоуарда] и Дрейка, знайте, что Ваши силы значительнее и Вы можете, встав по ветру и произведя иные маневры, дать им бой, ожидая, что Господь ниспошлет Вам победу.

Не примените сообщить всем, что враг, пользуясь артиллерией и огневым боем, не станет приближаться к нашим судам, в то время как в наших интересах сблизиться и взять их на абордаж…»

В это время правительство Елизаветы поставило перед Дрейком новые задачи. Прежний план кампании отменялся; сэру Фрэнсису предписывалось сформировать специальную эскадру для предотвращения возможного вторжения вражеских сил в английские воды. По замыслу министров, все морские силы страны надлежало разделить на два флота — Восточный и Западный. Первый должен был находиться у берегов Великобритании, защищая подступы к ним с востока. В задачу Западного флота входило дежурство на ирландском и испанском направлениях, чтобы не дать возможности армаде прорваться в Южные Нидерланды и соединиться с флотом Фландрии. Кроме того, предусматривалась возможность экспедиции к берегам Португалии, чтобы обеспечить там высадку дона Антониу — претендента на португальскую корону. Финальной частью этой

экспедиции должен был стать рейд к Азорским островам с целью перехвата флотилий, направлявшихся в метрополию из Америки и Ост-Индии.

По мнению Дж. Корбетта, этот план не выдерживал никакой критики. Самым слабым его местом было разделение флота на два независимых дивизиона, из коих один должен был оперировать против армады у западных берегов Англии, а второй сдерживать активность флотилии Пармы в Северном море. План полностью игнорировал предложения Дрейка о нанесении превентивного удара по армаде в портах ее базирования.

30 марта Дрейк снова писал членам Королевского совета, доказывая, что «с пятьюдесятью кораблями мы добьемся гораздо большего у их собственных берегов, чем с намного большими силами можем сделать здесь, дома». В этом же письме он сетовал на то, что полученная им амуниция составляет лишь третью часть того, в чем он нуждается, и просил прислать еще пороха, так как имеющегося не хватало даже для проведения учебных артиллерийских стрельб. Порох обещали прислать. Заодно королева спрашивала у Дрейка совета, каким образом можно уничтожить корабли армады, стоявшие в порту Лиссабона, и какой величины должен быть ее флот, чтобы противостоять флоту неприятеля.

Дрейк ответил ей 13 апреля. По его мнению, теперь, когда испанские эскадры объединились в устье Тежу и стоят под прикрытием береговых фортов, атаковать их там бессмысленно. Более реальным делом представлялось нападение на какой-нибудь менее значительный вражеский порт. Это заставило бы армаду выйти в море, а уж там англичане могли бы помериться с нею силой. Для реализации такого плана Дрейк нуждался в усилении мощи плимутской эскадры и снабжении ее достаточным количеством пороха и продовольствия. Он просил королеву передать под его командование еще четыре военных корабля «и те шестнадцать судов с их пинасами, которые снаряжаются в Лондоне». Сделать это нужно было как можно быстрее, ибо одним из важнейших залогов успеха сэр Фрэнсис считал фактор внезапности. Но его предложения не были приняты во внимание.

17 апреля лорд Хоуард получил приказ идти с частью флота на запад, чтобы соединиться с плимутской эскадрой Дрейка. В районе Дуврского пролива он оставил эскадру лорда Генри Сеймура, который должен был блокировать действия фландрской флотилии герцога Пармы. Флагманом Сеймура был новый галеон «Рейнбоу». Вице-адмиралом эскадры был назначен сэр Генри Палмер, державший свой флаг на 400-тонной «Антилопе», а

контр-адмиралом — сэр Уильям Уинтер, командовавший 450-тонным «Вангардом» (он сменил Ричарда Хокинса, командовавшего «Своллоу»), Кроме того, в составе эскадры Сеймура находились еще 14 королевских судов разных типов и размеров, а именно: «Бул» — 200 тонн, капитан Джереми Тёрнер; «Тайгер» — 200 тонн, капитан Джон Восток; «Трамонтана» — 150 тонн, капитан Лак Уорд; «Скаут» — 120 тонн, капитан Генри Эшли; «Эшейтс» — 100 тонн, капитан Грегори Риггс; «Чарлз» — 70 тонн, капитан Джон Робертс; «Спай» — 50 тонн, капитан Амброуз Уорд; «Мерлин» — 50 тонн, капитан Уолтер Гауэр; «Сан» — 40 тонн, командир мистер Ричард Баклер; «Джордж» — 100 тонн, командир мистер Ричард Ходжес; судно «Фэнси»; кеч; 90-тонная бригантина под командованием капитана Томаса Скотта и галера «Бонаволия», переданная под командование Уильяма Бороу. К концу апреля к эскадре Сеймура присоединились также два десятка частных судов из пяти портов и гаваней восточного побережья. Таким образом, располагая примерно сорока судами, он смог надежно прикрыть берега восточных и юго-восточных графств, а также подступы к столице.

Тем временем Дрейк по трем независимым каналам получил свежие разведданные о том, что испанцы, ведя переговоры с английскими посланниками во Фландрии, в то же время не прекращают снаряжение кораблей Великой армады. Вооружившись пером, сэр Фрэнсис решил написать о своих тревогах Елизавете. Он убеждал ее величество в лживости испанских дипломатов и просил не доверять Парме. Передать письмо королеве должен был Уильям Феннер, капитан «Эйда», отправившийся в Лондон 28 апреля.

Очевидно, Елизавета прониклась беспокойством Дрейка. Членам совета было предложено пересмотреть ранее принятый план морской кампании с учетом его предложений.

В начале мая Дрейк и сам отправился в столицу, оставив плимутскую эскадру под командованием своих заместителей — капитанов Томаса Феннера и Роберта Кросса, занимавших посты вице-адмирала и контр-адмирала. Появившись при дворе, он тут же начал отстаивать свой прежний план нанесения удара по испанцам у их собственных берегов. Хотя лорд-адмирал не разделял идей Дрейка, королева стала на сторону последнего. Пересмотр прежних решений был зафиксирован в резолюции совета от 10 мая. Эта резолюция, в частности, предусматривала создание продовольственных резервов; обязывала власти портовых городов снабжать корабли флота всеми необходимыми припасами (при этом кораблям, имевшим двухмесячный запас провианта, разрешалось оставаться у берегов Англии, а

располагавшие трехмесячным запасом должны были присоединиться к флоту лорд-адмирала); предписывала объединить эскадры Хоуарда и Дрейка в одно крупное соединение. По сути, резолюция стала компромиссом, призванным объединить положения как первоначального правительственного проекта, так и проекта Дрейка. Она развязывала руки лорд-адмиралу, позволяя ему действовать в соответствии с меняющейся обстановкой, и давала возможность сэру Фрэнсису, как заместителю Хоуарда, заняться делом государственной важности в составе объединенного флота.

Дрейк тут же приказал своим флаг-капитанам установить строгий контроль над расходованием продуктов, списать на берег всех нерадивых матросов и набрать на их место тех, кто изъявит желание служить под его началом. Перед возвращением в Плимут он, по всей видимости, добился от королевы согласия на организацию похода к берегам Испании.

В документах той эпохи сохранились сведения о том, из чего состоял рацион английских моряков. Ежедневно моряку полагались один галлон пива и фунт сухарей; в воскресенье, вторник и четверг — два фунта соленой говядины; в среду, пятницу и субботу — «четверть сушеной трески или одна восьмая свежей трески», а также брынза и масло; в понедельник — фунт соленой свинины с горохом.

23 мая близ Плимута появился флот лорда Хоуарда. Дрейк вышел ему навстречу со своей эскадрой. Раздались выстрелы артиллерийского салюта, послышались приветственные крики моряков и солдат, на судах заиграли трубы и начали бить барабаны. Согласно обычаю сэр Фрэнсис спустил свой флаг, отдав, таким образом, честь лорд-адмиралу. Хоуард немедленно отправил к нему на одном из своих кораблей вице-адмиральский флаг, удостоверяющий новый статус Дрейка — статус первого заместителя главнокомандующего.

Учитывая, что сэр Фрэнсис Дрейк обладал гораздо большим опытом проведения морских операций, чем лорд Хоуард, логично было бы ожидать, что именно он должен был возглавить английский флот. Однако в ту эпоху первостепенное значение при назначении главнокомандующего имели не личные заслуги, а знатность происхождения. В Испании тоже имелось немало опытных морских командиров, которые могли бы возглавить Великую армаду, но Филипп II, как мы уже отмечали, назначил на должность адмирала одного из самых «породистых» вельмож своего королевства — герцога Медина-Сидония. Елизавета тоже не могла нарушить сложившуюся традицию. Именно поэтому командующим английским флотом стал не Дрейк — сын простого

арендатора, а лорд Хоуард. Отношения между лорд-адмиралом и его вице-адмиралом внешне выглядели подчеркнуто уважительными. «Я не могу не сказать Вам, — писал лорд-адмирал Уолсингему, — как сердечно и приятно сэр Фрэнсис Дрейк держит себя, а также с какой преданностью он служит Ее Величеству и мне, имея в виду пост, который я занимаю; поэтому я умоляю Вас написать несколько слов благодарности в частном письме к нему». Тем не менее различные малозаметные нюансы дают основания предполагать, что сэр Чарлз относился к сэру Фрэнсису как к «выскочке» (например, в своей «Реляции» он нигде не упоминает о его чине вице-адмирала), а Дрейк был не очень высокого мнения о флотоводческих способностях своего непосредственного начальника. Наверное, именно поэтому он в ходе последующих событий пытался вести себя как независимый командир, игнорируя отдельные инструкции и «рекомендации» Хоуарда.

Флот, который лорд Хоуард привел в гавань Плимута, насчитывал, по данным Дж. Корбетта, 11 больших королевских кораблей и восемь королевских пинасов, 16 больших приватных кораблей и четыре пинаса лондонской эскадры, семь кораблей и пинасов (включая 140-тонный флагманский «Уайт лайон» лорд-адмирала), снаряженных на средства Хоуарда и других частных инвесторов и временно переданных ими королевскому флоту, а также суда, реквизированные в портах южного побережья или прибывшие из Бристоля и других портов западного побережья. В целом этот дивизион мог состоять более чем из сорока галеонов и кораблей, не считая двух десятков малых судов. Плимутская эскадра Дрейка насчитывала, по разным данным, от сорока до шестидесяти судов разных типов, включая пинасы. Четыре официальных списка кораблей этой эскадры свидетельствуют, что под командованием сэра Фрэнсиса находилось около тридцати «частников», среди которых примерно 14 судов имели грузоподъемность более 200 тонн. Самыми крупными среди них были 400-тонные «Мерчент ройял» и «Галеон Лейстер»; грузоподъемность еще шести кораблей варьировалась от 140 до 200 тонн. Кроме «частников» в составе эскадры Дрейка было пять королевских галеонов и два королевских пинаса. Объединенные эскадры Хоуарда и Дрейка, таким образом, насчитывали не менее ста кораблей, включая 16 крупных кораблей королевского флота. Общая численность команд доходила до десяти тысяч человек.

Ниже приводится список кораблей объединенного флота, составленный Лафтоном.

Королевский флот:

1. «Арк» — 800 тонн, флагманский корабль лорд-адмирала

Хоуарда.

2. «Ривендж» — 500 тонн, корабль вице-адмирала сэра Фрэнсиса Дрейка.

3. «Виктори» — 800 тонн, корабль контр-адмирала Джона Хокинса.

4. «Трайомф» — 1100 тонн, капитан Мартин Фробишер.

5. «Уайт бэр» — 1000 тонн, лорд Шеффилд.

6. «Элизабет Джонас» — 900 тонн, сэр Роберт Саутвелл.

7. «Элизабет Бонавенчур» — 600 тонн, капитан Джордж Реймонд.

8. «Мэри Роуз» — 600 тонн, капитан Эдвард Фентон.

9. «Хоуп» — 600 тонн, капитан Роберт Кросс.

10. «Голден лайон» — 500 тонн, лорд Томас Хоуард.

11. «Нонпарел» — 500 тонн, капитан Томас Феннер.

12. «Дредноут» — 400 тонн, сэр Джордж Бистон.

13. «Свифтшур» — 400 тонн, капитан Эдвард Феннер.

14. «Своллоу» — 360 тонн, капитан Ричард Хокинс.

15. «Форсайт» — 300 тонн, капитан Кристофер Бейкер.

16. «Эйд» — 250 тонн, капитан Уильям Феннер.

17. «Эдвайс» — 50 тонн, капитан Джон Харрис.

18. «Мун» — 60 тонн, капитан Александр Клиффорд.

19–23. «Мейкшифт» и четыре иных пинаса.

Частные корабли, переданные в аренду королеве:

24. «Уайт лайон» — 140 тонн, лорд Чарлз Хоуард.

25. «Диздэн» — 80 тонн, капитан Джонас Брэдбери.

26. «Фэнси» — 50 тонн, мистер Джон Пол.

27–30. От четырех до шести иных судов.

Реквизированные и зафрахтованные суда:

17 кораблей и 3 пинаса лондонской эскадры.

20 кораблей и 13 пинасов плимутской эскадры Дрейка.

8 кораблей и 12 пинасов эскадры лорда Хоуарда.

Лорд-адмирал был вполне доволен личным составом флота. «Мой дорогой лорд, — писал он Берли 28 мая, — здесь собралась самая доблестная компания капитанов, солдат и моряков из всех, каких, как мне кажется, когда-либо видели в Англии».

Тем временем армада, которую позже в литературе станут называть то Непобедимой, то Счастливейшей, то Великой, была готова покинуть Лиссабон и выйти в открытое море. К 9 мая, согласно официальному списку, она насчитывала не менее 130 кораблей: 65 галеонов и нао грузоподъемностью от 600 до 1700 тонн, 25 транспортных хульков (урок) грузоподъемностью от 300

до 700 тонн, 19 пинасов (паташей) грузоподъемностью от 70 до 100 тонн, 13 португальских пинасов, или сабр, 4 галеаса и 4 галеры, вооруженных в общей сложности 2431 пушкой разных калибров (в этот список не входит полевая артиллерия). На их борту разместилось 18 937 солдат, 8050 моряков и 2088 галерных рабов, 167 канониров с помощниками, а также 180 священников, монахов и иезуитов. В сухопутных частях насчитывалось 124 дворянина-волонтера с 465 слугами, 238 дворян, служивших за плату, со 163 слугами, 85 хирургов и цирюльников, 22 дворянина из свиты герцога с 50 слугами, 19 юристов. Интересно отметить, что среди участников экспедиции находился и будущий великий испанский драматург Лопе де Вега.

Помимо испанцев в походе участвовало около четырех тысяч португальцев, итальянцев, немцев и фламандцев и несколько сотен ирландских и английских католиков. Корабли везли 123 790 чугунных и каменных ядер, 10 тысяч длинных пик и 6 тысяч коротких пик, 7 тысяч запасных аркебуз и тысячу мушкетов, 20 лафетов с колесами для полевых орудий и 40 мулов, а также 11 тысяч бочек с водой и 14 тысяч бочек с вином, 11 миллионов фунтов галет, 600 тысяч фунтов засоленной свинины, 800 тысяч фунтов брынзы и столько же риса, 18 тысяч бушелей бобов и гороха, 40 тысяч галлонов оливкового масла и 80 тысяч галлонов уксуса.

Армада делилась на эскадры, сформированные по территориальному принципу. Первой в списке значилась португальская эскадра, состоявшая из десяти королевских галеонов и двух сабр. Кастильская эскадра насчитывала десять галеонов «индийской» сторожевой флотилии, четыре корабля флота Новой Испании и два пинаса. Эти две эскадры, входившие в единый «галеонный дивизион», находились под командованием герцога Медина-Сидония и начальника его штаба дона Диего Флореса де Вальдеса. Дон Диего шел на галеоне «Сан-Мартин» — флагманском корабле герцога. Филипп II рекомендовал адмиралу прислушиваться к советам его флаг-капитана во всем, что касалось искусства навигации.

Упомянутые галеоны вместе с четырьмя неаполитанскими галеасами дона Уго де Монкада и четырьмя лиссабонскими галерами дона Диего Медрано составляли боевой костяк армады. Далее следовали 40 вооруженных «купцов», организованных в четыре эскадры: бискайскую под командованием старого рыцаря ордена Сантьяго дона Хуана Мартинеса де Рекальде; андалусскую под командованием рыцаря того же ордена дона Педро де Вальдеса (двоюродного брата и злейшего врага Диего Флореса де Вальдеса); эскадру Гипускоа под командованием «бесстрашного

воителя, славного героя» дона Мигеля де Окендо; левантийскую под командованием дона Мартина де Бертендоны. Кроме того, в армаду входили эскадра из двух десятков пинасов под началом дона Антонио Уртадо де Мендосы (он держал свой флаг на судне «Нуэстра Сеньора дель Пилар де Сарагоса») и вспомогательный дивизион в составе двух дюжин транспортных хульков под командованием Хуана Гомеса де Медины. Во главе сухопутных частей стояли Диего де Пиментель и фаворит короля дон Алонсо Мартинес де Лейва (он должен был плыть на генуэзском галеоне «Рата Санта-Мария Энкоронада» вместе с шестьюдесятью сыновьями и племянниками знатнейших грандов Испании).

Вернемся, однако, в Англию. 24 мая лорд-адмирал собрал своих командиров на военный совет. В его состав вошли семь человек: сэр Фрэнсис Дрейк, председатель совета, вице-адмирал; лорд Томас Хоуард, родной брат адмирала; лорд Шеффилд; сэр Роджер Уильямс; Джон Хокинс, контр-адмирал; Мартин Фробишер; Томас Феннер. Обсуждался вопрос, что лучше предпринять: выйти в открытое море и встретить неприятеля до того, как он достигнет английских берегов, или позволить армаде войти в территориальные воды туманного Альбиона. Кто-то предложил ничего не предпринимать до тех пор, пока в Плимут не вернется пинас капитана Полвела, высланный Дрейком на разведку к берегам Испании. Дебаты длились до вечера и продолжились на следующий день. В конце концов, как свидетельствует Убальдини, возобладала точка зрения Дрейка, предлагавшего как можно быстрее отплыть в испанские воды.

26 мая английский флот готов был сняться с якоря, но этому препятствовали два обстоятельства: во-первых, сильный встречный ветер, а во-вторых, недостаток провианта на королевских кораблях. Хотя десять судов с продовольствием должны были прибыть в Плимут в течение недели после прибытия туда эскадры Хоуарда, в действительности их выход в море задержался по крайней мере еще на две недели. Отцы-командиры были в отчаянии. Лорд-адмирал писал, что запасов провизии у него осталось менее чем на три недели.

В конце месяца погода стала налаживаться, западные ветры сменились попутными. Данное обстоятельство позволило лорду Хоуарду 30 мая вывести флот в море. Однако вскоре ветер снова посвежел и стал менять направления. Он задул с юга, потом с юго-запада. Семь дней английские корабли боролись со штормом, пока ветер не подул с востока. 6 июня, опасаясь очутиться в подветренной стороне от Плимута, Хоуард приказал флоту возвращаться в Плимутскую гавань.

Неожиданно в море было замечено торговое судно. Его

шкипер и матросы сообщили, что 14 мая видели большой флот, который пытался выйти из гавани Лиссабона. Испанских кораблей было так много, что «они не смогли пересчитать их». По примерным оценкам, армада насчитывала от ста пятидесяти до двухсот судов. Проанализировав полученную информацию, Дрейк предположил, что этот флот должен либо сразу направиться в сторону Англии, либо зайдет на промежуточную галисийскую базу — в Виго или Ла-Корунью. В первом случае испанцы должны были бы уже быть возле Плимута. Но поскольку в указанном месте их до сих пор не было, следовательно, решил Дрейк, армада зашла в один из портов Галисии. Отсюда напрашивался вывод: необходимо как можно быстрее идти в Испанию и разбить неприятеля у его собственных берегов.

Хоуард и другие члены военного совета согласились с точкой зрения вице-адмирала, но письмо от Уолсингема, датированное 9 июня, привело всех их в уныние. Госсекретарь сообщал, что королева строжайше запретила им уходить с флотом далеко от родных берегов. Елизавета боялась, что ее флот мог разминуться с кораблями армады, вследствие чего побережье Англии осталось бы без защиты с моря. Оптимальным вариантом, по ее мнению, было бы крейсирование английских эскадр в акватории между Испанией и Британскими островами.

Хоуарду и его совету опасения ее величества показались надуманными, однако идти против монаршей воли они не могли. «Я должен и буду повиноваться, — написал лорд-адмирал в ответном письме. — Рад, что там [при дворе] лучше нас знают, как нам следует здесь поступить, хотя согласно инструкциям, полученным мною, я намеревался действовать иначе. Впрочем, теперь я задвину их в долгий ящик».

Корабли армады, воспользовавшись легким бризом с суши, покинули устье Тежу 20 мая. Еще до отплытия участники похода исповедались и приняли святое причастие. Всем им под угрозой жестоких наказаний было запрещено приводить на борт «легкомысленных девиц», скандалить, носить кинжалы, драться и играть в азартные игры. Кроме того, придерживаясь королевских инструкций, герцог приказал «принимать специальные меры по отношению к любому моряку, солдату или любому иному лицу в армаде, чтобы они не смели богохульствовать и не отрекались от Бога, Святой Девы и святых под страхом самого сурового наказания». Каждый день капелланы должны были читать у грот-мачты утреннюю молитву, а на закате — *Ave Maria.*

Большинство испанских кораблей было названо в честь апостолов и святых католической церкви. На мачте флагманского галеона «Сан-Мартин» развевался королевский штандарт: на

одной его стороне были изображены Иисус Христос и герб Испании с девизом: «Восстань, Господь, и защити дело Твое», на другой — рядом с образом Девы Марии было написано: «Покажи им, что ты мать».

Первое рандеву — в случае непогоды и рассеивания кораблей у родных берегов — предусматривалось в Ла-Корунье, второе — вблизи юго-западной оконечности Англии, у островов Силли. С самого начала участникам похода пришлось столкнуться со значительными трудностями. Транспортные суда шли очень медленно, тормозя движение остальных кораблей. Сильный ветер, налетавший то с норд-норд-веста, то с вест-норд-веста, вообще стал сносить неповоротливые хульки на юг. К 9 июня флот все еще болтался у берегов Пиренейского полуострова. В пути выяснилось, что на борт судов взяли очень мало воды, а продовольствие оказалось плохого качества. «Мы выбросили в море большую часть сгнивших продуктов, ибо они лишь отравляли воздух и заражали солдат», — с грустью писал герцог королю. Среди участников похода распространилась дизентерия. Медина-Сидония велел идти в Ла-Корунью, но многие капитаны транспортов, до которых указанный приказ не дошел, продолжали следовать прежним курсом в сторону Ла-Манша. Их наверняка перехватили бы англичане, если бы не резкая смена погоды.

В ночь на 10 июня налетел ветер с вест-зюйд-веста, разбросавший испанские суда вдоль побережья; 11 июня ветер начал дуть с зюйд-веста. Через три дня показался мыс Финистерре, возле которого около сорока кораблей армады дрейфовали еще четыре дня, после чего герцог приказал им войти в гавань Ла-Коруньи. Но укрыться в порту удалось лишь части кораблей — остальные, угодив в очередной шторм, были унесены в открытое море. 23 июня налетела еще более жестокая буря. Многие парусники вынуждены были укрыться в гаванях северного побережья. Испанцы опасались, как бы английские корсары не пронюхали о несчастье, приключившемся с армадой, и не начали охотиться за отбившимися от основных сил судами.

27 июня герцог провел в каюте своего флагмана военный совет. На нем присутствовали Хуан Мартинес де Рекальде, командующий сухопутными частями Франсиско де Бобадилья, командиры эскадр Педро и Диего Флорес де Вальдес, Мигель де Окендо и Мартин де Бертендона, командующий галеасами Уго де Монкада, главный инспектор флота Хорхе Манрике и два капитана — Хуан де Веласко и Гаспар де Эрмосилья. Обсуждался вопрос о повреждениях на судах, нехватке провизии и целесообразности дальнейшего осуществления экспедиции. Когда

об этом узнал Филипп II, он отправил адмиралу строгий приказ собрать рассеявшиеся суда, спешно отремонтировать их, пополнить поредевшие команды и запасы провизии и продолжить исполнение задуманного предприятия.

На судах английского флота дела тоже обстояли не блестяще. Катастрофически не хватало провианта; сотни матросов и солдат заболели и были списаны на берег; сменившие их новички не имели надлежащего опыта. К счастью, часть продовольственных припасов удалось раздобыть в соседних графствах, и, когда 19 июня подул благоприятный ветер, лорд-адмирал велел ставить паруса. Корабли двинулись к выходу из гавани, но тут, как назло, налетел штормовой ветер с юга, и 21 июня флот вынужден был вернуться назад.

Тем временем испанские хульки и иные суда, отбившиеся от армады, продолжали двигаться к островам Силли в составе двух эскадр. Их было примерно полтора десятка. 17 июня они прибыли на рандеву и почти неделю ожидали подхода основных сил. Здесь их заметили английские пинасы, высланные на разведку. Очевидно, если бы Хоуард имел возможность немедленно вывести свой флот в море, он без труда захватил бы упомянутые испанские суда. Однако время было упущено. Пакетбот, отправленный к островам Силли из Ла-Коруньи, доставил Хуану Гомесу де Медине приказ герцога немедленно вернуться к родным берегам. В открытом море испанцы перехватили две барки, направлявшиеся из Дублина в Бискайский залив с грузом пшеницы, кож и угля. Одну барку они потопили, а другую забрали с собой. Пленные моряки и два ирландских священника сообщили на допросе, что на английском побережье серьезно подготовились к обороне и что Дрейк, по слухам, имел 180 кораблей, разделенных на три эскадры: одна базировалась в Плимуте, а две находились к востоку от Дувра.

Между тем в Плимут пришли давно ожидаемые транспорты с провиантом, и моряки принялись перетаскивать бочки, ящики и мешки на корабли флота. Хоуард запланировал выход в море на понедельник 24 июня, но в воскресенье вечером, сидя в каюте «Арка», лорд-адмирал написал Уолсингему, что готов сняться с якоря в ближайшие три часа. Ветер дул с норд-оста, и лорд-адмирал хотел воспользоваться им, несмотря на то, что погрузка провизии на суда еще не была закончена.

В открытом море погода снова проявила свой изменчивый нрав. Ветер вдруг подул с юго-юго-запада, не позволив флоту идти в сторону островов Силли. Дрейк попытался лавировать, повернув с десятью кораблями к побережью Франции. Увы, все эти перемещения оказались напрасными — испанские суда уже

успели уйти восвояси.

Хоуард решил оставить флот на прежних позициях, разделив его на три дивизиона. Ядро флота расположилось на входе в Ла-Манш в его средней части; эскадра Дрейка в составе двадцати кораблей и четырех или пяти пинасов крейсировала на левом фланге, напротив французского острова Уэсан; Хокинс с такими же силами стал на правом фланге, в районе островов Силли. Подобная диспозиция, уместная при действиях на суше, а на море — при использовании галерных флотов, в данном случае была ошибочной, поскольку при встрече с армадой лишала англичан возможности использовать попутный ветер и маневрировать. Дрейк по-прежнему придерживался идеи нанесения удара по противнику у его собственных берегов, но Хоуард на этот раз проигнорировал его мнение.

Время, как всегда, расставило все на свои места. День проходил за днем, а армада не появлялась. На английских кораблях вновь стала ощущаться нехватка воды и продуктов, с новой силой распространились болезни, повысилась смертность. Дрейк вынужден был прибегнуть к действиям, за которые ранее, во время прошлогодней кадисской экспедиции, строго осуждал вице-адмирала Бороу, а именно: выразил лорд-адмиралу протест, изложив свои аргументы в письменном виде. Хоуард не мог оставить «выпад» Дрейка без ответа и на следующий день, 7 июля, собрал весь флот у острова Уэсан. Возобновились жаркие дискуссии о том, стоит ли оставаться на входе в Ла-Манш или двинуться со всеми силами к берегам Испании. Часть капитанов готова была поддержать план Дрейка, другие уверяли, что им необходимо вернуться в Плимут для пополнения запасов провизии.

В тот же день подул ветер с севера, дававший англичанам возможность пересечь Бискайский залив и нагрянуть в испанские воды. Снова был созван военный совет, заседавший до восьми часов вечера. В конце концов победила точка зрения Дрейка, и кораблям был дан сигнал сниматься с якоря.

В то время как английский флот шел на юг, испанская армада была готова покинуть Ла-Корунью и идти к берегам Англии. Ее выход в море задерживал лишь противный северный ветер. Армада уже не выглядела столь грозно, как при выходе из Лиссабона, хотя в ее составе было 137 судов. Уменьшилась численность команд, ухудшилось их качество. Ночью 7 июля и днем 8-го Медина-Сидония вынужден был списать на берег сотни больных, а также новобранцев из Галисии, не желая держать в составе экспедиции «дармоедов». В итоге численность солдат сократилась до 17 017 человек, а матросов — до 7050 человек.

10 июля герцог вновь собрал на борту «Сан-Мартина» военный совет, на котором присутствовали командиры всех эскадр, де Лейва и секретарь Андрес де Альба. Обсуждалась возможность выхода в море. В тот же день примерно в 60 милях от берегов Испании появился флот Хоуарда. Однако северный ветер неожиданно стих, а затем, сменив направление, резко подул с юго-запада. Поскольку на многих английских судах провизия была на исходе и они не могли оставаться у вражеского побережья в ожидании перемены ветра, лорд-адмирал принял решение повернуть назад.

12 июля флот Хоуарда вернулся в Плимут, где на корабли стали грузить свежий провиант. В это время в Лондоне узнали, что штормы изрядно потрепали испанскую армаду, и некоторые министры склонны были полагать, что ее выход в море отложат до следующего года. Елизавета тут же написала Хоуарду, чтобы он рассчитал команды трех королевских кораблей, на что лорд-адмирал ответил вежливым отказом.

Очевидно, предвидя появление подобного рода настроений в кабинетах власти, Дрейк перед возвращением флота в Плимут оставил позади четыре пинаса, которым было поручено продолжать разведку у испанских берегов. Кроме того, для пущей безопасности у входа в Ла-Манш была оставлена эскадра Феннера. Перехватив несколько судов, направлявшихся от берегов Пиренейского полуострова, англичане узнали, что корабли армады спешно ремонтируются и пополняют запасы провизии, из чего нетрудно было догадаться — вскоре они снова выйдут в море. Разведка также донесла, что испанский «серебряный флот» возвращается на родину без серьезной охраны. Таким образом, появилась прекрасная возможность перехватить его и, говоря словами Феннера, «сбить с испанцев спесь».

Хоуард и члены военного совета решили отправить на охоту за галеонами с сокровищами эскадру из тридцати кораблей, а остальные силы использовать для блокады Ла-Коруньи и уничтожения армады. 17 июля лорд-адмирал писал Уолсингему: «Сэр, я всё делаю настолько быстро, насколько это возможно; я и вся моя команда, прибывшая из Лондона, не остановимся ни перед чем. Сэр Фрэнсис Дрейк и некоторые из наших кораблей почти готовы, остальные будут снаряжены в течение трех-четырех дней».

Но всем этом планам не суждено было сбыться, так как в пятницу 19 июля в Плимут пришел легкий фрегат «Голден хайнд» шотландского корсара Томаса Флеминга, доставивший сенсационное известие: армада появилась в районе мыса Лизард!

Старая легенда сообщает, что в это время Хоуард и его офицеры развлекались на лужайке игрой в шары. Когда Флеминг сообщил о приближении армады, Дрейк невозмутимо заметил: — У нас еще есть время. Доиграем партию, а затем разобьем испанцев.

СРАЖЕНИЕ У ПЛИМУТА. ЗАХВАТ ГАЛЕОНА «РОСАРИО»

Когда Великая армада шла к берегам Корнуолла, она представляла собой конвой в составе одиннадцати эскадр. Около шестидесяти пяти кораблей — то есть половина всего флота — были военными и вооруженными торговыми кораблями. Основные эскадры по-прежнему формировались по региональному признаку: португальская, кастильская, андалусская, бискайская, левантийская эскадры и эскадра Гипускоа. Отдельными тактическими единицами считались четыре неаполитанских галеаса и четыре португальские галеры. Еще три флотилии включали в себя 23 хулька, 26 пинасов и 9 малых судов, зарегистрированных как каравеллы. Самые крупные корабли армады, по словам очевидцев, «выглядели на поверхности воды как плывущие крепости». Рекальде к этому времени перешел с борта «Санта-Аны», флагмана своей эскадры, на «Сан-Хуан» — вице-флагман в эскадре Медина-Сидонии. Диего Флорес де Вальдес и Франсиско де Бобадилья пересели на флагманский галеон «Сан-Мартин» еще в Ла-Корунье.

Лорд Хоуард имел в своем распоряжении 54 корабля. Чуть позже к ним присоединилась флотилия из десятка небольших судов и пинасов. Согласно испанским отчетам, во время встречи армады с английским флотом у Плимута у англичан было 64 судна, включая 23 больших корабля. Ниже приводятся сравнительные характеристики наиболее крупных английских и испанских кораблей.

Английский флот:

1. «Трайомф» — 41 пушка, 26 басов, 500 человек, 1100 тонн.
2. «Бэр» — 54 пушки, 26 басов, 500 человек, 1000 тонн.
3. «Элизабет Джонас» — 50 пушек, 26 басов, 500 человек, 900 тонн.
4. «Виктори» — 36 пушек, 28 басов, 400 человек, 800 тонн.
5. «Арк» — 425 человек, 800 тонн.
6. «Элизабет Бонавенчур» — 30 пушек, 22 баса, 250 человек, 600 тонн.
7. «Мэри Роуз» — 28 пушек, 12 басов, 250 человек, 600 тонн.
8. «Хоуп» — 28 пушек, 22 баса, 250 человек, 600 тонн.
9. «Рейнбоу» — 250 человек, 500 тонн.
10. «Голден лайон» — 26 пушек, 22 баса, 250 человек, 500 тонн.

11. «Вангард» — 250 человек, 500 тонн.
12. «Ривендж» — 34 пушки, 12 басов, 250 человек, 500 тонн.
13. «Нонпарел» — 30 пушек, 22 баса, 250 человек, 500 тонн.
14. «Антилопа» — 20 пушек, 18 басов, 160 человек, 400 тонн.
15. «Дредноут» — 24 пушки, 18 басов, 200 человек, 400 тонн.
16. «Свифтшур» — 26 пушек, 16 басов, 180 человек, 400 тонн.
17. «Своллоу» — 22 пушки, 18 басов, 160 человек, 360 тонн.
18. «Форсайт» — 24 пушки, 10 басов, 160 человек, 300 тонн.
19. «Эйд» — 19 пушек, 20 басов, 120 человек, 250 тонн.
20. «Булл» — 100 человек, 200 тонн.
21. «Тайгер» — 20 пушек, 8 басов, 100 человек, 200 тонн.
22. «Уайт лайон» — 50 человек, 140 тонн.

Испанский флот:

1. «Сан-Хуан» — 50 пушек, 522 человека, 1050 тонн.
2. «Сан-Мартин» — 48 пушек, 469 человек, 1000 тонн.
3. «Сан-Луис» — 38 пушек, 439 человек, 830 тонн.
4. «Сан-Фелипе» — 40 пушек, 439 человек, 800 тонн.
5. «Сан-Маркос» — 33 пушки, 386 человек, 790 тонн.
6. «Сан-Матео» — 34 пушки, 389 человек, 750 тонн.
7. «Сан-Хуан Баутиста» — 24 пушки, 296 человек, 750 тонн.
8. «Сан-Кристобаль» — 36 пушек, 303 человека, 700 тонн.
9. «Сантьяго Эль Майор» — 24 пушки, 293 человека, 530 тонн.
10. «Сан-Педро» — 24 пушки, 274 человека, 530 тонн.
11. «Сан-Хуан Эль Менор» — 24 пушки, 284 человека, 530 тонн.
12. «Асунсьон» — 24 пушки, 240 человек, 530 тонн.
13. «Нуэстра Сеньора дель Баррио» — 24 пушки, 277 человек, 530 тонн.
14. «Сан-Медель» — 24 пушки, 272 человека, 530 тонн.
15. «Сантьяго Эль Менор» — 24 пушки, 293 человека, 520 тонн.
16. «Сан-Кристобаль» — 20 пушек, 211 человек, 352 тонны.
17. «Сан-Бернардо» — 21 пушка, 236 человек, 352 тонны.
18. «Санта-Ана» — 24 пушки, 153 человека, 250 тонн.
19. «Сан-Лоренсо» — 50 пушек, 368 человек (галеас).
20. «Наполитана» — 50 пушек, 321 человек (галеас).
21. «Суньига» — 50 пушек, 298 человек (галеас).
22. «Хирона» — 50 пушек, 349 человек (галеас).

Утром 16 июля, когда армада находилась к западу от острова Уэсан, ветер неожиданно стих и на море опустился туман. Потом подул ветер с севера, и пилоты повернули корабли на восток, к побережью Бретани. Через некоторое время, опасаясь налететь на прибрежные отмели или скалы, Медина-Сидония велел сменить

галс, и армада повернула на запад. Ночью разыгралась буря. «Волнение было очень сильным, — писал герцог королю, — и все моряки как один уверяли, что никогда еще не видывали ничего подобного в июле. Волны вздымались до неба, а некоторые заливали корабли, кормовая галерея на флагмане Диего Флореса была снесена. Я не спал всю ночь, опасаясь, чтобы армада не получила серьезных повреждений… Это была самая жестокая ночь из всех».

Утром, когда буря стихла, Медина-Сидония пересчитал свои корабли и ужаснулся: пропали 40 судов. Тут же выслали на их поиски пинасы. Эскадра Педро де Вальдеса находилась уже вблизи берегов Англии. В течение двух дней удалось найти почти все отбившиеся суда, кроме четырех: пропали три галеры и галеон «Санта-Ана».

В пятницу 19 июля в четыре часа пополудни наблюдатели заметили слева по курсу скалистый берег и предположили, что это мыс Лизард. Герцог приказал поднять на грот-мачте «Сан-Мартина» знамя с изображением распятия, по обе стороны которого были вышиты образы Пресвятой Девы Марии и Марии Магдалины, а затем произвести три пушечных выстрела. По этому сигналу, как писал один из испанских офицеров, «все наши люди опустились на колени и стали молиться, умоляя нашего Господа даровать нам победу над врагами Его святой веры». После этого адмирал просигналил другим кораблям, чтобы их командиры явились на военный совет. Ветер дул с юго-запада, армада находилась к западу от Плимута, и испанцы имели возможность атаковать английский флот на его базе, пустив в гавань брандеры. Если верить Алонсо Ванегасу, капитану «Сан-Мартина», то именно на этом настаивал Алонсо де Лейва. Однако герцога терзали сомнения. Он напомнил членам совета, что в королевских инструкциях содержится приказ уклоняться от сражений в Ла-Манше и как можно быстрее идти на соединение с армией Пармы.

— Может, так и написано буквально, — вспылил де Лейва, — но замысел его величества иной! Здравый смысл диктует воспользоваться обстоятельствами. Возможно, на рейде Плимута нас ждет единственный шанс сблизиться с противником для абордажа, к чему, кстати, не раз призывал его величество.

Педро де Вальдес, Окендо и Рекальде заняли сторону де Лейвы; Диего Флорес поддержал главнокомандующего. После долгих дебатов решено было «атаковать Плимут, если обстоятельства будут благоприятствовать, а ежели нет — продолжить путь».

Лорд Хоуард и его офицеры осознавали всю опасность

создавшегося положения, однако выйти немедленно навстречу неприятелю им мешал встречный ветер. В ночь на 20 июля шлюпки и пинасы начали буксировать английские корабли к выходу из гавани. Утром значительная часть флота — 44 судна — выбралась из нее и, лавируя против ветра, к трем часам дня собралась в районе Эддистонских скал. Здесь Хоуард, Дрейк, Хокинс и другие командиры впервые увидели корабли армады, находившиеся в пяти или шести лигах к западу от них, в районе Фоя. Поскольку теперь испанцы не могли использовать фактор внезапности нападения, лорд-адмирал велел зарифить паруса и следить издалека за дальнейшими маневрами противника.

Вечером командующему армадой доложили, что в подветренной стороне замечено множество судов. Испанцы предположили, что это эскадра Дрейка, но в сгустившихся сумерках не смогли определить ее численность. По крайней мере, теперь они точно знали, что неприятель каким-то образом сумел выйти из Плимутской гавани на оперативный простор. Флаг-офицеры отправили свои пинасы к борту «Сан-Мартина» за новыми инструкциями, однако так и не получили их. Герцог продолжал вести свой корабль прежним курсом, ожидая возвращения пинаса Хуана Хиля, высланного на разведку.

В первом часу ночи разведчики вернулись, привезя с собой четырех пленных рыбаков из Фалмута. От последних Медина-Сидония узнал не только об объединении эскадр Дрейка и Хоуарда, но также о их неудачном походе к берегам Испании и о том, как английский флот ухитрился выбраться из Плимутской гавани. Столкнувшись с неординарной ситуацией и не имея возможности вновь собрать военный совет, герцог решил стать на якорь и разослать командирам отдельных эскадр приказ выстроиться в боевой порядок — он опасался, что на рассвете неприятель может предпринять нападение.

Тем временем большая часть кораблей английского флота, подняв паруса, двинулась в южном направлении наперерез армаде. Испанцы в темноте не увидели этого передвижения, сосредоточив все свое внимание на сигнальных огнях небольшой эскадры, двигавшейся с востока на запад между ними и побережьем. Таким образом, почти весь флот Хоуарда благополучно обошел армаду по широкой дуге с юга и, объединившись с восемью кораблями упомянутой эскадры, пристроился у противника в кильватере. Данный маневр позволил англичанам одержать первую маленькую победу — «получить преимущество в ветре».

Понимая, что избежать столкновения с неприятелем не удастся, герцог поднял на фок-мачте королевский штандарт —

это был сигнал всем командирам готовиться к сражению.

В некоторых английских документах сообщается, что корабли армады выстроились полумесяцем, но официальные отчеты не подтверждают этого. По данным итальянца Филиппо Пигафетты, на которые опирались С. Фернандес Дуро и Дж. Корбетт, впереди армады, в двух милях от нее, шел заслон из легких фелук и парусно-гребных фрегатов. Основное соединение состояло из четырех дивизионов. Впереди находился авангард, в который входило 12 больших кораблей, построенных в три линии. В первой линии шли четыре самых крупных корабля левантийской эскадры с «Рата Санта-Мария Энкоронада» Алонсо де Лейвы на правом фланге и *капитаной* «Рагаццона» — на левом. Вторая линия состояла из четырех галеасов, а третья — из четырех португальских галеонов, включая флагман «Сан-Мартин». Интервал между линиями равнялся пятидесяти шагам, а между кораблями — площади, которую можно было занять двумя судами. Преимущество такого расположения, согласно Пигафетте, заключалось в том, что первая линия могла атаковать противника самостоятельно, поддерживаемая двумя задними линиями. При необходимости корабли второй и третьей линий могли занять свободные места в первой линии, тем самым значительно усилив ее.

Нахождение флагмана в третьей линии позволяло герцогу лучше видеть и контролировать перемещения кораблей трех дивизионов, остававшихся у него в тылу. В полумиле от авангарда располагался основной ударный дивизион. Он включал 30 судов, построенных в три линии. В первой находилось 18 кораблей, между которыми тоже оставалось пространство еще для двух судов. В центре размещался португальский галеон «Сан-Матео», справа — *капитана* Мартина де Бертендоны, адмирала левантийцев, а слева — португальский галеон «Сан-Луис». Во второй линии находились четыре галеры Диего Медрано, а в третьей — восемь больших галеонов под командованием Педро де Вальдеса.

В арьергарде дивизиона шли 20 вооруженных каравелл. На флангах, на расстоянии трехсот шагов от ударного дивизиона, находились еще два дивизиона, составлявших «крылья» армады. Каждый из этих дивизионов включал в себя два субдивизиона с собственным сопровождением. Первый субдивизион насчитывал 15 кораблей, интервал между которыми равнялся сорока шагам. В ста шагах от его центра двигался арьергард, построенный в три линии: в первой находились семь пинасов, во второй — шесть урок, в третьей — четыре пинаса. В ста шагах от первого субдивизиона двигался второй субдивизион, насчитывавший 13

судов; в его центре располагался флагманский галеон великого герцога Тосканского. За ним следовали пять пинасов сопровождения.

Подобное расположение кораблей армады, по мнению Пигафетты, скорее напоминало «орла», чем «полумесяц». Но с появлением английского флота это расположение наверняка подверглось изменениям. Один из испанских очевидцев писал: «Наш флот был разделен на три корпуса». Очевидно, главный дивизион во главе с герцогом Медина-Сидония и Диего де Вальдесом выдвинулся вперед, а два дивизиона на флангах сместились назад. Со стороны такое расположение действительно можно было принять за «полумесяц», хотя наличие разрывов между дивизионами позволяло каждому из них действовать автономно, в зависимости от изменения ситуации.

Рекальде, как вице-адмирал армады, шел на галеоне «Сан-Хуан» в арьергарде, расположившись на левом фланге. Рядом с ним держался со своей эскадрой Педро де Вальдес. Правое крыло арьергарда возглавлял Алонсо де Лейва. Окендо и Бертендона со своими кораблями держались возле него.

Авангард испанского главнокомандующего, стараясь идти ближе к английскому побережью, двигался в крутой бейдевинд в направлении Плимута. Создавалось впечатление, что армада собирается атаковать этот город, хотя скорее всего Медина-Сидония намеревался лишь заблокировать порт, откуда, по его расчетам, могла выйти еще одна вражеская эскадра.

Тем временем корабли английского флота выстроились в линию. Их главными козырями были маневренность и преимущество в артиллерии. В три часа пополудни передовой отряд англичан открыл огонь по арьергарду неприятеля с дальней дистанции. Сначала бортовой залп осуществил один корабль, затем второй, третий… Лондонская газета «Английский Меркурий» в номере от 23 июля 1588 года писала: «Граф Камберленд на „Дифайенсе“ первым открыл огонь. Милорд Хоуард следом за этим почти три часа сражался с доном Алонсо де Лейвой… и тот, несомненно, был бы разбит, если бы на помощь ему не пришел Уго де Монкада. В то же время сэр Фрэнсис Дрейк и два контр-адмирала, Хокинс и Фробишер, смело прошли мимо замыкающих кораблей, которыми командовал вице-адмирал Рекальде, вынудив его отступить в весьма побитом состоянии к главному корпусу их флота, возглавляемому самим герцогом Мединой».

В самом начале сражения испанский строй, несомненно, был нарушен, многие капитаны арьергарда бросились под защиту главного дивизиона. Галеон «Сан-Хуан» вице-адмирала Рекальде

стал поворачивать на ветер; Диего де Пиментель на «Грангрине» последовал за ним, но был перехвачен англичанами и окружен. Корабли Дрейка, Хокинса, Фробишера и несколько других судов обрушили на «Сан-Хуан» огонь из пушек и мушкетов, повредив ему такелаж и грот-мачту. Корабль Педро де Вальдеса тоже вступил в бой, но вел огонь с дальней дистанции.

Видя, в какую беду попал его вице-адмирал, Медина-Сидония вынужден был сменить курс и повернуть «Сан-Мартин» в наветренную сторону. Еще один галеон, «Сан-Матео», также предпринял попытку прийти на помощь Рекальде, однако попал под интенсивный обстрел английского флота. Когда в сражение вступил «Сан-Мартин», его атаковали сразу три корабля, включая два королевских галеона. Таким образом, в баталию постепенно были втянуты не только арьергард армады, но и значительная часть ее ударного дивизиона.

В создавшейся ситуации лорд Хоуард, имевший в своем распоряжении лишь две трети флота, поднял на мачте сигнал прекратить сражение. «Я счел разумным дождаться подхода сорока судов, оставшихся в Плимуте, прежде чем навязать [противнику] генеральное сражение», — написал он Уолсингему.

Дрейк, подводя итоги первого столкновения с кораблями армады, 21 июля писал лорду Генри Сеймуру: «…Испанская армада появилась у наших берегов 20-го, а 21-го мы преследовали их; и, когда мы сошлись с ними, произошел обмен артиллерийскими залпами между некоторыми судами нашего флота и их; насколько мы поняли, они [испанцы] полны решимости отдать свои жизни, сражаясь».

Когда армада оказалась в подветренной стороне от входа в Плимутскую гавань, непосредственная угроза испанского нападения на город миновала. Английский флот продолжал держаться примерно в полулиге от испанского арьергарда. Неожиданно самый крупный корабль эскадры Гипускоа «Сан-Сальвадор», на котором находился генеральный казначей армады Хуан де ла Уэрта, взлетел на воздух. Две верхние палубы в его кормовой части были разворочены взрывом, руль разбит. При взрыве пострадали не меньше двухсот человек, еще полсотни солдат и матросов утонули. Объятый пламенем и дымом, «Сан-Сальвадор» выпал из общего строя, и его стало относить в сторону от других кораблей. Итальянец Петруччио Убальдини в своем «Описании случившегося» позже утверждал, что взрыв крюйт-камеры осуществил фламандский пушкарь в отместку за оскорбление, которое нанес его жене капитан пехотинцев Приего. Казначей Педро Коко Кальдерон, находившийся на борту взорвавшегося корабля, позже писал, что подрыв осуществил

один из канониров в отместку за то, что пехотный капитан избил его.

Хоуард не мог не воспользоваться представившимся благоприятным случаем и просигналил всему флоту поднять паруса. Видя, что англичане двинулись к горящему казначейскому судну, Медина-Сидония и Рекальде тут же предприняли усилия по его спасению, но корабль вице-адмирала был атакован противником и сам стал взывать о помощи. Галеон «Нуэстра Сеньора дель Росарио», пытаясь оказать поддержку вице-адмиралу, дважды столкнулся с находившимися возле него хульками и получил серьезные повреждения. Между тем ветер и волнение на море усилились. Когда Хоуард понял, что ему не удастся захватить «Сан-Сальвадор», он велел своим кораблям отступить на прежнюю позицию.

Между тем испанцы предприняли энергичные усилия по спасению пострадавшего от взрыва корабля. С двух пинасов на разбитую корму судна забросили абордажные крючья и развернули его по ветру, чтобы не дать пламени перекинуться с юта на бак. Кое-как погасив огонь, спасатели привязали «Сан-Сальвадор» к двум галеасам, которые отбуксировали его к эскадре хульков.

В это время налетевший шквал сломал фок-мачту на корабле Педро де Вальдеса, и она упала на грот-мачту. Вальдес просигналил герцогу, прося его о помощи. Поскольку в условиях сильного ветра с запада Медина-Сидония не мог остановить всю армаду, он ограничился тем, что отправил к «Росарио» один из галеасов, галеоны «Сан-Кристобаль» и «Сан-Франсиско» и четыре пинаса. Они должны были или взять поврежденный галеон на буксир, или забрать с него всех людей, но из-за сильного волнения на море, противного ветра и темноты им не удалось выполнить приказ. Позже Педро де Вальдес так прокомментировал случившееся: «Я дал четыре выстрела из орудий, предупредив армаду о своем бедственном положении. Герцог находился достаточно близко, чтобы увидеть все самому и оказать мне помощь… Но он этого не сделал! Словно мы не были подданными вашего величества и не служили под его началом. Он оставил нас добычей противника».

Справедливости ради следует заметить, что не только герцог был виноват в том, что флагманский галеон не двинулся на помощь «Росарио». Диего Флорес де Вальдес полагал, что с наступлением сумерек армада может рассеяться, если главнокомандующий покинет общий строй.

— Нельзя подвергать опасности весь флот из-за одного корабля! — воскликнул он.

Герцог уступил, но в то же время отправил к пострадавшему галеону пинас с приказом забрать с него казну. Педро де Вальдес категорически отказался расстаться с деньгами, заявив: «Там, где я рискую своей жизнью и жизнью стольких кабальеро, можно рискнуть и пригоршней золота!»

Продолжая следовать по пятам неприятеля, лорд Хоуард собрал на борту «Арка» очередной военный совет. Теперь англичанам было ясно, что испанцы не имели намерения покушаться на Ирландию, Шотландию или порты западных графств. Оставалось предположить, что их цель — либо юго-восточное побережье Англии, либо остров Уайт. Последний был единственным местом, где армада могла бы найти удобную гавань и запастись провизией для последующих операций. Всем капитанам английского флота вручили новые инструкции, в которых указывалось, где им следует находиться и какого курса придерживаться. Дрейку была поставлена задача вести весь флот за собой в течение ночи.

Сначала все шло по плану. Английские суда шли за «Ривенджом», ориентируясь на его кормовые фонари. Но неожиданно их свет погас. Некоторые капитаны вынуждены были положить свои корабли в дрейф, некоторые зарифили паруса и замедлили ход. «Бэр» и «Мэри Роуз» держались возле флагманского галеона, тогда как другие не знали, что им делать — ориентироваться на огни «Арка» или искать пропавший «Ривендж». Когда взошло солнце, корабля Дрейка нигде не было видно. Возле Берри-Хэда, на расстоянии пушечного выстрела от «Арка», сгрудились суда испанской армады; позади, чуть ли не до самого горизонта, видны были корабли английского флота. Куда же подевался «Ривендж»?

Как оказалось, он всю ночь выслеживал поврежденный испанский галеон «Росарио». Сначала Дрейку попались несколько торговых судов. Выяснив, что они принадлежат немецким купцам и не имеют отношения к армаде, он позволил им следовать дальше. Затем, уже на рассвете, находясь в компании с кораблем «Робак» и двумя пинасами, вице-адмирал наткнулся на разыскиваемое испанское судно (на его борту находилось около четырехсот моряков и солдат). Один из пинасов устремился к галеону, и дону Педро де Вальдесу было предложено сдаться в плен. Дон Педро ответил, что готов сдаться, но лишь на почетных условиях. Однако у сэра Фрэнсиса не было желания обсуждать с испанцем эти условия.

— Я — Дрейк, — заявил он, — и у меня нет времени на разговоры. Дон Педро должен либо немедленно сдаться, либо драться!

Вальдес предпочел сдаться без боя, после чего вместе с сорока своими офицерами, а также деньгами и ценными вещами был переправлен на борт «Ривенджа». Обменявшись с испанцем комплиментами, Дрейк предложил ему «занять место за его столом и ночевать в его каюте».

Мартин Фробишер, ревниво относившийся к славе Дрейка, через десять дней обвинил его в мошенничестве.

— Он как трус вертелся всю ночь близ испанца, надеясь взять добычу, — заявил он в приступе ярости. — Думал нас обмануть, чтобы мы не получили свою долю в пятнадцать тысяч дукатов, но мы ее получим или, клянусь, пустим ему кровь!

Но дальше угроз Фробишер не пошел.

На призовом корабле люди Дрейка обнаружили сундук и в нем — 55 тысяч золотых дукатов, а также ящик со шпагами, рукояти которых были инкрустированы драгоценными камнями. Эти шпаги предназначались английским дворянам-католикам, собиравшимся поддержать вторжение испанцев в Англию.

Тем временем, покоренный любезностью и гостеприимством сэра Фрэнсиса, Вальдес выдал ему планы герцога Медина-Сидония. Очевидно, его откровенность объяснялась неприязнью к герцогу и Диего Флоресу, бросившим «Росарио» на произвол судьбы. Информацию, полученную от дона Педро и других испанских пленников, Дрейк немедленно передал лорду Хоуарду. Этим он смягчил гнев лорд-адмирала, имевшего полное право наказать его за нарушение приказа и самовольные действия, дезориентировавшие капитанов следовавших за ним кораблей.

Что касается призового судна, то он был отведен «Робаком» в Торбей, а затем в Дартмут. Там, по преданию, из его досок построили галерею в церкви, которую можно видеть и ныне.

Указанный инцидент не ускользнул от внимания английских поэтов. Меньше чем через месяц Томас Делони откликнулся на него «Радостной новой балладой, провозглашающей о счастливом обретении великого галеаса, командиром коего был дон Педро де Вальдес».

Дон Педро провел в английском плену несколько лет. После окончания военной кампании Дрейк взял своего знатного пленника, чтобы представить его королеве в Сент-Джеймс-парке. Елизавета не захотела пообщаться с доном Педро, но, окинув его пристальным взглядом, сказала сэру Фрэнсису:

— Дрейк, Господь послал этого пленника тебе на радость.

По данным К. Мартина и Дж. Паркера, испанца поселили в доме одного из родственников Дрейка вместе с другими пленниками знатного происхождения, где они содержались с совершенным комфортом. Адмирал часто навещал дона Педро и

показывал своим друзьям как «заморскую диковинку». Во время этих визитов устраивались вечеринки с музыкой и танцами. Остальное время Вальдес использовал для прогулок, просмотра первого испанско-английского словаря, изданного в 1591 году, и отправки секретных донесений в Испанию. Наконец, в феврале 1593 года ему разрешили покинуть Англию за выкуп в 1500 фунтов стерлингов (по данным П. Мартин, за 3550 фунтов стерлингов) и согласие французских католиков выпустить на свободу одного из знатных английских пленников. Спустя два года дон Педро унаследовал состояние своего ненавистного кузена Диего Флореса де Вальдеса, после чего был отправлен в Гавану в качестве губернатора. Умер он в 1615 году в возрасте семидесяти лет, «оставив после себя одного законного и четырех незаконных детей».

БОИ У ПОРТЛЕНДА И ОСТРОВА УАЙТ

В понедельник 22 июля, примерно в одиннадцать часов утра, герцогу доложили, что трюмы взорвавшегося галеона «Сан-Сальвадор» наполняются водой. В создавшейся ситуации Медина-Сидония принял решение забрать с него королевскую казну и всех людей, а сам корабль затопить. С этой целью к нему отправили несколько фелук. Однако англичане заметили их и отогнали прочь. Во второй половине дня галеоны лорда Томаса Хоуарда и Джона Хокинса приблизились к полузатопленному испанскому судну, и призовая команда поднялась на его борт. Там все еще оставалось около полусотни обгоревших, но живых испанцев (до взрыва на «Сан-Сальвадоре» находилось 64 моряка и 319 солдат; из них, согласно информации казначея Кальдерона, 200 человек погибли во время взрыва или утонули, прыгнув в море). Хоуард отправил Томаса Флеминга на «Голден хайнде» к трофейному кораблю, чтобы взять его на буксир и отвести в Уэймут. Когда таможенник в порту составлял опись находившихся на борту приза вещей и провизии, он отметил наличие пятидесяти трех бочек вина, трех бочек испорченной говядины и одной бочки бобов. По данным Д. Хауарта, 12 испанцев умерли вскоре после того, как «Сан-Сальвадор» вошел в гавань; в живых остались десять испанцев, четыре немца, два француза и одна женщина-немка. Возможно, именно из-за нее отчаявшийся канонир и взорвал корабль.

Между тем Медина-Сидония отдал приказ Алонсо де Лейве объединить оба крыла арьергарда в один дивизион и возглавить его. Хотя испанцы уже точно знали, что эскадры Дрейка и Хоуарда слились в один флот, неотступно следовавший за ними по пятам, они не забывали о наличии еще одной английской эскадры — той, что находилась под командованием Сеймура и поджидала их где-то в восточной части Ла-Манша. Именно поэтому командующий армадой продолжал держать почти весь ударный дивизион в авангарде, переместив в арьергард лишь один или два галеона.

К вечеру, когда Хоуарду удалось собрать все свои корабли вместе, ветер вдруг стих. С наступлением сумерек оба флота оказались где-то между Портлендом и Сент-Олбанс-Хэдом, находясь на расстоянии пушечного выстрела друг от друга. Взошла луна, осветившая воды залива Лайм, и испанцы заметили, как группа английских кораблей постепенно отделилась от основных сил, сносимая в сторону течением. У испанских галеасов появилась прекрасная возможность проявить свои

возможности, и сразу трое командиров — Лейва, Окендо и Рекальде — стали убеждать герцога в необходимости совершить нападение на упомянутую группу. Они, однако, не учли тот факт, что несколькими часами ранее дон Уго де Монкада, командовавший галеасами, просил у герцога позволения напасть на флагманский корабль англичан и получил отказ (атака на флагман противника считалась привилегией главнокомандующего). Обидевшись, гордый каталонец отвел свои галеасы на пол-лиги в сторону от основных сил. Окендо попытался уладить конфликт и лично отправился на переговоры с Монкадой. Каталонцу пообещали, что Медина-Сидония будет платить ему три тысяч дукатов в год (из тех денег, что король выделил для одного из сыновей герцога), если он образумится и нападет на английские суда. Увы, рыцарь ордена Сантьяго на подкуп не поддался, а когда на рассвете подул бриз с норд-оста, испанцы упустили свой шанс использовать большие гребные суда для захвата отбившихся кораблей противника. Правда, теперь они оказались в наветренной стороне от англичан, что давало им возможность задействовать свои парусные корабли. Медина-Сидониу приказал поднять на мачте королевский штандарт и начать генеральное сражение.

Разные авторы оставили нам довольно путаные описания сражения близ Портленда, происшедшего во вторник 23 июля. Согласно реконструкции Дж. Корбетта, оно могло выглядеть следующим образом. Примерно в пять часов утра флот Хоуарда пошел на норд-вест, в сторону побережья. Испанцы сначала двинулись следом, а затем остановились на некотором расстоянии от неприятеля. В авангарде армады разместились четыре галеаса; за ними находился флагманский галеон «Сан-Мартин»; основные силы остались в арьергарде. Английский флот сменил галс, развернулся и отправился в восточном направлении, стараясь приблизиться к арьергарду испанцев с наветренной стороны. Лейва, разгадав замысел противника, тут же устремился на него с большей частью своего дивизиона. Рядом с флагманским галеоном Хоуарда в это время находились «Виктори» Джона Хокинса, «Элизабет Джонас» сэра Роберта Саутвелла, «Нонпарел» Томаса Феннера и еще около десятка кораблей; остальные суда шли за ними, не придерживаясь особого порядка.

Сблизившись с кораблями Лейвы, английский авангард открыл по ним беглый артиллерийский огонь. Испанцы ответили противнику тем же, но, как заметил Медина-Сидония, «неприятель стрелял в три раза быстрее». Бертендона, адмирал левантийской эскадры, направил свой флагман «Рагаццона» на

корабль Хоуарда, собираясь взять его на абордаж, однако «Арк» уклонился от столкновения и быстро ушел в подветренную сторону со всем своим консортом. Испанский арьергард бросился за ним в погоню.

Тем временем «Трайомф» Фробишера вместе с пятью вооруженными «купцами» вступил в бой с отрядом больших испанских кораблей, вынудивших англичан отступить к южной оконечности острова Портленд. Здесь отряд Фробишера был атакован галеасами. Не совсем ясно, где в это время находился Дрейк. Лорд-адмирал не упоминает о нем в своих депешах, хотя трудно поверить, что сэр Фрэнсис не участвовал в сражении у Портленда.

Вскоре ветер начал менять направление и стал благоприятным для англичан. Это позволило им перейти в контрнаступление и отогнать корабли неприятеля. Капитан Алонсо Ванегас писал: «Вражеский флагман с пятьюдесятью другими кораблями забрали у нас ветер; им это прекрасно удалось благодаря их проворству и густому дыму, производимому артиллерией, и они навалились на правое крыло нашей армады».

По мнению Дж. Корбетта, упомянутый Ванегасом «флагман» не мог быть ни «Арком» Хоуарда, ни «Виктори» Хокинса, поскольку они находились тогда в другом месте. Следовательно, это мог быть только «Ривендж» Дрейка.

Между тем над поврежденным кораблем Рекальде снова нависла угроза захвата. Большинство кораблей дивизиона Лейвы очутились в подветренной стороне от него и не могли прийти ему на помощь. Поэтому Медина-Сидония, находившийся в наветренной стороне от Рекальде, вынужден был направить к нему свой консорт. Сам герцог пытался пробиться к четырем галеасам, яростно сражавшимся с отрядом Фробишера, но ему помешал Хоуард. Лорд-адмирал двинулся к нему с «Арком» и еще семью галеонами. К чести испанского главнокомандующего, он не стал уклоняться от боя. В разгар сражения, когда Хоуард решил идти на помощь Фробишеру, Дрейк занял место адмирала и продолжил интенсивный обстрел «Сан-Мартина». По свидетельству Кальдерона, «враг выпустил в герцога не менее пятисот ядер». Испанский флагман оказался в отчаянном положении: его флагшток был сбит, рангоут разбит в щепки, а корпус пробит в нескольких местах. Количество убитых доходило до полусотни. На выручку герцогу бросились лучшие корабли армады. Выдержав натиск противника, они, по словам сэра Чарлза, «сбились в стадо, словно овцы». Тем временем англичане израсходовали большую часть запасов пороха, и примерно в пятом часу, когда ветер переменился и подул с юго-запада, бой

затих. Армада перестроилась и легла на прежний курс. Команды кораблей обоих флотов занялись устранением полученных повреждений.

В среду 24 июля, ожидая подвоза с берега свежих сил и боеприпасов, лорд Хоуард разделил свой флот на четыре эскадры. Первую возглавил он сам, вторая перешла под командование Дрейка, третья — под командование Хокинса, а командиром четвертой был назначен Фробишер. Очевидно, военный совет, собравшийся на борту «Арка», решил попытаться атаковать армаду сразу с четырех сторон. Днем ранее губернатор острова Уайт сэр Джордж Кэри отправил из Солента в распоряжение лорд-адмирала четыре корабля и пинас, тем самым еще больше усилив английский флот. Подкрепления прибывали и из других гаваней южного побережья. По подсчетам испанцев, в тот день к вражескому флоту присоединилось не менее четырнадцати судов, так что в итоге его численность возросла примерно до сотни парусников.

Согласно английским источникам, в тот день на море установился штиль, так что никаких боевых действий не велось. Впрочем, по словам Ванегаса, небольшая стычка все же имела место на рассвете. Несколько английских судов приблизились к арьергарду противника и, открыв огонь по эскадре Рекальде, смогли отрезать его флагман от находившихся поблизости хульков. На помощь флагману тут же устремились другие большие корабли, включая два галеона из вест-индского конвоя. Медина-Сидония тоже направился к месту боя, и Хоуард, заметив этот маневр, просигналил своим сражающимся кораблям немедленно отойти назад. Из испанских документов явствует, что потери испанцев в этом бою составили примерно 70 человек убитыми и столько же ранеными.

Когда подул бриз, армада снова двинулась на восток. В каждой линии шло по три, четыре, пять судов, причем более крупные защищали более мелкие. Английский флот тоже распустил паруса и пустился в погоню за испанцами, заставив их на ходу перестраиваться в боевой порядок. Но, не имея достаточного количества свежих припасов, Хоуард не рискнул ввязываться в сражение и вскоре вернул свои корабли на прежнюю позицию. Медина-Сидония, удивленный таким поведением противника, созвал военный совет. На нем командиры решили оставить в арьергарде 40 кораблей, готовых в любой момент вступить в бой с англичанами, в то время как остальные суда должны были продолжать идти на восток в обычном порядке. Этот порядок движения сохранялся до тех пор, пока оба флота не попали в штиль в шести лигах к югу от

известняковых скал острова Уайт.

Безветренная погода сохранялась до утра 25 июля. На рассвете португальский галеон «Сан-Луис» и андалусский хульк «Санта-Ана» отстали от арьергарда и были взяты несколькими шлюпками на буксир. Рядом с ними очутились корабли из эскадры Джона Хокинса, с борта которых прогремели мушкетные выстрелы. На помощь указанным испанским судам и шлюпкам тут же двинулись три галеаса и корабль Алонсо де Лейвы. Желая перехватить их, лорд-адмирал на «Арке» и лорд Томас Хоуард на «Голден лайоне» направились к ним, буксируемые своими баркасами. Позже главнокомандующий писал, что они ввязались в бой с галеасами и нанесли им немалый ущерб: галеас «Суньига» получил пробоину в районе ватерлинии и отвернул в сторону, «Хироне» выстрелом с «Арка» разбили фонарь, а «Сан-Лоренсо» потерял носовую фигуру. Не густо, но все же… В разгар сражения подул бриз, позволивший другим кораблям армады подойти на помощь галеасам и отогнать суда противника.

Очевидно, ветер несколько раз менял направление, поскольку спустя короткое время английский флот снова приблизился к арьергарду армады и они обменялись несколькими залпами. Согласно испанским данным, *«капитана* врага вместе с другими большими кораблями вступила в бой с нашей *капитаной,* находившейся в авангарде». Однако английская *капитана* не могла быть «Арком», поскольку в отчете лорд-адмирала ничего не говорится о его стычке с испанским флагманом. Судя по всему, речь шла о «Трайомфе» Фробишера, находившемся на северном фланге. Кальдерон утверждал, что «Сан-Мартин» пришел на выручку галеасам, оказавшимся в тяжелом положении, и повел за собой вице-флагманский корабль эскадры. Когда англичане начали обстреливать галеон герцога из своих дальнобойных орудий, его спасло лишь то, что несколько других кораблей армады стали между ним и судами противника.

«Трайомф», оторвавшись от других кораблей английского флота, стал отличной мишенью для испанских судов. Герцогу следовало воспользоваться данным обстоятельством и попытаться перехватить его, однако он промедлил. В это время на выручку Фробишеру пришли 11 шлюпок с других судов, которые отбуксировали «Трайомф» к основным силам флота. Священник Хуан де ла Виктория позже рассказывал, как Алонсо де Лейва, приблизившись к борту флагмана, начал выкрикивать в адрес Медина-Сидония проклятия: «Дьявольщина! Его величество поставил командовать на море человека, которому впору учиться ходить по суше!»

Эскадра Дрейка в тот день занимала позицию на правом

крыле английского флота, где ее атаковали корабли левого фланга армады. Используя легкий попутный ветер, испанцы попытались приблизиться к «Ривенджу» и взять его на абордаж, однако последний был вовремя отбуксирован девятью шлюпками на безопасное расстояние.

Сражение у острова Уайт завершилось вничью. Испанцы, отдававшие предпочтение абордажу, не смогли захватить ни одного вражеского судна; в то же время англичанам, построившим свою тактику на использовании дальнобойной артиллерии, не удалось потопить ни одного испанского судна. Они расходовали большие запасы пороха и ядер, но эффективность их канонады была крайне низкой.

Когда корабли английского флота отошли назад и их команды занялись устранением полученных повреждений, армада построилась в походный порядок и продолжила путь на восток, в сторону французского порта Кале.

Ночью, воспользовавшись сильным ветром с зюйд-веста, Хоуард приказал командирам своего флота ставить паруса и преследовать врага. Утром 26 июля, в пятницу, англичане снова увидели за пеленой дождя «хвост» армады. Она постепенно удалялась от английских берегов в сторону побережья Франции.

В тот же день лорд-адмирал решил наградить наиболее отличившихся командиров своего флота возведением их в рыцари. Церемония состоялась на борту «Арка». Рыцарского звания удостоились лорд Томас Хоуард, лорд Шеффилд, Роджер Тауншенд, Джон Хокинс, Мартин Фробишер и Джордж Бистон. Дрейка не было в числе награжденных: во-первых, он уже имел рыцарское звание, а во-вторых, неплохо наградил себя сам призовыми деньгами с «Росарио».

Новости о морской баталии в Ла-Манше очень быстро разлетелись по странам Европы. Один из испанских шпионов, находившийся в Руане, прислал испанскому послу во Франции Бернардино де Мендосе донесение, в котором дал совершенно фантастическое описание сражения: «Капитаны нескольких рыболовных баркасов, встретившие флоты, рассказали, что Дрейк и Медина-Сидония встретились у острова Уайт. Испанцы шли с попутным ветром и после цельнодневной адской баталии потопили пятнадцать английских галеонов, захватили несколько других и взяли множество пленных. Галеасы творили чудеса. Те же сведения подтвердили в Дьеппе другие хозяева, возвращавшиеся с Ньюфаундленда через Ла-Манш… Один рыбак-бретонец видел собственными глазами, как галеас снес мачту на корабле Дрейка при первом таране и потопил его при втором».

Другой агент «уточнил» эту информацию и дополнил ее еще

одной яркой подробностью: «Дрейк, раненный в щеку, прыгнул в лодку с намерением удрать, оставив сражение…»

Мендоса тут же отправил эти донесения королю Филиппу.

АТАКА БРАНДЕРОВ НА РЕЙДЕ КАЛЕ

Медина-Сидония полагал, что в Кале ему удастся встретиться с армией герцога Пармы, предназначавшейся для завоевания Англии. Парма, со своей стороны, ожидал прибытия армады в Дюнкерке. Для обоих командующих фатальность ситуации заключалась в том, что транспортные суда Пармы не могли выйти в море из Дюнкерка ввиду блокирования его голландской эскадрой Юстина Нассауского, а большие корабли армады не имели возможности приблизиться к гавани Дюнкерка из-за окружавших ее многочисленных мелей.

К утру 27 июля английский флот настиг армаду и продолжал следовать за ней на близком расстоянии. В десять часов справа по борту показался французский берег, а в пять часов пополудни армада очутилась в нескольких милях от Кале. Герцог подал сигнал всем стать на якорь к востоку от гавани и отправил одного из своих штабных офицеров, капитана дона Педро де Эредия, на берег. Эредия передал губернатору города — одноногому старику Жиро де Молеону, сеньору де Гурдану, рыцарю ордена Святого Духа — формальное уведомление о прибытии испанского флота во французский порт и заверение главнокомандующего «в дружбе и готовности служить».

Еще до захода солнца английский флот тоже стал на якорь, оставаясь в наветренной стороне от противника. Вечером к нему присоединились еще 36 кораблей, входивших в дуврскую эскадру адмирала лорда Генри Сеймура и его контр-адмирала сэра Уильяма Уинтера. Теперь под командованием лорд-адмирала находилось около ста сорока кораблей и пинасов. Армада, по разным данным, насчитывала в это время от ста восьми до ста двадцати четырех судов.

Один из английских кораблей отважился приблизиться к арьергарду армады на пушечный выстрел и произвести в сторону неприятеля бортовой залп. Два испанских галеаса тут же ответили ему огнем кормовых кулеврин.

Несколькими днями ранее Уолсингем отправил в Дувр приказ собрать флотилию рыбацких судов и заготовить достаточное количество смолы и хвороста. Смысл этого приказа был достаточно ясен: англичане собирались атаковать испанский флот с помощью брандеров.

Прежде чем стать на якорь возле эскадры лорд-адмирала, сэр Уильям Уинтер провел осмотр рейда Кале и сгрудившихся на нем кораблей армады. Около девяти часов вечера к нему прибыл пинас Хоуарда, чтобы доставить сэра Уильяма на борт «Арка».

Там он предложил главнокомандующему пустить в сторону неприятеля брандеры, «и план весьма понравился его светлости». Хоуард сказал, что на следующий день обсудит его на военном совете. Между тем плохая погода едва не сорвала англичанам их замысел. «Бэр» неожиданно ударился о борт «Арка», затем еще три судна столкнулись с ними, в результате чего было сломано несколько реев и разорваны снасти. К счастью, эти повреждения удалось быстро исправить, и воскресным утром 28 июля над «Арком» взвился флаг, приглашавший командиров на совещание.

В ходе заседания члены военного совета согласились с идеей поджечь испанские корабли с помощью брандеров. Атаку запланировали на ближайшую ночь. Сэр Генри Палмер был отправлен в Дувр за рыбацкими судами и горючими материалами, однако не смог быстро вернуться назад.

Тогда Дрейк предложил использовать в качестве брандера свое судно «Томас». Хокинс тоже согласился пожертвовать одним из своих судов. Всего в акции должны были принять участие восемь парусников, включая пять судов из состава плимутской эскадры. Ниже приводится полный список этих «зажигательных судов» с указанием тоннажа и стоимости:

Флибот «Бэр Йонг» — 140 т, 550 фунтов стерлингов
Корабль Кьюра — 150 т, 600 фунтов стерлингов
«Эйнджел» из Хэмптона — 120 т, 450 фунтов стерлингов
«Томас» из Плимута — 200 т, 1000 фунтов стерлингов
«Барк Талбот» — 200 т, 900 фунтов стерлингов
«Барк Бонд» — 150 т, 600 фунтов стерлингов
«Хоуп» — 180 т, 600 фунтов стерлингов
«Элизабет» из Лоустофта — 90 т, 411 фунтов стерлингов.

Переоборудование судов в брандеры проходило столь быстро, что с них не успели даже забрать пушки и снаряжение. Возглавить рискованную операцию вызвались капитаны Йонг и Праус.

Испанцы, очевидно, предчувствовали приближение беды; они внимательно наблюдали за действиями вражеского флота, находившегося от них на расстоянии полулиги. Нервозность «донов» возросла после того, как губернатор Кале сообщил им, что армада стала на якорь в очень опасном месте. Вскоре испанцы заметили, как к английскому флоту подошли еще девять судов, а эскадра Дрейка, располагавшаяся на правом фланге, переместилась ближе к французскому побережью.

Примерно в четыре часа пополудни в сторону армады устремился английский пинас. Он дерзко приблизился к испанскому флагману и произвел в него четыре выстрела, после чего пустился наутек. Один из галеасов открыл по наглецу огонь,

причем ядро, выпущенное из кулеврины, пробило ему марсель. Больше всего испанцев удивили быстроходность и маневренность пинаса; их собственные суда не обладали подобными мореходными качествами.

В тот же день герцог Медина-Сидония получил очередное сообщение от герцога Пармы, которое повергло его в уныние. Фландрская армия не была готова к посадке на суда, а побережье в районе Дюнкерка по-прежнему блокировали голландские корабли. Положение армады, остававшейся на рейде Кале, ухудшалось с каждым часом. Ближе к ночи, терзаемый недобрыми предчувствиями, испанский главнокомандующий приказал выставить для прикрытия кораблей восемь патрульных шлюпок и пинасов во главе с капитаном Серрано. Они должны были перехватить вражеские брандеры в случае их появления. Командиры остальных кораблей удвоили количество вахтенных и спустили на воду шлюпки с абордажными крючьями.

Около полуночи начался прилив, а ветер с моря усилился. Чтобы удержаться на своих местах, испанским кораблям пришлось воспользоваться дополнительными якорями. Неожиданно вахтенные заметили в наветренной стороне два подозрительных огня. Они разрастались, затем вспыхнули еще несколько огней. Спустя короткое время испанцы различили восемь брандеров, двигавшихся в их сторону. Была поднята всеобщая тревога. Медина-Сидония по совету Диего Флореса приказал рубить якорные канаты. Все корабли пришли в движение, пытаясь уйти в сторону от надвигающихся английских «зажигательных судов». Из-за тесноты суда сталкивались друг с другом. Галеас «Сан-Лоренсо» навалился на корму «Раты». Хотя оба корабля удалось расцепить, «Сан-Лоренсо» лишился руля и стал игрушкой ветра и волн.

Видя приближающиеся брандеры, некоторые офицеры стали предлагать герцогу покинуть «Сан-Мартин» и спасаться на берегу, но Медина-Сидония решительно отверг это предложение. В конце концов брандеры прошли мимо отступивших испанских судов и постепенно догорели в подветренной стороне, не причинив противнику особого вреда.

Испанский флагман тут же отдал якорь и просигналил другим кораблям сделать то же самое. Герцог надеялся, что на рассвете, во время отлива, им удастся вернуться на прежнюю стоянку возле Кале. Однако приказ выполнили только находившиеся поблизости португальский галеон «Сан-Маркос» под командованием маркиза де Пеньяфеля и корабль «Сан-Хуан» дона Диего Энрикеса; большая же часть флота, лишившись якорей, дрейфовала на северо-восток вдоль побережья и на

рассвете очутилась в районе Гравелина, примерно в двух лигах от берега.

СРАЖЕНИЕ У ГРАВЕЛИНА

На рассвете 29 июля подул ветер с юго-юго-запада. Медина-Сидония, видя, что вернуть ушедшие суда нет никакой возможности, вынужден был сняться с якоря и идти к тем, что находились от него в подветренной стороне.

Военный совет, состоявшийся на борту английского флагмана, принял решение атаковать армаду прежде, чем ее корабли смогут опять построиться в боевой порядок. Точно неизвестно, каким был план англичан. Сеймур писал, что первым в сражение вступил Хоуард, за ним Дрейк, а сам он был третьим. Понятно, что Дрейк, будучи вице-адмиралом, должен был находиться на правом фланге, ближе к берегу. Левее находились эскадры Хокинса и Хоуарда, еще дальше — эскадры Фробишера, Уинтера и Сеймура.

Когда английские корабли снялись с якоря и двинулись в сторону противника, лорд-адмирал заметил недалеко от французского побережья поврежденный галеас «Сан-Лоренсо»; судно Уго де Монкады с трудом шло под одним фоком и на веслах, пытаясь укрыться в гавани Кале. Хоуард не устоял перед искушением захватить этот прекрасный корабль, набитый золотом и столовым серебром, как раньше Дрейк не смог устоять перед желанием овладеть галеоном «Росарио». Когда лорд-адмирал бросился вдогонку за галеасом, командиры других кораблей его эскадры — Томас Хоуард, лорд Шеффилд, граф Камберленд и другие — повернули следом за ним.

На захват галеаса были высланы несколько шлюпок и пинасов с отрядом мушкетеров, которым командовал лейтенант Ричард Томсон. Монкада мужественно принял бой. Его 240 аркебузиров открыли по вражеским шлюпкам и пинасам шквальный огонь, заставив их отступить. Во время повторной атаки Уго де Монкада получил пулю в голову. Когда он рухнул на палубу, команда обреченного судна, гребцы и солдаты решили спасаться вплавь. Первыми в море бросились галерные рабы — примерно 300 турок и арабов, за ними последовали итальянские канониры и матросы.

Во время боя многие испанские солдаты и матросы были убиты, а пехотные капитаны Луис Масина и Франсиско де Торрес смертельно ранены. Те, кто уцелел, подняли на шпагах белые платки, сигнализируя о желании сдаться в плен.

«Англичане потеряли более полусотни человек, — писал Р. Стенюи, — кровь хлюпала в шлюпках под ногами нападавших. Двести „джентльменов удачи“ вскарабкались на борт галеаса.

Начался лихорадочный грабеж. Корабельная часовня и каюты были выпотрошены, вещи раскиданы по палубе. Солдатня дралась с джентльменами „за пятнадцать сундуков, принадлежавших покойникам знатного происхождения“. Добычей стала казна неаполитанской эскадры — 22 тысячи королевских золотых дукатов, подсвечники, позолоченная посуда, хрусталь, драгоценности и украшения офицеров, в том числе мальтийский крест дона Уго де Монкады, его золотая цепь из квадратных звеньев и орден Сантьяго. Офицеры и матросы вперемешку выворачивали карманы живых и мертвых испанцев, срывали перстни с пальцев и золотые пуговицы с камзолов».

Поскольку «Сан-Лоренсо» сел на мель недалеко от французского побережья, губернатор Кале решил, что галеас, его пушки и груз должны принадлежать ему. Он отправил на судно двух офицеров, один из которых был его племянником; последний предложил лейтенанту Томсону уступить приз французам. При этом племянник заверил англичан, что крепостные орудия Кале нацелены на галеас. Томсон учтиво попросил племянника передать его дядюшке поклон, после чего английские матросы грубо обыскали парламентеров «и сорвали с них кольца и украшения».

Вернувшись на берег, разъяренный племянник губернатора бросился в крепость и велел канонирам дать залп по галеасу. Были убиты 20 англичан, многие прыгнули в море и утонули, а остальные спешно вернулись с награбленным добром и пленными на свои корабли. После этого инцидента сеньор де Гурдан отправил солдат гарнизона на борт «Сан-Лоренсо», чтобы взять его под охрану от имени короля Франции и привести в порт.

Тем временем большая часть кораблей армады, лишившаяся якорей, продолжала дрейфовать в подветренную сторону, постепенно приближаясь к обширным песчаным банкам Дюнкерка. Медина-Сидония отправил вперед все пинасы с приказом взять неуправляемые корабли на буксир и отвести их на безопасное расстояние от мелей. А сам, оставшись в компании с «Сан-Маркосом» и еще одним или двумя судами, превратился в прекрасную мишень для кораблей Дрейка. «Вражеский флот, — писал Алонсо Ванегас, находившийся на борту „Сан-Мартина“, — воспользовался благоприятным случаем и, видя, что флагман остался один, а остальная армада находится в подветренной стороне, атаковал его сразу тремя *капитанами».* Хоуард дополняет: «Сэр Фрэнсис Дрейк на „Ривендже“, сопровождаемый мистером Томасом Феннером на „Нонпареле“ и прочими судами его эскадры, напали на флот Испании и вступили с ним в решительный бой. Спустя короткое время сэр Джон Хокинс на

„Виктори“, сопровождаемый мистером Эдвардом Фентоном на „Мэри Роуз“, сэром Джорджем Бистоном на „Дредноуте“, мистером Ричардом Хокинсом на „Своллоу“ и прочими кораблями его эскадры врезались в середину испанских сил и горячо сражались с ними весь день до полудня. Сэр Джордж Бистон вел себя доблестно».

Далее лорд-адмирал сообщает, как он тоже решительно вступил в бой, но ничего не говорит о Фробишере и Сеймуре. Последний писал в своем отчете: «Сэр Фрэнсис Дрейк первым напал на испанского адмирала, сопровождаемый „Трайомфом“, „Виктори“ и прочими. Сам я с „Вангардом“ и „Антилопой“ напал на арьергард, будучи слегка поврежденным, и нанес урон их трем большим кораблям».

Уинтер, со своей стороны, добавляет, что напал на правый фланг неприятеля: «Мы бросились атаковать их правое крыло и не стреляли, пока не приблизились к ним на шестьдесят шагов, и некоторые из наших кораблей последовали за мной. Указанное крыло, видя это нападение, быстро скрылось среди своих кораблей, и четверо из них связались между собой».

Исходя из данных различных источников, можно предположить, что примерно в семь часов утра, увидев приближающиеся английские корабли, Медина-Сидония снялся с якоря и двинулся в подветренную сторону. Дрейк тут же бросился за ним в погоню. Когда «Ривендж» приблизился, «Сан-Мартин» сменил галс и приготовился дать ему отпор. Английский корабль выстрелил из носового орудия, сделал поворот через фордевинд и произвел бортовой залп. Затем, получив в ответ несколько пробоин, «Ривендж» переместился в северо-восточном направлении, а его место занял галеон «Виктори» Хокинса. Между тем часть судов армады с помощью буксирных пинасов и шлюпок развернулась и стала медленно приближаться к своему флагману. Около девяти часов утра в сражение вступил «Вангард» Уинтера. К этому времени оба флота находились уже на траверзе Гравелина. Армада выстроилась полумесяцем, причем, по свидетельству Уинтера, «Сан-Мартин», «Сан-Маркос», «Сан-Хуан» и еще два галеона заняли позицию в центре; на левом и правом флангах сражались «галеасы, португальские боевые суда и другие крепкие корабли — по шестнадцать с каждой стороны». Всего в Гравелинском сражении могли активно участвовать до тридцати испанских и сорока английских кораблей.

Согласно испанским данным, на левом крыле армады первоначально находились корабли Рекальде и его заместителя Педро де Вальдеса, а на правом — корабли Алонсо де Лейвы и Окендо. Но в разгар боя этот строй был нарушен, и проследить

маневры отдельных кораблей уже не представляется возможным. Часть судов армады — та, что была отнесена в подветренную сторону, — вообще не участвовала в баталии; их команды все это время прилагали усилия к тому, чтобы избежать встречи с опасными мелями в районе Дюнкерка.

Англичане во время сражения основной расчет по-прежнему делали на быстроходность своих судов и артиллерию, тогда как испанцы тщетно пытались взять их на абордаж. В отчете Филиппу II герцог Медина-Сидония отмечал: «„Сан-Хуан“ и „Мария“ совсем было сблизились с неприятелем, но не могли с ним сцепиться: он бил в нас из своих пушек, а наши солдаты защищались с помощью аркебуз и мушкетов».

На первом этапе сражения англичанам удалось отрезать португальский галеон «Сан-Фелипе» от остальных судов армады и окружить его. Другой португальский галеон, «Сан-Матео», попытался помочь ему, но был атакован одной из английских эскадр. К тому моменту, когда Рекальде с несколькими другими кораблями смог прийти им на помощь, оба галеона были буквально изрешечены английскими ядрами и едва держались на плаву: их такелаж и паруса были порваны. Позже англичанам удалось во второй раз отрезать упомянутые галеоны от прочих кораблей. Вместе с ними в окружение попали судно «Нуэстра Сеньора де Бегонья» из состава кастильской эскадры и левантиец «Сан-Хуан де Сисилья». Все они безжалостно расстреливались английской артиллерией и мушкетерами, неся огромные людские потери. Вода через пробоины вливалась в трюмы разбитых кораблей, так что матросы, работавшие на помпах, падали с ног от усталости. Командир «Сан-Фелипе» Франсиско де Толедо, размахивая абордажными крючьями, призывал врага подойти поближе. В ответ ему предлагали сдаться. Кто-то из англичан, укрывшись на грот-марсе, кричал испанцам:

— Вы отличные солдаты! Сдавайтесь на почетных условиях!

Но, как сообщает один из испанских очевидцев, «единственным ответом ему было ядро, которое сразило его на глазах у всех. После этого враги отошли, а наши солдаты кричали им, что они трусы, и грубыми словами упрекали их в отсутствии смелости, призывая вернуться назад и драться…»

Практически все источники говорят о том, что испанские солдаты и офицеры сражались мужественно, с завидной стойкостью. По словам отца Кальдерона, канониры «не отходили от пушек даже для принятия скудной пищи».

Эскадра Хоуарда смогла ввязаться в бой лишь через четыре часа после того, как его начал Дрейк. К этому времени в деле участвовали основные ударные силы обоих флотов. Пользуясь

наветренным положением, английские корабли один за другим приближались к судам армады, обрушивали на них залпы бортовых орудий, а затем быстро отходили в сторону, не давая испанцам шансов взять их на абордаж. Описывая один из эпизодов боя, в котором участвовал Дрейк, Убальдини отмечал: «Его каюта была прострелена насквозь два раза; первый раз — это когда двое дворян удалились туда под вечер, желая немного отдохнуть после боя. Один лежал на койке, когда ее разнесло в щепки ядром, выпущенным из фальконета, но сам он при этом не получил даже легкой раны. А когда спустя короткое время граф Нортумберленд, который отправился воевать в качестве добровольца, и сэр Чарлз Блант отдыхали на койке в том же месте, последовал еще один удар ядра, выпущенного из полукулеврины; оно пролетело через каюту от борта до борта, не причинив никакого вреда, кроме того, что одному из них оцарапало ногу и оторвало пальцы…»

Потери англичан в ходе сражения составили от шестидесяти до ста человек, тогда как испанцы потеряли около шестисот человек убитыми и восемьсот ранеными. Такая разница в потерях объяснялась тем, что испанские ядра были плохого качества и часто разваливались на куски в момент выстрела или при ударе в борт вражеского судна; кроме того, значительная часть их пролетала над низкобортными английскими судами, повреждая в лучшем случае такелаж, рангоут и надстройки, тогда как ядра англичан крушили не только надстройки, но и тонкую обшивку испанских кораблей. Борта флагмана «Сан-Мартин» зияли пробоинами в районе ватерлинии. Согласно информации Ванегаса, по нему было выпушено 107 ядер, «что могло бы сразить даже гору». Три пушки были сорваны с лафетов, а кормовая надстройка изувечена. Погибло, по разным данным, от двенадцати до сорока человек, а еще 120 были ранены. Ныряльщики почти не вылезали из воды, затыкая пробоины варом, паклей и свинцовыми пластырями, и молились, чтобы дожить до утра.

В разгар Гравелинской баталии погода неожиданно резко испортилась. Налетел получасовой шквал с дождем, и дальнейшее использование артиллерии и мушкетов обеими сторонами стало практически невозможным. Судно «Мария Хуан» из эскадры Рекальде, до этого отчаянно сражавшееся против «Хоупа», не выдержало натиска бури, потеряло руль и бизань-мачту и пошло ко дну; из 272 солдат и матросов, находившихся на его борту, спастись посчастливилось только восьмидесяти. Их подобрали высланные герцогом шлюпки.

Когда порывы ветра утихли и море несколько успокоилось,

корабли армады, двигаясь на северо-восток, миновали Дюнкерк. С этого момента англичане прекратили преследование врага. Победа, несомненно, была на их стороне. Медина-Сидония больше не имел реальной возможности ни вернуться в Ла-Манш, ни объединить свои силы с армией герцога Пармы. Более того, над армадой нависла новая угроза — она неумолимо приближалась к коварным мелям Зеландии.

В тот же вечер Дрейк, превозмогая усталость, написал Уолсингему письмо: «…Бог послал нам славный день, отбросив врага так далеко в подветренную сторону, что теперь, с Божьей помощью, принц Пармский и герцог Сидония не смогут пожать друг другу руки еще несколько дней…»

В конце письма стояла характерная для Дрейка приписка:

«Следует приложить максимум стараний к тому, чтобы прислать нам боеприпасы и провиант, и тогда враг будет изгнан».

«ДУНУЛ ГОСПОДЬ, И ОНИ РАССЕЯЛИСЬ»

Утром 30 июля ветер несколько стих и пошел дождь. К борту испанского флагмана, находившегося в арьергарде армады, приблизился корабль «Санта-Ана», и его командир Окендо начал что-то кричать герцогу. Согласно воспоминаниям Кальдерона, Медина-Сидония спросил его:

— Сеньор Окендо, что нам теперь делать? Мы всё потеряли!

Окендо, находившийся «на ножах» с начальником штаба армады, с издевкой ответил:

— Спросите Диего Флореса! Лично я собираюсь драться и умереть, как подобает мужчине. Пришлите мне еще немного ядер.

Однако другие командиры были против возобновления сражения. На военном совете Алонсо де Лейва заявил, что солдаты и матросы измучены и никто не сможет заставить их снова идти в бой. Диего Флорес предложил покориться судьбе — «на всё воля Божья!» — и сдаться англичанам.

Поскольку корабли неумолимо несло в сторону зеландских отмелей, несколько офицеров «окружили герцога и со слезами умоляли его спуститься в шлюпку, чтобы спасти себя и святое знамя от неминуемого плена». Ванегас рассказывает: «Они советовали герцогу сдаться, если он хотел спастись. Избежать посадки на мель было невозможно. Он ответил, что уповает на Господа и благословенную Богородицу, которые отведут его в безопасную гавань… Люди начали взывать к его совести, дабы он не допустил гибели стольких душ в результате кораблекрушения, но он не хотел слушать такие советы и сказал, чтобы больше ему не говорили об этом. Он собрал пилотов, среди которых был один англичанин и один фламандец, тогда как остальные были испанцами, басками и португальцами. Обсудил с ними, можно ли достичь Гамбурга или норвежского берега… Они все отвечали, что сделают все возможное, но сомневаются в успехе, если только Бог не сотворит чуда и не сменит ветер, дабы мы могли выйти в открытое море. Герцог приказал произвести три выстрела, созывая флот. Снова измерили глубину и обнаружили, что под флагманом шесть морских саженей. Можно было видеть, как ветер несет его к мелям Зеландии… С другой стороны находился вражеский флот. Все мы боялись, что не сможем ни спасти корабль, ни повернуться, чтобы возобновить атаку на врага. Мы ждали, что вот-вот погибнем. Герцог не разделял этого мнения…»

Около полудня северо-западный ветер неожиданно сменился юго-западным. Испанцы решили, что Господь не хочет их смерти. Корабли армады стали один за другим отклоняться к северу,

уходя от опасных мелей в открытое море. Пропали лишь изрешеченные ядрами галеоны «Сан-Фелипе» и «Сан-Матео». Первый из них был отнесен течением на отмели между Ньивпортом и Остенде, захвачен там англичанами и передан Юстину Нассаускому; галеон «Сан-Матео», которым командовал дон Диего Пиментель, очутился на отмелях между Остенде и Слейсом и после ожесточенного десятичасового боя сдался голландским капитанам Адриану де Винтеру и Адриану Корнелисзоону из эскадры Питера ван дер Дуса. Огромное знамя с этого корабля позже было доставлено в Лейден и выставлено на всеобщее обозрение в кафедральном соборе.

Во второй половине дня лорд Хоуард пригласил Дрейка и других старших офицеров на военный совет. Отсутствовали лишь Уинтер (он был травмирован при откате орудия) и Фробишер. На совете было решено отправить эскадру Сеймура назад в Дуврский пролив, тогда как основные силы флота должны были продолжить преследование армады, чтобы не дать ей возможности высадить войска на восточном побережье Англии или в Шотландии. Сеймур остался недоволен таким решением. В письме королеве он отмечал, что подчинился лорд-адмиралу против своей воли, а Уолсингему написал: «Нахожу, что его светлость мне завидует и не желает разделить честь с остальными победителями».

Дрейк пребывал в отличном расположении духа, несмотря на то, что получил приказ высадить на берег дона Педро де Вальдеса и других знатных пленников, все еще находившихся на борту «Ривенджа». Относительно армады он писал 31 июля Уолсингему: «Никогда ничто не доставляло мне большего удовольствия, чем вид неприятеля, гонимого южным ветром на север. Господь поручает Вам зорко следить за герцогом Пармой, ибо, с Божьей помощью, если мы будем жить — в чем я не сомневаюсь — еще достаточно долго, мы так обойдемся с герцогом Сидония, что у него останется лишь одно желание — поскорее попасть в порт Санта-Мария, под свои апельсиновые деревья. Господь дарует нам милость во всем полагаться на Него, так что победа, несомненно, будет за нами, ибо наше дело правое».

На следующий день лорд-адмирал вновь собрал военный совет, на котором была принята резолюция:

> «1 августа 1588 года. Мы, нижеподписавшиеся, решили и постановили на сим совете преследовать испанский флот, пока не очистим свои берега и не оставим Ферт (Ферт-оф-Форт. — *В. Г.)* к западу от нас; после этого вернуться назад, чтобы запастись провизией

для кораблей, каковой в данный момент катастрофически не хватает, ради охраны и защиты берегов своей страны; заявляем, что, если наши потребности в провизии и боевом снаряжении будут удовлетворены, мы будем преследовать испанцев до самой крайней точки, куда они посмеют дойти.

[Подписали] Ч. Хоуард, Т. Хоуард, Фр. Дрейк, Джон Хокинс, Томас Феннер, Джордж Камберленд, Эдмунд Шеффилд, Эд. Хоби».

Два дня английский флот шел по пятам армады, уходившей на север. Герцог Медина-Сидония вынужден был время от времени уменьшать площадь парусов своих быстроходных кораблей и отходить с ними в арьергард, опасаясь нового нападения противника. Однако пушки англичан молчали. Хоуард велел беречь остатки пороха и ядер на тот случай, если испанцы вдруг решатся высадить своих солдат на побережье Англии.

В пятницу утром, когда флоты находились на широте Ньюкасла, примерно в ста милях от берега, на мачте «Ривенджа» взвился флаг, приглашавший старших командиров на военный совет. Лорд-адмирал хотел предложить своим заместителям еще раз атаковать Великую армаду. Дрейк, однако, полагал, что делать этого не следует. Во-первых, ничто не указывало на то, что неприятель стремится повернуть в залив Ферт-оф-Форт и высадиться в Шотландии; а во-вторых, на английских кораблях осталось так мало пороха, что его не хватило бы и на половинный заряд. В конце концов было решено повернуть на запад, к побережью, чтобы лишить испанцев возможности беспрепятственно подойти к нему, а заодно высадить графа Камберленда, который должен был рассказать шотландскому королю о случившемся и убедить его помочь англичанам в отражении испанского нашествия. В полдень английский флот изменил курс, тогда как армада продолжала уходить на север, в сторону Оркнейских и Шетландских островов. На «хвосте» у нее остались лишь принадлежавшая Дрейку каравелла и один из королевских пинасов.

Несколько дней ветер менял направления, пока не разразился шторм, налетевший с запада. Дрейк предположил, что Медина-Сидония мог теперь увести армаду в один из датских портов, чтобы там запастись всем необходимым, а потом попытаться вернуться к берегам Фландрии.

8 августа он писал королеве с борта «Ривенджа»:

«Отсутствие лорд-адмирала, наимилейшего

господина, ободрило меня взяться за перо. В минувшую пятницу, по здравому размышлению, мы оставили армаду Испании так далеко к северу, что они не смогут уже достичь ни Англии, ни Шотландии; и через три дня мы повстречались с жестоким штормом, характерным для этой поры года; этот шторм, по нашему мнению, причинил немало хлопот вражеской армаде.

Если ветер не утихнет, то, я думаю, они вынуждены будут идти в Данию; и для этого имеется ряд причин. Нет сомнений, что многие их люди больны и немало убито; их корабли, паруса и снасти повреждены и нуждаются в срочном ремонте, так как все испытали на себе силу [оружия] Вашего Величества.

Если Ваше Величество найдет сие целесообразным, было бы уместно немедленно послать кого-нибудь в Данию, чтобы выяснить, так ли это, и вести себя с их королем в соответствии с Вашего Величества великой мудростью.

Я не хочу писать, нужно ли Вашему Величеству уменьшать свои вооруженные силы. Враги Вашего Величества многочисленны; но Господь слышит и желает слышать мольбы Вашего Величества, вручая Вам плуг для защиты Его правого дела, начало которой Вашим Величеством уже положено. Во имя любви Христовой да благословит Бог Ваше Священное Величество ныне и на веки вечные.

Написано на борту Вашего Величества достославного корабля „Ривендж“ сего 8-го августа 1588 года.

Вашего Величества преданнейший вассал

Фрэнсис Дрейк».

Через два дня, 10 августа, Дрейк написал письмо Уолсингему, в котором высказал предположение, что армада направится «либо в Норвегию, либо в Данию». При этом он повторил те же аргументы, которые раньше изложил в письме королеве, добавив к ним несколько новых.

Когда Дрейк писал эти письма, королева уже начала проявлять нетерпение. Ее интересовало, почему ни один испанский корабль не был взят на абордаж и сколько сокровищ и пленных удалось захватить. Хоуард отправил Елизавете и ее советникам отчет, в котором подробно рассказал о ходе военных действий и заверил, что в ближайшее время армада не сможет

угрожать Англии. Одновременно он поведал королеве и ее министрам о бедственном положении флота, отсутствии денег, ядер, пороха и продовольствия, а также массовых заболеваниях и смертях.

Правительство постановило сократить численность флота до ста кораблей. Адмиралы поспешили к месту стоянки флота в Ширнессе, чтобы выполнить этот приказ. 21 августа они застали там весьма печальную картину: эпидемия охватила большую часть личного состава. Хоуард снова собрал военный совет, на котором присутствовали лорд Генри Сеймур, сэр Уильям Уинтер, сэр Фрэнсис Дрейк, сэр Джон Хокинс, сэр Генри Палмер и мистер Томас Феннер. Обсуждалась сложившаяся ситуация. В итоге решено было разделить флот на два дивизиона и отправить один из них в Даунс, а второй в Маргит. Команды предписывалось высадить на берег, чтобы дать им возможность отдохнуть и поправить здоровье.

22 августа в штаб флота неожиданно прибыл сэр Эдвард Норрис, наблюдавший за продвижением армады, и сообщил, что испанцы возвращаются! Хоуард тут же отменил прежние приказы и велел спешно снаряжать корабли для выхода в море. Однако Дрейк не поверил информации Норриса, о чем откровенно написал Уолсингему.

24 августа пришел пинас, капитан которого заверил командование флота, что видел армаду к западу от Оркнейских островов. Хоуард тут же успокоился. Для охраны Дуврского пролива была выделена небольшая эскадра сэра Генри Палмера, а остальным кораблям предписали оставаться в своих портах. После этого лорд-адмирал, лорд Генри Сеймур, лорд Томас Хоуард, лорд Шеффилд и, вероятно, сэр Фрэнсис Дрейк отправились ко двору королевы, оставив флот на попечении сэра Уильяма Уинтера, сэра Джона Хокинса и сэра Мартина Фробишера.

Армада между тем возвращалась домой кружным путем — вокруг Шотландии и Ирландии. Один из биографов Дрейка так описывал это бесславное и трагическое возвращение: «До Оркнейских островов флотилия держалась вместе. Но здесь туманы и бури разбросали ее, и каждый корабль стал думать о своем спасении. На многих кораблях не хватило провианта: ежедневный рацион был сведен до полуфунта сухарей, пинты воды и пинты вина. На иных не было и воды, потому что она вытекла из бочек, пробитых при стрельбе.

Большая часть кораблей разбилась о скалы Западной Ирландии. Берега были усеяны их обломками и выброшенными человеческими телами. На берегу залива Слайго один английский

офицер насчитал тысячу сто трупов, и он слышал, что в нескольких милях лежит столько же. С кем не справились стихии, того прикончил человек: слишком уж заманчиво было содержимое кожаных мешочков, привязанных к поясам испанских солдат и матросов; слишком уж блестели золото на расшитых бархатных костюмах идальго, их цепочки и кольца на руках (на горе участников похода, золото было им выплачено вперед).

Несколько галеонов было заброшено в Голуэйский залив. Команда еле двигалась, истощенная голодом и жаждой; бочку вина с радостью отдавали за бочку воды. Горожане приютили их, отогрели, иных отходили, но потом несчастные попали в руки английских гарнизонных властей. Воспоминания о недавних ирландских бунтах, слухи о войне с Испанией, страх ответственности оказались сильнее побуждений человеколюбия, и был отдан приказ уничтожать испанских беглецов, где бы их ни нашли. Губернатор Коннаута доносил, что „от шести до семи тысяч были выброшены морем на наши берега, кроме нескольких тысяч, которым удалось бежать внутрь страны и которые потом все были казнены“. Видно, на кладбищах Ирландии было много свободного места.

Счастливы были те, кто вместе с адмиральским кораблем поднялся высоко на север, до 60-й параллели у Шетландских островов, и оттуда спустился, минуя берега Ирландии. Таких было до шестидесяти кораблей. И на них до половины людей погибло от ран, голода и жажды. Те, в которых еще теплилась жизнь, настолько ослабели, что еле двигались и были похожи скорее на тени».

В сентябре и октябре в порты Северной Испании вернулись 65 истерзанных кораблей армады — 55 галеонов и хульков, девять пинасов и один галеас. Герцог Медина-Сидония сошел на берег в Сантандере «совсем седым, хотя отправлялся в поход черноволосым». В письме королю Филиппу он отметил, что «вернулся на последнем издыхании», и попросил никогда более не поручать ему «ничего, связанного с морскими делами». Когда по пути в Сан-Лукар-де-Баррамеду герцог заночевал в Вальядолиде, в его опочивальне были слышны насмешливые крики молодых людей, до самого утра распевавших песенку «Дрейк, Дрейк, Дрейк идет».

В отличие от Медина-Сидонии, адмирал Хуан Мартинес де Рекальде отказался сойти на берег и скончался на борту своего корабля в конце октября. Та же участь — несколько ранее — постигла адмирала Мигеля де Окендо. По словам очевидца, он умер «от позора, тоски и печали, не сказав ни слова, отказавшись принять на смертном одре даже жену и исповедника». В

довершение трагедии огромный флагман Окендо «Санта-Ана» взорвался в порту Сантандера и затонул вместе со ста людьми на борту.

— Такова была Божья воля, — меланхолично заметил король Филипп.

Что касается Диего Флореса де Вальдеса, то он был обвинен в трусости, пораженческих настроениях и даче бестолковых советов командующему армадой. Накануне Рождества король велел арестовать его и отправить в тюрьму Бургоса.

Выдающуюся роль сэра Фрэнсиса Дрейка в разгроме Непобедимой армады — особенно в битве при Гравелине — отмечали многие современники. Даже римский папа Сикст V, обращаясь к своему окружению, с восторгом восклицал:

— Слышали, как Дрейк со своим флотом навязал бой армаде? С каким мужеством! Думаете, он выказал хоть какой-то страх? Он — великий капитан!

Елизавета I решила увековечить победу над испанцами выпуском памятной медали. Надпись на ней гласила: «Afflavit Deus et dissipati sunt» — «Дунул Господь, и они рассеялись».

НАБЕГ НА ГАВАНИ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

После гибели Непобедимой армады королева снова загорелась идеей отправить эскадру на перехват испанского «серебряного флота», который должен был доставить в метрополию сокровища из Америки. Дрейка вызвали ко двору обсудить с ее величеством этот замысел. Хокинс, очевидно, тоже участвовал в обсуждении указанного проекта. Он полагал, что войну против Испании выгоднее всего вести с помощью крейсерской эскадры, которая должна была постоянно дежурить на путях следования испанских галеонов в районе Азорских островов. Загвоздка состояла в том, что осенью 1588 года большинство кораблей королевского флота нуждались в ремонте и не были готовы к немедленному выходу в море.

Дрейка, как ни странно, план охоты за «серебряными» галеонами не заинтересовал. Он считал, что войну необходимо перенести на вражескую территорию. При этом наиболее предпочтительной целью похода адмирал считал Лиссабон — главную базу испанского флота. Идею Дрейка поддержал ветеран войны в Нидерландах, один из самых популярных полководцев того времени — сэр Джон Норрис. В середине сентября они представили правительству подробный план операции. Он включал в себя поиск и уничтожение уцелевших кораблей армады в портах Пиренейского полуострова, захват Лиссабона и Азорских островов и возведение на португальский престол дона Антониу, приора Крато. Это открыло бы для английского купечества прекрасные перспективы в торговле с колониями Португалии в Бразилии и Ост-Индии. Кроме того, Лиссабон и Азорские острова можно было использовать в качестве баз для оперирования против испанского судоходства и, в частности, для перехвата «серебряных флотов». Ожидалось, что все попытки короля Филиппа выбить англичан из указанных мест потерпят фиаско и он вынужден будет искать мира с Англией.

Экспедиция, как обычно, должна была снаряжаться за счет частных инвесторов. Королеве предложили войти в долю. Надеясь получить львиную долю добычи, Елизавета согласилась выделить «на дело» шесть военных кораблей и два пинаса, осадное оборудование, оружие и доспехи для сухопутных сил, четырехмесячный запас провианта и 20 тысяч фунтов стерлингов наличных денег. Дрейк и Норрис тоже добавили к этому по 20 тысяч фунтов. Предприниматели из лондонского Сити

подписались на 10 тысяч фунтов, еще пять тысяч дали старые компаньоны Дрейка из юго-западных графств. В целом снаряжение так называемой Английской армады обошлось в 100 тысяч фунтов стерлингов.

Помимо прочего, Дрейк и Норрис просили Елизавету выдать им специальное полномочие для защиты королевства и отправить специального посланника к Генеральным штатам с просьбой о содействии. Королева позволила Норрису взять на себя роль такого посланника и отправиться в Нидерланды за солдатами и кораблями.

Заместителем сэра Джона Норриса был утвержден валлийский капитан сэр Роджер Уильямс. Среди участников будущей кампании значился и родной брат сэра Джона — сэр Эдвард Норрис.

К началу февраля 1589 года сэр Джон вернулся из Нидерландов с шестьюстами английскими кавалеристами, тринадцатью ротами английских пехотинцев и десятью ротами валлонцев. Однако лорд Берли был против привлечения этих сил к экспедиции, полагая, что полезнее было бы оставить их в Нидерландах. Королева начала колебаться. Сначала она отказалась передать Дрейку и Норрису обещанное осадное оборудование, а потом решила сократить численность прибывших из Нидерландов пополнений. В результате экспедиция получила лишь половину английских пехотинцев и шесть рот валлонцев.

9 марта Дрейк и Норрис появились в Дувре и поднялись на борт флагманского корабля экспедиции. Следом за ними сюда же пожаловал претендент на португальский трон дон Антониу со своей немногочисленной свитой.

Эскадра Дрейка в то время состояла как из военных кораблей, так и из вооруженных «купцов», сформированных в лондонский контингент и флотилию восточных графств. Некоторое количество судов предоставили также гавани южных графств, но в целом экспедиции не хватало плавсредств для перевозки собранных сухопутных частей. К счастью, когда Дрейк 15 марта отплыл в Плимут — порт окончательного сбора всех сил, он встретил в море около семидесяти голландских и фламандских хульков. Они выглядели довольно новыми и прочными, а 20 из них, как писал адмирал, «были построены в течение последних трех месяцев». Эти суда идеально подходили для транспортировки сухопутных отрядов, и Дрейк «упросил» их шкиперов «добровольно» присоединиться к его экспедиции. Согласно одним источникам, трюмы голландских транспортов были заполнены провиантом и снаряжением, согласно другим — пусты, ибо они направлялись в Бруаж за солью. Как бы там ни

было, к 20 марта Дрейк привел их в Плимут вместе со своей эскадрой. Теперь почти все корабли были в сборе, не хватало лишь бристольского и саутгемптонского контингентов.

Шпионы испанского короля, конечно, не дремали. Бернардино де Мендоса, находясь в Париже, 22 марта (1 апреля по григорианскому календарю) отправил королю Филиппу подробную информацию о целях предстоящего похода, количестве кораблей, а также численности солдат и моряков. Соответственно, испанцы предприняли ряд мер по укреплению обороноспособности прибрежных городов Пиренейского полуострова и Азорских островов.

Слухи о том, что Дрейк снова собирается в поход против испанцев, быстро разлетелись по городам и весям западных графств, и вскоре в Плимут стеклись тысячи добровольцев, жаждавших отправиться с прославленным «морским псом» за добычей. Поэт Джордж Пил откликнулся на готовившееся предприятие патетической поэмой «Прощание» («A Farewell»), адресованной «знаменитым и удачливым генералам наших английских вооруженных сил сэру Джону Норрису и сэру Фрэнсису Дрейку, рыцарям, и всем их бравым и решительным последователям».

В начале апреля экспедиция уже насчитывала более 23 тысяч человек, в том числе около 17 тысяч солдат, 3,2 тысячи английских моряков, примерно 900 голландских моряков и 1,5 тысячи офицеров и джентльменов-волонтеров. Солдат объединили в 115 рот, сведенных в 14 полков. Командирами полков были сэр Фрэнсис Дрейк, сэр Джон Норрис, сэр Роджер Уильямс, мистер Уолтер Деверо, сэр Эдвард Норрис, сэр Генри Норрис, капитан Томас Сидней, капитан Джеймс Холл, капитан Эдвард Амптон, капитан Ралф Лейн, капитан Эдвард Хантли, капитан Эдвард Уингфилд, капитан Томас Бретт и голландский капитан Медкёрк. Дрейк и Норрис, как «генералы армии», имели помощников. В их числе были сержант-майор (капитан Уилсон), полицейский маршал (капитан Роберт Кросс), генеральный квартирмейстер (капитан Дезик), казначей, генеральный провиантмейстер (Мармадьюк Даррелл), офицер, проверяющий личный состав (Ралф Лейн), начальник разведки, обозный, фуражир, полевые капралы, а также секретарь и агент королевы (мистер Эшли).

Дивизионными командирами были Уолтер Деверо — генерал кавалерии, капитан Йорк — лейтенант кавалерии, сэр Эдвард Норрис — генерал артиллерии, Джеймс Спенсер — лейтенант артиллерии, сэр Роджер Уильямс — генерал-полковник пехоты, капитан Краунворд — лейтенант пехоты.

Флот, по данным Дж. Корбетта, состоял из шести королевских кораблей и двух королевских пинасов, шестидесяти английских вооруженных «купцов» и примерно шестидесяти голландских флиботов — всего около 130 парусных судов, не считая пинасов. Все корабли были объединены в эскадры; в каждую входило около пятнадцати английских и пятнадцати голландских «купцов» во главе с королевским кораблем. Каждой из них командовал так называемый «полковник эскадры». Ему помогали «лейтенант эскадры», «капрал эскадры», «капитан вахты» и «главный мастер». Все они, кроме «главного мастера», имели ранг капитана. Пинасы были выделены в отдельный дивизион под командованием «мастера разведки», имевшего ранг «подполковника пинасов».

Во главе отдельных эскадр находились флагманский галеон «Ривендж» (полковник сэр Фрэнсис Дрейк, лейтенант Томас Дрейк, капрал Йонг, капитан вахты Уэбб, главный мастер Т. Уэст), галеон «Нонпарел» (полковник сэр Джон Норрис, лейтенант Секвилл, капрал Сейер, капитан вахты Чэмпнолл, главный мастер Вигнол), галеон «Дредноут» (полковник и вице-адмирал Томас Феннер, лейтенант Гастон, капрал Бейкер, капитан вахты Джеффорд, главный мастер Беннет), галеон «Свифтшур» (полковник сэр Роджер Уильямс, лейтенант Горинг, капрал Майлз, капитан вахты Джордж Дрейк, главный мастер Роберт Харт), галеон «Форсайт» (полковник сэр Эдвард Норрис, лейтенант Уинтер, капрал Крисп, капитан вахты Норвуд, главный мастер Р. Талент). Шестым королевским кораблем был «Эйд», которым командовал контр-адмирал флота Уильям Феннер. В его задачу входило наблюдение за тем, чтобы все эскадры занимали в строю отведенное им место. Претендент на португальский престол дон Антониу, будучи духовным лицом, не командовал в этой экспедиции ни моряками, ни солдатами.

Согласно сообщениям испанских шпионов, отправленным королю Филиппу 11 апреля, незадолго до отплытия флота Дрейка в Плимутский порт прибыло из Лиссабона судно, на борту которого находился французский каторжник. Он долгое время служил на испанских галерах и был хорошо осведомлен о состоянии дел в Португалии. Француз рассказал руководителям экспедиции, что «в Лиссабоне очень мало солдат, в замке — не более 150 человек, и совсем мало — в других фортах, к тому же плохо обеспеченных артиллерией и другим необходимым вооружением». Эти известия вселили в англичан «большие надежды на успех в Португалии».

Противные ветры, однако, задержали выход экспедиции в море на две недели. Вынужденный простой, как всегда, обернулся

ростом незапланированных расходов и сокращением запасов провианта. Джон Дрейк и Уильям Хокинс-младший были отправлены в корсарский рейд, и продажа захваченных ими призов позволила наскрести средства для закупки дополнительной провизии, однако радикально решить проблему обеспечения кораблей съестными припасами не удалось. Руководителям экспедиции пришлось сообщить о сложившейся ситуации правительству, но никакой реальной помощи из Лондона они не получили — одни лишь обещания.

Наконец ветер изменил направление и стал благоприятным для выхода в море. Дрейк решил больше не задерживаться в порту в ожидании обещанной провизии.

Перед отплытием он написал в Лондон небольшой отчет о состоянии дел на флоте. У Дрейка было около 20 тысяч людей, из которых он смог хорошо вооружить 16 тысяч; что касается провизии, то ее должно было хватить на месяц, а в лучшем случае на пять недель. «К концу месяца, — сообщал он, — в Испании и Португалии созреет урожай, на который мы весьма рассчитываем, однако в настоящее время 20 тысяч человек обеспечены весьма скудно». В то же время адмирал с гордостью подчеркнул: «Никогда еще не было армии, лучше организованной, чем эта, и не было большей надежды на успех; только бы Господь помог нам провиантом, в чем лично я не сомневаюсь».

Однако судьба уготовила Дрейку новое испытание. 13 апреля, едва флот покинул Плимутскую гавань, ветер резко переменился и кораблям пришлось возвращаться назад. Оба руководителя экспедиции едва не плакали от отчаяния. Ко всему прочему, им пришлось испытать шок от появления на флоте графа Эссекса — молодого фаворита стареющей королевы, который сбежал от кредиторов и праздного безделья при дворе, мечтая о ратной славе и испанском золоте. Граф спрятался на корабле «Свифтшур» сэра Роджера Уильямса. Следом за Эссексом из Лондона выехал сэр Фрэнсис Ноллис, получивший от Елизаветы приказ найти беглеца и вернуть назад. В Плимуте он не застал «Свифтшур» и, получив в свое распоряжение быстроходный пинас, отправился на поиски упомянутого судна. Не найдя его в открытом море, Ноллис вернулся в Плимут.

В это время граф Хантингтон — родственник королевы и ее близкий друг — нагрянул в порт со строжайшим предписанием арестовать Уильямса. Дрейк и Норрис были готовы содействовать королевскому посланнику в его намерениях, и сэр Фрэнсис Ноллис снова был отправлен в море на поиски «Свифтшура». Одновременно руководители экспедиции начали забрасывать Тайный совет письмами, жалуясь на острый дефицит

продовольствия и невозможность дальнейшего содержания двадцати тысяч людей. Часть волонтеров была списана на берег, часть дезертировала. Елизавета, менее всего заинтересованная в срыве задуманного предприятия, распорядилась кормить солдат и моряков за счет казны до момента выхода экспедиции в море.

Ветер по-прежнему оставался неблагоприятным и лишь 16 апреля начал менять направление. Оставив капитана Кросса ожидать подвоза обещанного провианта, Дрейк отдал приказ по флоту немедленно сниматься с якоря. До 18 апреля он лавировал в Ла-Манше, пока не подул устойчивый норд, позволивший основным силам экспедиции достичь северо-западной оконечности Бретани. В районе острова Уэсан выяснилось, что не менее двадцати пяти фламандских транспортов примерно с двумя или тремя тысячами солдат отбились от флота и не смогли явиться на рандеву. Несмотря на это, Дрейк не стал тратить время на их ожидание, так как больше всего боялся потерять попутный ветер.

Инструкции предписывали адмиралу идти сначала к берегам Пиренейского полуострова, чтобы там найти и уничтожить испанские корабли, уцелевшие после катастрофы 1588 года. Кроме того, в ходе крейсерства он должен был выяснить, как португальцы относятся к дону Антониу и какова численность испанских войск в Португалии. Если ситуация будет благоприятной для возведения дона Антониу на престол, англичане должны помочь ему в этом; если нет — экспедиции предписывалось идти к Азорским островам. В случае успешного возведения дона Антониу на престол англичане должны были сначала убедиться в том, что его положение в стране достаточно прочное, и добиться от него компенсации расходов, понесенных при снаряжении экспедиции. Только после этого в союзе с вооруженными силами дона Антониу флот должен отправиться к Азорским островам и, захватив один из них, превратить его в базу для оперирования против испанского судоходства.

Таким образом, вместо того чтобы сразу идти к Лиссабону (как предусматривалось первоначальным планом Дрейка и Норриса), королевские инструкции обязывали руководителей экспедиции сначала развернуть крейсерскую войну у берегов Гипускоа, Бискайи, Кантабрии, Астурии и Галисии. Не рискнув ослушаться высочайшего повеления, Дрейк повел свой флот в сторону Сантандера. Ветер, однако, внес свои коррективы в планы англичан, вынудив их сместиться дальше к западу. Узнав, что в порту Ла-Коруньи находится большое количество вражеских судов, Дрейк и Норрис решили отправиться туда. 24 апреля флот появился недалеко от столицы Галисии.

Ла-Корунья занимает полуостров, омываемый с востока бухтой, которая глубоко вдается в сушу и открыта для входа с севера. В 1589 году город состоял из двух частей: верхней, расположенной на скалах, и нижней, именуемой Пескадерия. Верхний город занимал мыс, вытянутый в юго-западном направлении, который вместе с перешейком, тянувшимся в сторону «большой земли», образовывал закрытую от северных ветров гавань. Вход в гавань прикрывал небольшой остров, на котором испанцы возвели довольно сильную крепость Сан-Антон. Нижний город занимал территорию упомянутого перешейка и представлял собой торговый квартал. Скалистые берега полуострова делали Ла-Корунью почти неприступной; приблизиться к ней можно было лишь по морю со стороны гавани или же по суше — со стороны «большой земли». Верхний город был отрезан от нижнего мощными фортификациями, пересекавшими основание мыса, на котором он располагался. Пескадерия тоже была защищена оборонительной стеной, пересекавшей полуостров от одного берега до другого. Когда англичане приблизились к входу в бухту, в гавани Ла-Коруньи находились галеоны «Сан-Хуан» (1050 тонн, 50 пушек) и «Сан-Бернардо» (352 тонны, 21 пушка; на тот момент был полностью расснащен и кренговался) из состава португальской эскадры, корабль «Сан-Бартоломе» (975 тонн, 27 пушек) из состава андалусской эскадры, урка «Сансон» (500 тонн), две галеры — «Диана» и «Принсеса», на каждой из которых было установлено по пять пушек, и еще несколько малых судов. Гарнизон города был усилен пехотинцами, высаженными на берег с указанных кораблей. Согласно испанским источникам, здесь находились роты капитана Тронкосо, Диего де Басана, Гомеса де Карвахаля, Антонио де Эрреры, Херонимо де Монроя, Хуана де Луны, Педро Манрике и вспомогательный отряд. В целом их численность доходила до шестисот солдат. Кроме того, в Ла-Корунье были сформированы четыре роты милиции, вооруженные пиками и аркебузами; ими командовали Франсиско де Миранес, Лоренсо Монтото, Хуан Санчес Котрофе и Педро де Лаго.

На городских складах были собраны значительные запасы военного снаряжения и продовольствия; 2400 аркебуз. 480 мушкетов, 3120 пик, 550 бочек тунца, 680 кинталей вяленой рыбы, 1100 арроб масла, 1100 фанег турецкого гороха, 1500 кинталей солонины, не считая большого количества бекона, сухарей и вина.

Узнав о приближении к порту английского флота, губернатор Галисии маркиз де Серральбо спешно собрал военный совет. Было решено зажечь огонь на Башне Геркулеса — сигнал тревоги — и

выслать на разведку легкие суда. Кроме того, в различные части королевства отправили гонцов с призывами срочно прислать в Ла-Корунью подкрепления.

Чтобы усилить команды стоявших в гавани судов, на галеры были посажены роты Хуана де Луны и Педро Манрике, а на галеон «Сан-Хуан» переведена рота Диего де Басана, где она поступила под командование Мартина де Бертендоны. Защиту форта поручили роте Херонимо де Монроя и ополченцам, возглавляемым Франсиско де Миранесом. С одной стороны островной крепости разместили галеры, а с другой — поставили упомянутый галеон.

Придерживаясь своей обычной тактики, Дрейк хотел атаковать гавань и город немедленно. Утром сильный отряд был отправлен в гавань на четырнадцати пинасах и шлюпках, но огонь из форта вынудил их отойти к противоположной от Ла-Коруньи стороне бухты. Несмотря на скалистый характер местности, англичанам удалось отыскать удобное место для высадки в районе пляжа Санта-Мария-де-Оса и взять под контроль дороги, связывавшие Ла-Корунью с Бетансосом и Сантьяго. Учитывая это обстоятельство, маркиз де Серральбо отправил в упомянутые города рекомендации выслать к нему отряды солдат кружным путем — по дороге, связывавшей Ла-Корунью с Берхантиньосом.

В это время пехотинцы Норриса, пройдя в направлении города полмили, обнаружили на холме Санта-Ана отряд испанцев численностью до ста пятидесяти человек; во главе отряда находились капитан Тронкосо и сержант Луис де Леон. Не сумев остановить продвижение превосходящих сил противника и опасаясь попасть в окружение, испанцы с боем отступили под защиту оборонительной стены Пескадерии.

Погода между тем испортилась, налетел шторм с дождем, и англичанам пришлось устраиваться на ночлег в захваченных соседних деревнях, загородных поместьях и на мельницах.

В ту же ночь капитан Хуан Варела, ветеран войны во Фландрии и владелец фермы, находившейся в окрестностях Ла-Коруньи, сумел провести в город две роты из Бетансоса. На рассвете испанские корабли открыли по позициям англичан артиллерийский огонь, пытаясь выбить их с занимаемых позиций. Норрис отправил Дрейку просьбу прислать ему пушки. Обманув бдительность испанских галер, англичане в восемь часов утра доставили на берег три орудия и открыли огонь по галеонам «Сан-Хуан» и «Сан-Бартоломе», но четыре королевских корабля, окруживших остров Сан-Антон, были отогнаны от него артиллерийским огнем из крепости.

Затем Дрейк и Норрис обсудили план нападения на нижний

город. Они решили штурмовать оборонительную стену в двух местах и одновременно осуществить шлюпочную атаку со стороны гавани. Капитан Ричард Уингфилд как заместитель Норриса и капитан Сэмпсон, являвшийся помощником Дрейка, должны были взять 500 солдат и попытаться во время отлива повторить маневр, который англичане успешно применили тремя годами ранее при штурме Картахены. В случае, если из-за большой глубины обойти западную оконечность стены не удастся, людям Уингфилда и Сэмпсона ставилась задача атаковать врага по эскаладе (с использованием лестниц, веревок, крючьев и т. п.). Другой край стены, упиравшийся в гавань, должны были штурмовать отряды полковников Эдварда Амптона и Томаса Бретта, насчитывавшие в общей сложности 300 солдат. Проведение шлюпочной атаки, в которой предполагалось задействовать 1200 солдат, доверили полковнику Эдварду Хантли и вице-адмиралу Томасу Феннеру.

Весь остаток дня английское командование уточняло детали предстоящей операции и продолжало высаживать новые отряды на берег. К наступлению темноты все было готово. Когда начался отлив, солдаты разместились в шлюпках и пинасах, а в полночь две пушки, установленные на берегу, подали сигнал к началу общего штурма. Шлюпочный десант отвлек на себя внимание испанцев, что позволило отрядам Амптона и Бретта беспрепятственно прорвать испанскую оборону на восточной оконечности стены. На другом крае обороны солдатам Уингфилда и Сэмпсона пришлось столкнуться с гораздо большими трудностями. Испанцы храбро оборонялись, трижды отбив атаки английских солдат, пока десант со шлюпок и пинасов не вынудил их оставить свои позиции. Преследуя неприятеля, англичане ворвались в нижний город. Узкие извилистые улочки наполнились победными криками, звуками труб и грохотом барабанов.

Не сумев удержать Пескадерию, испанский гарнизон бросился искать спасения за мощными оборонительными стенами верхнего города. При этом, однако, 70 солдат и две сотни жителей, которым не удалось оторваться от наседавших на них англичан, были безжалостно убиты (по другим данным, погибло от пятисот до семисот испанцев). В плен попали несколько офицеров, включая Хуана де Монсальве и Хуана де Луну, а также девять солдат из Башни Геркулеса, покинувших ее по причине нехватки провизии.

В нижнем городе победители нашли большие запасы вина. Солдаты тут же предались обильным возлияниям, что привело к ослаблению дисциплины и даже болезням, сказавшимся в

дальнейшем на всем ходе столь удачно начавшейся экспедиции.

Решив сконцентрировать свои усилия на обороне верхнего города, испанцы на следующее утро подожгли стоявший на рейде галеон «Сан-Хуан». Едва дюжина англичан забралась на его палубу, намереваясь погасить пламя, взрыв пороха в крюйт-камере уничтожил их вместе с кораблем. Галеры к тому времени успели бежать из гавани в Эль-Ферроль; остальные корабли люди Дрейка сделали своими призами.

В Пескадерии и на захваченных судах были найдены большие запасы муки, вина, масла и ручного оружия, а из окрестных деревень и загородных вилл летучие отряды стали ежедневно пригонять скот и доставлять на корабли всевозможные продукты питания.

Разграбив и уничтожив склады и трофейные корабли, англичане готовы были отправиться дальше. Однако неблагоприятный ветер вновь задержал их выход в море. Испанские батареи, находившиеся в верхнем городе, время от времени обстреливали стоявший в порту вражеский флот, так что в итоге Норрис решил попытаться захватить их. Установив напротив испанских укреплений пушки, англичане 28 апреля обрушили на защитников верхнего города интенсивный артиллерийский огонь, после чего гарнизону был послан ультиматум о сдаче. Но когда парламентер приблизился к позициям испанцев, он был встречен неожиданным огнем, а его барабанщик сражен наповал. Подобный поступок шел вразрез с обычаями войны — теперь Дрейк в отместку мог казнить находившегося в его руках коменданта города. Это понимали все, в том числе солдаты итальянской терции, находившиеся в Ла-Корунье. Они схватили убийцу барабанщика, повесили его на крепостной стене и стали кричать англичанам, что готовы возобновить переговоры. Английское командование согласилось на это. Испанцы пытались добиться освобождения дона Хуана де Луна, но на предложение капитулировать ответили решительным отказом. Тогда Дрейк и Норрис решили продолжить осаду верхнего города.

На северной стороне городских фортификаций Норрис обнаружил место, где можно было совершить подкоп и заминировать одну из башен. Одновременно с южной стороны английская батарея была усилена более мощными пушками. На пятый день, установив мину под башней и пробив артиллерийским огнем брешь в стене, солдаты Норриса были готовы броситься на штурм верхнего города, в то время как корабли Дрейка приблизились к островной крепости Сан-Антон. Чудовищный взрыв потряс башню на северной стороне

фортификаций, наполовину обрушив ее, и тут же английские солдаты пошли в атаку. Это было их ошибкой. Когда они очутились на руинах, на них рухнула вторая половина башни. Среди погибших оказались капитаны Сайденхем и Кёрси. Те, кто уцелел, в ужасе бросились назад. Тем временем второй отряд, попытавшийся пробиться через брешь в стене на южной стороне фортификаций, был остановлен защитниками верхнего города и, неся большие потери, тоже отступил.

Неожиданно англичане узнали о новой угрозе, нависшей над ними. Один из пленных сообщил, что из Бетансоса к Ла-Корунье приближается отряд в 15 тысяч солдат. Норрис, посовещавшись с Дрейком, решил не дожидаться прибытия этого отряда, а выступить ему навстречу и нанести упреждающий удар. Пока Дрейк с пятью полками продолжал осаждать верхний город, Норрис с остальными девятью полками, насчитывавшими около семи тысяч пикинёров и мушкетеров, утром 6 мая направился на поиски упомянутого испанского отряда. По свидетельству Энтони Уингфилда, в авангарде двигались полки сэра Роджера Уильямса, сэра Эдварда Норриса и полковника Томаса Сиднея; за ними следовали полки сэра Джона Норриса, полковника Лейна и полковника Медкёрка; в арьергарде находились полки сэра Генри Норриса, полковника Хантли и полковника Бретта.

Неприятель был обнаружен на следующий день в полумиле от лагеря — на берегу реки Меро. Было около десяти часов. Соседнюю деревню окружала прочная крепостная стена. Сэр Эдвард Норрис, возглавлявший авангард, получил приказ атаковать противника. Он тут же двинул вперед три отряда мушкетеров во главе с подполковником Энтони Уингфилдом, и менее чем за час овладев деревней, они вынудили испанцев отступить сначала к мосту через реку, а затем на противоположный берег. Там противник укрылся за бруствером, фланги которого упирались в дома, полные аркебузиров. Мост имел 200 ярдов в длину и около трех ярдов в ширину. Тем не менее сэр Эдвард, вооруженный пикой, бросился по нему во главе своих людей, смело прыгнул на баррикаду и здесь получил удар шпагой по голове. Полковник Томас Сидней тут же поспешил ему на помощь. Схватка была отчаянной. Испанцы несколько раз отбрасывали атакующих назад. Сэр Джон Норрис, хотя и не имел на себе доспехов, схватил пику и тоже кинулся по мосту на помощь брату. Наступая по три человека в ряд, англичане захватили бруствер и вынудили неприятеля спасаться бегством.

Погоня, в которой участвовали солдаты полковника Медкёрка, была ужасной. Испанцы, по разным данным, потеряли от нескольких сотен до тысячи трехсот человек. В своем отчете

правительству руководители экспедиции писали: «Если бы у нас были лошади или несколько рот ирландских парней, дабы преследовать их [испанцев], никто бы не смог убежать».

Опустошив окрестности, солдаты Медкёрка в тот же вечер вернулись в лагерь. С собой помимо добычи они принесли испанский королевский штандарт.

В упомянутом выше отчете записано: «Мы потеряли не больше двух рядовых солдат и одного из полевых капралов (капитана Купера. — *В. Г.)*. Сэр Эдвард Норрис, который возглавлял авангард, получил жестокий удар по голове, а капитан Фалфорд был ранен выстрелом в [левую] руку. Капитану Джорджу [Бартону] пуля попала в левый глаз. Капитан Хинд [Хиндер] получил три ранения в голову, но никакой опасности для жизни кого-либо из них нет». По воспоминаниям Энтони Уингфилда, капитану Хиндеру выстрелом снесло каску и он получил пять ударов шпагой по голове и в лицо.

Как отмечал Дрейк в письме лорду Берли, в эти дни ветер был противным, море штормило и непрерывно лил дождь. Когда же наступило затишье, командование экспедицией решило отказаться от попыток взять верхний город и отдало приказ готовиться к отплытию. Помимо вина и провизии на борт кораблей 8 мая погрузили также полсотни бронзовых пушек, три тысячи пик и много иного оружия. На следующий день, предав нижний город огню и прихватив с собой три приза, англичане покинули Ла-Корунью.

Уильям Монсон, высоко оценивавший кадисскую операцию Дрейка 1587 года, нападение на Ла-Корунью счел серьезной ошибкой. «Оно, — писал он, — затормозило исполнение другого плана (захват Лиссабона. — *В. Г.),* привело к расходованию провианта, ослабило армию из-за чудовищного пьянства солдат, вызвавшего среди них плачевные болезни, привело к тому, что испанцы усилили оборону Португалии, и в особенности затруднило дальнейшее продвижение, поскольку первая же попытка [завоевания] оказалась безуспешной».

Инструкции предписывали Дрейку и Норрису заняться уничтожением испанских кораблей в северных портах Испании, в частности в Сантандере. Однако сэр Фрэнсис заявил, что в Сантандере суда стоят под защитой береговых батарей и флот не сможет их уничтожить без предварительного взятия городских фортификаций. Сэр Джон, со своей стороны, заметил, что армия не сможет захватить эти укрепления, не имея осадной техники. В итоге командование экспедиции отказалось идти вглубь Бискайского залива, и 9 мая флот, лавируя, начал продвигаться в южном направлении — к берегам Португалии.

Западные ветры заставили часть кораблей отклониться от заданного курса. Многие суда ушли в подветренную сторону: одни — во французские гавани, другие — в Англию. В то же время к экспедиции присоединились еще шесть транспортов. На четвертый день отыскался пропавший «Свифтшур», шедший в компании с шестью призами. Как оказалось, корабль сэра Роджера Уильямса (с графом Эссексом и его братом Уолтером Деверо на борту) был сначала занесен в район Кадиса, потом крейсировал возле мыса Сан-Висенти и там взял три хулька и три пинаса. Возвращаясь на север, он зашел в Байону, где имел стычку с береговой охраной.

Присоединив к флоту «Свифтшур» и его призы, Дрейк и Норрис продолжили движение на юг. Главной целью был Лиссабон, но сначала командование решило наведаться в приморский город Пениши, расположенный на мысе Карвуэйру, примерно в 50 милях к северу от португальской столицы. Дрейк получил информацию, что в гавани этого города укрылся корабль с богатым грузом «из Индий», и загорелся желанием его перехватить. У Норриса и графа Эссекса были более амбициозные планы. Они вдруг решили, что, овладев Пениши, смогут двинуть оттуда войска по суше на Лиссабон.

На одной стороне бухты имелось удобное место для высадки, но его охраняла сильная крепость. На другой стороне находился пляж, на котором тоже можно было высадиться, однако наличие россыпи скал и высокий прибой создавали в этом месте немалые трудности. Испанские солдаты полагали, что англичане не отважатся осуществить высадку в этом месте. Каково же было их изумление, когда 16 мая шлюпки с вражеским десантом направились именно туда. Возглавляли безумцев сэр Роджер Уильямс и граф Эссекс. Прибой опрокинул несколько шлюпок, еще несколько лодок разбилось о скалы; погибли 25 человек из отряда капитана Долфинса. Тем не менее англичане не отступили. Граф одним из первых смело прыгнул в волны прибоя и вскоре благополучно выбрался на берег.

Половина авангардного отряда осталась возле шлюпок, прикрывая общую высадку с кораблей; остальные, обогнув крутой утес, во главе с сэром Роджером двинулись через песчаные холмы к городу. Пустив в ход пики, они атаковали позиции испанцев. Бой был коротким, но ожесточенным. Англичане потеряли капитана Роберта Пью из полка Эссекса; потери испанской стороны оценивались в два десятка убитых. Не выдержав натиска нападающих, испанцы начали отступать к городу. Вскоре они и большая часть жителей Пениши бежали в окрестные районы. В ту же ночь португальский гарнизон, находившийся в крепости,

сдался дону Антониу.

Хотя Дрейк полагал, что разумнее было осуществить высадку сухопутных сил в порту Кашкайш и оттуда атаковать Лиссабон, тесно взаимодействуя при этом с силами флота, Норрис, Эссекс и дон Антониу настояли на своем плане. Дон Антониу наивно полагал, что, пока они будут двигаться из Пениши к столице, португальское население восстанет против испанцев и поможет экспедиционным войскам одержать победу.

17 мая в дополнение к отрядам пехотинцев на берег была высажена кавалерия. На следующий день, оставив гарнизону Пениши один корабль и флотилию вспомогательных флиботов, Дрейк поднял паруса и направился в Кашкайш. 22 мая флот, ведомый португальским пилотом, появился на траверзе этого городка. Кашкайш был безлюден. Жители бежали оттуда еще до прихода англичан. В Лиссабоне тоже царила паника. Половина населения города подалась в провинцию, не желая служить испанцам и спасаясь от репрессий вице-короля Португалии эрцгерцога Альберта. Ситуация была благоприятной для нападения на португальскую столицу, однако Дрейк не мог войти в устье Тежу, не имея сведений о том, где в это время находились сухопутные части экспедиции. В случае провала операции и уничтожения части кораблей флота войска Норриса лишились бы транспортных средств и остались в Португалии один на один против испанской армии. Поэтому, не желая рисковать, сэр Фрэнсис решил дожидаться известий от Норриса в Кашкайше.

Тем временем английские отряды, преодолевая вялое сопротивление испанцев, продвигались к Лиссабону с севера. Вечером 25 мая они были уже в пригороде столицы, вынудив противника сжечь все склады с запасами продовольствия. В дальнейшем эта мера привела к массовому голоду во всей провинции.

На следующую ночь испанский гарнизон столицы совершил вылазку, но после кровопролитной схватки вынужден был ретироваться под защиту городских фортификаций. Англичане преследовали врага до самых ворот, однако для штурма Лиссабона сил у них оказалось недостаточно. Войска косили болезни; из девяти тысяч солдат в строю оставалось не более двух третей. На военном совете мнения командиров относительно дальнейших действий разделились: одни хотели немедленно вернуться на корабли, другие настаивали на продолжении операции. Норрис полагал, что без всеобщего восстания португальцев против испанской оккупации дело обречено на провал. Все же дон Антониу упросил его подождать до следующего вечера, обещая, что к ним присоединятся три тысячи

португальских повстанцев.

Что касается Дрейка, то он не мог поддержать сухопутные части нападением на Лиссабон с моря в силу изменившихся погодных условий: ветер стал противным, флот не имел возможности войти в устье Тежу и подняться вверх по реке. На военном совете многие капитаны сетовали на то, что болезни свалили с ног большую часть команд. Дрейк, однако, готов был попробовать провести часть кораблей ближе к португальской столице. Он приказал двум третям флота войти в один из проходов, ведущих на рейд Лиссабона, и там ожидать перемены ветра. Остальные корабли должны были остаться, чтобы охранять якорную стоянку и голландские хульки.

На следующее утро ветер подул с юго-запада. Это был благоприятный момент для начала наступления, но тут адмиралу донесли, что войско Норриса в полном составе прибыло в Кашкайш.

Очевидно, английское командование получило известие, что обещанные доном Антониу подкрепления не придут, и сэр Джон решил отказаться от продолжения операции. Испанцы, заметив отход неприятеля, предположили, что их хотят выманить в чистое поле, и не стали преследовать англичан.

Таким образом, португальская экспедиция завершилась провалом. Взять Лиссабон и возвести на португальский престол дона Антониу англичанам не удалось. Правда, в планах у них оставался еще один объект, который можно было попытаться захватить, а именно — Азоры. Когда Дрейк и Норрис обсуждали возможность осуществления этого проекта, к ним прибыл какой-то монах с важным известием. По его словам, испанское войско в составе шести тысяч пехотинцев и пятисот кавалеристов под командованием дона Педро Энрикеса де Гусмана подошло к крепости Сан-Жулиан, находившейся примерно в шести лигах от Кашкайша, и собирается напасть на англичан. Норрис тут же загорелся желанием сразиться с противником и отправил испанскому командующему приглашение помериться силами уже на следующее утро. Рыцарский пыл охватил и графа Эссекса. Он тоже отправил вызов испанцам, приглашая на поединок самого знатного из них. Если этот вариант будет отвергнут, писал граф, то он готов участвовать в поединке шесть на шесть, восемь на восемь или десять на десять человек.

В три часа утра Норрис повел свое войско к Сан-Жулиану, однако испанцев там не застал — противник предпочел свернуть лагерь и ретироваться.

Англичанам ничего не оставалось, как начать грузиться на корабли. Неудача под Лиссабоном негативно сказалась на

психологическом климате как в армии, так и на флоте. Солдаты всю вину сваливали на моряков, а моряки — на солдат. Командование проводило одно совещание за другим, пытаясь решить, что же делать дальше. Больных становилось всё больше, а провизии — всё меньше. Все ожидали прибытия кораблей обеспечения, но они не появлялись.

В последний день мая возле устья Тежу неожиданно появился большой караван ганзейских хульков из Данцига, Штетина, Ростока, Любека и Гамбурга, охраняемый военными кораблями. Дрейк приказал напасть на них и захватить. Конвойные корабли и несколько «купцов» все же сумели уйти от погони и добраться до Лиссабона; остальные суда — порядка шестидесяти — стали добычей англичан. Как оказалось, большинство призов везли пшеницу и военную контрабанду (мачты, канаты, медь и воск); некоторые имели в трюмах лишь балласт. Дрейк рассчитался с голландскими шкиперами за фрахт трофейной пшеницей и позволил им покинуть экспедицию. Флиботы ушли на север, забрав с собой больных, раненых и всех, в чьих услугах больше не было нужды.

В тот же день прибыла одна из ожидаемых флотилий с провиантом. Вместе с припасами пришли и гневные письма королевы. Елизавета отчитывала сэра Роджера Уильямса и требовала немедленно вернуть домой графа Эссекса. «Если вы не исполните оное, — писала королева, — то горько пожалеете, ибо это — не детские шалости».

3 июня в Англию отплыли заболевшие полковники Деверо и Сидней, а 6-го Дрейк и Норрис отправили туда же графа Эссекса. Ее величеству они написали, что не могли сделать этого раньше, поскольку «Свифтшур» был необходим им для проведения боевых операций.

Сэр Роджер Уильямс хотел сопровождать графа, однако командование экспедиции не отпустило его.

На следующий день, узнав, что капитан Роберт Кросс со второй флотилией разыскивает их в районе Кадиса, Дрейк и Норрис вывели весь флот в открытое море. Но едва они достигли мыса Эспишел, как ветер стих. Корабли с обвисшими парусами застыли недалеко от устья Тежу. Этим обстоятельством тут же воспользовалась испанская эскадра в составе двух десятков галер, стоявшая под прикрытием пушек крепости Сан-Жулиан. В результате нападения несколько хульков стали добычей испанцев, хотя королевские галеоны, буксируемые своими шлюпками, пытались защитить их от врага. Позже Дрейка обвиняли в том, что он не смог спасти эти суда. «Его небрежность, — писал Ралф Лейн, — дала галерам такое

преимущество над нами, что если бы Всемогущий Бог не лишил их [испанцев] разума и храбрости, то не четыре, а сорок судов нашего флота могли быть сожжены или пущены ко дну в тех морях прямо у нас на глазах, ибо все прочие корабли не имели возможности оказать им помощь».

11 июня флот продолжил движение в южном направлении и на следующий день встретил наконец разыскиваемую флотилию капитана Кросса. Самое время было повернуть на запад, к Азорским островам. Однако планы Дрейка опять нарушил природный фактор — целую неделю дул ветер с севера, сбивая корабли с заданного курса. Когда подул ветер с юга, командование приняло решение идти к Байоне.

Несколько дней флот держался нового направления, пока шторм не разметал корабли в разные стороны. «Эйд» и 25 других судов отбились от основных сил, которые достигли Байоны 17 июня. Не обнаружив там пропавших кораблей, Дрейк повернул на запад и два дня искал их в океане. Вернувшись снова к Байоне, он в тот же день нашел пропавшую эскадру и двинулся со всеми силами к Виго. Флот стал на якорь в миле от этого порта.

За 17 дней, проведенных в море, количество больных на кораблях возросло до такой степени, что для участия в нападении на Виго Дрейк смог найти лишь две тысячи боеспособных людей. На следующий день, поддерживаемый корабельной артиллерией, десант благополучно высадился на берег. Испанские укрепления были атакованы с двух сторон: один отряд вели Дрейк и капитан Ричард Уингфилд, другой — сэр Роджер Уильямс и капитан Энтони Уингфилд. Отказавшись от сопротивления, испанцы предпочли отступить, так что в итоге город был взят без потерь. Почти все ценное имущество жители унесли с собой, победителям достались лишь опустевшие дома и большие запасы вина.

После полудня, отправив 300 солдат сжечь соседнюю рыбачью деревню и опустошить окрестные усадьбы, командование экспедиции собралось на военный совет. Учитывая, что потери от болезней и полученных ран неуклонно возрастали (умер и контр-адмирал флота Уильям Феннер), Дрейк предложил разделить силы на две части. Сам он с двадцатью кораблями собирался отправиться к Азорским островам на охоту за «серебряным флотом»; Норрис с остальными должен был возвращаться в Англию.

Покидая Виго, англичане сожгли город дотла.

«В этот день, — сообщает Энтони Уингфилд, — некоторые моряки без приказа высадились на берег на противоположной стороне реки, желая пограбить; они были выбиты врагом из их шлюпок и [позже] наказаны генералами за свои действия,

поскольку ушли без разрешения».

Когда английские корабли продвинулись к выходу из бухты, на них снова обрушился шторм. 33 судна, включая «Форсайт» с сэром Эдвардом Норрисом на борту, были отброшены назад к Виго и стали на якорь в глубине бухты. Остальные корабли Дрейк успел вывести в открытое море, где на следующий день жестокие ветры рассеяли их в разные стороны. Два корабля потерпели крушение, а Уильям Феннер-младший, преследуемый испанскими галерами, бежал в сторону Мадейры, где надеялся встретиться с остальными кораблями флота. Так же поступил и капитан Кросс.

Сэр Джон Норрис вернулся в Байону, где, связавшись со своим братом, решил придерживаться недавно принятого плана, то есть идти домой. Что касается Дрейка, то ему не удалось осуществить свою часть проекта. Его флагман «Ривендж» дал течь и был отброшен в сторону от остальных кораблей. Едва держась на плаву, он взял курс на Плимут, куда и прибыл в конце месяца.

В целом экспедиция 1589 года не оправдала возлагавшихся на нее надежд и принесла ее организаторам и участникам убытки. Хотя информация испанских шпионов о том, что в ней умерло «18 тысяч человек, включая 900 офицеров и джентльменов», выглядит явным преувеличением, тем не менее людские потери действительно были значительными. По данным Кэмдена, домой вернулись около шести тысяч человек. Современные авторы варьируют цифры потерь от 4,5 тысячи до 11 тысяч человек, допуская, что всего в экспедиции могло участвовать 13,5 тысячи человек. Добыча, доставленная в Англию, включала около 150 бронзовых пушек и ганзейские суда, оцененные в 30 тысяч фунтов стерлингов. Грабеж и сожжение нескольких городов на Пиренейском полуострове, конечно, нанесли немалый ущерб испанской казне, но не наполнили кошельки англичан звонкой монетой. Огромные расходы на снаряжение флота и сухопутных сил — 100 тысяч фунтов стерлингов — так и не были покрыты. Неудивительно, что осенние дебаты в Тайном совете проходили бурно и завершились не в пользу командующих экспедицией. Дрейк впал в немилость при дворе, а заодно потерял расположение толстосумов Сити, ожидавших от португальского предприятия прежде всего коммерческого успеха.

Рядовые солдаты и матросы, участвовавшие в экспедиции, получили на руки лишь по пять шиллингов, и им разрешили оставить себе ручное оружие. Охваченные гневом, они двинулись мятежной толпой на Лондон. Лорд-мэру столицы пришлось мобилизовать две тысячи солдат, которым с большим трудом удалось утихомирить ветеранов Дрейка. Четверых зачинщиков

бунта немедленно судили и приговорили к смертной казни через повешение. Перед казнью один из них с горечью крикнул:

— Это и есть плата, которую вы даете солдатам, сражающимся за вас!

ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ ДРЕЙКА

В последующие годы война против Испании свелась к приватирским операциям, главной целью которых был грабеж испанских и португальских торговых судов и прибрежных поселений (как в метрополии, так и в колониях). Дрейк не участвовал в них, занявшись делами на берегу. В начале мая 1590 года он отправился в Плимут, имея приказ усилить его защиту. Сэр Фрэнсис организовал сбор горючих материалов и судов, чтобы можно было снарядить брандеры и уничтожить испанский флот, если тот попытается угрожать городу. Позже он возглавил эскадру из сорока судов, которая крейсировала на входе в Ла-Манш и провела разведку у берегов Бретани. Осенью несколько испанских отрядов высадились на указанном побережье, и Елизавета хотела иметь ясную картину, чем они там занимаются и смогут ли французы самостоятельно справиться с ними. В ноябре Дрейк написал письмо принцу Генриху Бурбону, в котором объяснил цель своего визита в воды Бретани и попросил принца обрисовать ситуацию в провинции. Принц прислал адмиралу учтивый ответ, сообщив, что их общий враг занял Аннебон и укрепился в соседнем порту Блаве (в устье одноименной реки, возле современного Лорьяна).

Вернувшись на родину из упомянутой экспедиции, Дрейк несколько лет не выходил в море. Он поселился в своем поместье Бакленд-Эбби и время от времени наведывался по служебным делам в Плимут. Там он занимался укреплением оборонительных сооружений, а также вложил часть собственных денег в строительство водовода, главным подрядчиком которого он был. Канал рыли с декабря 1590 года по апрель 1591-го усилиями тридцати пяти рабочих, причем Дрейк принял личное участие в церемонии, посвященной началу строительства. Водовод представлял собой канаву шириной шесть футов и глубиной два фута. Русло его было извилистым и имело небольшой наклон — так, чтобы вода в нем текла не слишком быстро и не размывала берега. 24 апреля 1591 года ректор Миви благословил введение водовода в эксплуатацию. Легенда рассказывает, что Дрейк скакал впереди водного потока на белом коне, «указывая ему путь в город».

Сэр Фрэнсис должен был заплатить строителям водовода 200 фунтов стерлингов и еще 100 фунтов стерлингов выплатить в виде компенсации собственникам земель, по которым проложили эту водную артерию. В реальности, однако, он заплатил за строительство лишь 100 фунтов, а собственникам земель — 60

фунтов, сэкономив, таким образом, 140 фунтов стерлингов.

Старую мельницу, через которую прошел водный поток, Дрейк предусмотрительно взял в аренду. Кроме того, судя по записям в плимутских архивах, «до дня Михаила Архангела он построил еще шесть мельниц: две — в Уайди и четыре — в этом городе, а также различные водопроводы». Все упомянутые мельницы сэр Фрэнсис тоже взял в аренду сроком на 67 лет. Таким образом, «общественный» водовод фактически использовался для обслуживания мельничного бизнеса предприимчивого адмирала.

В ноябре 1592 года Дрейка неожиданно вызвали в Лондон, чтобы обсудить с ним какой-то новый заморский проект. Речь, вероятно, шла об организации экспедиции в Номбре-де-Дьос и Панаму. Кроме того, Дрейк вместе с Робертом Сесилом (сыном лорда Берли), Уолтером Рэли, Ричардом Хокинсом, Томасом Миддлтоном и Ричардом Киллигрю был включен в состав комиссии по расследованию дела о захвате английскими приватирами богатого португальского каррака «Мадри ди Диуш». В трюмах этого семипалубного 37-пушечного корабля находилось 900 тонн груза из Индии, в том числе 537 тонн перца, корицы, мускатного ореха, амбры, шелка, слоновой кости, алмазов, жемчуга, рубинов, золота и серебра. Такой фантастической добычи, взятой после почти суточного кровавого сражения, еще никому из корсаров не удавалось захватить. В штурме и грабеже каррака участвовали команды сразу шести кораблей. Из различных документов известно, что это были «Голден драгой» капитана Кристофера Ньюпорта, «Пруденс» капитана Хью Меррика, «Тайгер» капитана Джона Нортона, «Сэмпсон» капитана Абрахама Кока, «Форсайт» капитана Роберта Кросса и «Дэнти» капитана Томпсона. Джон Барэ, командовавший кораблем сэра Уолтера Рэли «Роубак», осуществлял общее руководство операцией. Вместе с призом они должны были вернуться в Дартмут, но фактически в порт назначения 7 сентября 1592 года прибыли лишь «Мадри ди Диуш» и адмиральское судно; корабли графа Камберленда «Тайгер» и «Сэмпсон» пришли с добычей в Плимут.

Пайщики экспедиции были крайне недовольны тем, что экипажи самовольно разграбили каррак. Королева Елизавета, вложившая в предприятие три тысячи фунтов стерлингов, уполномочила вышеупомянутую комиссию проверить положение дел на месте, определить подлинную ценность добычи и дивиденды пайщиков. Комиссионеры, проведя расследование, установили, что большая часть награбленного осела на кораблях графа Камберленда. Общая стоимость захваченного была оценена

ими в 150 тысяч фунтов стерлингов, хотя сэр Джон Хокинс полагал, что в действительности добыча стоила 500 тысяч фунтов стерлингов. Елизавета, получив дивиденды в размере 90 тысяч фунтов стерлингов, удовлетворилась этой «кругленькой» суммой и не стала докапываться до истины.

Вернув былое расположение королевы, Дрейк в день Нового года презентовал ей отчет о своей экспедиции в Номбре-де-Дьос в 1572 году и захвате «серебряного каравана» на Панамском перешейке. Одновременно он намекнул Елизавете, что с гораздо большим рвением готов служить ей на море, чем предаваться воспоминаниям о своих былых подвигах.

В феврале 1593 года открылось заседание парламента, на котором обсуждались перспективы войны с Испанией и рассматривалась вероятность испанского вторжения в Англию. Сэр Фрэнсис участвовал в его работе, будучи депутатом от Плимута. Парламентариев особенно волновала активность испанских войск в Бретани, откуда их легко было перебросить на побережье туманного Альбиона. В конце концов был принят билль о субсидировании морской экспедиции, которую должен был возглавить Дрейк, но проект так и остался на бумаге.

Между тем захват испанскими войсками позиций в районе Бреста не на шутку встревожил Елизавету. Весной было решено отправить туда армию под командованием сэра Джона Норриса. Командование кораблями экспедиции передали сэру Мартину Фробишеру, уже находившемуся в море. До июля Фробишер крейсировал у берегов Бретани с эскадрой из шести королевских галеонов, препятствуя подвозу испанским войскам подкреплений. Затем, получив под свое командование флот из восьмидесяти судов, он обеспечил высадку армии Норриса в Пэмполе и отправился блокировать испанцев в Крозоне — крепости, находившейся на одноименном полуострове к югу от Бреста. В ноябре туда подошли также сухопутные отряды англичан. Гарнизон крепости, насчитывавший несколько сотен солдат, отчаянно защищался; англичане несли огромные потери. В конце концов, потеряв полторы тысячи человек, Норрис и Фробишер взяли это укрепление. Во время решающего штурма Фробишер получил серьезное ранение и вскоре после возвращения в Плимут скончался.

Угроза испанского вторжения в Англию с территории Бретани заставила правительство и власти приморских городов Девона и Корнуолла предпринять дополнительные меры по укреплению береговой обороны. Так, в одном из писем Дрейка, датированном 20 января 1594 года, упоминается о строительстве в Плимуте новых фортификаций.

Когда опасность испанского нападения на юго-западное побережье туманного Альбиона была устранена, при дворе Елизаветы снова начали подумывать о том, чтобы атаковать испанцев на их собственных берегах. Королева «подбросила» эту идею парламенту, и тот охотно поддержал ее. Дрейк взялся за подготовку новой экспедиции, главной целью которой была Панама. К несчастью, Елизавета больше не верила в счастливую звезду сэра Фрэнсиса и быстро подыскала ему напарника в лице уже немолодого сэра Джона Хокинса.

Королева согласилась вложить в предприятие 30 тысяч фунтов стерлингов и передать экспедиции корабли «Дифайенс» (550 тонн, командир адмирал Дрейк), «Гарленд» (660 тонн, командир вице-адмирал Хокинс), «Элизабет Бонавенчур» (600 тонн, командир капитан Джон Труфтон), «Хоуп» (600 тонн, командир капитан Гилберт Йорк), «Форсайт» (300 тонн, командир капитан Уильям Уинтер, сын сэра Уильяма Уинтера из министерства флота) и «Эдвенчур» (340 тонн; это был старый «Булл», перестроенный в галеон; командир — капитан Томас Дрейк). Частные инвесторы выделили 60 тысяч фунтов стерлингов (взнос Дрейка составил 12 842 фунта) и снарядили в общей сложности два десятка судов, в том числе «Конкорд» (330 тонн), «Эмити» (200 тонн), «Сьюзен Бонавенчур» (250 тонн), «Соломон» (246 тонн), «Сэкер» (246 тонн), «Элизабет» (194 тонн), «Джюэл» (130 тонн), «Пегас» (80 тонн), «Литтл Джон» (100 тонн), «Иксчейндж» (140 тонн), «Дилайт» (50 тонн), «Джон Бонавенчур» (200 тонн), «Элизабет Констант» (70 тонн) и другие. Кроме того, в разобранном виде на борт взяли 14 пинасов.

Поручение Дрейка датировано 25 января 1595 года. Когда в Англии узнали, что сэр Фрэнсис снова готовится к какому-то заморскому предприятию, от желающих записаться в экспедицию волонтерами не было отбоя. Слухи об этих приготовлениях докатились и до Пиренейского полуострова. Шпионы доносили в Лондон, что в марте — апреле в испанской армии началось массовое дезертирство — убежало от восьми до девяти тысяч солдат, а из Лиссабона начался исход жителей. Люди были в панике, у всех на устах было лишь одно страшное имя — Дрейк! Лучшего времени для нанесения удара по владениям короля Филиппа трудно было представить, но, как всегда, снаряжение экспедиции затягивалось. Сэр Томас Баскервиль, назначенный командующим сухопутными силами в ранге генерал-полковника, получил свое поручение лишь 22 мая. К этому времени испанский «серебряный флот», нападение на который планировалось в качестве одной из целей экспедиции, благополучно вернулся из Вест-Индии в метрополию. В Португалии паника тоже

прекратилась, и благоприятный момент для нападения был безвозвратно упущен.

Работы по снаряжению экспедиции оживились лишь в июле. Дрейк полагал, что корабли будут готовы к выходу в море к концу месяца. Сэр Томас Горгес привез ему новые инструкции, но в это время возникло еще одно препятствие — все юго-западные графства охватила тревога, вызванная неожиданным появлением испанцев. Четыре вражеские галеры и несколько пинасов между 23 и 25 июля высадили на побережье Корнуолла десант из шестисот солдат. Местные жители не смогли оказать им сопротивление, предпочитая спасаться бегством. Сэр Фрэнсис Годолфин с большим трудом собрал в Пензансе отряд из двухсот ополченцев, однако вскоре почти все они разбежались. Молва разнесла также слух о том, что около сорока вражеских судов появилось возле Фалмута. Губернатор Фалмутского форта Ганнибал Вивиан написал Дрейку и Хокинсу: «Прошу вас, если ваши корабли еще не готовы сражаться, прислать сюда кого-нибудь из их командиров, умеющих осуществлять военное руководство, поскольку они здесь крайне необходимы и могут понадобиться, если испанцы высадятся на сушу». В Корнуолл тут же отправили генерал-лейтенанта сэра Николаса Клиффорда и трех капитанов, а Дрейк вывел в море несколько сторожевых кораблей.

Тревога, однако, оказалась ложной, никаких крупных испанских сил у берегов Англии не было. Позже выяснилось, что испанцы, укрепившиеся в Блаве, выслали в море несколько галер под командованием капитана Карлоса де Амесолы, чтобы напасть на Нормандские острова. На побережье Бретани они захватили Пенмарк, потребовали с его жителей выкуп, а затем, не сумев из-за противных ветров пробиться к главной цели своей экспедиции — Нормандским островам, повернули на север, к островам Силли. Испытывая недостаток в питьевой воде, рейдеры высадились в Маусхоле, Ньюлине и Пензансе и разорили эти беззащитные деревни. Оттуда они планировали отправиться в Бристольский залив, но, услышав, что их разыскивает сам Дрейк, испугались и убрались восвояси.

Когда известие о высадке испанцев в Корнуолле достигло двора, Елизавета запаниковала. Дрейку и Хокинсу было приказано отправить Баскервиля на запад с инспекцией. Это ставило под угрозу срыва готовившуюся экспедицию. Адмиралы попросили Горгеса съездить в Лондон и успокоить королеву, однако добились противоположного эффекта. Правительство как раз получило из Испании информацию, что там собирают силы для вторжения в Ирландию. Горгес галопом помчался назад в

Плимут, увозя из столицы новые инструкции для Дрейка и Хокинса. Вместо того чтобы идти сразу в Вест-Индию, адмиралы должны были навестить пролив Святого Георга и пройти вдоль южного побережья Ирландии, охраняя его от возможной высадки испанцев. В том случае, если испанцев в указанном районе не окажется, флоту надлежало идти к побережью Испании и там искать вероятного противника. При условии, что информация не подтвердится и испанские военные корабли не будут обнаружены, Дрейку и Хокинсу предписывалось в течение месяца крейсировать между Пиренейским полуостровом и Азорами в ожидании «серебряного флота».

Новые инструкции не понравились ни Дрейку, ни Хокинсу. Они готовы были взять курс на берега Испании и в случае обнаружения испанского флота атаковать его, но не желали идти в Ирландию. Охрану юго-западных графств и ирландского побережья, по их мнению, можно было поручить эскадре Ла-Манша.

Лорд-адмирал Хоуард готов был прислушаться к аргументам двух старых «морских псов». В своем письме Сесилу он писал, что не видит смысла в отправке флота в пролив Святого Георга. В то же время Хоуард полагал, что экспедиция не слишком отклонится от маршрута, если проследует сначала к южной оконечности Ирландии, а оттуда уже повернет на юг, в сторону Пиренейского полуострова.

В конце концов Елизавета согласилась с точкой зрения Дрейка и Хокинса и в своих новых инструкциях уже не требовала от них обязательного захода в ирландские воды. В то же время она настаивала, чтобы адмиралы наведались к берегам Испании и выяснили, не ведется ли там подготовка к экспедиции в Ирландию. Затем, прежде чем идти в Вест-Индию, им надлежало месяц провести в районе Азорских островов в ожидании «серебряного флота», который мог в это время возвращаться из колоний в метрополию. Домой они должны были прийти не позже апреля — мая 1596 года, когда, по прогнозам, Филипп II мог подготовить новую армаду для вторжения в Англию.

Дрейку и Хокинсу все эти указания королевы показались сплошным ребячеством. Их флот состоял преимущественно из транспортных судов, на которых размещались сухопутные части. Соответственно, он был не способен сражаться против военных флотов противника и охотиться за призами. Поэтому адмиралы ответили Елизавете, что готовы отдать за нее жизнь, но не могут выполнить то, что она требовала от них в своих последних инструкциях. Чтобы изменить первоначальные планы, нужно было радикально поменять состав экспедиции, а это неизбежно

потребовало бы новых затрат.

Ответ Дрейка и Хокинса не понравился королеве. Тем более что они не дали ясного ответа по поводу окончания своего похода, ограничившись банальной репликой, что всё будет зависеть от воли Всевышнего. Елизавета с плохо скрытым раздражением написала им, что если они не могут гарантировать ей возвращение в Англию в мае, то она вообще отменит их экспедицию.

Была уже середина августа, и оттягивать выход кораблей в море не было никакой возможности. К счастью, адмиралы нашли для ее величества еще одну приманку. В своем письме королеве от 16 августа они сообщили, что, согласно показаниям пленных с одного из испанских призов, два месяца тому назад на Пуэрто-Рико после сильного шторма зашел для ремонта галеон «серебряного флота». На его борту находились сокровища, оценивающиеся в два с половиной миллиона песо. Поскольку корабль едва держался на плаву, его расснастили, а пушки свезли на берег. Ремонт должен был затянуться на неопределенное время. Уйти с острова без особого распоряжения короля галеон не мог. Следовательно, у англичан имелась прекрасная возможность напасть на него в порту Сан-Хуана и стать обладателями ценного приза.

Елизавета не могла не заглотнуть эту приманку и уже через два дня отправила адмиралам более мягкое письмо, разрешая им немедленно выйти в море.

Заметим, что информация об испанском галеоне соответствовала действительности. Согласно документам из севильских архивов, 973-тонный галеон «Нуэстра Сеньора де Бегония» — флагман флота Тьерра-Фирме — на пути из Гаваны в метрополию попал в ураган и 30 марта 1595 года вынужден был зайти на ремонт в Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико. Груз серебра, золота и драгоценностей стоимостью от двух до трех миллионов песо, хранившийся в трюмах галеона, генерал-капитан дон Санчо Пардо-и-Осорио велел перенести в кафедральный собор города и в крепость Сан-Фелипе-дель-Морро, а местный губернатор дон Педро Суарес позаботился о том, чтобы эти сокровища содержались под усиленной охраной. Одновременно в Испанию отправили *авизо* с просьбой прислать на Пуэрто-Рико эскадру вооруженных сабр, или фрегатов. Таким образом, если англичане хотели захватить сокровища раньше, чем в Сан-Хуан придет упомянутая эскадра, им следовало поторопиться с выходом в море.

На новую экспедицию Дрейка, естественно, не могли не откликнуться поэты Англии. Генри Робертс написал

патриотическую поэму «Рупор славы, или Прощание с сэром Фрэнсисом Дрейком и сэром Джоном Хокинсом»; она была издана в Лондоне в том же году.

«В четверг 28 августа в год 1595-й, — рассказывает участник экспедиции Томас Мейнард, — простояв в Плимуте два месяца, мы вышли оттуда в составе двадцати семи кораблей, и было на них две тысячи пятьсот людей разного рода».

На ночь флот остановился в бухте Каусэнд, откуда на рассвете двинулся на юго-запад. Плавание сразу же началось с аварии. Корабль «Хоуп», на котором плыл Баскервиль, ударился о скалы Эддистона, но, к счастью, повреждения оказались не очень серьезными и не привели к катастрофическим последствиям.

В открытом море флот был разделен на две эскадры. Одной из эскадр командовал Дрейк, второй, соответственно, Хокинс.

29 августа все капитаны кораблей получили от Дрейка инструкции следующего содержания:

> «1. Во-первых, не забывайте молиться, и пусть этот порядок соблюдается два раза в день, при любой представившейся возможности.
>
> 2. Во-вторых, необходимо прилагать максимум усилий для сохранения компании и приходить два раза в день, чтобы побеседовать с вашим адмиралом; а если вы не сможете делать это более одного раза, делайте хотя бы раз в день; и тщательно выполняйте каждый приказ, который будет дан вам, и все время держитесь компании, если погода будет благоприятствовать этому.
>
> 3. А если случится, что какой-либо корабль или небольшое судно из-за плохой погоды или по какой-либо иной причине отделится от компании, они должны искать нас прежде всего на острове Байона, у побережья Галисии, и флот будет ожидать вас до тех пор, пока не продолжит плавание или пока вы не найдете нас; а оттуда, если вы не сможете найти нас, вам следует отправиться к Порто-Санто и ожидать нас там три дня, и если нас не будет там, вам надлежит идти к острову Гваделупа (небольшому острову к северо-востоку от Доминики), где вам следует оставаться три дня, и там будет оставлен специальный знак, чтобы вы могли узнать, какой курс вам взять, и это будет в сторону Пуэрто-Рико; там вам следует находиться десять дней.
>
> 4. Если в ходе этого плавания вы повстречаетесь с неблагоприятным ветром или скверной погодой, вы должны свернуть все паруса на ночь, до утра, пока не

увидите, что один из ваших адмиралов идет под парусами, — в таком случае вам надлежит сделать то же самое.

5. И если противный ветер или плохая погода случится ночью, ваш адмирал вывесит два фонаря, один над другим… чтобы вы могли держать курс по ним.

6. И если вы убавите паруса на ночь из-за погоды и возникнет необходимость поставить паруса в ту же ночь, вам надлежит перед тем, как ставить паруса, просигналить фонарями, установив один на бушприте, а другой на фор-марсе.

7. Вы не должны держать на кораблях никаких огней, кроме огня в нактоузе, и самым тщательным образом следить, чтобы его никто не мог видеть, кроме адмиральского корабля; и чтобы избежать опасности от огня, вы не должны переносить какие-либо свечи или огни на судне, кроме фонарей; и, соответственно, вы должны быть особенно внимательны к огню на камбузе.

8. Ни одно судно, вооруженное четырехугольным или латинским парусом, не должно идти впереди адмиральского корабля ночью, особенно в непогоду, или находиться в подветренной стороне больших кораблей, болтаясь из стороны в сторону.

9. И если какое-либо судно из состава флота потеряет, по несчастью, грот-мачту, или рею, или какие-либо емкости для воды, или еще что-нибудь важное, они должны произвести один или два выстрела, как того потребуют обстоятельства, чтобы другие суда могли им быстро помочь; и следить, чтобы ни одно судно, попавшее в беду, не было покинуто, пока ему не окажут соответствующую помощь.

10. Если какое-либо судно из состава флота собьется с курса и встретится с другим судном из состава этого флота, следует поднять сигнал и трижды спустить марсель; и это другое судно должно сделать то же самое, чтобы они узнали друг друга.

11. Вы не должны позволять какие-либо игры на корабле, в карты или в кости, по причине многочисленных раздоров, обычно проистекающих из-за этого.

12. Вам надлежит особенно заботиться о сохранении провизии, действуя в этом деле по собственному усмотрению до тех пор, пока вы не получите иной приказ, которым вы будете руководствоваться.

13. Наконец, чтобы вы могли наилучшим образом держаться компании, вам надлежит один или два раза [за ночь] следить за кормовым огнем на адмиральском судне.

[Подпись] Фрэнсис Дрейк».

Хотя Горгес писал Сесилу, что «оба генерала находятся в добром согласии друг с другом», в действительности отношения между командующими складывались далеко не просто. Разногласия и стычки между постаревшим Хокинсом и его более молодым родственником стали обычным явлением уже на первом отрезке пути, когда корабли шли к берегам Испании. Одна из причин конфликтов крылась в том, что продукты между эскадрами разделили поровну, несмотря на то, что на кораблях Дрейка было на 300 человек больше, чем на судах Хокинса. Сэру Фрэнсису пришлось просить своего компаньона поделиться с ним частью провианта.

2 сентября на борту «Дифайенса» собрался военный совет, на котором решался вопрос, куда двигаться дальше. Дрейк полагал, что сначала следует атаковать Канарские острова или Мадейру. Там можно взять «верную» добычу и запастись свежей провизией перед трансатлантическим переходом. В ходе дебатов Баскервиль поддержал Дрейка, тогда как Хокинс подверг его точку зрения критике. Это вызвало конфликт, повлиявший на дальнейший ход событий.

6 сентября, около полудня, англичане заметили недалеко от берегов Галисии французский корсарский корабль, который был настигнут и захвачен. Затем удалось перехватить французское рыболовное судно из Ла-Рошели, возвращавшееся домой с Большой Ньюфаундлендской банки, и два баскских судна, державших курс на Берберию. Всех пленных после допроса отпустили.

9 сентября в районе мыса Сан-Висенти флот повстречался с приватиром из Уэймута. Переговорив с ним, Дрейк убедил его сопровождать экспедицию до Канарских островов. Позже на горизонте заметили два десятка французских кораблей, которые попытались догнать англичан, но не смогли этого сделать.

Тогда же между командирами экспедиции произошла еще одна ссора, вызванная тем, что Дрейк и Хокинс не могли принять окончательного решения, куда им следует идти в первую очередь. Дрейк в сердцах заявил, что пойдет со своей эскадрой на Канары, предоставив Хокинсу право отправиться со второй эскадрой сразу в Вест-Индию. Баскервиль попытался примирить адмиралов, предложив им не горячиться и пообедать на следующий день на

борту «Гарленда». Там дискуссия была продолжена, и большинство членов военного совета поддержали план Дрейка. Хокинс вынужден был уступить. В качестве объекта нападения избрали город Лас-Пальмас на острове Гран-Канария. Баскервиль хвастливо заявил, что захватит его за четыре часа.

ФИАСКО НА КАНАРАХ И ПОД СТЕНАМИ САН-ХУАНА

19 сентября, двигаясь на юг вдоль побережья Марокко, экспедиция повстречалась с приватирским фрегатом графа Камберланда. Капитан фрегата поделился с Дрейком последними новостями, после чего флот направился к северо-восточным островам Канарского архипелага.

В среду 24 сентября на горизонте показались острова Лансароте и Фуэртевентура, а 25-го — остров Гран-Канария. На следующий день флот появился в виду Лас-Пальмаса.

Возле оконечности длинного полуострова, ограждавшего гавань с севера, находился островок, на котором испанцы возвели форт Санта-Каталина. От него до города было примерно пол-лиги. Осмотрев вражеские фортификации, Дрейк велел кораблям стать на якорь к северо-западу от гавани, на расстоянии пушечного выстрела от испанских батарей. В рапорте Просперо Касолы (от 8 октября 1585 года по григорианскому календарю) читаем: «Сначала они отправили шлюпку всего лишь с восемью солдатами, чтобы разведать гавань. Она вернулась затем к флоту, и другая шлюпка, с Фрэнсисом Дрейком, отправилась вместе с каравеллой (пинасом. — *В. Г.)*. Они прибыли в бухту Санта-Каталина, где оставили буй в качестве сигнального знака, и после этого Фрэнсис Дрейк вернулся к флоту, а каравелла пошла разведать берег вплоть до бухты Сан-Педро (к востоку от города. — *В. Г.)*. Они взяли 500 человек с шести галеонов и некоторых других больших кораблей и разместили их в 27 шлюпках с 27 штандартами. 15 военных кораблей отправились вместе с ними (чтобы прикрывать их огнем из пушек. — *В. Г.),* и они достигли бухты Санта-Каталина примерно в двенадцать часов. Три корабля пошли перед шлюпками и, став на якорь в двадцати шагах от берега, открыли орудийный огонь по людям, выполнявшим фортификационные работы. Немного погодя были доставлены два полевых орудия, и с их помощью они (защитники острова. — *В. Г.)* задержали врага. Пока они сражались, форт произвел залп, поразивший один из трех кораблей, разбив на нем нактоуз и убив пять человек. Понеся такой урон, они переместились примерно на 300 шагов в сторону — туда, где находился губернатор Алонсо де Альварадо с четырьмя другими полевыми орудиями, каковые выпустили более восьмидесяти ядер. Первый залп из 36 выстрелов поразил шлюпку, убив английского капитана и четырех других [моряков]. Они

переместились немного далее, к ручью Орнильо, где три выстрела было произведено в тот самый корабль, что уже был поражен огнем из форта. Один из кораблей получил пробоину в районе ватерлинии и стал тонуть, как было ясно видно по их попыткам остановить течь и отправке людей на помпу. 14 англичан спустились в лодку с канатом, и с его помощью, а также благодаря отливу им удалось спасти корабль. После этого они оставили указанную позицию, и шлюпки пошли в море со многими ранеными и вернулись к своим кораблям. 15 кораблей пошли в бухту Санта-Ана, где форт (находившийся под командованием Фернандо Лескано де Мухика. — *В. Г.)* выпустил в них множество ядер, и четверо из них получили повреждения. Они, со своей стороны, стреляли по форту Санта-Ана и по городу… Той же ночью они ушли…»

Испанский хронист Луис Кабрера де Кордова, восхищаясь мужеством защитников острова, отмечал, что многие из них, преследуя англичан, «вошли в море по грудь, чтобы поразить своих врагов».

Итак, захватить Лас-Пальмас с первой попытки не удалось. Зато у испанцев появилась возможность как можно лучше подготовиться к защите. Стоило ли при создавшихся обстоятельствах рисковать людьми и пытаться во что бы то ни стало захватить столицу Канарских островов? Дрейк решил, что овчинка выделки не стоит. И когда Баскервиль попросил у него четыре дня на осуществление штурма Лас-Пальмаса, адмирал ответил ему отказом.

— Нашей главной целью является захват сокровищ на Пуэрто-Рико, — заявил он, поддержав тем самым первоначальный план Хокинса. — Поэтому не будем терять драгоценное время.

В тот же вечер корабли пошли в подветренную сторону острова, чтобы там пополнить запасы питьевой воды. 27 сентября Дрейк и Хокинс вместе со своими людьми высадились на южном побережье Гран-Канарии, в бухте Аргинегуин. Небольшая группа из девяти человек, включая капитана Гримстона, его лейтенанта и сержанта, случайно наткнулась на дюжину испанцев. В стычке капитан Гримстон был убит, а двое его спутников, включая хирурга-цирюльника с «Соломона», захвачены в плен. Пленные рассказали испанским властям о целях, численном составе и вооружении экспедиции, и те немедленно снарядили два *авизо*: один был отправлен с предупреждением об опасности в Вест-Индию, а второй — в Испанию.

В создавшейся ситуации командование экспедиции должно было действовать быстро. Воскресным вечером 28 сентября, примерно в десятом часу, флот покинул воды Гран-Канарии, взяв

курс на Вест-Индию. Две недели корабли шли на зюйд-вест, а 13 октября, достигнув 16° северной широты, повернули на запад.

25 октября разразился шторм, и в десять часов вечера произошло столкновение кораблей «Хоуп» и «Эдвенчур»; на последнем треснула бизань-мачта, которую пришлось срочно срубить и отправить за борт. Ночью 26-го Дрейк с пятью или шестью кораблями отделился от флота. 27-го на западе был замечен остров Мартиника, но англичане решили не высаживаться на нем, поскольку «этот остров населяют варвары, именуемые каннибалами». Дрейк повернул к острову Мари-Галант, тогда как эскадра Хокинса стала огибать с юга остров Доминику.

Ночью 28 октября корабли Дрейка бросили якорь у северо-восточного побережья Мари-Галанта. Адмирал пересел в пинас и направился к берегу. Карибы, которые прибыли сюда с Доминики, снабдили англичан табаком и свежими фруктами, получив за это «желтый фланелевый жилет и носовой платок».

29 октября суда Дрейка снялись с якоря и отправились на поиски эскадры Хокинса. Пройдя мимо небольших островов Тодос-Сантос (ныне Ле-Сент), они подошли к южному побережью Гваделупы, где 30 октября объединились с кораблями сэра Джона. «Здесь мы запаслись водой, выдраили наши корабли, собрали наши пинасы и освежили на берегу наших солдат», — записал один из участников экспедиции.

В составе эскадры Хокинса были два небольших барка — «Фрэнсис» (капитан Вигнол) и «Дилайт» (капитан Джосия). Во время шторма они отбились от других судов и, разыскивая их, эскадра неожиданно наткнулась на пять новых быстроходных испанских фрегатов, находившихся под командованием генерал-капитана Педро Тельо де Гусмана и адмирала Гонсало Мендеса де Кансо. Эти фрегаты, или сабры, отправленные в Сан-Хуан из Испании, должны были забрать с поврежденного галеона драгоценный груз. На борту судов помимо моряков находились 250 солдат под командованием Марко Антонио Бессера. По удивительному стечению обстоятельств они достигли Гваделупы за день до прихода туда английских кораблей. Заметив отбившиеся от эскадры Хокинса суда, испанцы начали преследовать их. 30 октября в три часа пополудни *альмиранта* Гонсало Мендеса настигла «Фрэнсиса» и после короткой стычки взяла его на абордаж. Две дюжины пленных англичан победители тут же забрали к себе на борт и допросили, а приз отправили на дно. Тем временем *капитана* и остальные испанские фрегаты преследовали «Дилайт».

Примерно в четвертом часу адмирал тремя пушечными

выстрелами предупредил генерал-капитана об опасности, поскольку его дозорные заметили у берегов Гваделупы девять неизвестных судов. Отказавшись от преследования «Дилайта», дон Педро Тельо вернулся к адмиралу Мендесу и узнал от него свежие новости, полученные в результате допроса пленных англичан. Из допроса испанцам стало известно не только о планах Дрейка и Хокинса, но и о силах, которыми они располагали. Фрегаты Тельо и Мендеса немедленно устремились к Пуэрто-Рико, чтобы поднять там тревогу.

Для англичан такой поворот событий был равнозначен катастрофе. С исчезновением фактора внезапности шансы захватить Сан-Хуан сводились к минимуму. Выступая на военном совете, Дрейк предложил пуститься в погоню за фрегатами, чтобы не дать им возможности предупредить об опасности власти Пуэрто-Рико. Однако Хокинс воспротивился этому. Он полагал, что сначала необходимо завершить сборку семи пинасов, ремонт кораблей, установку дополнительных пушек и снабжение экипажей свежей провизией и только после этого приступить к реализации задуманной акции. Поскольку сэр Джон был к тому времени очень болен, Дрейк не стал настаивать на своем предложении, что и предопределило дальнейшее развитие событий в неблагоприятном для участников экспедиции направлении.

4 ноября флот поднял паруса. Перед этим провиант, находившийся на борту транспорта «Ричард», Дрейк велел распределить среди экипажей других кораблей, после чего указанное судно затопили.

От Гваделупы флот двинулся на норд-норд-вест, на следующий день прошел мимо островов Монтсеррат, Редонда, Невис, Сент-Кристофер, Синт-Эстатиус и Саба, потом повернул на норд-вест и 7 ноября достиг Виргинских островов. Дрейк, по всей видимости, хотел выдержать паузу, чтобы дать испанцам время успокоиться и ослабить бдительность. 8 ноября Баскервиль и его офицеры снова провели на берегу военные учения, тогда как часть моряков занялась рыбной ловлей и охотой на птиц.

На пятый день, после рекогносцировки, Дрейк перевел весь флот в более безопасное место, где его не могла обнаружить испанская разведка. Оттуда англичане ушли с попутным бризом в среду утром 12 ноября, взяв курс на северо-восточную оконечность Пуэрто-Рико. Впереди двигались пинас с опытным пилотом-мулатом — уроженцем Вест-Индии — и несколько шлюпок, которые показывали остальным двадцати трем кораблям, куда держать курс.

Вопреки расчетам Дрейка, испанцы не утратили

бдительности. Отказавшись от первоначального плана отправить сокровища в метрополию на быстроходных фрегатах, они решили использовать указанные суда для укрепления обороны Сан-Хуана. Педро Тельо де Гусман и Гонсало Мендес высадили полсотни своих людей на берег, чтобы усилить ими гарнизон крепости Сан-Фелипе-дель-Морро. Эта крепость была построена на скалистом выступе полуострова, прикрывая собой город и контролируя узкий вход во внутреннюю гавань. Причалы в гавани охранялись батареей Санта-Элена. На восточной окраине города находились батареи бухты Моррильо и залива Каброн (что между мысами Эскамброн и Эль-Бокерон), а перешеек, связывавший полуостров с «большой землей», защищали батарея Сан-Херонимо-дель-Бокерон и укрепление у моста Сан-Антонио. Все пушки, снятые с фрегатов, были установлены на береговых батареях и в крепости. Их общее количество доходило до семидесяти. Город должны были оборонять более 1500 солдат, моряков и ополченцев, включая 400 солдат гарнизона, 300 моряков и солдат с галеона «Нуэстра Сеньора де Бегония», 500 моряков и солдат с фрегатов Тельо и Мендеса, а также 300 пуэрто-риканских ополченцев; кроме того, власти рассчитывали на помощь восьми или девяти тысяч ополченцев-колонистов из провинции. Между крепостью Сан-Фелипе-дель-Морро и островом Кабрас была натянута деревянная цепь, преграждавшая главный вход в гавань. За ней поставили галеон и фрегаты, которые в случае необходимости можно было затопить, чтобы заблокировать фарватер.

Таким образом, испанцы весьма основательно подготовились к встрече с врагом, и боевой дух защитников Сан-Хуана был довольно высок.

Утром 12 ноября, когда английский флот появился у северо-восточной оконечности Пуэрто-Рико, болезнь Хокинса резко обострилась. Он вызвал к себе в каюту капитана Труфтона. В прощальной речи сэр Джон выразил сомнение в успешном исходе экспедиции и просил передать из своих сбережений две тысячи фунтов стерлингов королеве Елизавете в качестве компенсации ее возможных потерь. Кроме того, он завещал «дорогому кузену сэру Фрэнсису Дрейку… лучший бриллиант и крест с изумрудом».

Хокинс прожил еще полдня, а вечером, когда флот лег в дрейф у берегов Пуэрто-Рико, испустил дух. Его место на борту «Гарленда» занял сэр Томас Баскервиль.

Вскоре лоцманский пинас и шлюпки англичан появились на траверзе четырехпушечной батареи Сан-Херонимо-дель-Бокерон, на которой нес боевое дежурство небольшой отряд прапорщика Педро Васкеса. Оттуда сразу же прогремели пушечные выстрелы. Тем временем основные силы экспедиции приблизились к батарее

Каброн и, к немалому удивлению испанцев, стали на якорь в соседней с ней песчаной бухте. Никогда еще противник не пытался атаковать Сан-Хуан с восточной стороны, но тем не менее испанцы были начеку. В пять часов пополудни три пушки редута Моррильо и два орудия редута Каброн, которыми командовал капитан Алонсо де Варгас, открыли по вражеским судам прицельный огонь. Одно из ядер угодило в бизань-мачту «Дифайенса», другое пробило борт и влетело в кают-компанию, где в это время Дрейк ужинал вместе со своими офицерами. Ядро выбило из-под адмирала стул, смертельно ранило сэра Николаса Клиффорда и близкого друга Дрейка — Брута Брауна, а также задело капитана Стрэтфорда и еще одного или двух человек. Выбежав на палубу, сэр Фрэнсис приказал немедленно отвести корабли на безопасное расстояние от берега.

Смерть Хокинса и тяжелые ранения Клиффорда и Брауна повергли многих участников экспедиции в уныние. Слух о том, что сэр Джон, умирая, предрек им всем поражение, тоже негативно повлиял на моральный дух моряков и солдат. Однако Дрейк продолжал верить в свою счастливую звезду. В тот же вечер пинас и пять шлюпок были посланы ко входу в гавань Сан-Хуана для промера глубин.

Клиффорд скончался ночью. «Мой брат Браун, — сообщает Мейнард, — прожил еще пять или шесть дней и умер, горько оплакиваемый». Прощаясь с Брутом Брауном, Дрейк, согласно легенде, промолвил:

— Ах, дорогой Брут, я мог бы печалиться о тебе, но сейчас, увы, у меня нет времени разводить сантименты.

В четверг 13 ноября, примерно в восемь часов утра, испанцы увидели английский флот напротив входа в гавань. Корабли стали на якорь возле островов Кабрас и Каньюэло; между ними и «большой землей» проходил узкий канал, изобиловавший мелями. Пройти через него не рискнуло бы ни одно судно, поэтому жители города даже не позаботились о его защите.

С места стоянки английского флота были видны фрегаты, укрывшиеся под зашитой двадцати семи бронзовых орудий крепости Сан-Фелипе-дель-Морро и четырех пушек батареи Санта-Элена. Дрейк решил уничтожить их еще до начала штурма города, но сначала провел разведку побережья в западной части полуострова, подыскивая удобное место для высадки десанта. Этими действиями адмирал надеялся отвлечь внимание испанцев от фрегатов и перебросить часть сил к месту вероятной высадки английских войск. Дон Педро Тельо, которому была поручена охрана порта, послал к генералу Санчо Пардо-и-Осорио просьбу прислать в указанный район дополнительные силы, что и было

сделано: вечером на берег прибыл капитан Аугустин де Кандечо с тридцатью солдатами. Ночью к ним должны были присоединиться еще 50 солдат под командованием суперкарго Мартина Вомеро де Кааманьо.

С наступлением темноты флот англичан по-прежнему бездействовал, однако около десяти часов вечера испанцы вдруг заметили две дюжины вражеских шлюпок и пинасов, которые проникли в гавань, обогнув острова Кабрас и Каньюэло с юга. Каждое судно вмещало от пятидесяти до шестидесяти солдат и матросов. Крепость и батарея Санта-Элена открыли по ним огонь, и в то же время зажигательные снаряды англичан полетели в сторону испанских фрегатов. Корсары начали брать на абордаж фрегаты «Санта-Исабель», «Санта-Магдалена» и «Санта-Клара» и поджигать их, но испанцы яростно отбивались, одновременно гася очаги пожаров. Спустя час один из фрегатов — «Санта-Магдалена» — взлетел на воздух, озарив окрестности ярким светом. При взрыве часть команды погибла; те, кто уцелел, очутились в воде, включая капитана Доминго де Инсауррага (он добрался вплавь до фрегата «Санта-Исабель», которым командовал капитан Хуан Флорес де Рабаналь). Англичанам удалось выловить и взять в плен лишь боцмана Лопе Санчеса и четырех матросов.

Пожар на «Санта-Магдалене» озарил всю гавань ярким светом и позволил испанским канонирам и мушкетерам обрушить на шлюпки противника гораздо более прицельный огонь. Погибло полсотни английских солдат и матросов, еще 150 человек получили ранения разной степени тяжести; несколько шлюпок затонули, остальные отступили. Испанцы, преувеличивая свой успех, позже утверждали, что уничтожили девять или десять вражеских лодок и около четырехсот англичан, «не считая множества раненых». Свои потери они оценили в «сорок убитых или сгоревших, не считая небольшого количества раненых мушкетным огнем».

Это поражение, безусловно, нанесло ощутимый удар по боевому духу участников экспедиции, но Дрейк не хотел сдаваться. Утром 14 ноября, когда подул бриз с суши, флот снялся с якоря и начал двигаться в наветренную сторону от гавани. Испанцы, убежденные недавними маневрами Дрейка в том, что он собирается высадить на сушу десант, изо всех сил укрепляли береговые фортификации. Однако многоопытный Тельо заподозрил, что английский командующий готовится не к десантированию в западной части полуострова, а к тому, чтобы ввести весь свой флот в гавань. Поэтому он предложил немедленно затопить в проходе два лучших фрегата, чтобы

перекрыть противнику доступ на внутренний рейд. Военный совет изучил предложение командующего эскадрой, но не захотел идти на предложенные жертвы. Тельо тем не менее продолжал настаивать на своем. В конце концов он убедил своих коллег пожертвовать двумя торговыми кораблями, нагруженными товарами, а затем, в случае крайней нужды, затопить и два лучших фрегата.

В четыре часа пополудни Тельо увидел, как флот Дрейка направился к входу в гавань. Больше медлить было нельзя, и испанцы спешно затопили в проходе большой торговый корабль шкипера Педро Седеньо с его драгоценным грузом и судно Хуана Диаса де Санта-Ана, после чего пустили ко дну *капитану* «Техеда» и еще один фрегат со всеми пушками и снаряжением. Жертва, безусловно, была тяжелой, но она дала положительный эффект. Английский флот вынужден был стать на якорь между островом Кабрас и «большой землей».

Дрейк собрал военный совет. Поскольку прорваться в гавань не удалось, он предложил своим офицерам высадить войска в наиболее незащищенных местах побережья и попытаться взять Сан-Хуан с суши. Против этого проекта решительно возразил Баскервиль, указавший на то, что город выглядит хорошо защищенным и его обороняет не толпа трусливых ополченцев, а хорошо обученные профессиональные солдаты. Некоторые молодые офицеры заявили, что не могут судить о прочности укреплений Сан-Хуана, пока не увидят их вблизи. Мейнард предположил, что в Вест-Индии нет городов, захват которых принес бы им столько славы и богатства, как столица Пуэрто-Рико. На это Дрейк ответил:

— Я приведу тебя к двадцати городам, которые более богаты и которые гораздо легче захватить!

Баскервиль, «очарованный» речами главнокомандующего, тут же пожелал отправиться на поиски этих городов. Но другие участники экспедиции были настроены менее оптимистично. Мейнард позже признался: «Здесь я оставил все свои надежды на успех».

Субботним утром 15 ноября семь или восемь шлюпок англичан прошли вдоль берега на восток до Бокерона, делая промеры глубин, но в десять часов вернулись к месту стоянки флота. В тот же день тела сэра Джона Хокинса и сэра Николаса Клиффорда были торжественно опушены на дно в соответствии с морской традицией.

В два часа пополудни недалеко от входа в гавань была замечена испанская каравелла. Несколько английских пинасов тут же погнались за ней. Предупрежденный об опасности

пушечными выстрелами с батареи Сан-Херонимо-дель-Бокерон, капитан-пилот Франсиско Гонсалес выбросил свое судно на отмель в районе пляжа Кангрехос и скрылся вместе со своими людьми в зарослях на берегу.

Окончательно разуверившись в возможности захватить Сан-Хуан, Дрейк решил идти искать удачу в других местах и в ночь на воскресенье приказал своим капитанам сниматься с якоря.

СМЕРТЬ ДРЕЙКА

Через три дня флот Дрейка остановился в живописной бухте Сан-Херман, расположенной на западной стороне Пуэрто-Рико, к северу от мыса Кабо-Рохо. Здесь похоронили умершего от ран Брута Брауна, запаслись апельсинами, бананами и дровами, наполнили бочки пресной водой, а также организовали чистку кораблей и сборку четырех новых пинасов. Капитана Йорка, командовавшего «Хоупом», Дрейк назначил вице-адмиралом флота.

Пока корабли стояли в бухте, «генерал захватил пинас с Эспаньолы с различными письмами, в которых указывалось, что два английских военных корабля нанесли огромный ущерб их острову».

Описывая дальнейшие события, один из участников экспедиции отмечал:

«20-го генерал пошел на веслах к „Фениксу“, „Дилайту“ и каравелле и велел им сняться с якоря и стать правее, напротив устья быстрой речки… к югу от других кораблей, на расстоянии лиги или более. Генерал поднялся вверх по этой реке на три или четыре лиги и захватил в тех местах лошадей; сэр Томас Баскервиль пошел на веслах вверх по реке и простоял там всю ночь, а потом прошел вглубь страны на три или четыре лиги.

23-го мы разгрузили барк, называвшийся „Пулпит“, и сожгли его. В три часа пополудни, когда мы были готовы отплыть, на борт „Дифайенса“, нашего адмиральского судна, прибыл некий испанец с женой, который боялся жестоких мучений за то, что не ушел в город согласно приказу генерала этого острова, который велел всем боеспособным мужчинам из состава флота прибыть в город, чтобы оборонять его от нас. Затем мы отошли к северо-западу, подальше от гряды подводных скал, лежащих в четырех или пяти лигах от южной окраины острова».

К этому времени работы по строительству пинасов завершились и корабли были готовы поднять паруса. Освободив испанских пленников — боцмана Лопе Санчеса и четверых матросов с фрегата «Санта-Магдалена», Дрейк передал им письмо, адресованное губернатору острова. Сохранилась лишь испанская копия этого документа:

> «Письмо Фрэнсиса Дрейка полковнику Педро Суаресу, губернатору Пуэрто-Рико.
>
> Зная, что Ваша милость является джентльменом и солдатом, я пишу это письмо, дабы уведомить Вас о том,

что всякий раз, когда я общаюсь с представителями испанского народа, я оказываю им честь и уважение, освобождая лиц, принадлежащих к оному, причем не в малом, а в большом количестве. Так, когда наши люди подожгли Ваши фрегаты, некоторые испанцы спаслись от ярости огня, каковые, как побежденные враги, не испытали от нас никакого жестокого обращения, а пользовались правами военнопленных.

От них стало известно, что капитан дон Педро Тельо захватил небольшое судно из состава нашего флота, имевшее на борту двадцать пять англичан или более, обращаясь с ними хорошо, как и положено в честной войне… Поскольку в этом городе имеются солдаты и джентльмены, я не сомневаюсь, что с моими людьми будут обращаться хорошо и предоставят им свободу в соответствии с обычаями честной войны. Я надеюсь на это, и сам буду поступать таким же образом. Готов служить Вашей милости во всех делах, кроме тех, что касаются защиты флага ее священного Величества королевы Англии.

Фрэнсис Дрейк

23 ноября 1595 года».

На следующий день флот снялся с якоря и вышел в открытое море.

«25-го мы шли на юго-запад, — сообщает один из участников экспедиции, — и увидели Мону — низкий и плоский остров, расположенный между Эспаньолой и Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико. В этот день „Иксчейндж“ капитана Уинтера потерял свой бушприт, и в начале ночи „Феникс“ был отправлен назад на его поиски; в ту же ночь, с Божьей помощью, он встретился с ним и оставался возле него до утра, когда принял с него малый канат для буксировки. Однако в девять утра на нем были сломаны грот-мачта и фока-рей, так что они были вынуждены забрать с него мелкие вещи и людей, а судно затопить. Затем мы пошли на зюйд-зюйд-ост за флотом, и 26-го утром увидели наш флот снова».

29 ноября на горизонте появился остров Кюрасао. Корабли стали на якорь у его северо-западного побережья, но уже через три или четыре часа, не найдя удобной гавани, Дрейк приказал идти дальше.

«Воскресным утром, в последний день ноября, мы заметили три или четыре небольших острова, называемых Монхес, между

Арубой и северной оконечностью материка, — вспоминает участник экспедиции. — В 12 часов мы увидели материк и в это время обнаружили сильное течение, идущее в западном направлении, а также воду, цвет которой стал белым. „Феникс“, каравелла и один из кечей, держась вместе, в полночь прибыли в подветренную сторону мыса Кабо-де-ла-Вела и зажгли огонь, благодаря чему остальной флот пришел на якорную стоянку к мысу, где имеется очень хороший рейд… Утром первого декабря мы посадили всех наших солдат на суда (пинасы и шлюпки. — *В. Г.),* чтобы идти к Рио-де-ла-Аче — городу, лежащему в двадцати лигах к западу, одному из старейших на всем Мейне, хотя и не очень большому. Наши люди взяли его примерно в десять часов ночи».

Сэр Томас Баскервиль в своем «Рассуждении» уточняет: «…Я с 400 людьми погрузился на пинасы, оставив наши корабли на рейде в подветренной стороне от указанного мыса, и около 12 часов ночи высадился перед городом и взял его, но губернатор, предупрежденный за три дня до этого курьером из Санто-Доминго, а за день — своими каноэ, которые добывали жемчуг и заметили нас, увез королевские деньги и отправил их… на 30 лиг вглубь страны. Высадившись, я захватил несколько пленных, которые стали нашими проводниками, и пустился в погоню; небольшое количество жемчуга нам удалось взять, но наличность увезли».

Утром флот англичан стал на рейде Рио-де-ла-Ачи. Дрейк взял 150 солдат и отправился на шлюпках к ранчерии — жемчужной ферме, находившейся в шести лигах к востоку от города. Ее обитатели «бежали, кроме шестнадцати или двадцати душ, которые оказали небольшое сопротивление, но были захвачены в плен, не считая многих негров, вместе с партией жемчуга и другой добычей».

В отчете испанского губернатора указывалось, что Дрейк забрал «100 негров и негритянок с жемчужной фермы, которые по большей части присоединились к нему добровольно».

По свидетельству Мейнарда, из ранчерии англичане «привезли много жемчуга, а еще взяли каравеллу, на которой обнаружили немного денег, вина и мирры». Другой очевидец уточняет, что это была «бригантина, или дреджер (ловец устриц. — *В. Г.),* которую генерал взял после того, как целый час гнался за ней с двумя своими пинасами. На ней нашли индейскую пшеницу, как мы называем маис, а также серебро и жемчуг, но малой стоимости».

Тот же источник сообщает:

«В субботу седьмого мастер Йорк, капитан „Хоупа“, умер от

болезни, после чего мастер Томас Дрейк, брат генерала, стал капитаном „Хоупа“, мастер Джонас Боденхэм — капитаном „Эдвечура“, а мастер Чарлз Кейзер — капитаном „Эмити“.

Десятого дня испанцы согласились на выкуп за город в размере 24 тысяч дукатов, а один пленник предложил уплатить за себя выкуп в размере четырех тысяч дукатов.

Четырнадцатого дня они принесли выкуп за город жемчугом, но генерал, недовольный тем, что его стоимость оказалась меньше того, о чем он условился с ними, отправил его назад, дав им четыре часа отсрочки, чтобы они расплатились своими сокровищами.

Шестнадцатого губернатор (губернатором провинции был дон Франсиско де Мансо де Контрерас. — *В. Г.)* прибыл в город около обеда и во время совещания с генералом чистосердечно признался ему, что не заботится о городе и не собирается платить за него выкуп; что жемчуг был доставлен без его приказа и согласия и что он так долго тянул время лишь для того, чтобы предупредить другие города, у которых не было сил противостоять нам, и чтобы они могли переправить все свое добро, скот и богатства в леса, подальше от опасности. С тем генерал предоставил губернатору два часа на то, чтобы убраться в безопасное место в соответствии с данным ему обещанием.

Семнадцатого сэр Томас Баскервиль с „Элизабет констанс“, „Фениксом“, каравеллой и четырьмя или пятью пинасами переместился на пять лиг к западу и, высадившись, прошел четыре лиги вглубь страны к местечку, называемому Тапия, которое он взял, а потом сжег деревни и фермы, находившиеся в округе. Ему оказали небольшое сопротивление, когда он переправлялся через реку, но был ранен лишь один человек, которого он забрал живым к себе на судно. Он прошел дальше на целую лигу и сжег деревню, называемую Сальямка (Sallamca), после чего вернулся назад с пленными; солдаты взяли кое-какую добычу.

Восемнадцатого ранчерия и город Рио-де-ла-Ача были сожжены до основания, исключая лишь церкви и дом одной леди, каковой был сохранен благодаря ее письму, написанному генералу. В тот же день мы подняли паруса и отправились в подветренную сторону, на встречу с сэром Томасом Баскервилем.

Девятнадцатого мы снялись с якоря и пошли в подветренную сторону, к мысу Кабо-де-Агуха, каковой увидели на заре двадцатого. В лиге от него, на юго-западе, на вершине скалы находится сторожевой пост, а недалеко от него — небольшой остров. Вы можете пройти между ним и материком или в подветренной стороне от него, как пожелаете. И сразу за ним

находится рейд и город Санта-Марта, который мы взяли в одиннадцатом часу; все жители сбежали, кроме нескольких испанцев, негров и индейцев, которые во время нашей высадки из чистой бравады произвели в нас тридцать или сорок выстрелов, после чего тоже убежали.

Этой ночью их генерал-лейтенант (вице-губернатор Франсиско Ордоньес Флорес. — *В. Г.)* был захвачен, и немного добычи доставили из леса, поскольку в самом городе ничего не осталось, кроме опустевших домов. На всем материке нет места, более богатого золотом».

На кораблях, по всей видимости, начали распространяться болезни, вызванные нездоровым климатом. «Капитан Уоррел, наш сапер, умер в этом городе от болезни», — кратко записал в своем дневнике Томас Мейнард.

«21-го генерал приказал сжечь город, — сообщает другой участник экспедиции, — и все корабли снялись с якоря и вышли в море; многие солдаты были посажены на те корабли, на которые указал им генерал, — на малые суда, стоявшие на рейде возле побережья. Мы потеряли этой ночью команду „Феникса“, капитана Остина, Питера Лемонда и пинас „Гарленда“; когда они шли вдоль берега, за ними погнались галеры из Картахены; Питер Лемонд с девятью нашими людьми были захвачены в плен, остальные благополучно вернулись к флоту».

Дрейк не стал утруждать себя осадой и штурмом Картахены, приказав своим капитанам идти прямо к Панамскому перешейку. В день Рождества корабли прошли мимо островка Пинос, 26-го миновали острова архипелага Сан-Блас, а 27 декабря стали на якорь перед Номбре-де-Дьосом.

В этот день скончался сержант-майор экспедиции Арнольд Баскервиль.

Город был покинут жителями, но в форте, находившемся на восточной окраине поселения, засел гарнизон примерно из сотни солдат.

«27-го мы вошли в устье [гавани] Номбре-де-Дьос, — вспоминает участник экспедиции, — и примерно в час захватили город; все люди бежали, кроме ста испанцев, которые укрылись в форте и стреляли в нас, имея в указанном форте три или четыре небольших пушки, и одна из них разорвалась, когда выстрелила в нас. Они произвели в нас также залп из ручного оружия, но, увидев, с какой решимостью мы бежим к ним, все убежали и скрылись в лесу».

Обыскав жилые дома, административные здания и склады, люди Дрейка нашли там совершенно мизерную добычу. «В городе не осталось ничего ценного, — читаем в том же документе. —

Здесь была мельница над городом, а на вершине другого холма, в лесу, находился небольшой сторожевой пост, где мы взяли двадцать серебряных чушек, два слитка золота, немного денег в монете, не считая иной добычи.

Город расположен на болотистой почве, страдает от сильных дождей и вреден для здоровья, как никакое другое место в Индиях; имеет огромный запас апельсинов, бананов, кассавы и иных плодов; но их опасно есть, так как они вызывают болезни. К востоку от города в пределах бухты течет быстрая речка с очень хорошей водой, с домами [на берегу], а вокруг все укрыто садами. В полулиге отсюда, на востоке, расположено индейское селение; незадолго до нашего ухода, когда мы двинулись туда с сотней людей, они разрушили мост, чтобы воспрепятствовать нашему проходу; двадцать или тридцать человек, вооруженных мушкетами, луками и стрелами, притаились в засаде, поджидая нас, и убили лейтенанта Джонса, ранили трех или четырех людей и бросились в лес, скрывшись перед нашим приходом и предав огню свое селение, а затем убежали еще дальше в леса. Наши люди, преследуя их, сожгли различные другие дома, после чего вернулись назад. Наш генерал с сэром Томасом находились возле устья реки с тридцатью или сорока людьми, запасаясь водой примерно в миле от нас».

29 декабря отряд Баскервиля, насчитывавший 750 человек (не считая хирургов и слуг, тащивших провиант), был отправлен из Номбре-де-Дьоса в поход на Панаму. Сэру Томасу помогали его брат генерал-лейтенант Николас Баскервиль и ротные капитаны Стэнтон, Босуэлл, Кристофер, Пауэр и Бартлет.

Пока сухопутные части двигались к Южному морю, Дрейк потратил два дня на поиски сбежавших жителей и сожжение города. 31 декабря его люди сожгли половину жилых домов и хозяйственных построек, а 1 января предали огню вторую половину города, уничтожив также 14 фрегатов, барков и галиотов, стоявших на якоре в порту или лежавших на берегу.

Надо заметить, что к тому времени Номбре-де-Дьос из-за своего крайне нездорового климата перестал интересовать испанцев как перевалочная база, куда ежегодно доставлялись сокровища из Панамы. В 20 милях к западу от него уже строился другой город — Пуэрто-Бельо, который испанские власти рассматривали в качестве альтернативы Номбре-де-Дьосу. В планы Дрейка, очевидно, входило нападение и на Пуэрто-Бельо, но пока он решил перевести флот к устью реки Чагрес. Не исключено, что адмирал намеревался отправить вверх по течению реки дополнительные силы, чтобы, объединив их с отрядом Баскервиля в районе Вента-де-Крусес, нанести удар по Панаме.

Однако когда лодки были готовы к походу, примчался гонец-индеец с сообщением, что Баскервиль возвращается назад.

Как оказалось, после двух дней пути через перешеек, преодолев под проливным дождем около 30 миль, солдаты Баскервиля нашли сожженную противником станцию Вента-де-ла-Кебрада. В двух милях от нее, в теснине, они наткнулись на поваленные деревья, за которыми в лесных зарослях, на крутой скале, скрывалось испанское укрепление. Попытавшись разобрать завал, англичане попали под ураганный огонь семидесяти испанских мушкетеров, которыми командовал капитан Хуан Эрнандес Конабут. Поскольку порох и фитили английских солдат отсырели, они не смогли одолеть врага и, потеряв после трехчасовой перестрелки около двадцати человек (в том числе генерального квартирмейстера капитана Марчента, прапорщика Сэмпсона и королевского стражника Мориса Уильямса), вынуждены были отступить. Тем временем к капитану Эрнандесу подошло подкрепление — полсотни аркебузиров капитана Эрнандо де Льермо Агуэро. Сэр Томас Баскервиль понял, что пробиться к Панаме ему не удастся, и отдал приказ возвращаться назад. При этом 19 раненых, которые не могли передвигаться самостоятельно (включая брата сэра Томаса — «храброго джентльмена» Николаса Баскервиля), пришлось оставить на милость испанцев. Губернатору Панамы дону Алонсо де Сотомайору было направлено письмо с просьбой обращаться с пленными англичанами в соответствии с законами «честной войны», а также уфозой в противном случае не щадить пленных испанцев.

2 января 1596 года уставшие, голодные и обозленные участники панамского похода вернулись в Номбре-де-Дьос. «Мы словно прозрели тогда, — писал Мейнард, — и поняли, что все торжественные речи генерала о сотнях вест-индских городов, которые ему известны и которые нас обогатят, были лишь приманкой, которой он заманивал королеву дать ему почетное дело, а нас — рискнуть своей жизнью ради его славы».

Для Дрейка провал панамской экспедиции оказался весьма болезненным ударом. 4 января он собрал на борту флагманского галеона военный совет. Предстояло решить, что делать дальше. Расстелив на столе карту Вест-Индии, адмирал заявил, что, поскольку на Панамском перешейке испанцы предупреждены о появлении англичан и хорошо подготовились к обороне, следует отправиться в иные места. Он начал рассказывать присутствующим о богатых городах в Гондурасе и на берегу озера Никарагуа, «где, как говорят легенды, улицы вымощены золотом». Адмирал пояснил, что сам он никогда не видел этих мест, но зато

много читал о них в книгах.

— Так куда же мы пойдем, в Гондурас или Никарагуа? — спросил Дрейк своих офицеров.

— В оба места по очереди! — ответил за всех Баскервиль. — Но все тамошние города вместе взятые дадут слишком мало, чтобы удовлетворить нас всех.

Перед уходом из Номбре-де-Дьоса англичане сожгли здание королевского казначейства и погрузили на корабли ту небольшую добычу, которую им удалось отыскать в разоренном городе: 20 слитков серебра, немного золота и серебряной посуды. «Можно было бы найти больше, — сообщает Мейнард, — если бы хорошо искали. Но генерал наш считал глупостью собирать урожай по зернышку, когда в Панаме можно было бы грести их пригоршнями».

5 января, в двенадцать часов, корабли подняли паруса и двинулись на запад. Ветры, однако, были противными, и 10 января флот вынужден был стать на якорь в бухточке на южной стороне острова Эскудо-де-Верагуа, примерно в десяти лигах от побережья Мейна и 30 лигах к западу от Пуэрто-Бельо. На рейде был замечен небольшой посыльный фрегат из Номбре-де-Дьоса, предпринявший попытку улизнуть, но пинасы англичан преследовали его и вечером взяли на абордаж. На борту приза нашли немного маиса, четырех испанцев и трех негров, которые на следующий день рассказали Дрейку, откуда и куда они направлялись.

Климат острова, населенного кайманами, змеями и игуанами, оказался «одним из самых нездоровых во всей Вест-Индии», но адмирал почему-то именно здесь упорно ожидал перемены погоды. Чтобы побороть болезни, он приказал всех больных переправить на берег, а здоровым людям заняться чисткой кораблей и сборкой четырех новых пинасов, предназначавшихся для переброски войск по реке Сан-Хуан вглубь Никарагуа. Однако эпидемия ширилась, люди продолжали заболевать и умирать. «За двенадцать дней нашего плавания здесь, — писал Мейнард, — я часто оставался с генералом наедине и думал, не откроет ли он мне своих планов. Я спрашивал его: почему он так часто уговаривал меня еще в Англии не покидать его, когда мы придем в Вест-Индию? И где то место, которое он имел в виду? Он отвечал мне с грустью, уверяя, что не знает Индий; как и я, он никогда не думал, что какой-нибудь уголок земли может так измениться и из цветущего сада превратиться в пустыню. А еще эта переменчивость ветра и погоды! Таких бурь он здесь никогда не видывал. Но больше всего его удивляло то, что с момента отплытия из Англии он ни разу не

увидел судна, за которым стоило бы погнаться. Впрочем, в силу величия своего ума он обычно заканчивал свою речь словами: „Ну да это ничего! У Бога много всего запасено для нас; и я знаю много способов сослужить добрую службу ее величеству, а нас обогатить, ибо мы должны получить золото прежде, чем вернемся в Англию“. А между тем, с моей точки зрения, он был в положении человека, который проживает свою жизнь, глупо убеждая себя, что та нянька, которая кормила его в детстве, будет кормить его и в старости, — и вдруг видит, что грудь ее ссохлась, видит свою ошибку, страдает и умирает от голода. Кроме собственных средств генерал поставил на карту и свою репутацию, пообещав королеве вернуть ей капитал с большими процентами. С момента нашего возвращения из экспедиции вглубь Панамского перешейка на лице его ни разу не было видно веселья и радости. В эти дни он почувствовал себя больным».

От испанцев, захваченных на посыльном судне, англичане узнали, что «богатые города», о которых рассказывал адмирал, на самом деле бедны, а путь к ним труден и опасен из-за многочисленных отмелей и скал. Между тем провизии на кораблях становилось все меньше, а больных тропической лихорадкой и дизентерией — все больше. Решив запастись пресной водой в устье реки Фатор, командование отправило туда отряд из тридцати семи человек, но все они были убиты жителями селения Сантьяго-дель-Принсипе.

15 января умер тяжелобольной капитан Энтони Платт. Дрейк тоже заболел дизентерией и больше уже не выходил из своей каюты. Отчаявшись дождаться перемены погоды, он в ночь на 23 января велел ставить паруса и «довериться ветру, который послал Господь».

Флот двинулся из залива Москитос на восток — сначала к Номбре-де-Дьосу, а затем к Пуэрто-Бельо. Болезнь не отступала, и с каждым днем адмиралу становилось все хуже. 27 января, когда «Дифайенс» находился близ острова Буэнавентура, умерли капитан Джосиас с «Дилайта», капитан Эгертон — джентльмен с «Форсайта» и старший хирург флота Джеймс Вуд, имевший каюту на «Гарленде». Тогда же самочувствие Дрейка резко ухудшилось. Он с большим трудом оделся и попросил своего пажа Уайтлока пригласить в каюту брата Томаса и капитана Джонаса Боденхэма — племянника жены. Умирающий подписал текст завещания, находившийся при нем, и попросил Боденхэма сделать к нему приписку, которую он продиктовал. Нескольким офицерам, которых тоже позвали в каюту, сэр Фрэнсис раздал на память кое-что из личных вещей.

Остаток дня адмирал провел в беседе с Уайтлоком, который

дежурил у его койки. Он подарил пажу несколько драгоценных камней и красивую серебряную тарелку.

Когда стемнело, состояние больного еще более ухудшилось. С трудом поднявшись, он велел Уайтлоку облачить его в доспехи — ему хотелось умереть так, как приличествует солдату. Вскоре речь Дрейка нарушилась, и он начал бредить. Когда приступ безумия прошел, он снова лег в постель и попросил пажа снять с него доспехи. 28 января в четыре часа утра адмирал «тихо испустил дух в своей каюте, отправившись, как любой христианин, к своему Создателю».

В архивах сохранилось два текста завещания сэра Фрэнсиса. Первый датирован августом 1595 года и составлен перед выходом экспедиции Дрейка — Хокинса в море. В нем душеприказчиками сэра Фрэнсиса названы Энтони Проус, Уильям Строд и Кристофер Харрис, а кузены Ричард Дрейк и Томас Баррет именуются «управителями и надзирателями» завещания. Второй текст датирован 27 января 1596 года и написан непосредственно перед смертью адмирала. В нем единственным душеприказчиком назван Томас Дрейк. Вдова сэра Фрэнсиса, Элизабет, позже пыталась оспорить это завещание, но суд решил дело в пользу родного брата адмирала.

Флот прибыл на якорную стоянку в гавань Пуэрто-Бельо. Недостроенный городок, насчитывавший лишь десяток домов, был занят без сопротивления — все жители и гарнизон убежали в лес еще до прихода англичан. На следующий день сэр Томас Баскервиль, принявший на себя командование, распорядился поместить тело Дрейка в свинцовый гроб. На борту «Дифайенса» собрались все капитаны флота, капеллан Брайд прочитал проповедь, а затем под звуки труб и грохот артиллерийского салюта гроб был опущен на дно бухты в лиге от берега — «почти в том самом месте, откуда адмирал начинал свой путь к всемирной славе». Рядом были затоплены два корабля из состава экспедиции и все захваченные испанские призы, а форт, возведенный испанцами на берегу, предан огню. Так англичане отдали дань глубочайшего уважения памяти своего великого мореплавателя и флотоводца.

В тот же день скончался старый приватир капитан Абрахам Кендалл с «Сэкера».

Моряки и солдаты больше не хотели оставаться в водах Карибского моря — все мечтали как можно скорее вернуться на родину. Баскервиль, находившийся на борту «Гарленда» (капитан — Хамфри Рейнолдс), и его заместитель Томас Дрейк, командовавший «Хоупом», получили информацию о том, что огромный испанский флот под командованием адмирала дона

Бернардино Дельгадильо-и-Авельянеда был послан в Вест-Индию с заданием найти и уничтожить английские корабли. Этот флот мог подкарауливать их в Юкатанском проливе, которым обычно проходили все суда, возвращавшиеся из Карибского региона в Европу. Баскервиль решил во что бы то ни стало избежать встречи с кораблями противника.

6 февраля пришедшее в негодность судно «Элизабет» было разгружено и затоплено. На следующий день такая же участь постигла фрегат капитана Идена «Дилайт». Моряки с затопленных судов были распределены среди команд королевских кораблей. К этому времени в составе экспедиции насчитывалось уже до двух тысяч больных.

8 февраля, высадив на берег всех пленных, новый командующий приказал идти к Санта-Марте. 14 февраля, когда флот находился у островов Бару, в 14 лигах к западу от Картахены, погода испортилась, начался шторм. В ту же ночь пропал королевский галеон «Форсайт», а на следующий день большой корабль «Сьюзен Парнел», принадлежавший Левантийской компании, и два меньших судна — «Хелп» и «Пегас» — отделились от остальных кораблей экспедиции. Еще одно судно, «Сьюзен Бонавенчур», получило серьезные повреждения, но смогло удержаться в составе флота.

На следующий день, имея под своим командованием лишь 14 или 15 судов, включая пинасы, Баскервиль отказался от попыток пробиться к Санта-Марте. Он круто повернул на северо-запад, направляясь к кубинскому мысу Сан-Антонио. Англичане были полны решимости прорваться через испанский заслон в Мексиканский залив и дальше — в Атлантику.

Встреча обоих флотов произошла 1 марта возле острова Пинос (современный Хувентуд), в четырех лигах от берега. Под командованием Авельянеды находилось 20 кораблей. Баскервиль разделил свои силы на две эскадры — авангардную и арьергардную и, умело маневрируя, вступил с испанцами в артиллерийскую дуэль. Сражение растянулось на три часа. В конце концов, потеряв лишь один корабль, англичане прорвались к западной оконечности Кубы и продолжили свой путь домой.

Экспедиция вернулась в Плимут в конце апреля 1596 года.

Известие о смерти Дрейка быстро распространилось сначала по всем землям Вест-Индии, а затем и по всей Европе. В Англии эта новость была воспринята как трагедия; молодой поэт Чарлз Фицджеффри тут же написал трогательную поэму «Сэр Фрэнсис Дрейк: похвала его честной жизни и плач о его трагической смерти». В Севилье, наоборот, устроили праздничный фейерверк. 20 июня, сообщая герцогу Медина-Сидония о гибели Дрейка, член

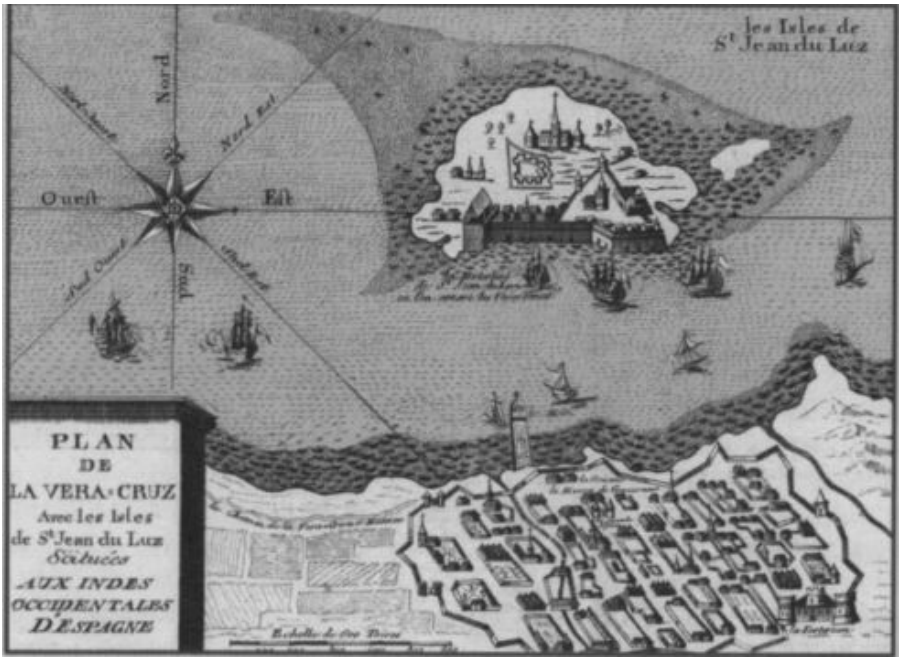
Совета по делам Индий дон Андрес Арментерос с иронией отмечал, что тело усопшего доставили на родину «забальзамированным в бочке из-под пива». Последняя деталь, естественно, не соответствовала действительности.

Лопе де Вега откликнулся на смерть Дрейка эпической поэмой «Песнь о Драконе» («La Dragontea»), а король Филипп, до этого постоянно болевший, вдруг пошел на поправку. По его словам, узнав о смерти ненавистного корсара, он почувствовал себя «так хорошо, как никогда со времени Варфоломеевской ночи».

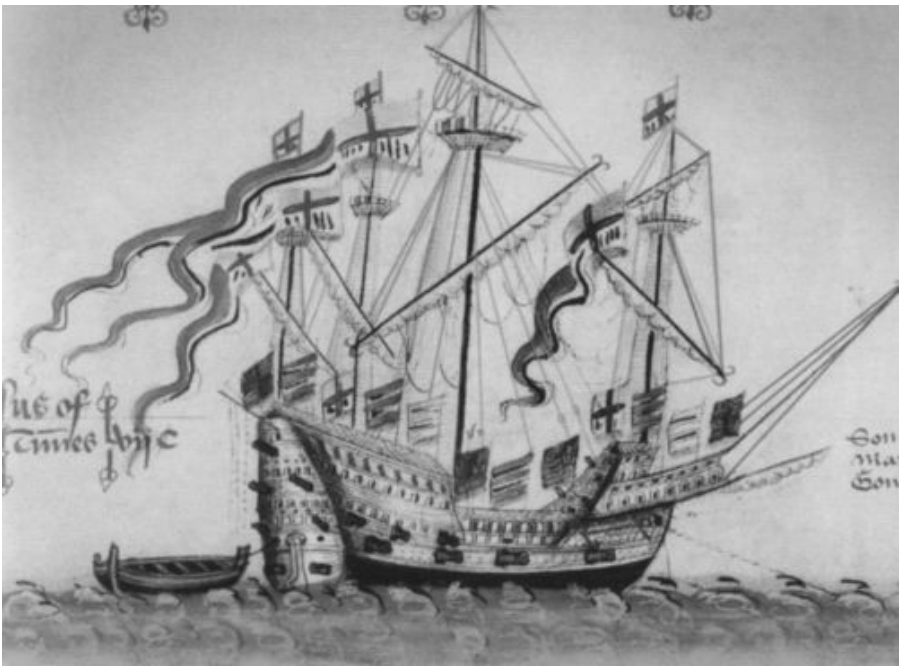
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет Джона Хокинса. Гравюра Виллема ван де Пасса. Гринвич, Национальный морской музей

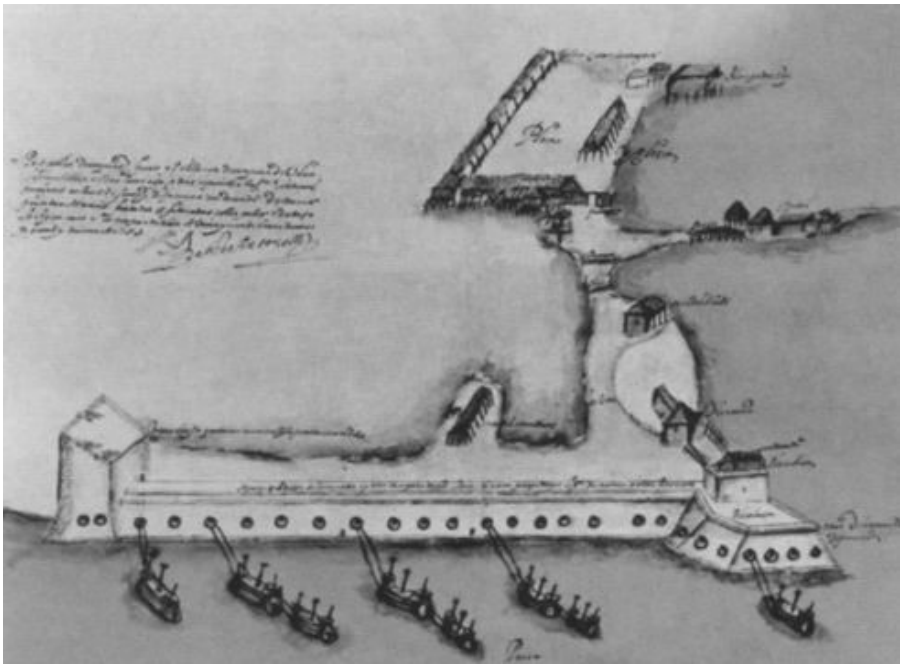

План острова Сан-Хуан-де-Улуа и города Веракрус на французской карте колониальной эпохи

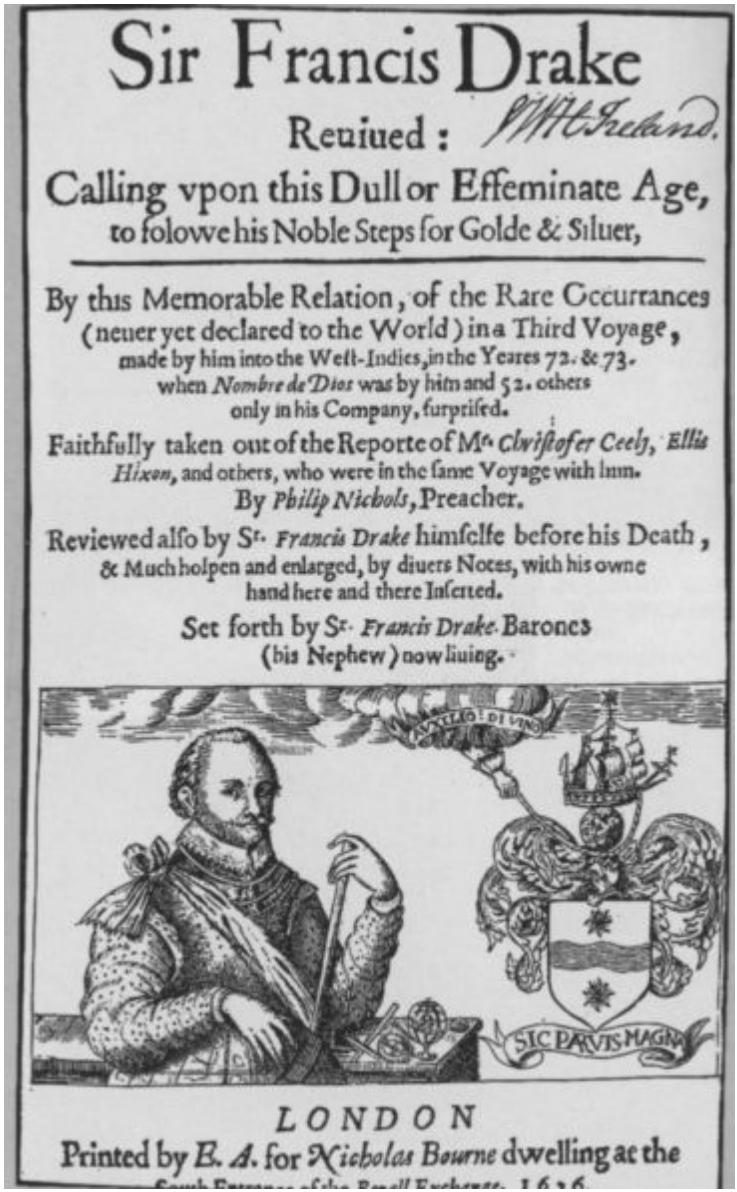

Галеон «Джизес оф Любек», флагманский корабль Джона

Хокинса. Рисунок XVI в.

Испанские фортификации на острове Сан-Хуан-де-Улуа. Рисунок 1590 г.

Sir Francis Drake

Reuiued : W. H. Ireland.

Calling vpon this Dull or Effeminate Age,
to folowe his Noble Steps for Golde & Siluer,

By this Memorable Relation, of the Rare Occurrances
(neuer yet declared to the World) in a Third Voyage,
made by him into the Weſt-Indies, in the Yeares 72. & 73.
when *Nombre de Dios* was by him and 52. others
only in his Company, furpriſed.

Faithfully taken out of the Reporte of M^r. *Chriſtofer Ceely*, *Ellis Hixon*, and others, who were in the ſame Voyage with him.
By *Philip Nichols*, Preacher.

Reviewed alſo by S^r. *Francis Drake* himſelfe before his Death,
& Much holpen and enlarged, by diuers Notes, with his owne
hand here and there Inſerted.

Set forth by S^r. *Francis Drake* Barones
(his Nephew) now liuing.

LONDON
Printed by *E. A.* for *Nicholas Bourne* dwelling at the

Титульный лист сочинения Ф. Николса о панамской экспедиции Дрейка. Издание 1626 г.

Вид на Номбре-де-Дьос. Старинная гравюра

Панамский перешеек на карте XVII века

Портрет Дрейка. Художник Маркус Геерартс. Около 1590 г.

Королева Елизавета I Тюдор. Художник Джордж Гауэр (1540–1596). Лондон, Национальная портретная галерея

IIII.

Imagines & tabula, ad historiam itineris FRANCISCI DRAKEN *pertinentes.*

QVID DN. FRANCISCO DRAKEN NON PROCVL A RIO de PLATTA acciderit.

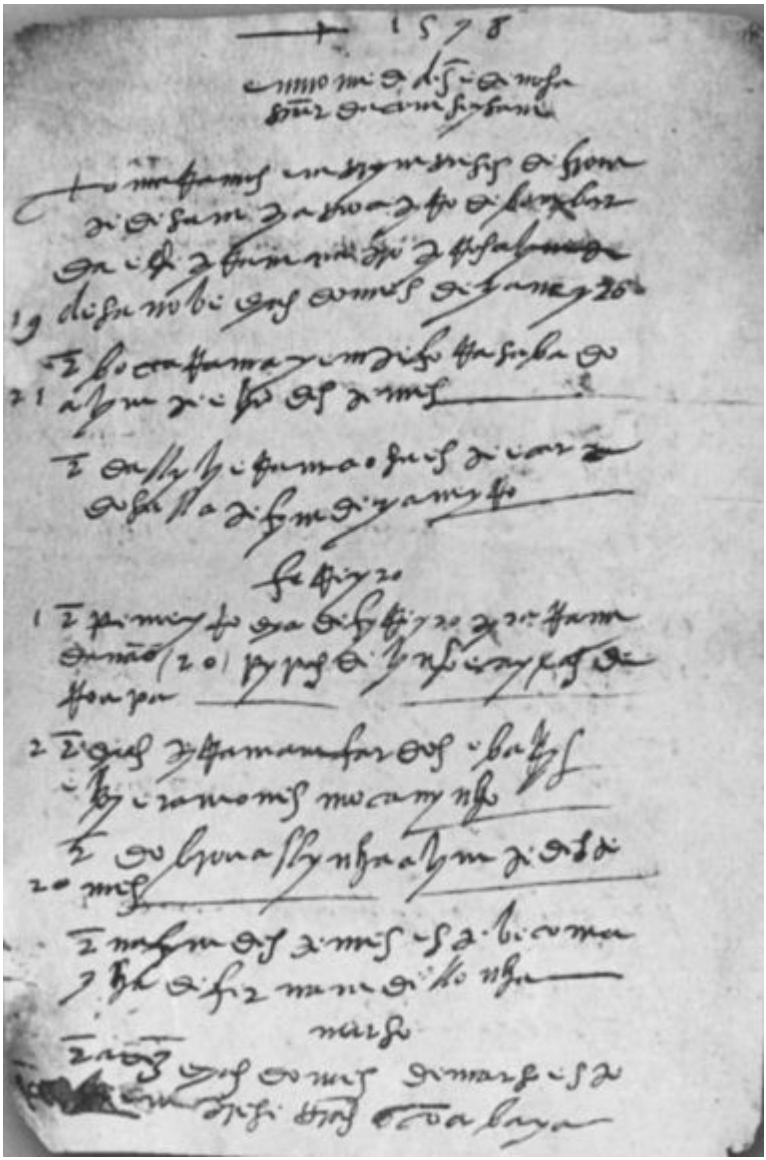

CVm Dn. Franciscus Draco, in primo suo itinere, ad fluuium RIO de PLATTA appulisset, vt nauem quandã inutilem igne combureret, cõuenientes ibi quidam Indiani, saltare circum ignem caperunt. Quem saltum magna cum latitia & voluptate DRACO cum suis aspexit, sed cum DRACO sese paulisper ad aliquem ex su. iconuerteret, aliquid cum eo locuturus, protinus ex chorea Indianus aliq uis accurrens, sericũ ipsius SPANIOLA siue pileum cum aurea coronula, capiti eripuit, progressusq. socio tradidit. Qui accepto pileo, vna cum cæteris Indianis statim affugit. Non procul ab isto loco, FRANCISCVS DRACO quendam ex nobilibus suis, qui mortem meruerat, securi percussit, hoc est, caput ei more Anglico securi amputari iussit.

Корабли Дрейка на Ла-Плате. 11 декабря 1578 года. Гравюра из книги Теодора де Бри. XVI в.

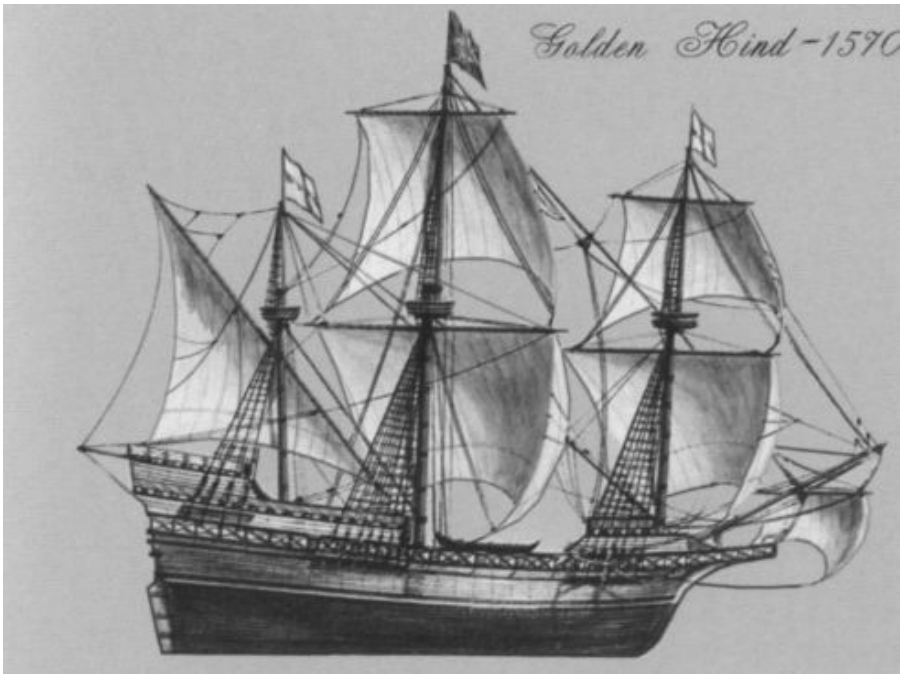
Карта кругосветной экспедиции Дрейка. 1581 г.

Первая страница шканечного журнала Нуньо да Силвы. XVI в.

Магелланов пролив на карте Й. Хондиуса

Галеон «Золотая лань». Реконструкция

«Золотая лань» атакует галеон «Какафуэго». Старинная гравюра

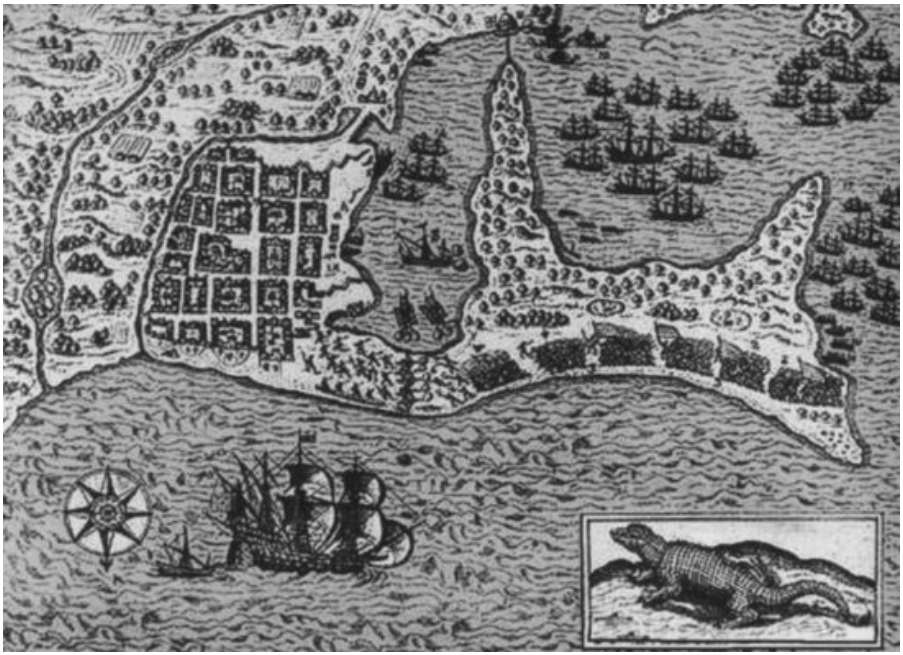
Дрейк и индейцы Нового Альбиона. Из книги Д. Генри. 1774 г.

«Золотая лань» у острова Тернате. Гравюра XVI в.

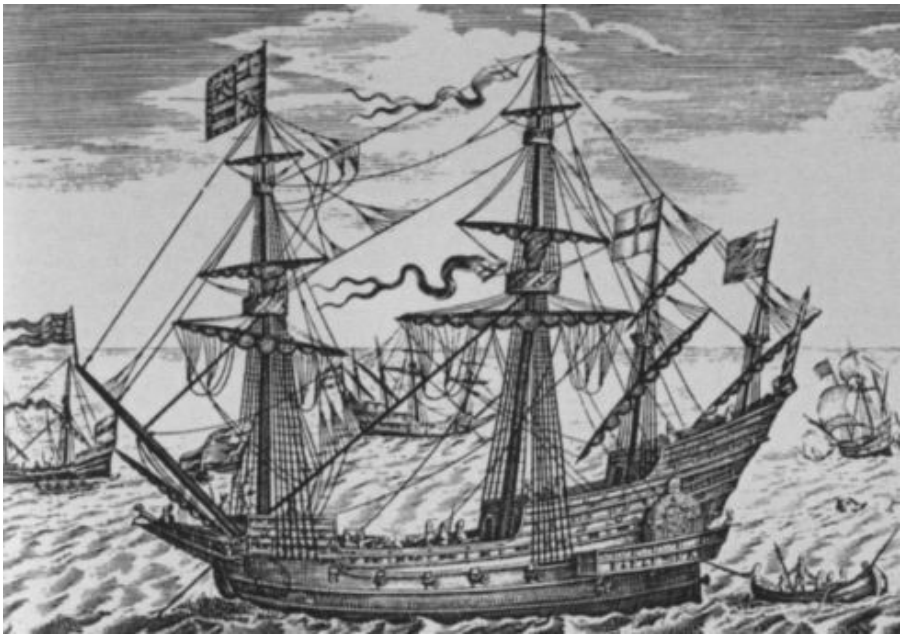
Елизавета I возводит Дрейка в рыцари. Старинный рисунок

Флот Дрейка близ Картахены. 1586 год. Гравюра из книги Т. де Бри. 1599 г.

Уильям Сесил, первый барон Берли. Лондон, Национальная портретная галерея

Военный корабль елизаветинской эпохи. Старинная гравюра

Вид на гавань и город Сантьягу. Гравюра из сочинения Биггса. 1588 г.

Фрэнсис Дрейк. Гравюра XVI в.

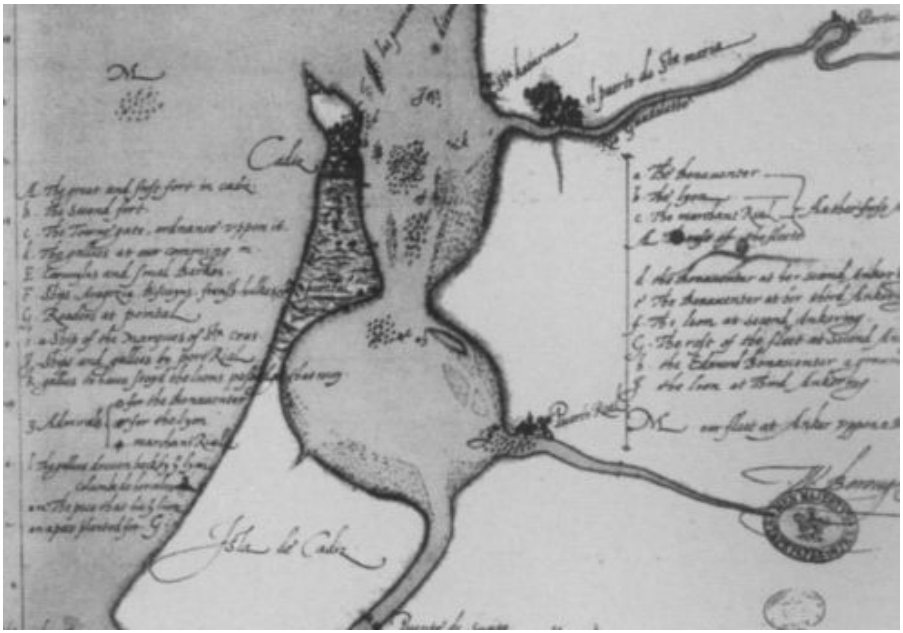
Мартин Фробишер. Старинная гравюра

Вид на гавань Картахены. Старинная гравюра

Флот Дрейка близ Сан-Аугустина. 1586 год. Гравюра из сочинения Биггса. 1588 г.

План Кадисской бухты вице-адмирала Уильяма Бороу. 1587 г.

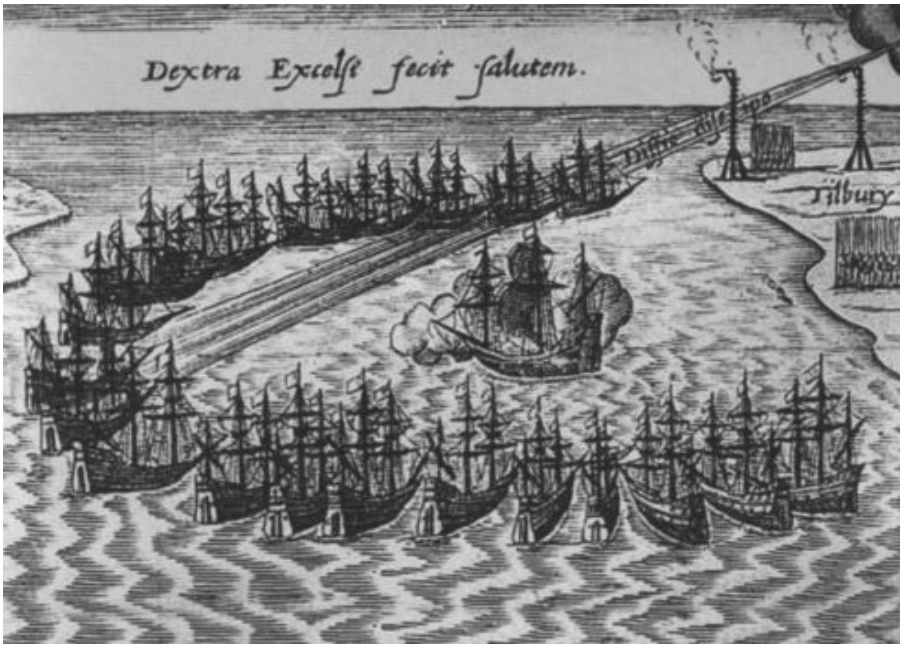
Лорд-адмирал Чарлз Хоуард. Художник Д. Митенс-старший (ок. 1590 — после 1648)

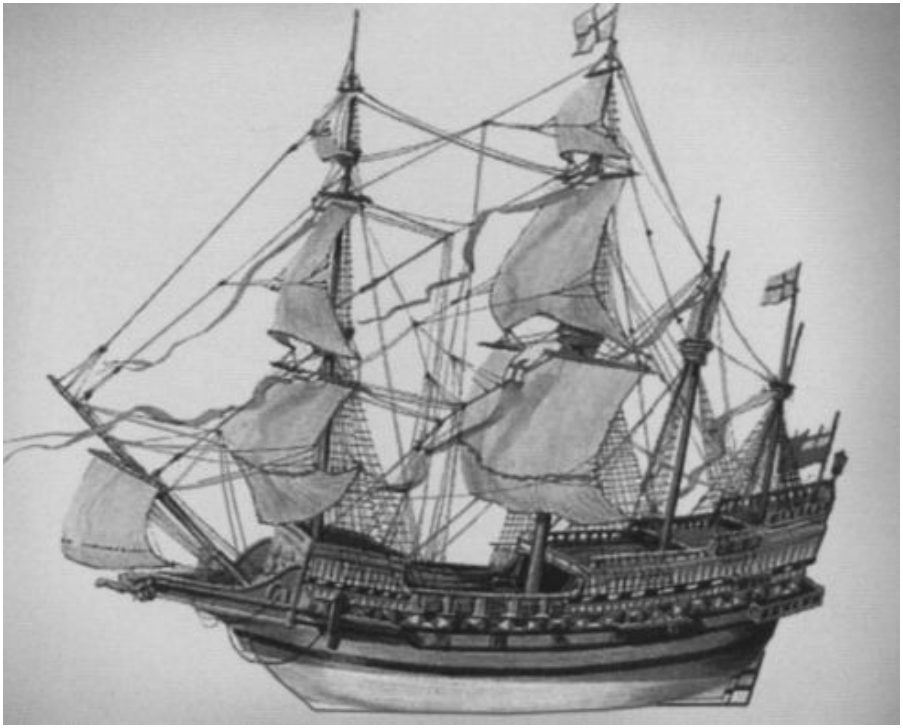
Вид на Лиссабон. Старинная гравюра

Король Испании Филипп II

Непобедимая армада. Гравюра 1588 г.

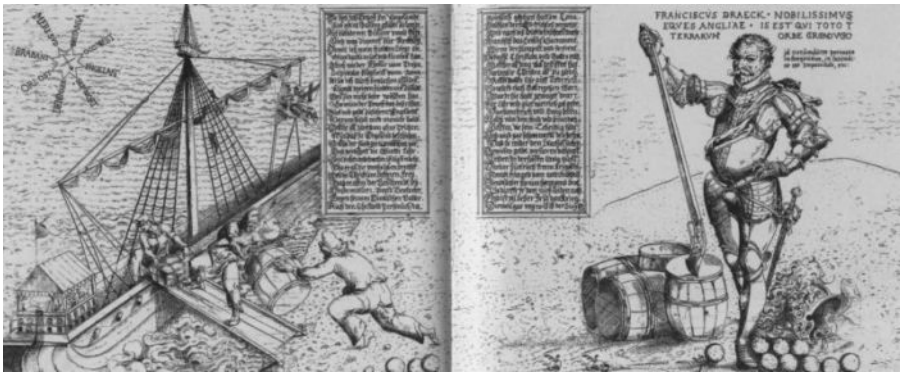
Галеон «Ривендж». Реконструкция

На борту «Арк Ройяла». Эпизод сражения англичан против Непобедимой армады. 1588 г.

Карта маршрута испанской Непобедимой армады

Фрэнсис Дрейк. Гравюра XVI в.

Испанский галеон «Сан-Мартин». Реконструкция

Фрэнсис Уолсингем. Художник Джон де Криц-старший

Непобедимая армада. Гравюра Я. Лёйкена

Разгром Непобедимой армады. Картина Ф. -Ж. де Лутербурга (1740–1812)

Атака брандеров у Кале. 1588 г.

Битва при Гравелине. 1588 г.

Бой английского флота с Непобедимой армадой у отмелей Зеландии. Старинная гравюра

Бакленд-Эбби, поместье Дрейка

Лиссабон и Кашкайш на гравюре из книги Г. Брауна и Ф. Хогенберга. 1572 г.

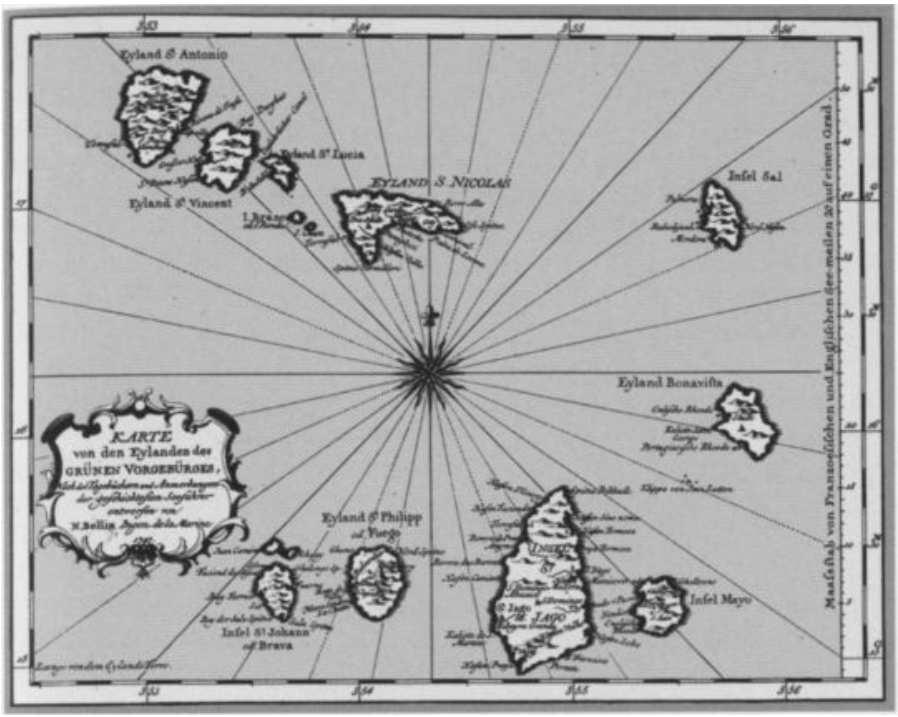
Портрет Мартина Фробишера работы Корнелиса Кетела

Лондон на гравюре XVI века

Джон Хокинс. 1581 г. Гринвич, Национальный морской музей

Канарские острова на карте Н. Беллина

План бухты и города Пуэрто-Бельо. Чертеж колониальной

эпохи

Памятник Дрейку в Плимуте

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРЭНСИСА ДРЕЙКА

1539, 1541, 1543 или ***начало 1544 —*** предполагаемый год рождения Дрейка на ферме Кроундейл, располагавшейся близ местечка Тейвисток в графстве Девон (Англия).

1566, ноябрь — 1567, сентябрь — участие Дрейка в работорговой экспедиции Джона Ловелла, в ходе которой он посещает Западную Африку и Вест-Индию.

1567, сентябрь — знакомство с Мэри Ньюмэн.

1567, октябрь — 1569, январь — участие в работорговой экспедиции Джона Хокинса, во время которой Дрейк получает под свое командование судно «Джудит»; сражение с испанским флотом в гавани Сан-Хуан-де-Улуа.

1569, 4 июля — женитьба на Мэри Ньюмэн.

1569–1570— разведывательная экспедиция в Карибское море.

1571 — пиратская экспедиция в Вест-Индию на судне «Суон», в ходе которой Дрейк занимается грабежами испанских судов в водах Панамского перешейка.

1572, май — 1573, август — очередная пиратская экспедиция в Вест-Индию: захват и грабеж города Номбре-де-Дьос; «охота» за испанскими судами у берегов Панамского перешейка и Новой Гранады; переход через Панамский перешеек к берегам Тихого океана; возвращение на карибское побережье и успешный захват близ Номбре-де-Дьоса испанского каравана с сокровищами.

1575, весна — переход на службу к графу Эссексу.

Лето — служба в Ирландии; участие в подавлении восстания ирландцев в Ольстере.

Осень — возвращение в Англию.

1577, 15 ноября — начало кругосветной экспедиции Дрейка.

1578, июнь — июль — обвинение в измене Томаса Даути и его казнь в бухте Сан-Хулиан (Патагония).

Сентябрь — октябрь — выход корабля Дрейка «Золотая лань» в Тихий океан и предполагаемое открытие им пролива между Южной Америкой и Антарктидой (ныне пролив Дрейка).

1579, июнь — июль — открытие и формальное объявление британским владением Нового Альбиона — территории, предположительно находившейся в районе современного Сан-Франциско (США).

1580, 26 сентября — завершение кругосветной экспедиции

Дрейка.

1581, 4 апреля — посещение галеона «Золотая лань» королевой Елизаветой; возведение Фрэнсиса Дрейка в рыцари.

Сентябрь — избрание сэра Фрэнсиса Дрейка мэром Плимута.

1583, январь — смерть Мэри Дрейк, первой жены сэра Фрэнсиса.

18 июня — женитьба Дрейка на двадцатилетней Элизабет Сайденхэм.

1584 — избрание Дрейка депутатом палаты общин Британского парламента от Боссини (Северный Корнуолл).

1585, 14 сентября — 1586, 28 июля — приватирская экспедиция к берегам Испании, на острова Зеленого Мыса, в Вест-Индию и Флориду; захват и разорение портовых городов Виго, Сидаде-Велья, Прая, Санто-Доминго, Картахена и Сан-Аугустин (современный Сент-Огастин, штат Флорида); эвакуация английской колонии с острова Роанок (ныне — в штате Северная Каролина, США).

1587, 2 апреля — 1587, 26 июня — кадисская экспедиция: сожжение испанского флота в испанской бухте Кадис; успешные крейсерские операции у берегов Португалии; захват королевского каррака «Сан-Фелипе» с сокровищами из Ост-Индии.

1588, июль — август — участие Дрейка в сражениях против испанской Непобедимой армады в ранге вице-адмирала английского флота.

1589, апрель — июнь — лиссабонская экспедиция в компании с сэром Джоном Норрисом: набег на Ла-Корунью; захват португальского порта Пениши; провал наступления на Лиссабон; крейсерские операции у берегов Португалии; сожжение испанского города Виго.

1590, декабрь — 1591, апрель — финансирование и организация строительства водовода в Плимуте.

1593 — избрание Дрейка депутатом палаты общин Британского парламента от Плимута.

1595, 28 августа — 1596, 28 января — последняя антииспанская экспедиция Дрейка в Вест-Индию: неудачное нападение на Лас-Пальмас (остров Гран-Канария); неудачное нападение на порт Сан-Хуан (остров Пуэрто-Рико); грабеж и сожжение городков Рио-де-ла-Ача (современный Риоача) и Санта-Марта в Новой Гранаде (ныне — Колумбия); захват Номбре-де-Дьоса и провальный поход на Панаму отряда сэра Томаса Баскервиля; захват и сожжение Пуэрто-Бельо (современный Портобело).

1596, 28 января — смерть Дрейка на борту флагманского корабля «Дифайенс» в бухте Пуэрто-Бельо.

СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ, МОРСКИХ И ИНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Абордаж — способ ведения морского боя во времена гребного и парусного флотов. Абордаж в военных или пиратских целях применялся для захвата корабля противника. Атакующий корабль сходился вплотную борт к борту с кораблем противника, сцеплялся с ним абордажными крючьями, чтобы корабли не разошлись во время боя. Затем бойцы абордажной команды высаживались на палубу корабля противника и вступали с экипажем неприятеля в рукопашную схватку с использованием холодного и огнестрельного оружия.

Авангард — передовой ударный отряд.

Авизо — небольшое быстроходное судно (например, каравелла), служащее для доставки срочных сообщений, почты и т. п.

Адмирал — командующий флотом. Во время морского похода командующий мог называться ***генералом*** или ***генерал-капитаном***; в таком случае адмиралом именовался его первый заместитель.

Акр — английская земельная мера, равная 0,405 гектара.

Алькальд — в испанских колониях — городской голова, мэр, глава муниципальной администрации, выполнявший также судебные функции.

Альмиранта — вице-адмиральское судно в испанском флоте.

Альферес — испанский офицер-знаменосец, на флоте — старший лейтенант.

Арбалет — механический лук. Базовой частью арбалета являлось ложе, внутри которого крепился спусковой механизм. На верхней поверхности ложа находился направляющий паз для болтов, а на конце ложа устанавливались стремя и крестовина с закрепленными на ней упругими элементами (плечами), которые обычно изготавливались из металла, дерева или рога. В зависимости от способа взведения тетивы средневековые арбалеты делились на три основных типа. У наиболее простого тетиву натягивали с помощью приставного железного рычага, называвшегося «козья нога». У более мощного арбалета тетиву натягивали блочным натяжным устройством. В Германии арбалет снабжали зубчато-реечным механизмом; такой тип натяжного устройства был удобнее и прочнее блочного.

Аркебуза — гладкоствольное фитильное ружье, один из первоначальных образцов ручного огнестрельного оружия,

появившийся в 1379 году в Германии. Заряжалась с дула, стреляла короткой стрелой или каменными, а позже свинцовыми пулями. Пороховой заряд поджигался с помощью фитильного замка. В XVI веке аркебузой называли легкое ружье малого калибра.

Армада — испанское название крупного соединения кораблей.

Арьергард — замыкающий отряд, прикрывающий основные силы с тыла.

Астролябия — один из первых астрономических приборов для показа вида небесной сферы и для определения высоты небесных тел. Основная форма астролябии состояла из двух концентрических дисков, на одном из которых наносилась карта звездного неба, а на другой — угловая шкала, расположенная по краю. Диски соединялись между собой в центре и делались подвижными. К ним присоединялось оптическое устройство. Астролябиями пользовались со времен Античности до XVII века для целей навигации.

Ауто-да-фе (аутодафе) — церемония оглашения приговора инквизиции, а также приведение этого приговора в исполнение (сожжение на костре).

Бак — надстройка в носовой части парусного судна.

Бакборт — левый борт судна.

Балласт — груз, служащий для улучшения ходовых качеств судна.

Банник — деревянная колодка со щеткой на древке для очистки канала артиллерийского орудия от порохового нагара после выстрела.

Барк — в XVI веке этим термином в Англии обозначали парусное судно средних размеров, имевшее водоизмещение от 50 до 150 тонн.

Бастион — пятистороннее долговременное укрепление, возводившееся на углах крепостной стены. Представляло собой конструкцию с двумя *фасами* (передними сторонами), двумя *фланками* (боковыми сторонами) и открытой *горжей* (тыльной стороной). Обращенные друг к другу части двух соседних бастионов и соединяющий их участок ограды — *куртина* — образовывали бастионный фронт.

Баталёр — лицо, ведающее на кораблях и базах продовольственным, вещевым и другим снабжением.

Бердыш — холодное оружие в виде топора (секиры) с искривленным наподобие полумесяца лезвием, насаженным на длинное древко.

Бизань-мачта — задняя, третья по счету мачта на

трехмачтовом корабле.

Битенг — одиночная или парная тумба на палубе судна для закрепления буксирного троса или якорного каната.

Блинд — парус, который ставили под бушпритом; привязывался к блинда-рею.

Блинла-рей — рангоутная перекладина на бушприте судна.

Бушель — единица объема, используемая в английской системе мер. Применяется для измерения сыпучих товаров, в основном сельскохозяйственных. 1 бушель = 4 пекам = 8 галлонам = 32 сухим квартам = 64 сухим пинтам = 2219,36 кубического дюйма = 36,36 872 литра.

Бушприт — горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна. Предназначен для вынесения вперед центра парусности, что улучшает маневренность судна. К бушприту крепится стоячий такелаж стеньг передней мачты, а также такелаж носовых косых парусов — кливеров и стакселей.

Ванты — снасти стоячего судового такелажа; изготавливались из пенькового троса и служили для укрепления мачты, являясь оттяжками к борту.

Ватервельс — толстые деревянные брусья палубного настила, идущие по бортам вдоль всего судна; служат для продольного крепления судна и стока воды.

Вертлюжная пушка — небольшая пушка, вращающаяся на специальной установке — вертлюге.

Викарий — священник, сотрудник приходского настоятеля, может назначаться для помощи ему в осуществлении пастырского служения во всем приходе, в определенной его части или для некоторой группы прихожан, а также для несения определенного служения сразу в нескольких приходах.

Вице-адмирал — заместитель адмирала.

Вице-королевство — форма колониального владения в Испанской Америке, при которой правитель колонии (вице-король) наделялся неограниченными полномочиями и являлся прямым наместником наследственного монарха метрополии.

Вице-король — титул, который присваивался высшим представителям королевской власти в американских колониях Испании.

Галеас — тип парусно-гребных военных кораблей. Название означает «большая галера». Галеас как самостоятельный тип корабля находился в составе европейских флотов в XVI–XVII веках. Он, по сути, являлся промежуточным типом между галерой и парусным кораблем. От галеры отличался в первую очередь большими размерами и возможностью плавать в зимнее время

года. Кроме того, галеасы, в отличие от галер, несли орудийную палубу, расположенную над банками гребцов. На корабле был один ряд весел. Классический средиземноморский галеас нес три мачты с косыми парусами. Испанские галеасы, как и английские, обычно имели смешанное парусное вооружение для плаваний в Атлантике. Корабль мог вместить экипаж численностью до полутора тысяч человек. Вооружение галеаса состояло из пушек (до 70 орудий различных калибров — от тяжелых куршейных до фальшбортных) и надводного тарана, который служил для абордажа, а не потопления судов противника.

Галеон — большое многопалубное парусное судно XVI–XVIII веков с достаточно сильным артиллерийским вооружением, использовавшееся как военное и торговое. Основным толчком к его созданию было возникновение постоянных перевозок между Испанией и ее заморскими колониями. Данный тип парусного корабля появился в ходе эволюции каравелл и карраков. Снижение баковой надстройки и удлинение корпуса привело к увеличению остойчивости и снижению волнового сопротивления, в результате чего получилось более быстрое, мореходное и маневренное судно. Парусное вооружение состояло из трех-пяти мачт, передние мачты несли прямое вооружение, задние — косое (латинское). Орудия были установлены и над, и под главной палубой, что привело к появлению батарейных палуб: орудия стояли по бортам и стреляли через порты. Водоизмещение крупнейших испанских галеонов доходило до тысячи тонн и более.

Галера — гребной военный корабль с одним рядом весел и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, которые использовались в качестве дополнительного двигателя.

Галеты — название сухарей в эпоху парусного флота.

Галиот — небольшое одномачтовое парусно-гребное судно.

Галс — движение судна относительно ветра. Различают левый (ветер дует в левый борт) и правый (ветер дует в правый борт) галсы.

Генерал (генерал-капитан) — командующий эскадрой или флотом. Находился на флагманском корабле. Ему подчинялись как моряки, так и солдаты, участвовавшие в походе.

Грот-мачта — главная, самая высокая мачта на парусном судне.

Дрейф — смещение (снос) судна с линии курса под влиянием ветра; характеризуется углом между линией пути и линией истинного курса. Дрейфом также называют снос стоящего на якоре судна под влиянием ветра или течения, когда якорь ползет по фунту, а также снос неуправляемого судна под влиянием ветра

и/или течения.

Дукат — название серебряных (с 1140 года), затем золотых (с 1284 года) монет, которые впервые появились в Италии и позже стали выпускаться в других странах Европы. Дукат весил 3,5 грамма и чеканился почти из чистого золота (986-я проба). Вес и качество дуката сохранялись неизменными в течение более семисот лет.

Инквизиция — общее название ряда учреждений римско-католической церкви, предназначавшихся для борьбы с ересью.

Кабельтов — единица измерения расстояния, используемая в мореплавании. Обычный кабельтов равен 100 морским саженям или 600 футам (182,88 метра). Кабельтов Великобритании равен 608 футам (185,3182 метра).

Кабильдо — название муниципального совета в городах Испанской Америки.

Каботаж — прибрежное плавание судна между морскими портами одного и того же государства без выхода в открытое море.

Канонир — то же, что и пушкарь, артиллерист.

Каноэ — лодка американских аборигенов, которая имела симметрично заостренные нос и корму. Характерной особенностью плавания на каноэ был способ гребли; экипаж пользовался лопатообразным однолопастным или двулопастным веслом, которым также производилось руление путем поворота весла в воде и изменением его траектории в конце гребка. Изготавливали каноэ двумя способами: 1) путем выдалбливания или выжигания из целого ствола дерева; 2) путем обтягивания легкого каркаса древесной корой.

Капер — частное лицо, получавшее от государства специальное свидетельство (грамоту) на право грабежа неприятельских кораблей и прибрежных селений. Капером называлось также судно, снаряженное с целью грабежа неприятельской собственности. Часть добычи капитан капера обязан был отдавать государству и инвесторам, вложившим деньги в предприятие. Синонимы слова «капер» — корсар, приватир.

Каперская грамота — название специального свидетельства, разрешавшего частному лицу снарядить каперский корабль и захватывать неприятельскую собственность.

Капитана — флагманское судно в испанском флоте, на борту которого находился главнокомандующий — генерал-капитан.

Капрал — должность командира отделения.

Каравелла — в XVI веке торговое, рыболовное, посыльное или корсарское судно средней величины. В Средние века

каравеллы были двухмачтовыми и несли латинские паруса. Со временем появились трехмачтовые и даже четырехмачтовые каравеллы. Латинские паруса на фок- и грот-мачтах нередко заменялись прямыми. При крутом бейдевинде больше подходили латинские паруса, а при полных курсах — прямые.

Каррак — большое парусное судно XV–XVI веков, часто использовавшееся португальскими и испанскими мореходами для плаваний в Ост-и Вест-Индию.

Квартердек — верхняя палуба в кормовой части парусного судна.

Квартирмейстер — старший офицер, который заведовал на военном или корсарском судне хозяйством. Обычно он принимал участие во всех сражениях и часто возглавлял абордажную группу. В случае победы квартирмейстер следил за грабежом захваченного судна и определял, что можно забрать с него, а затем хранил добычу до ее раздела.

Кеч — небольшое двухмачтовое парусное судно, снабженное фотом и бизанью.

Киль — нижняя балка, проходящая посередине днища судна от носовой до кормовой оконечности в районе днища и служащая для обеспечения прочности корпуса судна.

Комиссионеры по призам — специальные уполномоченные, которым королевская власть или адмиралтейство поручали осуществить проверку захваченных каперами судов (призов), описать их грузы, оценить их стоимость и т. д.

Консортный договор — соглашение между двумя или несколькими корсарами о совместных (партнерских) действиях в определенной акватории в течение оговоренного срока. Договор предусматривал также порядок распределения захваченной в ходе экспедиции добычи.

Контр-адмирал — заместитель адмирала, командующий кораблями арьергарда.

Коррехидор — административная и судебная должность в городах и провинциях феодальной Испании, а также в ее колониях. Коррехидор назначался испанским монархом и осуществлял в основном функции надзора над местной администрацией и судьями. В XVI веке в Испанской Америке, в районах с преобладанием индейского населения, стали создаваться особые округа (коррехимьенто), во главе которых стоял коррехидор, ведавший организацией принудительного труда индейцев, сбором налогов и пр.

Корсар — частное лицо (или судно), снабженное специальным свидетельством, которое позволяло ему захватывать и грабить собственность подданных вражеских держав. Синонимы

корсара — капер, приватир.

Крейсировать — плавать в определенной части моря с целью перехвата вражеских судов или охраны морских коммуникаций.

Кренгование — придание судну крена в целях осмотра, очистки, окраски и ремонта его подводной части.

Крона — английская серебряная монета, равная 5 шиллингам (иначе — английский талер).

Крузадо — старинная португальская монета, чеканившаяся в XV–XIX веках. Первые золотые крузадо были отчеканены в 1457 году. В то время благодаря морским экспедициям в Португалию начало поступать золото из Гвинеи, что и позволило начать чеканку золотых монет, которые получили название «крузаду», поскольку на их реверсе изображался крест (порт. *cruz)*. Изначально крузаду оценивался в 253 «реала бранко» (денежная единица, введенная королем Дуарти I), однако через 60 лет, в правление Мануэла I, стоил уже 400 реалов. Чеканить золотые крузаду прекратили в 1555 году.

Кубрик — пространство под палубой на парусном судне, отведенное для отдыха и сна рядовых членов команды.

Кулеврина — длинноствольное артиллерийское орудие. Применялось в европейских армиях и на флотах в XV–XVII веках для стрельбы на дальние расстояния.

Лавировать — двигаться под парусами против ветра по ломаной линии, поворачиваясь к ветру попеременно то правым, то левым бортом.

Ланча — испанское название шлюпки, баркаса.

Латинский парус — треугольный по форме парус, который привязывают к рею (рю) длинной стороной; в диаметральной плоскости судна, по направлению к корме, его растягивают при помощи шкота. Латинские паруса относятся к косым. Они, в отличие от прямых парусов, позволяют судну идти круче к ветру, а именно под углом до 20 градусов.

Лендлорд — в средневековой Англии крупный земельный собственник, феодал-аристократ.

Лига морская — единица измерения расстояния, равная трем морским милям.

Лот — свинцовый груз или просто груз, служащий для измерения глубины.

Лютеране — протестантская конфессия, руководствующаяся вероучительными и организационными принципами, провозглашенными Мартином Лютером в XVI веке. Лютеранство — старейшая и крупнейшая ветвь протестантизма. Свое происхождение оно непосредственно возводит к инициатору протестантской Реформации.

Маис — индейское название кукурузы.

Манор — феодальное поместье в средневековых Англии и Шотландии, основная хозяйственная единица экономики и форма организации частной юрисдикции в этих государствах. Манор представлял собой комплекс домениальных земель феодала, общинных угодий и наделов лично зависимых и свободных крестьян, проживающих во входящей в состав манора деревне.

Марсель — прямой парус, ставящийся на марсарее над нижним парусом. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте он соответственно получает название: на фок-мачте — фор-марсель, на грот-мачте — грот-марсель и на бизань-мачте — крюйс-марсель.

Маруны — английское название беглых африканских невольников на островах Вест-Индии и в Центральной Америке.

Маркирование — высадка провинившегося моряка, солдата или пассажира на необитаемом берегу (так называемое «осуждение на высадку»).

Маэстре-де-кампо — в Испании и испанских колониях — командир нерегулярных войск, народного ополчения.

Миля морская — единица измерения расстояния, применяемая в мореплавании. В Великобритании равняется 10 кабельтовым (1853,256 метра).

Мускус — сильно пахнущее вещество, вырабатываемое железами некоторых животных или находящееся в корнях некоторых растений, применяется в парфюмерии.

Нок — оконечность рангоутного дерева, расположенного горизонтально или под некоторым углом к плоскости горизонта (гика, гафеля, рея и т. д.).

Напрестольная пелена — белоснежное полотно, покрывающее верх алтаря и ниспадающее с него.

Облатка — у католиков круглый листок из пресного теста, образующий приношение, вид тела Христова, Святые Дары.

Пенни — британская разменная монета (мн. ч. *пенс)*. Один фунт стерлингов равен 240 пенсам.

Перьера (камнемет) — небольшая казнозарядная пушка, стрелявшая как каменными, так и чугунными ядрами.

Песо — серебряная монета средневековой Испании и ее колоний. Впервые чеканилась в 1497 году в подражание талерам. Равнялась восьми реалам, номинал также указывался в реалах. В XVI веке песо стали чеканить в огромных количествах на 11 монетных дворах из серебра, добываемого в рудниках Нового Света. В колониях песо нередко называли *пиастром*, или «восьмериком».

Пилот — название штурмана корабля или лоцмана,

использовавшееся испанцами и португальцами.

Пинас — плоскодонное малое парусно-гребное судно. Имея узкий корпус, пинас был снабжен одной мачтой; его вооружение могло быть шлюповым, латинским, шпринтовым или простым прямым. Водоизмещение судна не превышало 60 тонн. В XVI веке пинасы использовались как рыболовные, посыльные, разведывательные, транспортные и боевые суда, удобные для оперирования на мелководье.

Пинта — единица объема в системе английских мер. 1 английская пинта = 0,56826125 литра.

Пирога — ставшее традиционным название лодок экзотических народов. Происходит из языка карибов и распространилось через испанский. Оно применимо к лодкам самых разных конструкций (долблёным, каркасным), аналогично словам *каноэ* и *челнок*. Гребля обычно производится однолопастными веслами-гребками, без использования уключин.

Полукулеврина — кулеврина с укороченным стволом; наиболее распространенная морская пушка елизаветинской эпохи.

Понтифик — титул римского папы.

Потир — сосуд для христианского богослужения, применяемый при освящении вина и принятии причастия. Как правило, потир — чаша с длинной ножкой и круглым основанием, большим по диаметру, иногда сделанная из ценных материалов (золота, серебра), бронзы, отделочных камней.

Прибойник — шест с утолщением на одном конце, употреблявшийся для забивания пушечных зарядов.

Приватир — принятое в англоязычных странах наименование капера (корсара).

Приз — в морской практике — название трофейного судна или добычи в целом.

Приход — церковный округ, имеющий свой храм.

Псалмы — священные молитвенные песни, написанные по преимуществу пророком Давидом (X век до н. э.) и собранные в одну книгу, называемую Псалтирь. Всего в Псалтирь входит 150 псалмов.

Псалтирь — сборник псалмов, часть Библии.

Рака — ковчег с мощами святых, изготавливаемый обычно в форме гроба.

Рангоут — общее название устройств для подъема и растягивания парусов. К рангоуту относятся мачты, стеньги, реи, рю, гафели, гики, бушприт.

Рандеву — на море заранее оговоренное место встречи кораблей.

Реал — название испанской серебряной монеты, а также денежно-счетной единицы. С появлением песо реал составлял ⅛ его стоимости.

Рейд — прибрежная акватория, место якорной стоянки судов.

Репрессальная грамота — разновидность каперского свидетельства, разрешавшая ее владельцу нападать на суда той державы, подданные которой ранее нанесли ему материальный ущерб путем пиратского захвата его судна или перевозившихся на нем товаров.

Реформация — массовое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI — начала XVII века, направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией. В отличие от других стран. Реформация в Англии проводилась «сверху», по воле короля Генриха VIII, который таким образом пытался порвать с римским папой, а также укрепить свою абсолютную власть. При Елизавете I была составлена окончательная редакция англиканского символа веры (так называемые «39 статей»), В «39 статьях» признавались и протестантские догматы об оправдании верой, о Священном Писании как единственном источнике веры, и католический догмат о единоспасающей силе церкви. Церковь стала национальной и превратилась в важную опору абсолютизма, ее возглавлял король, а духовенство подчинялось ему как часть государственного аппарата. Богослужение совершалось на английском языке. Отвергалось учение католической церкви об индульгенциях, о почитании икон и мощей. Вместе с этим признавались таинства крещения и причащения, были сохранены церковная иерархия, а также литургия и пышный культ, характерные для католической церкви.

Риза — 1. Верхнее облачение священника при богослужении. 2. Покрывало на аналоях, престоле и жертвеннике, покровец на потире. Ризы (как покрывала, так и облачения священников) хранятся в ризницах.

Румпель — специальный рычаг, закрепленный в головной части баллера руля, перпендикулярно его оси. Составная часть рулевого устройства.

Руслени — площадки по наружным бортам парусного судна, расположенные на уровне верхней палубы против мачт. Служат для разноса вант, которые скрепляются вант-путенсами.

Сабра — быстроходное парусно-гребное судно, использовавшееся испанцами и португальцами. Сродни легкому парусно-гребному фрегату или большому пинасу.

Саго — крупа из крахмала, получаемого из сердцевины ствола саговой и некоторых других пальм, а также искусственная

крупа из картофельного или кукурузного крахмала.

Сажень морская (фатом) — единица измерения длины, равная шести футам (1,83 метра).

Сарсапарель — лоза, произрастающая в Центральной и Южной Америке; использовалась в медицине для приготовления различных лекарств.

Секуляризация — в исторической науке изъятие чего-либо из церковного, духовного ведения и передача светскому, гражданскому ведению. Обычно употребляется для описания изъятия государством у церкви ее земельной и иной собственности. В Западной Европе масштабная секуляризация проводилась в XVI–XVII веках во время Реформации.

Серая амбра — твердое горючее воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалотов. Встречается плавающей в морской воде или выброшенной на берег. Она высоко ценится в парфюмерии, используется как фиксатор запаха.

Сержант-майор — третий по рангу в командовании армией (после генерал-капитана и генерал-лейтенанта).

Симарроны — беглые негры-рабы в испанских колониях.

Стеньга — продолжение верхнего конца мачты, служащее для крепления реев, судовых огней, гафелей, парусов.

Стихарь — одежда, богослужебное облачение священно- и церковнослужителей, прямая, длинная, с широкими рукавами.

Такелаж — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами. Такелаж разделяется на *стоячий* и *бегучий.* Стоячий такелаж служит для удержания рангоутных частей в надлежащем положении, бегучий — для постановки, уборки парусов, управления ими, изменения направления отдельных частей рангоута.

Тали — грузоподъемное приспособление, состоящее из двух блоков (подвижного и неподвижного), соединенных между собой тросом, один конец которого укреплен неподвижно у одного из блоков.

Траверз — направление, перпендикулярное диаметральной плоскости судна. Соответствует курсовому углу 90 градусов.

Требник — книга с текстами церковных служб, молитвами для треб.

Узел морской — единица скорости судна, соответствующая одной морской миле в час (1852 метрам).

Унция — единица веса и монета у древних римлян. В Средние века унция равнялась сначала 1/12 фунта, потом ⅛ марки.

Фальконет — гладкоствольное орудие малого калибра, которое устанавливалось на небольших парусных и гребных судах.

Флибот — плоскодонное парусное судно голландской постройки; имело грузоподъемность до 100 тонн. Использовалось для рыбной ловли, торговли, разведки и пиратских нападений на небольшие суда.

Фок — большой парус на фок-мачте.

Фок-мачта — передняя мачта на многомачтовом судне.

Фока-рей — нижний рей на фок-мачте.

Форштевень — брус, образующий носовую оконечность судна.

Фрегат — в XVI веке небольшое быстроходное парусно-гребное судно.

Фунт — английская мера массы, равная 16 унциям (453,59 237 грамма).

Фунт стерлингов — денежно-счетная единица Великобритании. В XVI веке 1 фунт стерлингов равнялся 20 шиллингам или 240 пенсам.

Фут — единица измерения длины, равная 12 дюймам (30,48 сантиметра).

Хульк — трехмачтовое торговое или транспортное судно, как правило, голландской постройки.

Швартов — канат, предназначенный для подтягивания и удержания судна у причала или у борта другого судна.

Шиллинг — счетно-денежная единица и монета Великобритании. В эпоху Елизаветы шиллинг был равен 12 пенсам, весил 6,22 грамма и содержал 5,75 грамма серебра.

Шкипер — командир судна в торговом флоте. В английском флоте XVI века его называли *мастером*. На военном или каперском судне мастер являлся первым помощником капитана, ответственным за навигацию (исполнял обязанности судоводителя, штурмана).

Шлюп — в XVI веке небольшое одномачтовое парусно-гребное судно.

Штирборт — правый борт судна.

Шуфла — совок на древке; служил для насыпания пороха в канал ствола орудия или в зарядную камору.

Энкомендеро — испанский феодал в колониях Нового Света, собиравший с туземцев налоги и заставлявший их выполнять разного рода повинности.

Эскудо — испанские и португальские золотые монеты XV–XVIII веков. Испанский золотой эскудо содержал 3,03–3,09 грамма чистого золота.

Эстуарий — однорукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

Юнга — мальчик-подросток, который служит на корабле, обучаясь морскому делу.

Ют — надстройка в кормовой (задней) части судна.

ЛИТЕРАТУРА

Герхард П. Пираты Новой Испании. 1575–1742. М.: Центрполиграф, 2004.

Губарев В. К. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. М.: Эксмо; Яуза, 2009.

Малаховский К. В. Кругосветный бег «Золотой лани». М.: Наука, 1980.

Мюллер В. Пират королевы Елизаветы. СПб.: Гангут, 1993.

Райан Э. Н. Фрэнсис Дрейк: Божий корсар (15 437—1596) / Великие адмиралы: Сб. /Сост. Д. Свитмэн. М.: АСТ, 2002.

Свет Я. М. Пираты антильских морей //Новая и новейшая история. 1966. № 1.С. 132–144.

Стенюи Р. Сокровища Непобедимой Армады. М.: Мысль, 1979.

Хауарт Д. Великата армада. Варна: Георги Бакалов, 1986.

A Collection of voyages and travels: some now first printed from original manuscripts, others now first published in English: in six volumes with a general preface giving an account of the progress of navigation from its first beginning / Ed. by A. Churchill and J. Churchill. L.: Printed by assignment from Messrs. Churchill for John Walthoe, etc., 1732. Vol. 1–6.

A general history and collection of voyages and travels, arranged in systematic order forming a complete history of the origin and progress of navigation, discovery and commerce, by sea and land, from the earliest ages to the present time /Ed. by R. Kerr. Edinburgh: W. Blackwood; London: T. Cadell, 1824. 4)1. 1–18.

A Full Relation of another Voyage into the West Indies, made by Sir Francis Drake; Accompanied with Sir John Hawkins, Sir Thomas Baskerfield, Sir Nicholas Clifford, and others. Who set forth from Plimouth on the 28, of August 1595. L.: Nicholas Bourne, 1652.

A Libell of Spanish Lies: Found at the Sacke of Cales, discoursing the fight in the West Indies, twixt the English Navie being fourteene Ships and Pinasses, and a fleete of twentie saile of the king of Spaines, and of the death of Sir Francis Drake… written by Henrie Savile. L.: John Windet, 1596.

Anderson C. L. G. Old Panama and Castilla del Oro; a narrative history of the discovery, conquest, and settlement by the Spaniards of Panama, Darien, Veragua, Santo Domingo, Santa Marta, Cartagena, Nicaragua, and Peru: including… the daring raids of Sir Francis Drake, the buccaneers in the Caribbean and South seas, the sack of the city of old Panama by Henry Morgan, and the story of the Scots colony on

Caledonia bay /Charles Loftus Grant Anderson. Boston: The Page Company, 1914.

Andrews K. R. Drake and South America /In: Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580 /Ed. by N. J. W. Thrower. Berkeley: Univ. of California Press, 1984.

Andrews K. R. Drake's voyages: a re-assessment of their place in Elizabethan maritime expansion. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1967.

Barrow J. Life, Voyages, and Exploits of Sir Francis Drake, with Numerous Original Letters from Him and the Lord High Admiral to the Queen and Great Officers of State. L.: John Murray, 1861.

Bartels E. C. Too Many Blackamoors: Deportation, Discrimination, and Elizabeth I //Studies in English Literature 1500–1900. Vol. 46. № 2. Spring 2006. P. 305–322.

Bawlf S. The Secret Voyage of Sir Francis Drake 1577–1580. N. Y.: Penguin Books, 2004.

Benson E. F. Sir Francis Drake. N. Y.: Haskell House Publishers Ltd., 1890.

Bigges W. A Summary and True Discourse of Sir Frances Drakes West Indian Voyage, begun in the year 1585. Wherein were taken the cities of Santiago, Santo Domingo, Carthagena, and the town of St. Augustine, in Florida. Publ. by master Thomas Cates. L.: Richard Field, 1589.

Bidwell G. Pirat krolowej. Katowice: Slask, 1982.

Bradford E. Drake. L.: Hodder and Stoughton, 1965.

Bradley P. T. British Maritime Enterprise in the New World: From the late Fifteenth to the Mid-Eighteenth Century. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1999.

Cabrera de Cordóba L. Historia de Felipe II, Rey de España. Valladolid: Junta de Castilla y León, 1998.

Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies. Vol. 1: 1574–1660 /Ed. by W. Noel Sainsbury. L.: Public Record Office, 1860.

Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies. Vol. 9: 1675–1676 and Addenda 1574–1674 /Ed. by W. Noel Sainsbury. L.: Public Record Office, 1893.

Calendar of State Papers, Domestic: Edward, Mary and Elizabeth, 1547–80 /Ed. by R. Lemon. L.: Public Record Office, 1856.

Calendar of State Papers, Domestic: Elizabeth, 1581–90 /Ed. by R. Lemon. L.: Public Record Office, 1865.

Calendar of State Papers, Domestic: Elizabeth, 1591–94/Ed. by M. A. Everett Green. L.: Public Record Office, 1867.

Calendar of State Papers, Domestic: Elizabeth, 1595–97 /Ed. by M. A. Everett Green. L.: Public Record Office, 1869.

Calendar of State Papers, Spain (Simancas) /Ed. by Martin A. S.

Hume. L.: Public Record Office, 1892–1899. Vol. 1–4.

[***Campbell J.***] The Life of the Celebrated Sir Francis Drake, the First English Circumnavigator. Reprinted from The Biographia Britannica. L.: J. Moyes, 1828.

Carmen Borrego Pla, M. del. Cartagena de Indias en el Siglo XVI. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, Consejo Superior de Investigaciones Cientlficas, 1983.

Castro A. de. Historia de Cadiz y su provincia desde los remotos tiempos hasta 1814. Cadiz: La Revista medica, 1858.

Coote S. Drake: the Life and Legend of an Elizabethan Hero. N. Y.: St. Martin's; L.: Simon and Schuster, 2003.

Corbett J. S. Drake and the Tudor Navy: With a History of the Rise of England as a Maritime Power. L.: Longmans, Green, 1898. Vol. 1–2.

Corbett J. S. Sir Francis Drake. L.; N. Y.: MacMillan and Co., 1890.

Courtauld S. The Queen's Pirate — Francis Drake. L.: Usbome, 2007.

Crompton S. E., ***Goetzmann W. H.*** Francis Drake and the Oceans of the Worlds. Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2006.

Cummins J. «That golden knight» Drake and his reputation — explorer Sir Francis Drake — Cover Story//History Today. 1996. Jan. P. 14–21.

Cummins J. Francis Drake: The Lives of a Hero. N. Y.: St. Martin's Press, 1997.

Davidson G. Francis Drake on the Northwest Coast of America in the Year 1579: The Golden Hinde Did Not Anchor in the Bay of San Francisco. San Francisco: F. F. Partridge, 1908.

Delony T. A ioyful new Ballad or The obtaining of the great Galleazzo. L.: John Wolfe, 1588.

Documents Concerning English Voyages to the Spanish Main 1569–1580 / Ed. by 1. Wright. L.: Hakluyt Society, 1932.

Documents relating to law and custom of the sea / Ed. by R. G. Marsden. L.: Navy Records Soc., 1915–1916. Vol. 1—II.

Dudley W. D. Drake: For God, Queen, and Plunder. Washington: Bassey's Inc., 2003.

Elizabethan Adventurers Upon the Spanish Main. Adapted from the «Voyages» of Richard Hakluyt by Albert M. Hyamson. L.: George Routledge and Sons, 1912.

Elliot-Drake E. The Family and Heirs of Sir Francis Drake. L.: Smith, Elder, 1911.

Elton O. The Story of Sir Francis Drake. L.: T. C. & E. C. Jack, Ltd. 1907.

English Privateering Voyages to the West Indies, 1588–1595 /Ed.

by K. R. Andrews. Cambridge, 1959.

Fernandez-Armesto, F. The Spanish Armada: The Experience of War in 1588. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Fernandez Duro C. Armada espanola desde la union de los reinos de Castilla y de Aragon. Madrid: La Real Casa, 1896. T. 2, 3.

Fighting instructions, 1530–1816 /Ed. by J. S. Corbett. L.: Printed for the Navy Records Society, MDCCCCV.

Fissel M. Ch. English Warfare, 1511–1642. L.: Routledge, 2001.

Fox Bourne H. R. English Seamen under the Tudors. In Two Volums. L.: Richard Bentley, 1868.

Francis Drake, Privateer: Contemporary Narratives and Documents Selective and Edited by John Hampden. Alabama: University of Alabama Press, 1972.

Froude J. A. English Seamen in the Sixteenth Century. L.: Longmans, Green, and Co., 1896.

Froude J. A. The Spanish Story of the Armada and other Essays. L.: Longmans, Green, and Co., 1909.

Fuller Th. The Life of Sir Francis Drake /In: The holy state and the profane state. L.: William Pickering, 1840.

Further English voyages to Spanish America, 1583–1594: Documents from the Archives of the Indies at Seville illustrating English voyages to the Caribbean, the Spanish Main, Florida, and Virginia /Ed. by Irene A. Wright. L.: Hakluyt Society, 1951.

Gazzard H. «Manya Herdsman more disposed to Morne»: Peelr, Campion, and the Portugal expedition of 1589 //The Review of English Studies, New Series. Vol. 57. No. 228. P. 16–42.

González-Arnao Conde-Luque M. Derrota y muerte de Sir Francis Drake, a Corufia 1589— Portobelo 1596. Corufla, Spain: Xunta de Galicia, Servicio Central de Publicacidns, 1995.

Hakluyt's Collection of the Early Voyages. Travels, and Discoveries, of the English Nation. A New Edition, with Additions. L.: R. H. Evans, 1810.Vol. 111.

Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels, and Discoveries, of the English Nation. A New Edition, with Additions. L.: R. H. Evans, 1811. Vol. IV.

Hale J. R. The Story of the Great Armada. L.: Thomas Nelson and Sons, 1913.

Hammer P. E. J. Elizabeth's Wars: War, Government, and Society in Tudor England, 1544–1604. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003.

Hanson N. The confident hope of a miracle: the true history of the Spanish Armada. N. Y.: Vintage Books, 2006.

Harris H. J. Drake of Tavistock. Exeter: Devon Books, 1988.

Hart F. R. Admirals of the Caribbean. Boston, N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1922.

Harte W. J. Sir Francis Drake. L.: Society for promoting Christian knowledge, 1920.

Hervey F. The naval history of Great Britain: from the earliest times to the rising of the Parliament in 1779. Describing, particularly, the glorious atchieve-ments in the last war. Also the lives and actions of illustrious commanders and navigators. L.: Printed by W. Adlard, 1779. Vol. 1.

Hoogenboom L. Sir Francis Drake: A Primary Source Biography. N. Y.: Power Kids Press, 2006.

Howarth D. The Voyage of the Armada. The Spanish Story. L.: Collins, 1985.

Jewitt L. A History of Plymouth. L.: Simpkin, Marshall and Co.; Plymouth: W. H. Luke, 1873.

Johnstone C. I. Lives and voyages of Drake, Cavendish, and Dampier: including a view of the history of the buccaneers. Third edition /Christian Isobel Johnstone. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1837.

Journal of the House of Commons: Volumes 1–12 (1547–1699). L.: 1802–1803.

Kelsey H. Sir Francis Drake: the Queen's Pirate. L.: Yale University Press, 1998.

Konstam A., Dennis P. The Great Expedition: Sir Francis Drake on the Spanish Main 1585–86. Oxford: Osprey, 2011.

Kraus H. P. Sir Francis Drake: A Pictoral Biography. Amsterdam: N. Israel, 1970.

Lace W. W. Sir Francis Drake. N. Y.: Chelsea House, 2009.

Lane K. E. Pillaging the empire: piracy in the Americas, 1500–1750. N. Y.: M. E. Sharpe, 1998.

Lessa W. A. Drake in the South Seas /In: Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580 /Ed. by N. J. W. Thrower. Berkeley: Univ. of California Press, 1984.

Marley D. Wars of the Americas: A Chronology of Armed Conflict in the New World, 1492 to the Present. Santa Barbara: ABC–CLIO, 1998.

Marrin A. The Sea King: Sir Francis Drake and his Times. N. Y.: Atheneum Books for Young Readers, 1995.

Martin C. and Parker G. The Spanish Armada: Revised Edition. Manchester: Mandolin, 1999.

Martin P. Spanish Armada prisoners: The story of the Nuestra Senora del Rosario and her crew, and of other prisoners in England, 1587–97. Exeter: Exeter University Publ., 1988.

MasonA.E. W. The Life of Francis Drake. L.: Hodder and Stoughton, 1941.

Mattingly G. The Armada. Boston, Mass.; N. Y.: Houghton Mifflin

Harcourt, 2005.

McQuien T. P. Sir Francis Drake in English and Spanish Literature of the Sixteenth and Seventeenth Centuries. A Dissertation in English. Lubbock: Texas Tech University, 1973.

Mota F. Piratas en el Caribe. La Habana: Casa de las Americas, 1984.

Navigantium atque itinerantium bibliotheca, or, A compleat collection of voyages and travels consisting of above four hundred of the most authentick writers, beginning with Hackluit… and continued with others of note… relating to any part of Asia, Africa, America, Europe or the islands thereof, to this present time… also an appendix of the remarkable accidents at sea… together with the invention and use of the magnet, and its variation, &c. /Ed. by J. Harris. L., 1705. Vol.. 1,2.

New light on Drake: a collection of documents relating to his voyage of circumnavigation, 1577–1580 /Ed. by Z. Nuttall. L.: Hakluyt Society, 1914.

Newes out of the Coast of Spaine. The True Report of the honorable service for England, perfourmed by Sir Frauncis Drake in the moneths of Aprill and May last past, 1587. upon Cales… /Ed. by Henry Haslop. L.: W. How, 1587.

Nichols Ph. Sir Francis Drake Revived. N. Y.: P F Collier & Son Company, 1910.

Oakeshott W. Founded upon the seas; a narrative of some English maritime and overseas enterprises during the period 1550–1616. Freeport, New York: Books for Libraries Press, 1973.

Paige J. Sir Francis Drake: Circumnavigator of the Globe and Privateer for Queen Elizabeth. N. Y.: The Rosen Publishing Group, 2003.

Papers relating to the Navy during the Spanish War 1585–1587 / Ed. by Julian S. Corbett. L.: The Navy Records Society, MDCCCXCVIII [1898].

Parry J. H. Drake and the World Encompassed /In: Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580 /Ed. by N. J. W. Thrower. Berkeley: Univ. of California Press, 1984.

Pretty F. Sir Francis Drake's Famous Voyage Round The World. N. Y.: P F Collier & Son Company, 1910.

Prior S. All the voyages round the world, from the first of Magellan, in 1520 to that of Freycinet in 1820 /Coll. by Capt. Samuel Prior. N. Y.: William H. Colyer, 1848.

Quinn D. B. Early Accounts of the Famous Voyage /In: Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580 /Ed. by N. J. W. Thrower. Berkeley: Univ. of California Press, 1984.

Rise E. Sir Francis Drake, Navigator and Pirate. N. Y.: Benchmark

Books, 2003.

Rowse A. L. Drake's Voyage. Clevland: World Publishing Company, 1966.

Rowse A. L. The Expansion of Elizabethan England. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 2003.

Sanderlin G. The Sea Dragon: Journals of Francis Drake's Voyage Around the World. N. Y.: Harper and Row, 1969.

Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577–1580: Essays commemorating the quadricentennial of Drake's circumnavigation of the Earth /Ed. by N. J. W. Thrower. Berkeley: University of California Press, 1984.

Sir Francis Drake his voyage, 1595, by Thomas Maynarde, together with the Spanish account of Drake's attack on Puerto Rico / Ed. by W. D. Cooley. N. Y.: The Hakluyt Society, 1849.

Sir Francis Drake's Memorable Service Done Against The Spaniards in 1587. Written by Robert Leng, Gentleman, one of his co-adventurers and fellow-soldiers /Ed. by Clarence Hopper. L.: The Camden Society, MDCCCLXIII [1863].

Sir Francis Drake's West Indian voyage, 1585–86 /Ed. by M. Frear Keeler. L.: Hakluyt Society, 1981.

Spanish documents concerning English voyages to the Caribbean, 1527–1568: selected from the Archives of the Indies at Seville /Ed. by I. A. Wright. L.: Hakluyt Society, 1929.

Spate O. H. K. The Spanish Lake. Canberra: ANU E Press, 2004.

State Papers Relating to the Defeat of the Spanish Armada Anno 1588 /Ed. by John Knox Laughton. L.: The Navy Records Society, MDCCCXCV. Vol. II.

Sugden J. Sir Francis Drake. L.: Barrie and Jenkins, 1990.

The Drake Exploration Society /Founder and editor Michael Turner: http://www.indrakeswake.co.uk/Society/index.htm

The English Mercurie. Publ. by Authoritie. For the prevention of false Reportes. Whitehall, July 23d, 1588 /Imprinted at London by Christ. Barker, 1588.

The Expedition of Sir John Norris and Sir Francis Drake to Spain and Portugal, 1589 /Ed. By R. B. Wernham. Aldershot: Temple Smith, 1988.

The Last Voyage of Drake and Hawkins /Ed. by Kennet R. Andrews. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

The Naval Tracts of Sir William Monson in Six Books /Ed. by M. Oppenheim. L.: The Navy Records Society, MDCCCCXIII.

The Principal Navigations Voyages, Traffiques, and Discoveries of the English Nation. Vol. XII /Ed. by Richard Hakluyt. Glasgow: James MacLehose and Sons, MCMV.

The Principal Navigations, Voyages, Traffiques, and Discoveries of

the English Nation /Coll. by R. Hakluyt and ed. by E. Goldsmid. Edinburgh: E. & G. Goldsmid, 1887–1890. Vol. VI–XV1.

The Rare Travels of Job Hortop, an Englishman, who was not heard of, in three and twenty years' space. Wherein is declared the dangers he escaped in his Voyage to Guinea… L.: William Wright, 1591.

The World Encompassed by Sir Francis Drake, Being his next voyage to that to Nombre de Dios formerly imprinted; Carefully collected out of the notes of Master Francis Fletcher Preacher in this imployment, and divers others his followers in the same. L.: Printed for Nicholas Bourne, 1628.

The World Encompassed by Sir Francis Drake, Being his next Voyage to that to Nombre de Dios. Collated with an unpublished Manuscript of Francis Fletcher, chaplain to the Expedition. L: The Hakluyt Society, MDCCCLIV.

Thomson G. M. Sir Francis Drake. L.: Seeker and Warburg Ltd., 1972.

Tincey J. H. R. The Armada Campaign, 1588. Oxford: Osprey Publishing Ltd., 1988.

Turner M. In Drake's Wake. Vol. 2: The World Voyage. Boston: Paul Mould Publishing, 2006.

Unwin R. The Defeat of John Hawkins: A Biography of His Third Slaving Voyage. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1960; N. Y.: Macmillan, 1960.

Viera y Clavijo J. de. Noticias de la historia general de las islas de Canaria. Tomo tercero. Madrid: Bias Roman, MDCCLXXVI [1776].

Voyages and Travels mainly during the 16th and 17th Centuries. Vol. I /Ed. by C. R. Beazley. Westminster: Archibald Constable and Co., 1903.

Voyages of Elizabethan Seamen to America: Hawkins, Frobisher, Drake. Second edition /Ed. by Edward John Payne. Oxford: Clarendon Press, 1893.

Voyages of Drake and Gilbert /Ed. by Edward J. Payne with notes by C. Raymond Beazley. Oxford: Clarendon Press, 1925.

Wagner H. R. Sir Francis Drake's Voyage Around the World. Berkeley: J. J. Gillick and Co., 1926.

Walling R. A. J. A Sea-Dog of Devon. A Life of Sir John Hawkins. L.: Cassel and Co, MCMVII [1907].

White A. Sir Francis Drake. Devon's flawed hero. Launceston: Bossiney Books Ltd., 2003.

Whitfield P. Sir Francis Drake. N. Y.: New York University Press, 2004.

Williams N. Francis Drake. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1973.

Williamson J. A. The Age of Drake. L.: Adam and Charles Black,

1948.

Williamson J. A. Hawkins of Plymouth: a new history of Sir John Hawkins and of the other members of his family prominent in Tudor England. L.: Black, 1969.

Wood W. Elizabethan sea-dogs: A chronicle of Drake and his companions. New Haven: Yale University Press, 1918.

notes

Примечания

1

См. у Н. Гумилева: «Ватаге буйной и воинственной / Так много сложено историй, /Но всех страшней и всех таинственней / Для смелых пенителей моря — / О том, что где-то есть окраина…»

2

См. Словарь исторических, морских и иных специальных терминов в конце книги.